

Анатолий Снегур

Ключ

МРАМОРНЫЙ

Анатолий Снегур

КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ

Хроника Первого Забайкальского Урана

Издание третье

ЧИТА
«ЭКСПРЕСС-ИЗДАТЕЛЬСТВО»
2010

УДК 553.3/.4

ББК 24.126

С 53

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ СОДЕЙСТВИИ АДМИНИСТРАЦИИ
МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА «КАЛАРСКИЙ РАЙОН»
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ**

Ответственный за выпуск **Светлана Леонидовна Рошкова**,
заместитель главы муниципального района «Каларский район»

Научный консультант **Алексей Александрович Демидов**,
старший научный сотрудник ВНИИЭФ – РФЯЦ (г. Саров)

Фото **Александра Барина**,
Сергея Вояковского, **Виталия Орлова**,
Сергея Козлова, **Бориса Хоментовского**,
ВСЕГЕИ (г. Санкт-Петербург),
а также из архивов автора

Использован фрагмент «Туристической карты»
ФГУП Забайкальского АГП, 2007 год

С 53 **Снегур А.Е.**

Ключ Мраморный. Хроника Первого Забайкальского Урана.– 3-е издание.– Чита: Экспресс-издательство, 2010.– 272 с.: ил., 64 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-9566-0257-7

Третье издание книги известного журналиста, дополненное и переработанное в соответствии с пожеланиями и предложениями читателей.

УДК 553.3/.4
ББК 24.126

ISBN 978-5-9566-0257-7

© Снегур А.Е., 2010

© ООО «Экспресс-издательство», 2010

ПРИМЕЧАНИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

«Надеюсь, что рассказ о том, чем третье издание отличается от второго, что нового в нём, будет обязательно», – пишет мне москвичка, сотрудник Института географии Российской академии наук Татьяна Давидовна Александрова в ходе рецензионной подготовки этой книги. Очень уместное и своевременное замечание.

Новое издание появилось потому, что давно нет ничего (кроме ксерокопий, что изготавливает и распространяет московский книжный магазин «Русская деревня») от первого издания. Практика показала, что и 500-экземплярное второе издание оказалось очень недостаточным, особенно для забайкальцев. Это издание уже окрестили саровским, поскольку и инициатива его, и организация, и финансирование, и полиграфия, и распространение, и первая презентация – всё было в руках специалистов Федерального ядерного центра. Они, кстати, первыми выдвинули и идею третьего издания. Но этот этап взяли под своё «крыло» уже забайкальцы. И надо сказать прямо и откровенно: третье стало менее саровским, но более приземлённым, местным, забайкальским.

В это издание добавлен целый ряд новых тем-глав, особенно в разделе геологоразведки. В нём гораздо масштабнее показаны люди – творцы Первого Забайкальского Урана и условия их поистине героического подвига, обстоятельства открытия первого российского уранового месторождения. Но главное – это издание должно помочь удовлетворить читательский спрос на тему, которая оказалась и сегодня такой актуальной. Читатель после второго обрушил на автора настоящую информационную лавину, параллельно запрашивая и новое издание. Читателю надо идти навстречу, но и повиниться перед ним за то, что далеко не все предоставленные автору в 2009 году материалы вошли в эту книгу. Есть у неё рамки, масштабы. Информации, что рвётся в свет, много, но она, к сожалению, упирается в безденежье, что ограничивает издательские возможности.

Основные детали, предысторию изданий вы можете найти в главе «КАК РОЖДАЛИСЬ ЭТИ СТРОКИ».

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

КАК РОЖДАЛИСЬ ЭТИ СТРОКИ?

Все они, эти страницы, собранные под флагом-обложкой «КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ», посвящены Первому Забайкальскому Урану.

Уран – главный герой этой книги. Везде (кроме цитат) он обозначен только заглавными, прописными буквами. Надеюсь, читатель простит мне такую вольность, согласится с нею.

* * *

Первое слово будущим, знакомым и незнакомым, читателям, чьи письма занимают очень видное место в моём архиве. Хочу сразу, на первой странице, повиниться перед читателем вот в чём. Будут названы многие десятки фамилий, но не у каждой рядом окажутся имя-отчество в полном написании. Не думайте, что это небрежность автора. Объяснение простое: мне они пока неизвестны. Как говорится, что есть, то пока и возьмём.

Шаврин М.И., *Житомирская область, 1989 год:*

«Работал я на Кодарском тоннеле в Читинской области (это баумовский тоннель, время его проходки – первая половина 80-х годов. – А.С.). Так вот, местные добывали там Уран ещё до железной дороги. Но добыча была малоэффективная, с очень дорогой доставкой. Шахту закрыли, но людей обратно не вывезли. Потому что тайга, самолётом дорого. И, наверное, опасались. Так вот, на том месте, где был лагерь, нет могил. А куда девались люди, люди всякие, невинные? На том месте только остались шурфы да шахты. Прошу расследовать и разузнать о судьбах тех людей. Может, они где в шахтах захоронены?..»

Ещё письмо читателя-читинца, назвавшегося **Василием Ивановым** (сообщившего одновременно все свои подлинные «реквизиты» – фамилию, имя, отчество, адрес, телефон, но не желавшего, чтобы о его зековском положении знал широкий круг):

«Я давний подписчик газеты «Забайкальский рабочий», корреспондентом которой являетесь вы... С некоторых пор стал замечать, что вы увлечены прошлым вашего северного края и особенно существованием лагерной системы, так называемого

ГУЛАГа. Сейчас эта тема занимает умы многих людей и особенно людей вашей журналистской профессии. Они особенно падки на эту призрачную тему, всё ищут места гибели мнимых жертв политических репрессий. Вот и вы ищете несуществующую железную дорогу, копаетесь в архивах, стараясь во что бы то ни стало найти какую-нибудь, хоть бы маленькую сенсационную новость. Вы перекопали тысячи страниц архива и не нашли ничего сенсационного, Но чтобы не упасть с этого конька, вы вычитываете что-то между строк архивных документов, а это значит, что вы высасываете какие-то факты и преподносите их читателю как что-то важное, а по существу придуманное вами. Скажу вам совершенно убедительно, что ничего того, о чём писала в своё время «Комсомольская правда», вы на нашем севере не найдёте. Никаких лагерей смерти, то есть массовой гибели вымышленных политических жертв, у нас не было. Что касается Борских лагерей системы ГУЛАГа, то я могу вам сказать совершенно достоверно. Да, такой лагерь действительно существовал, и я был одним из узников этого лагеря, находясь на точке «Мраморный ключ» с июня 1949 года по день его закрытия. Сразу же заявляю вам, что за мою бытность там не было у нас ни одного политического заключённого, не было ни единого случая побега, даже попытки к побегу и уж тем более расстрелов...»

Василий Иванов довольно подробно рассказывает о Борском лагере – об условиях содержания, питании, медицинском обслуживании, работе, режиме, и к его письму мы вернёмся ниже. А вот эти его строки нужны здесь:

«Всё, что написала однажды «Комсомольская правда» о Мраморном ущелье, в большей части ложь и досужий вымысел. Я писал ей подробное опровержение, но КП на него не отреагировала; хуже того, она продолжала печатать материалы всё в том же духе. Видимо, для неё показания непосредственных участников тех далёких событий не пришлись по душе и она решила отмолчаться. Наверное, и ваши труды в этом направлении тоже станут сенсационными только для несведущего обывателя. Ничего большего, предельно достоверного вы не найдёте в архивах про Борский ИТЛ и, в частности, про Мраморное ущелье. Всё то, что вы находите между строк этих архивных документов, вам не удастся увязать с политическим террором. Борские лагеря просуществовали всего около пяти лет и были организованы с единственной целью – добычей урановых руд. Политические ре-

прессии были значительно раньше и к Борским лагерям никакого отношения не имеют. Борские лагеря были чисто исправительными. Я, например, имел срок 15 лет по Указу ПВС (Президиума Верховного Совета.– А.С.) СССР от 6 июля 1947 года. Ни одного безвинно осужденного среди нас не было. Все имели сроки за конкретно совершённое преступление...»

Как-то комментировать эти письма пока не буду. Нам придётся не раз обращаться и к другим. Эти же, первые попавшиеся, приведены для того, чтобы показать, в какой обстановке рождались страницы «Ключа Мраморного». Именно такие читатели, отстаивающие свою точку зрения, и помогают автору, журналисту в новых, дальнейших поисках, помогают искать правду и отстаивать её. Вы уже поняли, что «Ключ Мраморный», являющийся пока наиболее полной и ёмкой публикацией о Первом Забайкальском Уране, не претендует на окончательную и безусловную истину; это лишь промежуточный этап в большущем поиске. Давайте будем помнить, что и сегодняшний Уран окружён немалыми тайнами.

Самое время познакомиться с письмом, что явилось наиболее заметным толчком ко второму изданию книги:

«20.11.2006. Пишет Вам Демидов Алексей Александрович – коренной житель г. Сарова (бывший Арзамас-16) Нижегородской области. Мне 46 лет, я старший научный сотрудник РФЯЦ – ВНИИЭФ. Вашу книгу «Ключ Мраморный» мне передал начальник саровской станции туризма Баринов Александр Вениаминович. Я вместе со своим старшим сыном Володей участвовал в экспедиции “Кодар-2002” под его руководством с посещением Мраморного. Вот уже более четырёх лет мы собираем информацию об участии группы альпинистов под началом Любови Яковлевны Пахарьковой в Урановом проекте СССР. Воспоминания одного из участников этой экспедиции – выдающегося советского альпиниста Аркина Якова Григорьевича приведены в Вашей книге.

Вашу книгу я просто “проглотил”, потом сделал ксерокопию и перечитал с карандашом в руках. Скажу Вам прямо: первый раз вижу журналиста, который может, как научный сотрудник, столько времени провести в архивах и действительно хочет максимально, по мере возможности приблизиться к истине. Вы изучаете архивы МВД снизу, а мы рассекреченные документы Атомного проекта СССР, в том числе из архива Президента РФ, как бы сверху, двигаясь навстречу друг другу. У меня много замечаний и дополнений по Вашей книге, но главное – до-

кументы на уровне Берии и Сталина по открытию, освоению и закрытию Ермаковского месторождения свинца и Ермаковского рудоуправления. В ближайшее время сформирую для Вас и пошлю вам почтовый пакет. Думаю, второе издание Вашей книги будет просто потрясающим. Надеюсь на плодотворное сотрудничество!..»

Скажу сразу: такое сотрудничество получилось, результатом чего и стало второе издание «Ключа Мраморного». И это была уже не книжка, а настоящая книга.

И вот ещё одно письмо, полученное мною уже после второго издания книги:

«Вам пишет Владимир Германович Тимофеевский, по образованию учитель английского языка и истории. Мои увлечения – краеведение, филателия, фотография, видеосъёмка. Очень люблю свою родину – город Саров. Мои родители – мать Валентина Васильевна и отец Герман Сергеевич приехали в город Кремлёв (тогда по адресу: Москва, Центр-300). Они не знали, куда их привезли на работу. С тех далёких пор они, как и тысячи других известных, малоизвестных или никому неизвестных людей, трудились над созданием атомного и ядерного щита СССР и России. У обоих образование – авиационный техникум и Московский физтех, по которым их и завербовали в “Москву, Центр-300”. Мой дед Василий Иванович (ныне покойный) решил таки съездить к упрямой дочери, чтобы увидеть своими глазами, где она живёт и как работает и почему не отвечает в письмах на прямо поставленные вопросы. Он взял большую корзину, наполнил её всяческой снедью и поехал в столицу. Там он долго ходил и искал адрес, спрашивая то милиционеров, то прохожих. В адресном столе, увидев штемпель на конверте, присланном дочерью, ему предложили обратиться на Главпочтамт. Там он долго ждал ответа, пока к нему не вышел человек в штатском и не пригласил за перегородку из стекла. “Вот что, дедушка, – сказал он. – Забирайте-ка письмо с корзиной и поезжайте быстро домой! И не ищите здесь больше свою дочь! Её здесь нет. Она далеко отсюда, а чем занимается – знать никому не положено!” Так мой дед и вернулся – расстроенный и опустошённый. Собрал всю родню и строго наказал больше ничего и нигде лишнего не болтать. Три года моих родителей не выпускали из города, тогда просто “объекта”, в отпуск на родину, к родным. Отец награждён орденом «Знак Почёта» за выполнение важного правительственного задания. Они с мамой всегда были “молчаливы-

ми людьми”. Я поздно узнал, что это за город, кто в нём жил и творил, совершая подвиги земные и натушчные. Закон о гостайне действовал ох как широко и выполнялся ох как чётко и строго! Вот и сегодня для меня стало открытием то, что я прочитал в Вашей книжке с таким прекрасным и поэтическим названием “Ключ Мраморный”. Я об этом ничего не знал, а теперь ЗНАЮ. Спасибо вам за это! И не только Вам, но и всем нашим энтузиастам-краеоведам, особенно Алексею Демидову. 29 августа, в день 60-летия успешного испытания первой отечественной атомной бомбы, я подарю второй экземпляр книги своим родителям. Ваша книга читается словно это какой-то документальный детектив. Она как будто увлекает за собой! Ещё раз Вам спасибо! Спасибо всем тем, кто в таких трудных условиях свершил в те далёкие времена трудовой подвиг, создавая ядерный щит СССР, – от альпинистов и геологов до заключённых и военных, рабочих и учёных. И, конечно, надо отдать должное Лаврентию Павловичу, который курировал Атомный проект. Что-что или кем-кем, а менеджером он оказался просто превосходным! Так что Вы и Ваш край – тоже часть Советского Атомного проекта. И это здорово!..»

Нынешняя Читинская область (с 1 марта 2008 года – Забайкальский край) по запасам и добыче ядерного сырья стала ведущей не только в России, но и на мировом рынке в целом. А начинался этот приоритет в горах Кодара и Удокана – в хребтах, на которых держится современная слава Читинского Прибайрья. В «Забайкальском рабочем», что к теме кодаро-удоканского Урана обращается чаще всех (за период после 1988 года – около двадцати раз), однажды промелькнуло сообщение: «В конце 1948 года И.В. Сталину доставили и положили на стол большой кусок урановой руды и доложили, что открыт советский «Висмут» («Висмут» – советское предприятие на германской территории, крупнейший поставщик Урана для атомной промышленности социалистического лагеря в 40-е годы XX века.– А.С.)... Как оказалось, этот кусок урановой руды был доставлен с севера Читинской области с предполагаемого крупного месторождения...». Прелюбопытнейший, согласитесь, факт, что был выдан за подписью заслуженного геолога РСФСР, доктора геолого-минералогических наук **Бориса Николаевича Хоментовского** (г. Краснокаменск Читинской области, 1999 год). К той его публикации мы тоже

вернёмся, когда поведём рассказ об уходе и минатомщиков, и ГУЛАГа с Кодара и Удокана. А сейчас уместно напомнить, что самый первый советский ядерный взрыв прогремел в августе 1949 года. Вряд ли к нему поспело читинское атомное сырьё. Сомневаться же в том, что оно использовалось в последующих испытаниях, что оно играло свою роль в атомной гонке СССР-США, не приходится. Но в какой мере, в каких конкретно взрывах – это были вопросы без ответов.

Тема Урана, тем более своего, близкого, привлекательна, захватывающа. В моём архиве есть и письма ветерана удоканской геологоразведки читинца **Валентина Николаевича Самойленко**. Его кодаро-удоканские маршруты 60–70-х годов частенько пересекались, а то и накладывались на почти горячие следы искателей нашего первого Урана. Валентин Николаевич приводит убедительные данные о размахе поисковых и добычных работ, их широкой географии. Ценнейшая информация! Думалось, что хранилище её где-то за тридевять земель, а оно рядом с нами. И свои письма он закончил так: «Чем ещё могу помочь вам и истории?» Как же не сказать спасибо такому человеку и здесь?!

«По большому счёту в истории Борского исправительно-трудового лагеря (ИТА) для нас сегодня нет белых пятен, чего пока не скажешь о Ермаковском свинцово-рудном предприятии, ради которого и был развёрнут лагерь – поставщик рабочей силы. Нам ещё предстоит разгадывать тайны каларского “свинца”, для чего есть надёжный трамплин – читинский Уран был использован для первых советских атомных испытаний, которые в Ядерном проекте СССР занимают, понятно, особое место», – строки из первого издания этой книжки. Но прошли годы, ситуация с гласностью и нашей информированностью в корне изменилась, в чём читателю тоже предстоит убедиться.

Наверное, пора сказать и о том, почему для этой хроники избран именно такой заголовок – «КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ».

Первая волна публикаций об этом Уране, его разведчиках и добытчиках в местной и центральной печати прокатилась в 1988–1989 годах. Каких только страстей и сенсаций не выкинули в тех строчках брата-журналисты! Оно и неудивительно, поскольку то были первые публикации из ранее запретной темы. До июня 1989 года абсолютно все они были построены на воспоминаниях лиц, так или иначе соприкоснувшихся с Мрамор-

ным ущельем. В печать попало очень много ошибочных фактов и противоречивых наблюдений, что тоже понятно – память человеческая, даже самая гениальная, несовершенна. Редакции «Забайкальского рабочего» удалось первой найти адрес хранения оставшихся документов по теме Мраморного, пробиться к ним и основную информацию опубликовать.

Все первые публикации так или иначе расписывают Мраморное ущелье, все события и люди привязываются к нему. Но в архивных документах понятия «Мраморное ущелье» нет вообще. В составе Борского ИТЛ был «отдельный лагерный пункт Мраморный ключ (ОЛП № 2)» – лишь один из десяти, что входили в это учреждение ГУЛАГа. Один из десяти! И давайте помнить об этом. Основная часть лагерных подразделений действительно была на Кодаре, но были и в соседней Чарской долине, и одно даже в Могоче, что в шестистах километрах от базы лагеря. А первые публикации всю «славу» свалили только на Мраморное ущелье, ключ Мраморный. Он и значится на обложке и титульном листе этой хроники. Потому что с него начиналась читинская Урановая история, он был центральным звеном и Борского ИТЛ, и Ермаковского предприятия, и геологоразведки, что появилась здесь годом раньше.

Многие десятки специалистов в той или иной отрасли помогали и «Забайкальскому рабочему», и мне лично в поисках по теме кодаро-удоканского Урана. И эти люди в ходе нашего повествования будут названы. Понятно, высшая благодарность тем, кто первым брался за издание этой хроники, – творческой мастерской Фёдора Николаевича Машечко. И не хватает слов, чтобы выразить особую благодарность коллективу издательства «Поиск», прежде всего Надежде Давыдовне и Олегу Афанасьевичу Димовым, кто на свой страх и риск, на свои средства завершил тот этап «КЛЮЧА МРАМОРНОГО».

Конечно же, издательство, получив рукопись с таким содержанием, не могло запустить её в дело без ведома компетентных лиц и органов. И вот одна из рецензий, которую позволю себе дать в полном виде, – в ней много нужной нам информации. Автор её полковник КГБ – ФСБ в отставке, член Союза журналистов России **Алексей Владимирович Соловьёв**:

«ОТКРЫТА ЕЩЁ ОДНА НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА. Книга Анатолия Снегура «КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ». Хроника Первого Забай-

кальского Урана» – итог многолетней упорной исследовательской работы с документами, научными трудами, воспоминаниями и очевидцами. Открыта ещё одна неизвестная страница истории Забайкальского севера. Открыта талантливо и объективно, с любовью к неповторимой, величественной и нежной природе, с сочувствием к людям. И если говорить о приоритете открытия тайны «Мраморного ущелья», то первенство следует отдать не Р. Кахорову и В. Сунгоркину, статьи которых носили поверхностный характер и заказной политический оттенок, а А. Снегуру, документально доказавшему, что создание Борского исправительно-трудового лагеря и Ермаковского свинцового рудоуправления диктовалось насущными задачами укрепления обороноспособности страны, ещё не залечившей страшные раны войны. Читатели сами убедятся в этом.

У истоков поиска автора по теме кодаро-удоканского Урана стояли начальник УВД Читинского облисполкома В.А. Шишкин, его старший референт В.А. Тарасов, руководитель Читинского комитета природных ресурсов И.А. Московец и его сотрудник Л.М. Алферьев, секретарь Каларского райкома КПСС А.П. Щербак и ещё несколько человек, о которых А. Снегур не имел информации.

Когда в январе 1989 года в «Комсомольской правде» появилась статья о Мраморном ущелье, из отдела пропаганды ЦК КПСС в Читинской обком последовал звонок. Оказалось, что в центральных архивах КГБ и МВД не было документов о лагерях на Забайкальском севере. Документы находились в архиве УВД, причём об одном лагере, который и был единственным. По договорённости с В.А. Шишкиным начальник УКГБ генерал Геннадий Петрович Горбачёв поручил мне, а я был его заместителем, изучить архивные документы. Я могу представить переживания Анатолия Снегура, когда он, читая сухие, не всегда грамотные строчки документов, пропускал через своё сердце страдания и судьбы несчастных узников, которые, сами не зная того, совершали трудовой подвиг во имя безопасности своей суровой Родины.

Секретарь обкома партии Нина Васильевна Гуськова поддержала предложение руководства УКГБ и УВД об ознакомлении с архивом спецкора «Забайкальского рабочего» А. Снегура, которого знал В.А. Тарасов и охарактеризовал как объективного и способного журналиста. Остаётся добавить, что В.А. Тарасов был офицером госбезопасности, которого направили в УВД для решения задач взаимодействия.

Спасибо Анатолию Снегуру за его великий труд. Он продолжает поиск. Успехов ему в этом благородном деле».

«Вчера был у меня телефонный разговор с издательством “Поиск” уже на новом этапе: “Надежда Давыдовна, выручайте, нужно хотя бы два-три экземпляра книжки. Из тех пятидесяти, что я получил в счёт гонорара, остался только один. Вы лучше всех знаете, где она могла сохраниться. Мне они нужны, чтобы найти контакт с новыми спонсорами”. – “Да вы что, их давно нет, а звонки и просьбы помочь приобрести хотя бы один экземпляр всё приходят”. – “Если получится эта операция, вы возьмётесь за книгу?” – “Конечно же, и удач вам в этом деле”. Так я писал 2 февраля 2007 года, когда начиналась подготовка второго издания.

Да, интерес к изданному «КЛЮЧУ МРАМОРНОМУ» оказался довольно неожиданным. Он не только вызвал к жизни десятки писем, пришедших в мой адрес, увесистые бандероли с новыми материалами, которых так не хватало на том этапе, но и окончательно подтолкнул к подготовке второго издания. И как не называть ведущих «виновников» этого! Ими стали сотрудники Российского федерального ядерного центра (город Саров) и прежде всего Алексей Александрович Демидов, и хозяйева нынешнего Забайкальского Урана (город Краснокаменск) и прежде всего Борис Николаевич Хоментовский.

Уже вскоре после появления второго издания «Ключа Мраморного» мне пришлось выступить в «Забайкальском рабочем» (5.11.2009). Вот основные фрагменты той публикации:

«Куда стремится “КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ”?»

В феврале 1989 года «Забайкальский рабочий начал заниматься темой Мраморного ущелья, которая вскоре переросла в историю первого забайкальского Урана. На наших страницах опубликовано немало соответствующих статей, под эгидой газеты и при полном материальном обеспечении читинского издательства «Поиск» в 2005 году была выпущена книжка «КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ». Но это ничуть не ослабило вал новой информации, скорее наоборот, чему, кстати, очень способствовало рассекречивание многих документов Атомного проекта СССР и ГУЛАГа. В распоряжении редакции оказался и основной архив Ермаковского рудоуправления и Борского исправительно-трудового ла-

геря, что выдали миру первый забайкальский Уран. Издательскую эстафету подхватил всероссийский ядерный центр (г. Саров Нижегородской области), и в текущем году вышло второе издание «Ключа Мраморного». Первое было расширено более чем в два раза, весьма существенно обновлено и по форме, и по содержанию. Это была уже настоящая книга, с помощью которой, казалось, можно поставить в теме точку. Увы!

Парадом, скажем так, командует читатель. Это прежде всего он решает, что и в какой мере из новой информации получит редакция. Это он определяет, быть второму изданию или нет, и если быть, то как запустить его в производство, как распространить и т.д. Это он уже поднимает голос в пользу издания третьего. Не перебор ли это?

Ситуация любопытная. Издание первое «Ключа Мраморного» давно стало редкостью. 100 экземпляров второго издания, что саровцы выделили Каларскому району, враз разошлись. Ничего не осталось и там. Только заначка, по моим сведениям, что покоится рядом с образцами руды первого российского Уранового месторождения, каковым стало наше кодарское, Мраморное. А запросов всё больше и больше, много адресов-писем из зарубежья.

Саровцы на презентации первыми затеяли тему ТРЕТЬЕГО издания. Тогда ещё не было решения о дополнительном тираже. Но и на сей день решение о нём не снимает инициативу саровчан, что вполне очевидно. Ширится обвал новой информации. Да какой! Крепнет вывод: как можно было выпускать в свет второе издание (не говоря уж о первом), не имея всех этих новинок, не имея этой информации? Пришлось открыть электронную папку «КЛЮЧ+++» и сваливать туда всё, что поступает из Питера и Москвы, Читы и Иркутска и т.д., в т.ч. уже и фотоснимки, о которых вчера и думать было страшновато. В нашей теме секретов почти не осталось, что, в частности, и подталкивает информационный обвал. Люди Атомного проекта СССР устали молчать, стараются забыть о подписках по неразглашению.

Пока нет ясности-конкретности, что делать с этим обвалом. Но моя журналистская практика (а ей сорок четвертый год) убеждает, что читателя бросать не надо, что слово читателя, особенно если он так активен, как в данном случае, – закон. Речь ведь идёт о том, чтобы на примере Ермаковского рудоуправления и Борского лагеря показать северочитинский локальный проект как одну из составляющих громадного Атомного проекта СССР

в наиболее полной мере. Наверное, это неплохая идея, коль она родилась и набирает силу. Об этом, кстати, достаточно сказано в федеральном ядерном центре (г. Саров). Со Снегуром или без него, но новое издание, капитально переработанное и по содержанию, и по форме, будет. И это уже объективная необходимость.

Итак, закрыть тему читатель не позволит, его активность, убеждает практика, значительно прирастает. Поэтому самое время подумать о том, что предпринять далее. Нет сомнения, требуется прежде всего оценить предыдущие издания. Разных «ура» уже более чем достаточно. Нужно вскрыть все ошибки и недостатки изданий, каковы, конечно же, есть: их просто не могло не быть при разработке новой темы. Редакции известны специалисты, отлично знающие тему и в теории, и в практике. Мы имеем в виду прежде всего Бориса Николаевича Хоментовского (г. Краснокаменск), Владимира Петровича Зенченко (г. Иркутск), Сергея Константиновича Вояковского (г. Санкт-Петербург), Алексея Александровича Демидова (г. Саров), Владимира Николаевича Павлыку (г. Чита). Все они, кстати, оказались первыми читателями второго издания «Ключа Мраморного», все они уже высказали своё мнение об издании, но лишь в упомянутом направлении.

У книги, думается, должен остаться подзаголовок «Хроника Первого Забайкальского Урана». Но за Первым был и есть Второй – краснокаменский, занявший такую роль и в России, и в мире. Краснокаменску в новом издании должно быть выделено особое место. Хотим мы того или нет, а есть Урановая связь между Читинским севером и его югом.

Тема шерловогорского Урана затронута во втором издании неслучайно. У нас пока нет большей информации, чтобы раскрывать её. Но эта информация наверняка есть у читателя. И уж если мы говорим о Первом Забайкальском, то о Шерловой Горе надо сказать решительнее, определённое. Тем более, что география Первого Забайкальского под давлением новой информации ширится очень даже заметно (он уже не только кодарский, но и удоканский, и каларский). И забыть Шерловую – нельзя.

И люди, люди этого локального проекта. Как их не хватает в предыдущих изданиях! Ведь ещё можно восстановить имена, отчества, фамилии, должности и пр. Давайте и это благое дело свершим!

На Читинском севере, по нашим понятиям, разворачивается второй массовый и широкий Урановый поиск (Сосновгеология,

ВСЕГЕИ). В крае нашем живёт-здравствует Краснокаменск – лидер этой отрасли. Наверное, нам будет не совсем комфортно, если во главе дел издательских вновь окажется Саров? Новое издание, думается, очень даже согласуется с тем, что делается сегодня на Читинском севере, с тем, что происходит сегодня с Атомным проектом СССР».

Первым и очень оперативно откликнулся на это выступление газеты **Геннадий Георгиевич Богданов** – директор читинского издательства «Экспресс». Он, в частности, писал:

«Прочитал твой крик души по Мраморному. Присылай – подумаем что делать. По “Ключу Мраморному” надо обязательно продолжить разговор с читателем. С разных позиций: месторождения, лагеря, перспектив. Думаю, уместно связаться с архивом ФСБ. Когда получу последнее издание – быть может, что-то присоветую, хотя не собираюсь лезть со своими советами. Что касается финансов, пойдём по миру с протянутой рукой. Что-то северяне подкинут, что-то у заинтересованных людей получим. И, разумеется, свое плечо надо будет подставлять. Попробую связаться с Краснокаменском, однако на помощь вряд ли получу отклик».

Не трудно представить мою реакцию. Конечно же, после такого заинтересованного отклика нужно было вновь стыковаться с Мраморным поближе и работать, работать.

Ермаковское рудоуправление, Борский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа, о которых и пойдёт речь в нашей книге, – это Атомный проект СССР 40–50-х годов прошлого века в миниатюре, в местном, скажем так, масштабе. Я в нужной мере знаком и с другими составляющими того союзного проекта. Но такой уникальной по многим показателям, каковой мне видится сейчас каларская, не попадалось. Давайте познакомимся с нею, этой маленькой составной частью громаднейшего Атомного проекта.

И ещё к этой главе. Был недавно на тындинских торжествах по случаю так называемого 35-летия БАМа. За трое суток с кем только не говорил на тему о том, что БАМу уже как минимум 75. Все соглашались, многие недоумевают, почему так называется праздник. А два-три видных участника торжеств сказали мне: «Да ведь там были заключённые, они начинали БАМ, а потому...» – «Что же, говорю, заключённые – не наши люди, что, они строили не БАМ?» Молчат мои оппоненты. Ну и пусть молчат. Лично моему БАМу уже 75 и даже более. И я очень доволен им, что он и в семьдесят пять стремится помолодеть, то есть поработать всласть.

Почему я обратился к бамовским юбилеям? Да потому, что и в нашей сегодняшней теме заключённых вполне хватает. Кто может, вспомните, с чего и как открывалась тема ключа Мраморного. Только «зеки, зеки и зеки», и никого более. И хоть бы один из той журналистской братии заикнулся о том, что именно эти люди пришли на первое российское урановое месторождение, что именно эти люди были ведущей рабочей силой и добыли самый первый забайкальский Уран, ставший впоследствии и остающийся сегодня марочной продукцией Забайкалья. Именно доказательство этого, показ этого и были моей главной задачей в теме.

Всё новая и новая информация ложится на мой стол. Понятно уже, что вся она не войдёт в новое издание (есть разные рамки, прежде всего финансовые). Надо отобрать лучшую, наиболее полезную. Уже неплохо знаю своего читателя и надеюсь эту задачу решить. Но не думаю, что надо прекращать поиск. Тем более не надо перекрывать читательское желание высказаться, внести в тему что-то своё. И вот ещё фрагменты одного любопытного письма, полученного в декабре 2009 года от старшего научного сотрудника Российского федерального ядерного центра **Алексея Александровича Демидова**:

«В середине ноября встречался с Ф.М. Гудиным (это руководитель экспедиции, готовившей ядерный взрыв на Удокане в 1965 году. – А.С.), подарил ему “КЛЮЧ...” для работы. Он вышел на пенсию, но ведет большую общественную жизнь, выступает с воспоминаниями на местном радио... Я немного рассказал ему об экспедиции “Кодар-2009”... Он заметно расстроился, когда узнал, что Наминги как поселка уже нет... Договорились более обстоятельно встретиться, когда он прочитает книгу и изложит свои соображения по книге письменно.

...Хочу рассказать об одном эпизоде по истории Вашего “Ключа...”. Набрал на поисковике в Интернете “Ключ Мраморный”. Выскочил в Москве – магазин редкой книги “Русская деревня”. Всего за 303 рубля предлагают ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ “Ключа...” Платите на счет, и тут же пришлем! Страшно обрадовался! Ну, думаю, порадуя Емельяныча. Быстро оплатил и через неделю получил... КСЕРОКОПИЮ КНИГИ, сделанную на цветном принтере и «любовно» склеенную вручную! Раритет! Сначала разозлился! Тройное преступление: обман потребителя, нарушение

авторских прав, дискредитация издательства - читинского «Поиска». Но затем – рассмеялся! Надо же!? Емельяныч в таком фаворе, что «московские жулики» подделывают его книгу и рассылают по всему МИРУ!!! (Хочу поправить своего корреспондента: не Емельяныч в фаворе, а тема, тема Мраморного, ставшего известным действительно по всему туристскому и даже деловому миру. – А.С.) Поговорил со своими краоведами. Они мне: Алексей, ты получил информацию, которую хотел? – Да. – Тогда скажи спасибо! (Я-то знаю, что такое первое издание, держал его почти год в руках и хотел иметь именно его, а ксерокопий этого издания я и сам сделал в черно-белом варианте несколько штук для рассылки интересующимся лицам!) Незнающие люди получили и рады. Отсылаю вам по этому поводу более подробную информацию присоединенным файлом.

Теперь немного по поводу третьего издания... Сам непрерывно думаю о нем... В ближайшее время постараюсь приобрести и выслать Вам 2-ю, 3-ю и 4-ю книги второго тома рассекреченных материалов Атомного проекта СССР (1-я и 5-я у Вас есть). Без них очень трудно представить общую картину создания Урановой базы СССР! А это, на мой взгляд, основа третьего издания «Ключа...» Мало кто знает, что на «Висмуте» в 1949 г. трудилось 140 тысяч человек, а из 33-х Героев Соцтруда, получивших это звание после испытания первой нашей атомной бомбы – 7–8 уранщиков (надо уточнить)! Это больше, чем Героев – сотрудников КБ-11, непосредственно создававших и испытывших саму бомбу!

Невозможно обойти вниманием (теперь) репрессии, обрушившиеся на геологов СССР, которые долго не могли найти нужные богатые месторождения урана на территории СССР («саботаж» старых кадров). А ведь и это печальная история нашего Проекта...» Мой активнейший помощник из Сарова прислал и информацию о тринадцати сайтах Интернета, что в той или иной мере рекламируют и распространяют «КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ».

Кстати, именно это письмо Алексея Александровича поставило решающую точку в размышлениях о том, какое внимание следует уделить каларской урановой геологоразведке в новом издании.

РАЙОН ОСОБОГО ЗНАЧЕНИЯ

У земли каларской большая и завидная биография. Попробуйте найти в громадной России другой административный район, послужной список которого отличался бы таким набором событий и перспектив союзного, а ныне федерального значения. Этот район – настоящий рай для краеведов, и они всегда стремятся отдать ему должное.

История в отношении земли каларской распорядилась очень даже причудливо. До 26 сентября 1937 года, до образования Читинской области, земля эта была вне пределов влияния Читы, вне Забайкалья в целом. Была она под эгидой Якутска, а потом Иркутска.

Якутский период этой территории начался с 1648 года. С севера, из Якутского острога, пришли на неё казаки Ерофея Хабарова и основали Чаринское зимовье. Это было самое первое русское поселение в границах Читинской области (ныне Забайкальского края). И все якуты, и немало каларских эвенков тоже пришли сюда с севера, из соседнего Олёкминского округа. История сохранила немало фактов о длительной вражде местных (витимских) эвенков и пришлых, о сражениях на том же Кодарском перевале (самый известный перевал в горах Кодара, соединивший Чарскую и Сюльбанскую долины, – перевал, под которым пробит бамовский тоннель).

До Октябрьской революции всеми делами (а они замыкались на сборе натурального налога – ясака) ведала Олёкминская инородческая управа. Потом, с 1917 года, было шестилетнее безвластие. И только в октябре 1923 года на земле каларской появились первые местные Советы. Но они, очень далёкие от Олёкминска и Якутска, были слабыми, чаще всего беспомощными. Территория практически оставалась ничейной. А потому её и прибрал под своё начало более близкий Иркутск.

Иркутский период земли каларской начался с 1926 года. В течение трёх последующих лет она входила в состав Бодайбинского района Иркутского округа Сибирского края. Потом, 15 декабря 1929 года, был организован самостоятельный Каларский район с центром Кетымяхта (ныне Китемяхта). Через год, согласно постановлению ВЦИК РСФСР, он вошёл в Витимо-Олёкминский национальный округ Восточно-Сибирского края, был в нём до образования Читинской области. И только тогда, с 1937 года, начался читинский период земли каларской.

Самая, пожалуй, заметная веха в этой истории – образование Забайкальского края в 2008 году по итогам референдума, в котором население двух субъектов РФ (Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа) высказалось за объединение. Этот очень сложный переходной этап возглавили губернатор Равиль Фаритович Гениатулин и председатель регионального Законодательного собрания Анатолий Павлович Романов.

Каларский район – самый северный и самый большой в Забайкальском крае. На его территории высшая точка Забайкалья (пик БАМ, 3073 м) и высшая точка Байкало-Амурской магистрали (1316,93 м), самая глубокая вода (озеро Ничатка), единственные в Забайкалье пустыня и ледники, читинские полюс холода (прииск имени XI лет Октября) и полюс снега (Чина). На этой земле три самых крупных в области хребта (Кодар, Удокан и Каларский), самые большие реки, в том числе и Калар, давший имя территории. В читинских масштабах она самая эвенкийская и самая якутская. Не только в крае, но и в России в целом вряд ли найдёшь ещё район, чтобы имел такой уникальнейший и по набору, и по содержанию реестр полезных ископаемых. Долгие годы район считался геологической меккой. Дело, несомненно, идёт к тому, что быть ему и меккой горно-добычной. Большую геологоразведку здесь начинал Иркутск в конце сороковых годов прошлого века, а Чита к этим поискам подключилась лишь в 1952 году: на Удокан, Апсат, Сулумат пришла по следам соседей.

В Читинскую область район пришёл абсолютно бездорожным, предложив ей только разветвлённую сеть таёжных троп. С помощью проложенного БАМа каларцы теперь без пересадки едут в Москву и Кисловодск. Сейчас лишь два населённых пункта района (в них проживает лишь около двух процентов каларцев) остались без железной дороги. Многие годы (но не в последние) росли протяжённость и качество автомобильных дорог. Не отличись иркутские и читинские геологоразведчики, в районе вряд ли появился бы БАМ (его трасса привязывалась к будущим объектам освоения, таким, например, как Удокан). И жалеть только приходится, что у всего этого богатства не было и пока нет умного и рачительного хозяина, что земля каларская больше потребляет, чем производит.

Из-за своей труднодоступности земля каларская долгое время оставалась вне исследовательских маршрутов. Первый заметный след здесь был проложен лишь в 1857 году А.Ф. Усольцевым, кото-

рый побывал в горах Кодара и Удокана, в Чарской долине и выдал миру весьма любопытные заметки об этом путешествии. Открытие золотоносных россыпей на Витиме дало толчок к новым исследованиям, была даже организована Витимо-Олёкминская экспедиция П.А.Кропоткина в 1866 году с задачей найти самый короткий путь с Ленских приисков до Читы. Но своей генеральной цели – пересечь хребет Кодар, Чарскую и Куандинскую долины – он не достиг, причина всё та же – труднодоступность. Но это вполне удалось Жозефу Мартену в 1883 году – первому иностранцу в Каларском районе. Дальнейшее изучение этой территории связано с именами А.П. Герасимова, Д.В. Никитина, Ф.П. Южакова, И.Н. Осипова, Н.А. Харитонова, Е.В. Павловского, И.А. Ефремова. Открытие первых месторождений в районе потребовало новых и более глубоких знаний о нём. Лесная и Удоканская геологоразведочные экспедиции, Удоканская изыскательская экспедиция – коллективы, что на этой территории ликвидировали самые большие «белые пятна». С БАМом в район пришли исследователи не только из сибирских городов, но и столиц. Были годы, когда вокруг Чары собиралось до тридцати экспедиций самых разных институтов страны, а иркутский институт географии развернул в Чарской долине даже свой полигон. Но сказать, что на земле каларской «белых пятен» больше нет, – значит пойти против истины. Не забывайте о её размерах и удалённости от центров, о её природе, что давно признана уникальной.

Район этот, утверждает практика, не хочет идти по испытанным административно-хозяйственным маршрутам, он почти всегда выбивается из общей колеи, он ищет колею свою. А как в таком деле без серьёзных исследований? К этому только один пример. Первым своим центром он назвал Китемяхту, потом была Кюсть-Кемда, потом стала Чара, потом начался перенос этого центра на станцию Новая Чара. Что бы это значило? Несомненно одно: не хватает нам знаний о своём районе.

В 1933 году вышло первое правительственное постановление о строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, в 1974 году – второе (уже партийно-правительственное). БАМ на сей день потребовал от высших директивных органов страны выпуска девяти документов, но именно два вышеназванных сыграли в истории района особую роль. После первого с конца 30-х годов на его территории начались широкомас-

штабные изыскательские работы; более того, эта территория стала базовой, стала трамплином для таких работ на 1300-километровом отрезке магистрали Нижнеангарск–Чара–Тында. После второй директивы продолжилось строительство БАМа, начатое ещё задолго до войны, развернулась прокладка основной его части – линии Лена–Чара–Тында, в ходе которой Каларскому району выпала честь принять «золотую» стыковку восточного и западного направлений стройки.

То был «звёздный час» земли каларской. Думается, первый, но не последний.

Довоенные каларские годы, конечно же, связаны и с коллективизацией. Численность колхозов в районе было невероятно большой, они возникали везде, где жили-трудилась северяне, прежде всего эвенки и якуты. Все эти хозяйства были малыми по численности работающих и маломощными по материально-технической базе, им не суждено было отмечать большие юбилеи. Но именно при колхозной системе ведущие отрасли района – оленеводство и пушной промысел – достигли своих рекордных показателей.

В 1928 году был открыт прииск им. XI лет Октября, с которого и ведёт свой послужной список горнодобычная (самая перспективная на сей день) отрасль района. Десятью годами позже при изысканиях на трассе БАМа геологи «БАМпроекта» М. Петруевич и Л. Казик открыли титан-ванадий-магнетитовое месторождение на Чине; этим был начат счёт каларских минеральных гигантов, в ряду которых сейчас и медный Удокан, и редкометалльный Катугин, и угольный Апсат, и железорудный Сулумат, и сынныритовый Саку, и водный Ингамакит.

И вот Великая Отечественная война, ставшая первым экзаменом для молодого района. Района, в котором ещё не было своего военкомата, большая часть населения которого (эвенки и якуты) была вообще освобождена от воинской повинности. Первый таёжный призыв ушёл на фронт в декабре 1941 года, а всего война взяла у района 648 человек – самых здоровых и работоспособных. Оставшиеся в тылу каларцы не только сохранили его ведущие отрасли, но и значительно расширили производство. Был организован местный фонд обороны, собранные им и отосланные на запад финансовые и материальные средства в пересчёте на население кажутся и сегодня невероятными.

Первые послевоенные годы для района весьма знаменательны. В 1948 году было открыто в горах Кодара первое российское Урановое месторождение – Мраморное, для отработки его и вполне возможных по соседству новых объектов в 1949–1951 были организованы и действовали в районе Ермаковское рудоправление и Борский исправительно-трудовой лагерь. Именно земля каларская выдала стране Первый Забайкальский Уран, который, в частности, был использован и в производстве первых советских ядерных устройств. В эти же годы был пробит самый протяжённый и тяжёлый к востоку от Байкала автозимник Могоча–Тупик–Чара–Синельга, по нему прошли первые автомашины. С этой транспортной артерией район жил до 1983 года (до рельсов БАМа). Без этого автозимника была бы невозможна большая геологоразведка, пришедшаяся как раз на предбамовские годы. Любопытно, что она сошла почти на нет с пуском железной дороги.

В 1949 году было открыто Удоканское медное месторождение, которое прежде всего и стало определять состояние района. Не будь удоканской меди – вряд ли БАМ прошёл бы через Чарскую долину (а вы можете представить себе сегодняшний Каларский район без этого БАМа?). Именно с Удоканским месторождением связана деятельность крупнейших на долгие годы рабочих коллективов района – двух удоканских экспедиций. С этим же объектом связаны судьбы многих тысяч бывших и нынешних северян, испытанных Удоканом, зовущих себя удоканцами. С Удоканом, наконец, связаны основные перспективы Каларского района да и Забайкальского края в целом. Основные запасы российской меди сегодня хранит земля каларская. Впрочем, такие же слова нужно отнести и к запасам ванадия, редких металлов, редких земель, сынныритов.

В 1974 году началась достройка Байкало-Амурской магистрали, прежде всего его составляющей Лена–Чара–Тында. На этой трассе уже в 1975 году родились призывы «Даёшь Чару!», «Вперёд, на Чару!». Авторами их были не каларцы, авторы находились ещё на иркутских и амурских пикетах. А нашим землякам предстояло подготовить и достойную встречу строителей с двух направлений, и самим в меру возможного продвигать стройку к завершению. Каларцы, скажем сразу, с честью справились с этой двуединой задачей.

В начале 80-х годов в районе был сформирован и действовал мощный строительный комплекс, который по освоению капвложений стал крупнейшим в области. На Читинском участке БАМа (Хани–Чара–Витим, 330 километров) в самые короткие сроки были развернуты три десятка временных и вахтовых посёлков, что позволило вести строительно-монтажные работы широким фронтом и с нужным качеством. Уместно заметить, что во главе этого наступления стояло управление «БАМстройпуть» с базой в Новой Чаре, которому выпала честь не только возобновить строительство Второго Транссиба в 1972 году на амурской земле, но и завершить это строительство на земле каларской. В сентябре 1984 года восточное и западное направления стройки встретились, состыковались на нашем разъезде Балбухта, а 1 октября того же года на нашей же станции Куанда были уложены два «золотых» звена Байкало-Амурской магистрали. В те дни к земле каларской было приковано внимание всего Советского Союза, о нашем БАМе и его «золотой» стыковке говорили во всём мире. То был «звёздный час» района.

Строительство и эксплуатация железной дороги в корне изменили административное устройство и облик района, структуру его хозяйства и населения. В новых поселениях, что дал району БАМ, сегодня проживает две трети каларцев. Район может гордиться тем, что именно здесь началось строительство первого на современном БАМе рельсового ответвления – линия Чара–Чина–Карьерная – к Чинейскому и Удоканскому месторождениям, что именно на земле каларской начинается широкомасштабное хозяйственное освоение Прибамья.

Каларскому району недавно исполнилось 75 лет. Возраст уже солидный. Позади немало знаменательных событий и дел, которые вошли красными строками в летопись этой земли. Но правы наши земляки, что утверждают: «Это только начало, это была лишь подготовка к главным делам и событиям. Самый звёздный час района ещё впереди». Как не согласиться с этим?

В декабре 2009 года Каларский район должен был отметить своё 80-летие. Не отмечали. Даже в местных газетах по этому поводу не было ни строчки. Такие уж тяжкие, безрадостные дни пришли на эту землю.

ОТКРЫТИЕ ТЕМЫ

Это событие в моём архиве значит под датой 2 марта 1988 года. Именно в тот день вышла газета «Комсомолец Забайкалья» с четырёхколонником «Ущелье смерти».

Откровенно сказать, мне было очень обидно, временами даже стыдно. Прожить тринадцать журналистских лет всего в сорока километрах от такой темы и упустить приоритет... Опереждали молодые, опередил Рустам Кахоров, который в те дни работал рядом. Может, так и надо – на то они и молодые, они динамичнее, скажем так.

И всё же нужно вспомнить обстановку тех лет, диктуемую, понятно, Читой, Москвой. Да, в стране уже утверждалась гласность, многие старые тайны раскрывались, меньше рождалось новых. Но не в той сфере, что базировалась на Уране, возвращала этот Уран. Шёл уже 1988-й, а Чара по-прежнему остерегалась раскрывать содержание «Мраморного ущелья». Очень живучей была эта немота, внедрённая в головы людские сорок лет назад, – в дни, когда в районе хозяйничал ГУЛАГ, а его кодаро-удоканская вотчина подчинялась только Москве, зачастую лично Лаврентию Берии – ближайшему соратнику Иосифа Сталина.

ПРИОРИТЕТ «КОМСОМОЛЬЦА ЗАБАЙКАЛЬЯ»

Тему «Мраморного ущелья» открыл «Комсомолец Забайкалья». Уверен, такое утверждение вам раньше не попадалось, впервые оно обозначено именно на странице, что перед вами. Но насколько верен такой вывод? Может, отдать приоритет центральной «Комсомольской правде»? Вопросы эти отнюдь не случайны. И вот почему.

Публикация в «Комсомольце Забайкалья» появилась 2 марта 1988 года. Под сенсационным заголовком «Ущелье смерти» она заняла четыре колонки последней, четвёртой полосы, что сразу же вызвало вопросы не только у профессионалов-журналистов, но и у читателей. Значит, редакция не была уверена в своей правоте? Или кого-то боялась, а потому отнесла эту публикацию подальше? Но, на мой взгляд, даже не это главное в подаче публикации. Главное, что в ней нет таких понятий, как Мраморное ущелье, Мраморный ключ. Более того, не упоминается хотя бы походя и Кодар, об участниках похода в это «ущелье смерти» можно только гадать. Расстояния увеличены, по крайней мере, раза в два. Правда, Рустам Кахоров оправдывается: «Я сознательно не называю

точных географических координат этого места. Не хочется, чтобы его разграбили любители дешёвой экзотики». Странная, конечно, позиция и автора, и редакции – остановиться на полпути. Уж если вы схватились за сенсационную тему, претендуете на приоритет, в открытии её, то почему не идёте до конца (как это позже сделала «Комсомольская правда»)? И понятия «Мраморное ущелье» и «Мраморный ключ» в «Комсомольце Забайкалья» впервые появились лишь спустя полтора года – 25 октября 1989 года в трёхполосных экспедиционных отчётах Ольги Китовой и Евгения Епанчинцева. Так что неудивительно, если у вас формируется другое мнение по поводу приоритетства в открытии этой темы.

А ещё та первая публикация «Комсомольца Забайкалья» отличается массой разных ошибок. Автор якобы даже обнаружил следы детишек и коровы на высшей точке Борского ИТЛ – ключе Мраморном, в этом поистине каменном мешке. Ещё он нашёл транспарант, на котором «краска хорошо сохранилась», и можно было прочесть: «Производственный план 1953 года выполним досрочно!» (Борский лагерь был ликвидирован полностью ещё осенью 1951 года, и на Мраморном ключе год спустя не было никого, не было и этого «производственного плана».) И т.д., и т.п. Но самое смелое заявление публикации следующее: «Из достоверных источников удалось узнать, что содержались здесь только политические. Слишком ответственная была работа – уголовникам не доверяли...» Как же это заявление увязать с общеизвестной истиной о том, что в СССР именно «политические» считались наиболее вредными антисоветскими элементами, именно они заносились в списки «осужденных за особо опасные государственные преступления»? И им доверять «слишком ответственную работу»? Доверять судьбу Первого Урана Забайкалья? Жаль, что автор не вспомнил об архиве, которым позже воспользовалась Ольга Китова (ныне сотрудница московского «Делового вторника»).

Как бы то ни было, отдадим должное «Комсомольцу Забайкалья», его корреспонденту Рустаму Кахорову – они оказались первыми. Вторая читинская областная газета – «Забайкальский рабочий» – не бралась за эту тему ещё почти год.

ПОЗИЦИЯ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»

Впервые понятие «Мраморное ущелье» вынесла к массовому читателю «Комсомольская правда» в номере за 29 января 1989 года. Владимир Сунгоркин писал, в частности: «...Лагерь

этот сохранился до сегодняшнего дня. Возможно, потому что расположен высоко на хребте Кодар. Мы туда поднимались несколько дней. О лагере мне известно немного. Работали здесь десятки тысяч людей. Сначала они проложили от Транссиба временную дорогу длиной более тысячи километров. Это через горы и по заболоченным долинам речек. Потом построили аэродром. В стенах горного цирка пробрили штольни и начали добычу руды. Известно, что один из здешних лагерей назывался Синильга...» К этой публикации мы ещё вернёмся, а пока заметим: в процитированном тоже масса ошибок. Среди «здешних лагерей» был только один лагерь – Борский, а «Синильга» (правильно – Синельга) была лишь отдельным лагерным пунктом среди десятка других. Далее, не было даже во всём Борском ИТЛ за все его годы «десятков тысяч людей» (согласно архиву, за 1949–1951 годы через этот лагерь (а не «Синильгу») прошло 3735 заключённых и около тысячи спецпереселенцев. «Временная дорога» от Транссиба (автозимник, если быть точнее) измеряется всего 670 километрами – от Могочи до Мраморного (об этих километрах мы ещё будем говорить, каждый из них стоит внимания, и количество их знали точно).

В отличие от сдержанного Кахорова корреспондент «Комсомолки», не имея под рукой ничего, кроме личных наблюдений и воспоминаний читателей, сходу нагнетает ситуацию, обостряет тему: «...Считается, что никому из узников отсюда убежать не удалось. Кругом, на сотни вёрст только голые горы и ледники. Снег сходит к концу июля, ложится в начале сентября... Сохранилось кладбище. Стоят бараки толщиной в одну доску. При шестидесятиградусных морозах в них выживали только те, кто был поближе к печке. Судьбу заключённых мне узнать не удалось. Лагерь на Кодаре относились к особо секретным, в ближайшей к ним Чаре – я слышал ещё в добамовские времена, что всех узников загоняли в штольни, а входы взрывали. Если это неправда, то прошу: откликнитесь, кто остался жив из узников Мраморного ущелья?»

И в этом коротком отрывке ошибки, несуразности. Нет кладбища на Мраморном, нет взорванных штолен, не бывает в этих горах 60-градусных морозов, в них всегда на 10–15 градусов теплее, нежели в той же Чарской долине, что в двадцати километрах. Но не это главное. Главное – подкинуть вот такое: «...всех узников загоняли в штольни, а входы взрывали. Если это неправда, то прошу: откликнитесь». Понятно, какая последует реакция

хотя бы сотен читателей из десятков миллионов (раньше их было столько). Непонятно, как мог опытный журналист оперировать слухами и домыслами.

Как и ожидалось, «Комсомольская правда» получила достаточно писем, чтобы сформировать из них шестиколонную (почти целая страница) «Мраморную пыль» в номере за 25 апреля 1989 года. Конечно же, Владимир Сунгоркин получил возможность, сделав несложный подбор писем (об этом говорил выше и Василий Иванов), целиком и полностью, скажем так, подкрепить свою первую публикацию. Кстати, ему на руку сыграла и наспех подготовленная в «Забайкальском рабочем» справка прокурора Читинской области В.Балябы. В ней тоже есть неточности, в ней абсолютно ничего о спецпереселенцах. Спустя ровно полгода «Комсомолка» за подписями уже трёх своих корреспондентов – В. Горчакова, В. Медведева и В. Сунгоркина – открыла «кухню» подготовки «Мраморной пыли». Эти журналисты выдали такую тайну: в ответ на первые публикации пришло более тысячи писем от очевидцев – «тех, кто работал при лагере, жил неподалеку или охранял зону. И среди этой почты только два письма от тех, кто отбывал в Мраморном срок». Только два! Любопытная, согласитесь, почта. К чести «Комсомольской правды», она ухватилась за этих двух – «бывших узников: Михаила Александровича Шилкина и Константина Владимировича Морозова. В свою пресс-экспедицию, сообщает «Комсомолка» 28 октября 1989 года, они пригласили также журналистов из американских телекомпаний NBC (Эн-Би-Си) и CBS (Си-Би-Си), западногерманскую телекомпанию «АРД» (ARD). По мере приближения к Мраморному экспедиция разрасталась за счёт журналистов местных СМИ. Слава о нашем лагере (точнее, о лагерных пунктах, что были на ключе Мраморном, в долине Среднего Сакукана и на Синельге) покатила по всему миру. И хоть бы словом о Ермаковском рудоуправлении, ради которого и формировались эти лагерные пункты, которое в конце концов и отправляло на запад урановое сырьё. Понятно, зарубежные журналисты об архивах и не вспоминали, строили свои отчёты лишь на увиденном и услышанном.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

АЛЬБИТ! БЫСТРЕЕ и БОЛЬШЕ!

КТО ЕСТЬ КТО?

Специальный комитет при Совете Министров СССР. Был образован постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 20 августа 1945 года – орган Совета Комиссаров СССР, а с марта 1946 года – орган Совета Министров СССР. На Специальный комитет была возложена организация всей деятельности, связанной с использованием атомной энергии в стране. Возглавлял его Л.П. Берия – зампредседателя СНК (Совмина) СССР.

Первое главное управление при Совете Министров СССР. Организовано одновременно со Специальным комитетом, т.е. 20 августа 1945 года. На него возлагалось непосредственное руководство научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию атомной энергии и производству атомных бомб. 26 июня 1953 года ПГУ преобразовано в Министерство среднего машиностроения СССР.

Второе главное управление при Совете Министров СССР. Организовано Постановлением Совета Министров СССР от 27 декабря 1949 года в результате преобразования Управления № 1 Первого главного управления при СМ СССР в самостоятельное управление. На Второе главное управление возлагалась добыча Урановых руд и их переработка в концентраты на обогатительных фабриках и химических заводах.

КБ-11 (Конструкторское бюро № 11, оно же объект № 550, База-112, Приволжская контора Главгорстроя, Арзамас-75, Арзамас-16) – конструкторское бюро, организованное Постановлением СМ СССР от 9 апреля 1946 года. На него возлагалась разработка атомных бомб и термоядерного оружия. Ныне это Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (РФЯЦ-ВНИИЭФ, г. Саров Нижегородской области).

Комбинат № 817 (первоначально завод № 817, он же Государственный химический завод, объект № 859, «Проект № 1859 Горно-обогатительного завода», База № 10, Южно-

Уральская контора Главгорстроя СССР, ныне ПО «Маяк») – комплекс по производству плутония, включавший первый отечественный реактор. Построен в 16 километрах к востоку от г. Кыштым (г. Челябинск-40, в настоящее время г. Озёрск).

Сосновская, Лесная, Снежинская, Мангышлакская экспедиции – специализированные предприятия Первого главного геологоразведочного управления Мингео СССР. Были организованы во второй половине 40-х годов для поиска и разведки Урановых месторождений на востоке страны. В той или иной мере работали на Читинском севере все четыре названные экспедиции. По версии геологоразведчика забайкальского Урана, лауреата Ленинской премии В.П. Зенченко все они в конце концов стали структурными подразделениями Сосновской экспедиции, закончив свои поиски в горах Кодара и Удокана в 1953 году

ИСХОДНЫЕ РУБЕЖИ

То были годы, когда слово «Уран» вслух не произносилось, даже в секретной переписке не допускалось исключения. А чтобы облегчить положение специалистов-атомщиков, чекисты ещё в 1942 году ввели в обиход конспиративное слово «альбит» (позже появились и другие прикрытия, например, А-9, «свинец», «асбест», в чём мы ниже убедимся). В США – Уран, у нас – альбит. Следует заметить, в природе есть и настоящий альбит – породообразующий и довольно распространённый минерал.

Началась ядерная гонка со Штатами, которая должна была на первом этапе закончиться испытательным атомным взрывом в СССР.

В одном из опубликованных в 2004 году интервью математик, академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, кавалер многих других государственных наград математик **Александр Андреевич САМАРСКИЙ** вспоминал:

«Чтобы там ни говорили, но мы спасли человечество от термоядерной войны. Достоверно известно, что американцы разработали десять сценариев нападения на СССР, и могла случиться трагедия, которая поставила бы критическую точку в истории цивилизации. Нам, именно нам удалось предотвратить катастрофу, и сознание этого придавало нам колоссальный импульс. Я фронтовик, пережил войну, а потому знаю её цену. И мы работали над предотвращением новой войны с полной отдачей, самоотверженно, бескорыстно...»

Наша сторона, дабы не только наверстать упущенное, но и обогнать США, во главу этой гонки выдвинула самые мощные, гово-

ря современным языком, силовые структуры. И дала им практически неограниченные права и возможности. В конце 1944 года во главе Атомного проекта СССР был поставлен Л.П. Берия, который в то время был фактически вторым лицом в стране и руководил названными структурами. По его распоряжению была подготовлена обширная, детализированная справка для И. Сталина о состоянии Урановых дел в стране и мерах по исправлению положения. В ней, в частности, есть и такое:

«Ввиду того, что Академия наук и Наркомцветмет в течение двух лет не смогли вывести из кустарного состояния работы по добыче и переработке Урана и научно-исследовательские работы по изучению и использованию Урана, просим принять предлагаемый нами проект постановления Государственного Комитета Обороны, предусматривающий:

а) передачу научно-исследовательских работ по Урану, добычу и переработку основных Урановых месторождений в ведение НКВД СССР;

б) выделение НКВД СССР необходимого оборудования и материалов для развёртывания работ по Урану».

Всесильный Народный комиссариат внутренних дел с 1934 года состоял из главных управлений госбезопасности, рабоче-крестьянской милиции, пограничной и внутренней охраны и пожарной охраны, с 1938 года этот комиссариат возглавил Л.П.Берия. «Справочник по ГУЛАГу» даёт и такую расшифровку НКВД: «Неизвестно Когда Вернусь Домой».

Рассекреченные документы Атомного проекта убедительно доказывают, что далеко не сразу всё налаживалось и в руках Л.П. Берии. Спустя два года обнаруживается, что для запущенной в ход «атомной машины» явно не хватает главного – Урана, хотя в 1946 году геологопоисковыми работами по этой отрасли в различных районах занимались 320 партий. И 22 февраля 1948 года выходит Постановление Совета Министров СССР, которое знатоки дела определили как одно из самых жёстких. Документ уже опубликован, вот нужные нам фрагменты его:

«...Совет Министров СССР отмечает, что результаты работы Министерства геологии за 1946–1947 гг. по разведке А-9 являются неудовлетворительными, несмотря на выделенные Министерству крупные ассигнования и большие материальные ресурсы.

План прироста запасов А-9 в 1947 г. Министерством геологии выполнен лишь на 60%. Министерством геологии не выявлено месторождений богатых руд А-9, а найденные месторожде-

ния представлены, в основном, бедными и сложными по составу рудами, для переработки которых ещё не разработано экономически выгодных технологий». Более того, постановление констатирует, что и само бериевское ведомство – МВД – план прироста запасов А-9 выполнило всего на 30 процентов, «хотя в его распоряжении находились огромные районы страны и там работали многие десятки тысяч заключённых и среди них было достаточно специалистов-геологов». Директива весьма детально предписывает, чем должны заниматься причастные к Атомному проекту ведомства. Например, на Министерство геологии была возложена «прокладка шахт – 1 500 пог. м, подземных горных выработок – 29500 пог. м и скважин колонкового бурения – 85 000 пог. м».

В только что процитированном абзаце, на мой взгляд, основная причина-объяснение того, что произошло позже с Мраморным месторождением, с Ермаковским рудоуправлением и Борским исправительно-трудовым лагерем ГУЛАГа.

Ситуация с запасами Урана в стране диктовала решительные, кардинальные меры на высшем государственном и правительственном уровнях. Потому, в частности, и организуется ПГГУ – Первое Главное Геологоразведочное Управление (приказ № 272 сс от 16 октября 1945 года за подписью председателя Государственного комитета по делам геологии И.И. Мальшева). Управлению вменялись следующие основные функции: поисково-разведочные работы по Урану и их научно-техническое обеспечение на всей территории страны. Постановлением № 2628-71 сс СНК СССР предписывалось организовать к 1 апреля 1946 года 270 партий, в том числе 28 геологоразведочных, 158 поисково-съёмочных и 84 ревизионных для работы в самых различных регионах СССР. Специалисты позже утверждали, что «подобных темпов, целевой организации в масштабах страны геологическая служба до этого не знала».

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ПОИСК

До недавних пор у меня было немало оснований считать, что такой поиск начался в послевоенные сороковые годы. Но в книге известного в этой отрасли геолога **Владимира Петровича Зенченко** «Мифы и факты об Уране», подаренной мне автором в 2007 году, читаю: «В 1914 году по инициативе российской науки (В.И. Вернадский) и московского купечества (П.П. Рябушинский) была снаряжена Московская радиевая экспедиция. Фактически это была первая экспедиция, направленная на поиски ура-

новых месторождений. Были сделаны первые шаги к созданию сырьевой базы урана в стране – начинался путь к урану. Экспедиция была разделена на два отдела – Ферганский (А.А. Чернов) и Забайкальский (М.Н. Соболев)». Очень любопытный и нужный в нашем повествовании факт. Уместно подчеркнуть, что Владимир Петрович полвека проработал в этой отрасли на её ведущих направлениях, близко знал её самых заметных организаторов. В его распоряжении оказались неизмеримые специальные знания из разряда «Строго секретно», которыми он не мог не поделиться с нами, как только этот гриф был снят. Его публикации (книги, газетные и журнальные статьи), вышедшие в последние годы, читаются с неизменным интересом и пользой.

* * *

Всесоюзный геологический институт (ВСЕГЕИ, г. Ленинград) в кодари-удоканских событиях принимал самое активное участие. Сюда он направил своих лучших специалистов, здесь он поставил на службу весь свой опыт. Мои журналистские тропы на Читинском севере довольно часто пересекались с их тропами. Так, конечно же, случилось и в работе над «КЛЮЧОМ МРАМОРНЫМ». Сразу же откликнулся **Юрий Вячеславович Богданов** – доктор геолого-минералогических наук: *«Посылаю вам ксерокс из книги иркутян “Путь к Урану”. Это скорее самиздат. Но, может, кое-что вам будет интересно...»* В новом нашем издании есть отдельная глава, посвящённая ВСЕГЕИ, его поискам Урана на Читинском севере

Заслуги иркутских геологоразведчиков в Советском Атомном проекте, в истории Первого Забайкальского Урана уникальны. В средствах массовой информации даже можно встретить такой заголовок: «Урановую базу России создали иркутяне». Поэтому знакомство с этим «самиздатом» оказалось чрезвычайно интересным и полезным.

В её выходных данных я прочёл: «Книга подготовлена к изданию в Сосновском производственном геологическом управлении», 1991 год. Авторитетнейший в нашей теме адрес! В предисловии есть такие строки: «...Авторы – руководители и исполнители самых различных уровней специализированных ведомств, а также те, кто как-то соприкасался с урановой проблемой. На основе малоизвестных материалов, рассекреченных архивных документов и воспоминаний сделана попытка представить картину создания сырьевой базы урана СССР.

Другой подобной публикации по теме нет, да, пожалуй, и не будет. Разве что кто-нибудь возьмётся и осилит новое издание этой книги в качественно лучшем и дополненном варианте». Конечно же, и «Сосновгеологии» наше издание отводит отдельную главу.

КОДАРСКОЕ НАЧАЛО

Август 1945 года. Два атомных удара по Японии. США демонстрируют, прежде всего Советскому Союзу, свои ядерные достижения. В январе 1949 года у Комитета начальников штабов США было уже четыре плана таких ударов по нашей стране. Последний из них предусматривал применение 133 ядерных авиабомб по 70 городам. А у СССР ещё нет ни одного подобного заряда. Для Сталина это было непереносимо. Разворачивается беспримерная военная гонка. Нужно было не только достойно ответить на вызов ведущего соперника, но и опередить его. Требовался уран в количествах для Союза небывалых. Поиски его разворачиваются по всей стране, и средств, в том числе денег, для этого не жалели.

Учёные докладывают И.Сталину, что на изготовление первых 100 бомб нужно 230 тонн металлического Урана. Где его взять? Где и как найти отечественное сырьё? Читинским севером занимались три отлично сформированные и оснащённые геологические экспедиции. Самым заметным организатором нашей ядерной программы, в том числе и кодарской, был Л. Берия.

В 2007 году в моём распоряжении оказался «Перечень проектов постановлений и распоряжений СМ СССР, представленных Л.П. Берия на утверждение И.В. Сталину» 14 января 1949 года. Ведущий организатор Атомного проекта СССР в этом документе пишет: «Товарищу Сталину. Представляю на Ваше утверждение проекты Постановлений и распоряжений Совета Министров Союза ССР, рассмотренные и принятые Специальным комитетом...». В «Перечне» 17 документов. Но первым назван наш, кодарский: «1. О мероприятиях по обеспечению разведки и подготовки к эксплуатации вновь открытого (в Читинской области) месторождения свинца (Урана). Проект внесён тт. Ванниковым, Малышевым (Мин-во геологии), Кругловым, Завенягиным и Борисовым (Госплан СССР)...»

ПИСЬМО А.П. БЕРИИ И.В. СТАЛИНУ ОБ ОТКРЫТИИ НОВОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ УРАНА

6 января 1949 года:

«Сов. секретно. Товарищу Сталину

Для разведки Урана по заданию Специального комитета в 1948 г. Министерством геологии было организовано свыше 200 специальных геологоразведочных партий и экспедиций с 12 отрядами самолётов, оснащённых сконструированными в 1948 г. новыми чувствительными радиометрическими приборами, позволяющими производить поиски радиоактивных руд с высоты 100–300 метров. В конце августа 1948 г. одной из таких экспедиций (Снежинской), посланных для обследования Восточной Сибири, была обнаружена с помощью приборов, установленных на самолётах, сильная аэрометрическая аномалия в районе горного хребта Кодар (в сев.-вост. части Читинской области). При наземной проверке аномалии геологи и радиометристы Снежинской экспедиции и выезжавшие на место специалисты Министерства геологии нашли в 50 км от с. Чара (районный центр Каларского р-на Читинской области) новое месторождение урановой руды. На месторождении отобрано 240 килограммов образцов урановой руды для анализов.

Предварительно сообщаю следующие данные о вновь открытом месторождении урана:

1. Месторождение расположено в труднодоступной гористой местности на высоте более 3000 метров над уровнем моря, в 1350 км севернее г. Чита (по зимнему пути), в 550 км от ближайшей ж.-д. станции Могоча и в 50 км от ближайшего аэродрома (с. Чара).

2. Уран обнаружен в минерале уранините, залегающем в горном массиве в виде жил мощностью 4–10 см и прожилков, а также у подножья коренного месторождения. Предварительные анализы, проведённые на месте, показывают содержание урана в уранините 30–50% и в руде из осыпи – 0,7% (качество, сходное с рудами чехословацких и саксонских урановых рудников).

По заданию Специального комитета анализ найденных руд производится Институтом минерального сырья Министерства геологии и НИИ-9 Первого главного управления.

3. Определить запасы металла Урана во вновь открытом месторождении возможно будет лишь после детальных разведок его, которые будут произведены в 1949 г. Однако есть

основания надеяться, что вновь открытое месторождение может оказаться хорошим не только по качеству руд, но и размерам запасов.

В связи с тем, что новое месторождение урана представляет существенный промышленный интерес, в настоящее время по заданию Специального комитета Первым главным управлением, Министерством геологии и Министерством внутренних дел СССР разрабатываются практические меры по организации и обеспечению с весны 1949 года детальных геологоразведочных работ и подготовке к эксплуатации месторождения.

Эти мероприятия в течение ближайших 5–7 дней будут представлены на Ваше утверждение.

В целях засекречивания работы на новом месторождении урана будут производиться под видом разведки и добычи руд титана и свинца.

Л. Берия».

В сегодняшней геологоразведке есть понятие рудопроявления. На то, чтобы рудопроявление назвали месторождением, требуются иногда годы и годы – дистанция огромного размера. То, что случилось с кодарским рудопроявлением (оно было втянуто в эксплуатацию без детальной разведки), весьма убедительно характеризует ситуацию в стране с атомной гонкой. И это ведь было только начало. Последующие события набирали обороты. Той скорости, разворотливости да и организованности не перестаёшь удивляться. Самая развитая часть СССР ещё находилась в руинах. Но посмотрите и оцените громаднейшее действие, что разворачивалось в «труднодоступной гористой местности», что выдала миру пока лишь «240 килограммов образцов», и кто всем этим командовал.

ПГУ, Первое главное управление при Совете Народных Комиссаров СССР, а позже при Совете Министров СССР – вот орган, что был поставлен во главе Атомного проекта СССР, – орган, чьи распоряжения считались первоочередными для исполнения. Первоочередными потому, что именно ему было поручено «создать новую промышленность, способную дать стране атомное оружие».

В союзных министерствах, причастных к этому проекту, также, по образцу и подобию только что названного ПГУ, срочно организуются свои подразделения. Так, при Министерстве геоло-

гии СССР, наиболее интересующем нас в этой части хроники, появилось Первое главное геологическое управление, ставшее очень даже известным, наиболее авторитетным в этой отрасли.

В системе ПГУ организуется в Сарове (Арзамас-16) КБ-11 – конструкторское бюро № 11, позже переросшее в Российский федеральный ядерный центр (РФЯЦ) с Всероссийским научно-исследовательским институтом экспериментальной физики (ВНИИЭФ). В рассекреченных документах Атомного проекта СССР 1940–1950-х годов эти адреса в той или иной редакции встречаются чаще всего.

ПЕРВОЕ СОВМИНОВСКОЕ

Земля каларская со всеми её природными богатствами значится в уже известном десятке московских, на высшем уровне директив. Но первая рождена именно этим урановым рудопроявлением, и дата этого – 15 января 1949 года. Всего через девять дней после бериевского доклада вождю о кодарском открытии на подпись И. Сталину было представлено «Постановление Совета Министров СССР № 172-52 сс «Об организации геологоразведочных работ на Ермаковском месторождении свинца» (читайте, как уже сказано, – урана). Документ громаднейший (четыре страницы убористым текстом), документ очень конкретный, с поразительными деталями и сроками. Лично я давно неравнодушен к Кодару: любое, найденное в той или иной публикации хотя бы упоминание об этих горах – прекраснейшая музыка для души. А тут четырёхстраничное, на высшем директивном уровне постановление! Славен мой Кодар! Но обратимся к документу:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ СМ СССР № 172-52сс «ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ НА ЕРМАКОВСКОМ МЕСТОРОЖДЕНИИ СВИНЦА

г. Москва, Кремль

15 января 1949 г.

Сов. секретно (особая папка)

Совет Министров СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать Первое главное управление при Совете Министров СССР (т. Ванникова):

а) организовать в 1949 г. промышленную разведку на Ермаковском месторождении свинца, открытого Министерством геологии, и попутную добычу свинцовой руды;

б) организовать для этой цели в системе Первого главного управления при Совете Министров СССР рудоуправление;

в) присвоить рудоуправлению наименование «Ермаковское рудоуправление»...

Итак, согласно этому документу (да и в реальности – тоже) Ермаковское рудоуправление напрямую подчинялось всеправному и всемогущему Первому главному управлению при Правительстве СССР. С 27 декабря 1949 года из состава ПГУ было выделено ВГУ (Второе главное управление при Совете Министров СССР); ему и было передано Ермаковское рудоуправление наравне с известными в атомной промышленности комбинатами №№ 6 и 7, рудоуправлением № 8 (Киргизия), заводами № 48 (Москва) и № 906 (Днепродзержинск), а также Северным рудоуправлением и строительной организацией. В правительственной директиве Второе главное управление обязано было «руководить организациями, занимавшимися геологоразведкой, поиском урановых руд, их добычей, обогащением и производством металлического урана». Все эти обстоятельства, на мой взгляд, стали определяющими в последующих событиях, связанных с рекордно коротким освоением «труднодоступной гористой местности». Наши современные геологи наверняка согласятся с первоначальной «промышленной разведкой», что предписывалась тому Кодару. С нынешних «колоколен» выигрышно смотрится и «попутная добыча руды». Как уже было сказано, она диктовалась, навязывалась разворачивающейся атомной гонкой США-СССР. Но попутная добыча в тех конкретных, реальных условиях? Это было что-то невероятное. И самое время вернуться к совминовскому постановлению, к той его части, что на языке современных политиков звучит как «наполнить содержанием». В постановлении эта часть расшифровывается пунктами от «г» до «н». Конечно же, первое внимание герою дня – Урановому рудопроявлению:

«г) представить не позднее 1 июля 1949 г. на утверждение Совета Министров СССР задание по добыче руды на 1949 г. на Ермаковском месторождении и в 1 кв. 1950 г. на утверждение Всесоюзной комиссии по запасам – разведанные запасы металла...».

В той ситуации, очевидно, не было проблем с представлением «задания по добыче руды». Чем быстрее и больше, даже если это пока лишь на бумаге, – тем лучше. Но разведать и утвердить на высшем уровне «разведанные запасы металла» в тех кодарских да и союзных условиях за год! Разве не созвучно такое было ещё незабытому военному «Вставай, страна огромная, вставай

на смертный бой...»? Вставали и делали. Вот как это, отдельными заданиями, значилось в совминовском постановлении (весь текст соответствует документу):

«д) построить в 1949 г.:

– автомобильную дорогу от пос. Временного (условное название пос. Неляты) до с. Синельга (условное название с. Чара) протяжённостью 300 км;

– автомобильную дорогу от с. Синельга до свинцового месторождения;

– перевалочные базы: «Сибирскую» базу (в г. Чите) на 2000 т, базу «Ближнюю» (в Романовке) на 1000 т, базу «Временную» (в Нелятах) на 1000 т и базу «Дальнюю» (в с. Синельга) на 2000 т грузов и склады горюче-смазочных материалов в Чите и в Романовке на 500 т, в пос. Временный на 300 т и в Синельге на 1000 т; в пос. Временный на 300 т и в Синельге на 1000 т;

– постоянной жилой площади в с. Синельга, Романовка, пос. Временный и на месторождении 5000 кв. м и утеплённых палаток 3000 кв. м;

е) построить на месторождении поверхностные сооружения рудника, механические подъёмники для транспорта людей и материалов к горным выработкам и мастерские;

ж) составить силами ГСПИ-12 в срок до 1 мая 1949 г. проектно-сметную документацию строительства рудника, направив в десятидневный срок для этой цели на место работы проектантов в составе 10 чел.;

з) разработать силами НИИ-9 технологическую схему извлечения свинца из руд Ермаковского месторождения, закончив соответствующие лабораторные исследования к 1 июня 1949 г. и проверку схемы в ползуаводском масштабе к 1 сентября 1949 г.;

и) принять на стоимость строительства и эксплуатационные расходы предприятия на договорных началах – полную стоимость содержания лагеря МВД СССР при рудоуправлении;

к) передать из своих фондов МВД СССР для Золототранса 150 автомашин «ЗИС-151»;

л) передать Главному управлению гражданского воздушного флота МВС СССР в I–III кв. 1500 т авиабензина;

м) обеспечивать продовольствием, техническими материалами и транспортом геологоразведочные партии Министерства геологии, которые будут работать на разведке Ермаковского свинцового месторождения;

н) выделить МВД СССР для лагеря на 1700 чел. при Ермаков-

ском рудоуправлении комплект зимнего обмундирования (включая валенки, телогрейки и ватные шаровары, полушубки), а также полный комплект летнего обмундирования, белья и постельных принадлежностей...»

Можно по-разному оценивать первые шаги броска на Кодар, продиктованные в те январские дни Советом Министров СССР за подписью самого И. Сталина. Но давайте согласимся вот в чём: вряд ли то начало требовало большего. А ведь потребовало. Уже через год максимальная численность лагеря достигла 2725 человек заключённых да около 600 спецпереселенцев. Сразу же обнаружилась и нехватка баз с перевалочными пунктами, и таковые были развёрнуты и в Могоче. О ней, как и о необходимости проложить автодорогу Могоча–Тупик–Синельга протяжённостью около 700 км, в совминовском постановлении ни слова. Кстати, с тех дней в Могоче и прописалась весьма притягательная, но всегда таинственная «Сиббаза». Понятно, когда и Л. Берия, и сам И. Сталин перетрясают и перераспределяют союзные финансовые и материальные основные ресурсы. Но когда они же занимаются и кодарскими «шароварами» с «постельными принадлежностями»... Не могу представить в этой роли ни Б. Ельцина, ни В. Путина и думаю: «Может, и поэтому стоит мой сегодняшний медный Удокан, в отличие от того Уранового Кодара, до сих пор промышленностью нераспечатанный?» Да, были времена, были дела и люди.

КАДРЫ РЕШАЛИ ВСЁ

Мне достаточно хорошо знакомы все упомянутые московские директивы по освоению земли каларской – Удоканского месторождения меди, Байкало-Амурской магистрали. Да простит меня читатель, но я продолжаю сравнивать их с кодарским совминовским постановлением. Сила, пробойная мощь последнего, вижу, была и в том, что всю предстоящую работу оно расписывало по конкретным кадровым адресам, чаще всего – персонально. А об исполнительской дисциплине сталинских времён ходят настоящие легенды. И попробуй выбейся из колеи... Вернёмся к этому сталинскому постановлению...

«2. Назначить:

т. Мальцева С.Ф. – начальником Ермаковского рудоуправления Первого главного управления при Совете Министров СССР и начальником исправительно-трудового лагеря МВД СССР. Освободить *т. Мальцева* от должности управляющего трестом «Якут-золото» МВД СССР;

т. Вишнякова В.Г. – главным инженером и заместителем начальника рудоуправления;

т. Нечаева Н.И. – главным геологом рудоуправления;

т. Глаголева И.А. – заместителем начальника исправительно-трудового лагеря МВД СССР;

т. Золотарёва С.А. – заместителем начальника Ермаковского рудоуправления Первого главного управления при Совете Министров СССР...»

Это начальство для кодарской операции. Нельзя не обратить внимание, что ради неё лидеры страны и Атомного проекта оголяют мощнейшее и нужнейшее в рамках СССР «Якутзолото» и сосредотачивают руководство предприятием и лагерем в одних руках, что они не ограничиваются подбором лиц для первых или вторых ролей. И вот как эта кадровая цепочка диктуется постановлением:

«...3. Обязать Министерство внутренних дел СССР (т. Круглова):

а) обеспечивать Ермаковское рудоуправление Первого главного управления и геологоразведочные работы Министерства геологии в районе месторождения рабочей силой. Организовать в январе-феврале с.г. при указанном рудоуправлении исправительно-трудовой лагерь на 1700 заключённых;

б) выполнить силами Гушосдора изыскания и проект трасс автомобильных дорог от пос. Временный до Ермаковского рудоуправления и силами ГУЛЖДС – аэрофотосъёмку района рудоуправления в сроки, согласованные с Первым главным управлением при Совете Министров СССР;

в) выполнить до 1 октября 1949 г. силами Гидропроекта изыскания и проект гидроэлектростанции в районе Ермаковского месторождения;

г) распространить на лагерь при Ермаковском рудоуправлении нормы питания заключенных, установленные Постановлением Совета Министров СССР от 20 ноября 1948 г. № 4293-1703 для Дальстроя Министерства внутренних дел СССР;

д) увеличить штат Баргузинской конторы Золототранса на 5 чел. и треста «Золототранс» Главспеццветмета Министерства внутренних дел СССР на 5 чел., а также необходимый штат в пунктах Романовка, Временный, Синельга;

е) распространить на лагерь Министерства внутренних дел СССР при Ермаковском рудоуправлении для заключённых, выполняющих и перевыполняющих установленные производственные задания, нормозачёты рабочих дней, утверждённые Поста-

новлением Совета Министров СССР от 22 мая 1948 г. № 1723-688 для Дальстроя Министерства внутренних дел СССР;

ж) перевезти в 1 кв. с.г. до пос. Временный 1000 т технических грузов для Первого главного управления и 1000 т по Заярскому тракту.

4. Обязать Министерство геологии (т. Малышева):

а) к 1 февраля 1949 г. закончить минералогическое и химическое изучение собранных образцов свинцовой руды Ермаковского месторождения и к 1 апреля 1949 г. выполнить полную камеральную обработку материалов;

б) к 1 октября 1949 г. провести детальные поиски новых рудных участков в районе, непосредственно прилегающем к месторождению на площади 25 кв. км;

в) выполнить поисковые работы в пределах Кадарского и Удоканского хребтов на площади 6000 кв. км, для чего не позднее 10 мая с.г. организовать и направить на полевые работы 8 геолого-геофизических партий, а также продолжить аэропоиски на площади 20000 кв. км;

5. Обязать Министерство финансов СССР (т. Зверева) выделить Первому главному управлению при Совете Министров СССР сверх установленного для него лимита по плану капитальных работ на 1949 г. 25 млн руб. на капитальные затраты по Ермаковскому рудоправлению за счёт резерва Совета Министров СССР.

6. Обязать Министерство вооружённых сил СССР (т. Хрулёва) обеспечить в срок до 1 апреля силами воинских частей Забайкальского военного округа перевозку от г. Чита до пос. Неляты технических и продовольственных грузов общим весом 500 т, для чего предоставить в пользование Золототранса Министерства внутренних дел СССР дополнительно 100 грузовых автомашин.

7. Поручить Комиссии в составе тт. Кузнецова, Ванникова, Малышева, Тевосяна и Засядько подобрать и в январе 1949 г. направить Первому главному управлению при Совете Министров СССР 95 инженерно-технических работников, в том числе:

	<i>инженеры</i>	<i>техники</i>
Горняки	10	10
Геологи	5	5
Маркшейдеры	2	—
Топографы	—	8
Горные механики	3	—
Строители	10	10

Электрики	5	5
Дорожники	5	10
Обогатители	2	—
Химики	5	—

а также 5 врачей разных специальностей из системы Министерства здравоохранения СССР.

8. Распространить на работников Ермаковского рудоуправления и лагеря Министерства внутренних дел СССР при нём, а также работников других организаций Министерства внутренних дел СССР и Министерства геологии, участвующих в строительстве, разведке и эксплуатации и обслуживании Ермаковского рудоуправления, должностные оклады и тарифные ставки, действующие на комбинате № 6 Первого главного управления при Совете Министров СССР с коэффициентом 1,2, а также прочие льготы, установленные Постановлением Совнаркома СССР от 30 января 1946 г. № 249-115 для комбината № 6 (доплаты за выслугу лет, доплату за высокогорность, дополнительные отпуска, спецпитание и оплату суточных при командировках).

9. Обязать министерства и ведомства поставить Первому главному управлению при Совете Министров СССР оборудование, материалы, промышленные и продовольственные товары за счёт фондов в сроки согласно Приложениям №№ 1, 2, 3, 4 и 5.

10. Обязать Министерство лёгкой промышленности СССР (т. Косыгина) пошить для Первого главного управления в 1 кв. с.г. 75 сорокаместных палаток.

11. Обязать Министерство путей сообщения (т. Бещева):

а) обеспечить отправку оборудования, материалов, автомашин, продовольственных и промышленных товаров с объектов Первого главного управления при Совете Министров СССР и поставщиков в Читту, в адрес Сибирской базы Первого главного управления, по предъявлении грузов с подачей вагонов в 24 часа с момента заявки;

б) разрешить в отдельных случаях прицепку вагонов с грузами, направляемыми в адрес Сибирской базы Первого главного управления при Совете Министров СССР, к пассажирским поездам;

в) отдельным вагонам и группам вагонов с грузами Сибирской базы Первого главного управления по заявкам Отдела перевозок Министерства внутренних дел СССР в обязательном порядке присваивать транспорта 650–670;

г) выделить Сибирской базе Первого главного управления для приёмки грузов и организации складского хозяйства площадку в пределах Читинского железнодорожного узла;

12. Разрешить Первому главному управлению при Совете Министров СССР организовать при Ермаковском рудоуправлении продснаб. Распространить на продснаб Ермаковского рудоуправления условия и льготы, предоставленные соответствующим торговым организациям треста «Золотопродснаб» Министерства внутренних дел.

13. Разрешить начальнику Первого главного управления при Совете Министров СССР (т. Ванникову) утвердить штатное расписание на 1949 г. по Ермаковскому рудоуправлению.

14. Обязать Читинский облисполком (т. Голубева):

а) оказать Ермаковскому свинцовому рудоуправлению помощь в привлечении на строительство рабочей силы из местного населения;

б) выделить Ермаковскому рудоуправлению в лесах местного значения лесосеки на 1949 г. на 10000 куб. м делового леса с правом выборочной рубки.

15. Обязать Министерство внешней торговли (т. Микояна) поставить в 1 кв. 1949 г. Первому главному управлению при Совете Министров СССР:

а) 700 лошадей из Монголии;

б) 6 дизельных электростанций по 50 квт.

16. Обязать Главное управление гражданского воздушного флота (т. Байдукова):

а) обеспечить в 1949 г. перевозку воздушным путём для Ермаковского рудоуправления Первого главного управления при Совете Министров СССР технических и продовольственных грузов общим весом 2000 т и 1000 чел. рабочих и инженерно-технических работников;

б) установить на аэродроме рудника приводную станцию для обслуживания самолётов;

в) наладить регулярное товаропассажи́рское воздушное сообщение от г. Чита до рудника.

17. Обязать Главное управление Северного морского пути при Совете Министров СССР перевезти для Первого главного управления при Совете Министров СССР в навигацию 1949 г.:

а) 1 тыс. т грузов первым пароходом из Архангельска в бухту Тикси и от бухты Тикси до Паранского порога на р. Витим;

2 тыс. т грузов первыми пароходами от Качуга до Паранского порога.

18. Обязать Министерство лесного хозяйства СССР (т. Бовина) отвести Первому главному управлению при Совете Министров СССР лесосеки в районе пос. Романовка (Читинской области) на 1949 г. в размере 10 тыс. куб м длинномерного леса, годного для строительства карбазов, и в Каларском районе – в размере 50000 куб. м дров.

19. Обязать Министерство авиационной промышленности (т. Хруничева) поставить в I кв. 1949 г.:

а) Министерству геологии для работ в Восточной Сибири 5 самолётов типа СХ конструкции Антонова;

б) Первому главному управлению при Совете Министров СССР 1 самолёт ЛИ-2 и 2 самолёта ЯК-12.

20. Поручить Министерству государственной безопасности СССР (т. Абакумов) рассмотреть и решить вопрос об обеспечении ВЧ-связью Сибирской базы Первого главного управления при Совете Министров СССР, а также отделений спецперевозок Министерства внутренних дел СССР в Иркутске и Красноярске.

21. Премировать первооткрывателей Ермаковского месторождения: геолога Тищенко Ф.Ф. суммой 25 тыс. руб., радиометристов Медведева Д.И. и Самсоненко Н.И. – по 15 тыс. руб.

Для премирования остальных геологов, инженерно-технических работников, лётного персонала, рабочих и служащих, непосредственно участвовавших в открытии указанного месторождения, выделить в распоряжение министра геологии т. Малышева 100 тыс. руб.

Обязать министра геологии т. Малышева внести в Совет Министров СССР (после установления запасов Ермаковского месторождения) окончательные предложения о премировании открывателей указанного месторождения в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 21 марта 1946 г. № 628-259.

*Председатель Совета Министров СССР И. Сталин
Управляющий делами Совета Министров СССР Я. Чадаев».*

Эта часть постановления убедительно показывает, какое значение придавал Кремль коदारской Урановой операции. Она виделась не каким-то краткосрочным налётом, а долговременным проектом (помимо всего прочего есть «изыскания и проект гидроэлектростанции»), она должна была перерасти в кодаро-удоканскую, каларскую в целом. И повышенные нормы питания

заклучённых, и «нормозачёты рабочих дней» призваны были поддерживать производство (разведку, добычу, обогащение руды и пр.) в максимально высоком напряжении. Так и было, о чём мы ещё будем говорить.

Итак, первая роль в кодарской операции отводилась Министерству внутренних дел СССР во главе с Кругловым. На вторую роль было выдвинуто Министерство геологии во главе с Малышевым, которому тоже было предписано и «а», и «б», и «в» и т.д. В этой программе было и задание «к 1 октября 1949 г. провести детальные поиски рудных участков в районе, непосредственно прилегающем к месторождению на площади 25 кв. км», и задание на «поисковые работы в пределах Кадарского (мы цитируем документ в том виде, каков он есть.– А.С.) и Удоканского хребтов на площади 6000 кв. км, для чего не позднее 10 мая с.г. организовать и направить на полевые работы 8 геолого-геофизических партий, а также продолжить аэропоиски на площади 20 000 кв. км».

Третья роль отводилась Министерству финансов СССР, четвёртая – Министерству Вооружённых Сил СССР и т.д. Чёткие задания, конкретные сроки и исполнители. Листаешь архив Борского лагеря, Ермаковского рудоуправления, Совета Министров СССР, вчитываешься в документы и временами забываешь, что имеешь дело с МВД тех лет, с его ГУЛАГом. Производство, в том числе социалистическое соревнование, и быт организованы под стать решаемой задаче, есть место и время всенародным красным праздникам, оперативно и в точном соответствии Москва исполняет все твои заявки и т.п. И первая кодарская продукция была отправлена на Большую землю в рекордные сроки – осенью того же 1949 года. И очень даже вероятно, что она использовалась при изготовлении второго ядерного устройства СССР (первое было взорвано 29 августа). Кстати, ни Берия, ни Сталин, неплохо узнавшие наши местные условия, так и не осмелились предписать Ермаковскому рудоуправлению конкретный срок выпуска первого Урана, чего требовал острый дефицит сырья в те дни.

29 октября 1949 года И. Сталин подписал Постановление Совета Министров СССР № 5060-1943 «О развитии атомной промышленности в 1950–1954 гг.». В нём отведена роль и Ермаковскому рудоуправлению. Документ утверждает: в 1950–1954 годах страна должна получить 13193 тонны Урана, в том числе с читинского Кодара – 330 тонн. Любопытно, как распределена эта добыча по этапам: 1950 год – 10 тонн, 1951 год – 20 тонн, 1952 год – 50 тонн, 1953 год – 100 тонн, 1954 год – 150 тонн. Вы-

сочайшие темпы роста! И они в те дни не вызывали особых сомнений.

Этим же документом утверждён и план прироста запасов Урана на 1950–1954 годы: всего по стране – 25390 тонн, в том числе на Ермаковском месторождении – 1100 тонн.

О роли, что отводилась читинскому Кодару, убедительно говорит и ещё один документ – постановление Совета Министров СССР от 27 декабря 1949 года «Об образовании Второго главного управления при Совете Министров СССР». Цель такого образования – «обеспечение развития добычи руд свинца из отечественных месторождений». Заглавным пунктом документа стал такой: «Выделить из Первого главного управления при Совете Министров СССР управление № 1 и преобразовать его в Главное управление при Совете Министров СССР по добыче руд свинца и химической переработке их (Второе главное управление при Совете Министров СССР)...». Из Первого главного в состав Второго главного были переданы семь предприятий, четвёртым среди которых значится Ермаковское рудоуправление.

Готовя к печати первое издание «КЛЮЧА МРАМОРНОГО», я на каждом шагу сталкивался с вполне понятным «СС» (совершенно секретно); в двух архивах со мною рядом сидели специально выделенные «кураторы» и строго следили за тем, что я списываю-копирую. И как только преступал границы «СС», слышал решительное «Стоп!». Иное дело сейчас, при подготовке последующих изданий. Откровенно сказать, такое впечатление, что на моём, кодарском, уровне не стало запретных фактов и выводов, в чём, думаю, и читатель уже убедился. Вот ещё документ, о котором в недавнем прошлом и подозревать-то было проблематично. Рождён он не позднее 29 октября 1949 г., с пометками «Сов. секретных Особая папка». Заголовок его такой: «Сводные данные секретариата Специального комитета в составе Специального комитета при СМ СССР, ПГУ, его учреждений и предприятий, а также учреждений и предприятий других ведомств». О нашем объекте в нём говорится:

«Ермаковское рудоуправление в Читинской обл. (разведка и строительство).

Общая численность работающих – 2219 чел, в т.ч.: инженерно-технических работников – 83, рабочих – 1541, служащих – 75, непромышленного персонала – 520. Руководящий состав: начальник рудоуправления – т. Мальцев С.Ф., главный инженер – т. Вишняков В.Г., главный геолог – т. Нечаев С.А.». Кстати, чис-

ленность местного (прописанного) населения на земле каларской в тот год не превышала 1500 человек.

МОСКВА БЫЛА РЯДОМ

В уже солидном архиве, что есть в моём распоряжении по кодарской Урановой операции, нет абсолютно ничего о каких-то контактах Москвы и её вотчины на Кодаре с каларскими властями тех лет или вообще с Каларским районом как административной единицей. Лишь немного, что говорило бы о связях с руководством Читинской области. В совминовском постановлении от имени И. Сталина, что недавно стало открытым, это ограничивается только пунктом 14. А именно:

«Обязать Читинский облисполком (т. Голубева):

а) оказать Ермаковскому свинцовому рудоуправлению помощь в привлечении на строительство рабочей силы из местного населения;

б) выделить Ермаковскому рудоуправлению в лесах местного значения лесосеки на 1949 г. на 10000 куб. м делового леса с правом выборочной рубки». Все остальные адреса из постановления – московские. И основные ответчики за ход операции, организаторы её – тоже московские. Кодарская операция напрямую подчинялась Москве, Кремлю и только им. И было бы странно, не получи операция такой материальной и финансовой поддержки, а зачастую и привилегированного положения. Как можно обидеть себя? И директива диктует – обратите внимание на пункты №№ 9, 11, 15.

Главное управление гражданского воздушного флота (т. Байдуков) получало задание: «а) обеспечить в 1949 г. перевозку воздушным путём для Ермаковского рудоуправления... технических и продовольственных грузов общим весом 2000 т и 1000 чел. рабочих и инженерно-технических работников; б) установить на аэродроме рудника приводную станцию для обслуживания самолётов; в) наладить регулярное товаропассажирское воздушное сообщение от г. Чита до рудника». Задействовано было даже Главное управление Северного морского пути, обязанное в навигацию 1949 года перевезти «а) 1 тыс. т грузов первым пароходом из Архангельска в бухту Тикси и от бухты Тикси до Паранского порога на р. Витим; б) 2 тыс. т грузов первыми пароходами от Качуга до Паранского порога».

Никогда ранее Москва с Кремлём не были так близки к каларским делам (всё же они творились на земле каларской), как

в те послевоенные годы. Вряд ли когда такое повторится. Но что было – то было. Жалеть приходится, что кодарская операция, весьма оперативно и организованно развёрнутая, не принесла ожидаемых результатов, не оправдала надежд. Рудопроявление Ермаковское (или Мраморное, если вам угодно; так иногда пишется) не стало нормальным месторождением. И вся операция была также оперативно и достаточно организованно свёрнута, но об этом чуть позже. А заканчивается это совминовское постановление, как и было принято, очень интересным 21-м пунктом о поощрении отличившихся.

В геологоразведке есть такое понятие – «отрицательный результат». Специалисты и Восточной экспедиции (пос. Ксеньевская) в 60–70-х годах, и Удоканской экспедиции в 70–80-х годах с фактами на руках убеждали меня не раз, что «и такой результат тоже ценен», поскольку он «ставит точку» на том или ином рудопроявлении, отвращает других поисковиков от превращения его в настоящее месторождение, от новых расходов. В кодарской Урановой операции «парадом» командовала Москва, она не дала времени местным геологам разобраться с открытием; Москве и организаторам Атомного проекта надо было быстрее и больше. Лишь в конце 1950 года старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья (ВИМС) Кирилл Петрович Лященко, вызванный в московское управление МВД, сумел доказать бесперспективность Ермаковского месторождения (об этом мы ещё расскажем). За это он был награждён орденом Ленина. В таких случаях говорят: «Лучше поздно, чем никогда». А ещё слышал от специалистов, что кодарская операция в пересчёте на конечный результат была одной из самых дорогих в прославленной советской геологоразведке.

АДРЕСА: ЧАРА, КОДАР, МРАМОРНОЕ, СЮЛЬБАН, УДОКАН И Т.Д.

Пора нам поближе, подетальнее познакомиться с районом, где развивались описываемые события. Сразу замечу: в архиве Борского ИТЛ ни Чары, ни Удокана, ни Кодара как географических адресов нет. Нет и Мраморного ущелья (есть только Мраморный ключ). Время, а главное – производство, что налаживалось в этом районе, запрещали оперировать точными координатами. У производства был адрес: «Почтовый ящик № 81», (п/я 81), первый лагерный пункт (ОЛП-1) значился под адресом «гор. Чита-11 ЛК 15/01», ОЛП-2 – «гор. Чита-11 ЛК 15/02» и т.д. Попался мне при-

каз по Борскому лагерю: «Запретить ставить наименование нашего ИТЛ на всей исходящей корреспонденции, для чего пользоваться шифром «ГН». Пример: отдельный лагерный пункт 1 ИТЛ «ГН» МВД СССР. Понятно, не все заключённые и спецпереселенцы, охранники и вольнонаёмные Борского ИТЛ и Ермаковского рудоуправления прошли через Чару, Удокан, Кодар и Мраморное ущелье, но все в той или иной мере район знали.

В центре его – Чара. Река Чара, село Чара (оно же и райцентр). Ни железнодорожной станции Чары, ни временного бамовского посёлка Новой Чары в те времена, понятно, ещё не было.

Село Чара родилось и набирало силу в начале 30-х годов. В годы послевоенные в нём проживало около тысячи человек – в два с лишним раза меньше, чем была численность Борского ИТЛ и Ермаковского предприятия (кстати, во всём Каларском районе население тех лет составляло 2,5 тыс. человек, что тоже меньше максимальной численности лагеря в 1950 году). Этим новосёлам Чара как райцентр по большому счёту была не нужна. При самом пристрастном изучении архива мне не удалось найти хотя бы малейший намёк на то, что Синельга (это базовый посёлок лагеря и рудоуправления) или Мраморный ключ (это основной лагерный пункт) контактировали с райкомом КПСС или райисполкомом. Скажу более, автозимник Могоча–Синельга новосёлы постарались отвести подальше от села, которому он был так же очень нужен. Не думаю, что такое решение диктовалось только секретным режимом производства, перевозок в частности. То ведь, повторяю, была довольно привилегированная вотчина ГУЛАГа. И что ей интересы какой-то таёжной Чары?

Совершенно иные отношения у лагеря и Ермаковского предприятия складывались с рекой Чарой. Её не замечать было просто нельзя, поскольку она пересекала автозимник и попортила немало нервов его строителям и эксплуатационникам.

Но гораздо ближе и глубже пришлось им познакомиться с горами Кодара и Удокана, где разворачивалось основное производство, где размещались почти все лагерные пункты. Стоп! У меня есть возможность дать слово непосредственным участникам тех событий, организаторам той геологоразведки, хорошо узнавшим и Чару, и Удокан, и Кодар. **Александр Глебович Иващенко** и **Арнольд Оскарович Розенцвит** пишут так:

«...По правому берегу Витима в восточной части Муйской котловины протекает река Куанда. На продолжении Северо-Муйского хребта расположен хребет Кодар, а на протяжении

Южно-Муйского – хребет Удокан. Их разделяет Чарская котловина, по которой проходит верхнее течение реки Чары, левого притока Олёкмы... Северному Забайкалью не удалось избежать наступления Мирового океана, что привело к отложению сравнительно молодых осадочных пород в последующие геологические эпохи. Развитие здесь изверженных пород, имеющих самое различное происхождение, определяет наличие разнообразных полезных ископаемых... Чарская (или Верхнечарская) котловина является как бы северо-восточным продолжением Муйской котловины, она расположена между хребтами Кодар на севере и хребтом Удокан на юге. Протяжённость её около 120 км, ширина – до 30–35 км. Абсолютные высоты – 1100 м на юго-западе и 630 м на северо-востоке... Хребет Кодар – самый высокий и труднодоступный в восточной части Станового нагорья. Высота башнеобразных вершин – 2700–2800 м, а в наивысшей точке – около 3000 м (по последним данным – 3073 м. – А.С.)... Здесь хорошо сохранились следы древнего оледенения, которые сравнительно слабо переработаны последующими эрозионными процессами... Пример типичного трога, связанного с деятельностью древних ледников, – долина реки Средний Сакукан, впадающей в Чару. Длина этого трога 28 км, глубина у устья 300 м, а в верховье – 100 м. ...Хребет Кодар – единственный район современного оледенения в пределах Станового нагорья. Здесь выявлено и изучено свыше 30 ледников... Коротко прохладное лето в Кодарском хребте. В первой половине июля на высоте 1800–2000 м ещё идут последние снегопады, а в конце первой декады августа, после завершения цветения альпийских лугов, наступают первые заморозки, и нередко выпадает снег... На юге Верхнечарскую котловину обрамляют сравнительно пологие отроги хребта Удокан... Рельеф Чарской котловины сложный. Он формировался под влиянием древних ледников...» («Северное Забайкалье – западная часть БАМа»). Ныне эти места мы всё чаще называем Читинским Прибамьем.

И о Мраморном ущелье как таковом. Справедливости ради надо заметить, что даже среди старожилов Чарской долины далеко не каждый знает, где оно находится в действительности. И чаще всего на вопрос об этом вам покажут Среднесакуканскую долину, которая устьевой частью очень хорошо просматривается и из райцентра, и со станции Чара – самых густонаселённых пунктов района. Согласно такому разъяснению Мраморное ущелье углубилось в Кодар на 25 километров. На самом деле его разме-

ры гораздо скромнее – около полутора километров в длину и около семисот метров в ширину. И координаты его – верховья ключа Мраморного. А обрывается оно в долину Среднего Сакукана, возвышаясь над нею метров на шестьсот. Было время, когда между этими объектами существовала неплохая автомобильная дорога (с мостом через Средний Сакукан) длиной в три километра. На сей день она в большей части размыта, а остатки заросли густым ольховником, в котором и проложена основная туристская тропа к самым известным лагерным пунктам Борского ИТЛ, к основному производству Ермаковского рудоуправления.

Нужно заметить, что поиски мест расположения лагерных пунктов были долгими и непростыми, а точные координаты двух из них стали известны только в ходе подготовки настоящего издания. В связи с этим представляет большой интерес письмо ветерана удоканской геологоразведки **Валентина Николаевича Самойленко**, в котором он довольно детально описывает долину Среднего Сакукана. Согласно прилагаемой им схеме эта долина (сверху вниз) выглядит так: слияние Левого Сакукана и Правого Сакукана и начало самого Среднего Сакукана, притоки Безымянный (справа), Динамитный (слева), Метельный (справа), Встречный (слева), Мраморный (справа), Шестичасовой (слева), Лабазный (слева), Юрский (слева) и Лагерный (справа). Дана довольно полная гидрография бассейна Среднего Сакукана для того, прежде всего, чтобы напомнить названия его водотоков; они, согласимся, весьма неординарные, содержательные, и это нам пригодится. В его письме читаем:

«В своей последней статье о Борской лагерной системе вы сожалеете, что «...до сих пор неизвестно точное месторасположение лагерных пунктов №№ 5, 6 и 8...». Если вы намерены (будете пытаться) найти хотя бы следы их, то, думаю, что пункты Лагерный (№ 5) и Метельный (№ 6), скорее всего, находились в верховьях (бассейнах) ключей Лагерный и Метельный (смотри схему на кальке, взятую мной из отчёта Михайловской партии № 861, автор Ф.Ф. Тищенко, 1950 год). Я так предполагаю, поскольку именно в районе верховий этих ключей велась усиленная детализация геологической обстановки вокруг штольни Мраморного (тоже Ермаковское месторождение Урана). Эта штольня велась со стенки кара в верховье ключа Мраморный, проткнула водораздел и вышла в кар по левому борту ключа Лагерный. А со стороны кара ключа Лагерный проходила встречная штольня, для чего в долине ключа Лагерный

мог быть организован дополнительный «пункт рабсилы» – Лагерный (5).

О целях организации в данном районе пункта Метельный (6) можно только догадываться. Возможно, он обслуживал перевал Надёжный – наиболее удобный, близкий и безопасный путь для связи с основной производственной базой по проходке штольни в ключе Мраморный. Если предположить, что название Метельный дано не по названию ключа, а по погодным условиям, то пункт Метельный (6) мог находиться у месторождения Волчье, но это уже бассейн Верхнего Сакукана. Это месторождение расположено на самом водоразделе (вблизи нынешнего пика БАМ), где метельный тип быта действительно наблюдается до 10 месяцев в году. Это совсем не большое месторождение обрабатывалось мелким карьерчиком (ямой 5 x 100 x 200 метров), для чего поблизости нужен был солидный объём рабсилы... Судя по вашей статье, это были пункты 8 и 9, один из них, как минимум, мог быть в районе устья ключа Волчий (левый приток Верхнего Сакукана). Лагерь геологов, судя по фотографии в отчёте, там точно был! И я его нашёл бы. Это около 50 км от Чары (28 км по Чарской впадине мимо Песков плюс 22 км вверх по Верхнему Сакукану).

Могу поведать такой собственный факт. Выполняя маршрутные работы по гидрогеологии в 1978 году, я побывал на месте жилого посёлка (лагеря?) бывшей Ермаковской обогатительной фабрики, которая была в долине Среднего Сакукана (см. схему на кальке). В поисках стола для обеденного «пира» я оторвал доску из будки бывшего КПП в зону рабсилы, обслуживавшей фабрику. И из междустенной засыпки из опилок выпала полуистлевшая бумажка: «Нач-ку охраны лейтенанту... от заключённого... Прошу разрешить ношение причёски... Волосы сбрить наголо! Лейтенант...». Да, в то время я не знал, что с такой бумажкой делать, ведь в ней были конкретные фамилии. Опасался, поскольку знал, что В.Я. Мельниченко (это тоже удоканский геолог.– А.С.) вызывали в КГБ и спрашивали, с какой целью он пытался косвенным методом вычислить, сколько заключённых могло разместиться в одном бараке в бывшем поселке Синельга».

Такое вот богатое интереснейшей информацией письмо. А поскольку автор его мне известен давно, неоднократно проверен в нашем деле, то, понятно, и этому письму можно доверять полностью. Не было бы таких источников информации – не было бы и этой хроники.

ЧЕЛЯБИНСК-40

А сейчас обратимся к адресу, с которым тесно связана эта каларская Урановая история. К адресу, который стал более или менее известен лишь в последние годы. В архиве, с которым мне пришлось работать в два захода в конце 80-х годов, он значится и как «Челябинск-40», и как «исправительно-трудовой лагерь строительства № 247 МВД СССР». Именно из него в 1949 году были переброшены на Читинский север самые первые отряды: 557 заключённых и 153 охранника.

Итак, Челябинск-40. Одна из заметнейших составляющих Атомного проекта СССР послевоенных лет. Построен он по решению бериевского Спецкомитета от 26 октября 1945 года. Стройка развернулась в 1946 году. Сначала это был объект «№ 859», чуть позже – завод «А», потом «Комбинат № 817», ныне это комбинат «Маяк».

Площадка «Т» – так обозначалось место «Челябинска-40», нынешнего «Маяка». Она была выбрана по главным критериям – чтобы было вдоволь воды, чтобы была подальше от глаз людских. Такая площадка нашлась на берегу озера Кызыл-Таш, в шестнадцати километрах от города Кыштым.

В начале апреля 1946 года И. Сталин подписывает Постановление Совета Министров СССР, где в первом пункте значится:

«Принять разработанные и представленные академиком Курчатовым И.В. следующие предложения о мощности, составе и характеристиках завода № 817, рассмотренные и утверждённые Техническим и Инженерно-техническим составами Специального комитета:

Мощность завода по выработке плутония – 100 г/сутки;

Расход урана – 1000 кг/сутки;

Количество урана в уран-графитовом котле – 100–150 т...»

Этой директивой И. Сталина был установлен и срок ввода завода в строй – 1 сентября 1947 года. Вышедшая в большой мир в 2004 году книга талантливого журналиста Владимира Губарева «БЕЛЫЙ АРХИПЕЛАГ СТАЛИНА» утверждает: «Таких темпов и такого масштаба строительства принципиально нового производства в истории промышленности и науки ещё не было... Челябинск-40 был первенцем, и на нём отшлифовывались все грани атомной промышленности страны...» Кстати, это подготовлено в печать автором, равного которому по доступности к Атомному проекту и его творцам среди нашей журналистской братии не

было и нет. В названной книге дана и оценка стройке И.В. Курчатова: «Я должен сказать, что этот комбинат является грандиозным и сложным сооружением, выполнение которого возможно лишь на определённой высокой стадии развития промышленности и под силу только великому государству».

Из центральной печати (к примеру, газеты «Правда» за 17.01.1990 г.) я узнал, что Обнинск, где была сооружена самая первая в мире атомная электростанция, нужно считать городом мирного атома. А Челябинск-40, вырабатывавший на промышленных реакторах плутоний для ядерных зарядов, – городом военного атома. Ещё та «Правда» подчеркнула, что «потребовалось не много времени, чтобы уральские кузнецы научились ковать атомное оружие». Действительно, уже через три года «весь комбинат с уран-графитовым реактором вступил в строй и началась выработка плутония для первого изделия» (оно было взорвано 29 августа 1949 года, и этот взрыв стал лучшим и ярким доказательством того, что СССР не только включился в атомную гонку, но и уже достиг немалого). В 1999 году центральная печать заметно отмечала 50-летие первого ядерного взрыва в СССР. Читаю в одной из газет: «...Из Челябинска-40 в КБ-11 (Арзамас-16.– А.С.) доставлен плутониевый шар-заряд первой атомной бомбы диаметром около 10 см и массой примерно 10 кг». Я не специалист, не буду рассуждать о физических параметрах «изделия». Меня привлекает отправитель его – предприятие, которое участвовало в большущей технической революции в наших Вооружённых Силах, на которое пришлось поработать и земле каларской. Челябинск-40 ждал Первый Забайкальский Уран.

Хотим мы того или нет, но должны помнить, что первой атомной бомбой СССР много занимался и лично Иосиф Сталин. Пожалуй, наиболее ярко и полно об этом рассказали **Рой и Жорес Медведевы** в своей книге о нём. Давайте обратимся к ней в той части, что представляет интерес для нашего дальнейшего повествования. Итак:

«...Атомные проекты в США и СССР родились как контрмеры ядерному потенциалу гитлеровской Германии. С приближением конца войны в Европе у учёных, работавших над созданием атомной бомбы, появилась уверенность, что применение этого сверхмощного оружия никогда не потребуется... Но после того как атомные бомбы, Урановая и плутониевая, были использованы против мирного населения двух городов, мгновенно убив от 200 до 300 тысяч жителей, был открыт путь к практическо-

му применению атомных бомб и в других регионах... В этих условиях атомный проект стал для Сталина абсолютным приоритетом. Сопровождения с главными руководителями Урановой программы проводились начиная с 12 августа, в основном на даче Сталина в Кунцево. Итогом совещаний в Кунцево стало подписанное Сталиным постановление ГКО № 9887 от 20 августа 1945 года, создававшее новую структуру управления атомным проектом. Для общего руководства всеми работами по использованию внутриатомной энергии ГКО создал Специальный комитет с чрезвычайными полномочиями. Это был директивный орган, своего рода «атомное Политбюро». Берия был назначен его председателем. Членами комитета, список которого Сталин продиктовал сам, стали Маленков, Вознесенский, Ванников, Завенягин, Курчатова, Капица, Махнев и Первухин. Спецкомитет должен был обеспечить «широкое развёртывание геологических разведок и создание сырьевой базы СССР по добыче урана... а также использование урановых месторождений за пределами СССР... организацию урановой промышленности, а также строительство атомно-энергетических установок и производство атомной бомбы». Для непосредственной реализации этих задач при Спецкомитете создавался исполнительный орган – Первое Главное Управление при СНК СССР (ПГУ)... ПГУ превратился в огромный секретный супернаркомат. Самой большой и мощной строительной системой, которая была передана ПГУ из НКВД, было Главное управление лагерей промышленного строительства НКВД (ГУЛПС). Этот промышленный ГУЛАГ состоял к концу 1945 года из 13 лагерей, в которых находилось 103 тысячи заключённых. Одновременно с этим в ПГУ было передано и Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий НКВД (ГУЛГМП), объединившееся с ГУЛПС. В лагерях ГУЛГМП находилось в начале 1946 года 190 тысяч заключённых, треть которых относилась к так называемому «спецконтингенту» (бывшие военнопленные, репатрианты и другие, попавшие в ГУЛАГ без суда)... Директива Сталина обязывала ПГУ обеспечить создание атомных бомб, урановой и плутониевой, в 1948 году...

Первый промышленный реактор и радиохимический завод «Маяк» начали строить на Урале, возле города Кыштым, в 100 км к северу от Челябинска... Строительством всего центра руководил начальник ПГУ Ванников. Объём строительства был очень большой, и здесь работало более 30 тысяч заключённых, несколько лагерей и три полка военно-строительных частей МВД... Стро-

ительные работы шли быстрыми темпами. Главпромстрой ПГУ не жаловался на дефицит рабочей силы. Но урана не хватало. Даже в начале 1948 года первый промышленный реактор не мог быть запущен... Правительственные сроки для изготовления первых атомных бомб были пропущены. Реактор начал работать в середине 1948 года... Десять килограммов плутония – количество, заложенное в американские бомбы, – были накоплены в СССР в июне 1949 года...» («Российская газета», 21 декабря 1999 года).

Вот что такое Челябинск-40. Вот такая ситуация складывалась вокруг Первого Забайкальского Урана.

ВОТЧИНА ГУЛАГа

Борский исправительно-трудовой лагерь Главного управления лагерей (ГУЛАГа) Министерства внутренних дел СССР был организован по приказу МВД от 24 января 1949 года. Он поставлял рабочую силу Ермаковскому свинцовому рудоуправлению Первого Главного управления при Совмине СССР (с 1953 года – Министерство среднего машиностроения, знаменитый Средмаш). «Свинец» в данном случае – прикрытие, фактически рудоуправление должно было вести добычу, первичную переработку и отправку Уранового сырья на Большую землю.

В «СПРАВОЧНИКЕ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ В СССР» можно найти такие сведения (будем считать их официальными):

«Борский ИТЛ (Борлаг);

Время существования: организован 24.01.49 г. (приказ 0055 МВД СССР от 24.01.49 г.), закрыт 03.10.51 г. (распоряжение 1090 МВД от 3.10.51 г.);

Подчинён ГУЛАГу (приказ 00122 МВД от 10.02.49 г.);

Дислокация: Читинская обл., г. Чита – ГАРФ Ф.9414, опись 1д, Д.96 Л.2;

Литер: ГН с 10.02.49;

Телеграфный код: «Стрела» ;

Адрес: г. Чита, Борский ИТЛ на 10.02.49 г., временный;

Чита-2-я, Главпочтамт, п/я 81 на 10.02.50 ;

Производство: обслуживание Ермаковского свинцового рудоуправления;

Численность: 03.51 – 2150

26.05.51 – 671»

Был ГУЛАГ вообще, ГУЛАГ общесоюзный, скажем так. Был ГУЛАГ только атомный, который начал действовать с октября

1946 года. В те дни И. Сталиным было подписано Постановление СМ СССР «О мерах обеспечения Главпромстроем МВД СССР строительства предприятий Первого главного управления при Совете Министров СССР», где значилось:

«Установить, что Главное управление лагерей промышленного строительства внутренних дел СССР является специализированной организацией для строительства предприятий и учреждений по линии Первого главного управления и непосредственно связанных с ним объектов других ведомств... Все освобождающиеся людские и материально-технические ресурсы направлять на стройки по линии Первого главного управления». Этим же документом категорически запрещалось «перебрасывать материально-технические ресурсы, кадры и рабочую силу со строек Первого главного управления на другие цели», что довольно наглядно будет продемонстрировано, в частности, и в нашей истории.

Центр лагеря – посёлок Синельга (в двадцати километрах западнее нынешнего райцентра Чары). Основные его подразделения находились в лагерных пунктах № 1 (Гора), № 2 (Мраморный ключ), № 3 (Сосновый бор, Синельга), № 4 (подсобное хозяйство, долина Среднего Сакукана), № 5 (Лагерный, Читканда), № 6 (Метельный), № 7 (станция Могоча на Транссибе), № 8, № 9 (Верхний Укокан – так сказано в архиве, но очевидно, что речь идёт о Верхнем Сакукане), № 10 (Сюльбан). До сих пор неизвестно точное местонахождение лагерных пунктов №№ 6 и 8. Думаю, ближе всех к ответу на это удоканский геологоразведчик В.Н.Самойленко (письмо его опубликовано выше).

В одном из писем **Сергей Константинович Вояковский** (ВСЕГЕИ), немало поработавший с архивами тех далёких лет, общал:

«Интересно получается: по фондовым отчетам Сюльбан является объектом № 2 Ермаковского РУ. Также в отчетах зафиксировано, что Читкандинское урановое месторождение – это объект № 5».

Через лагерь за 1949–1951 годы прошло 3735 заключённых, больше всего их здесь было в августе 1950 года – 2725 человек. В том же месяце было и 582 спецпереселенца, в их числе 411 немцев из западных краёв СССР, 95 «указников», 57 власовцев и 19 «оуновцев». Почти нет документов, подтверждающих, что в лагерь поступали политзаключённые. Но есть документы, рассказывающие о деятельности специального лагерного суда. За

1949–1951 годы он осудил 130 заключённых (повторно), в том числе 51 – по известной 58-й статье, пункт 14 – «контрреволюционный саботаж». Это были политзаключённые Борского ИТЛ, если их можно считать таковыми.

Давайте вернёмся к письмам читинца **Василия Иванова**, который, напомним, был заключённым лагеря с июня 1949 года и до закрытия, отбывал срок в его центре, если говорить о производственной стороне:

«...ОБ УСЛОВИЯХ СОДЕРЖАНИЯ. Жёсткими их назвать никак нельзя. Это был исправительно-трудовой лагерь, с нормальными условиями. Мы имели право читать свежие газеты и журналы и даже выписывали их. Регулярно смотрели кино, устраивали концерты художественной самодеятельности, различные соревнования. Регулярно получали почту от родных, в беспрепятственном и неограниченном порядке получали письма и посылки, имели свидания с родными. Ну какой же это жёсткий режим?»

О ПИТАНИИ. Кормили нас три раза в день. Питание было достаточным и вполне качественным. Никакого голода и недостатка мы не испытывали. Кроме гарантийного питания из общего котла мы имели возможность приобрести, в счёт своего заработка, кое-что из продуктов питания, курицу и даже вещи через торговую сеть лагеря. Так что мы никак не бедствовали.

О МЕДИЦИНСКОМ ОБСЛУЖИВАНИИ. При нашей точке постоянно находилась санитарная часть. При разводе на работу обязательно присутствовал медицинский работник и всех жалующихся на недомогание он осматривал тут же, в необходимых случаях освобождал от работы. Получить медицинскую помощь труда не составляло в любое время суток. Никаких недовольств на обслуживание не было. Всех серьёзно больных отправляли в посёлок Синельгу или в Читу.

О РАБОТЕ. Борский ИТЛ имел много точек, разбросанных на большом расстоянии в округе. Многие точки были строительного направления. Они строили дороги, посёлки, зоны, взлётно-посадочные полосы и др. Были и лесопромышленные точки, которые занимались заготовкой и переработкой леса. Наша точка – «Мраморный ключ» и «Гора» – была шахтовой. Мы занимались горно-промышленным производством, добывали руду урана. Никакой тайны в этом среди нас не было, мы знали, что делали и что добывали. Правда, потом, когда мы уходили оттуда, у нас брали подписку о неразглашении.

В горах ущелья были зарезаны три штольни. Там мы добывали руду, выдавали её вагонетками на-гора, по рудоспуску спустили её в ущелье, там её грузили в специальные контейнеры и автотранспортом увозили на ст. Могоча. Я работал в качестве откатчика, а затем бурильщика. Работали в штольне не более пяти часов. Мы знали, что работа наша вредна для здоровья.

Все рабочие процессы были достаточно механизированы. Бурили мы машинами ОМ-500 и ОМ-506 с колонок пневматического привода. В штольне была установлена вентиляция, подведён сжатый воздух. Руду выдавали вагонетками по рельсовым путям, проложенным в штольне до рудоспуска. Была своя электростанция, компрессорная и вентиляционная установка, инструменталка и небольшие мехмастерские. Работа, конечно, не лёгкая, но и не трудная, обыкновенная горная работа, как и на любом другом руднике. В качестве защиты от пыли мы имели респираторы. На работу нас водили под конвоем, а на месте работы мы находились в сторожевом оцеплении. Никаких эксцессов при конвоировании и в оцеплении с охраной не возникало. Всё шло в пределах дозволенного.

После закрытия лагеря вся наша точка была эвакуирована самолётами на Читу, а отсюда переправлена в Балей. При закрытии штолен нам сказали, что закрываются они на консервацию до определённого срока. Входы в штольни были подбурены и подорваны. Вход в них оказался заваленным. Всё оборудование в штольнях осталось на месте, его только обильно смазали машинным маслом. Что стало с ним потом, для меня неизвестно».

Абсолютное большинство сведений, что есть в письме Василия Иванова, подтверждается архивом.

Особенно много публикаций и съёмок о Борском лагере пришлось на 1989–1990 годы. Журналисты да и привлечённые свидетели, повествуя о нём, делали, по крайней мере, две серьёзные ошибки. Во-первых, всё Борское подразделение ГУЛАГа они сводили к «Мраморному ущелью» с соответствующими выводами. Вот один из них: «ущелье представляло из себя каменный мешок, из которого невозможно бежать, выход был только для мёртвых» (вспомните «Ущелье смерти» нашего «Комсомольца Забайкалья» за 2 марта 1988 года). Во-вторых, они видели в Борском лагере лишь карательную структуру, забывая о главном назначении его – участвовать в гонке с атомщиками США, то есть добывать и перерабатывать позарез нужное сырьё. Так что приоритетными были производственные задачи, а не карательные.

Памятуя об этом, не будешь удивляться тому, что заключённые Борского лагеря жили намного лучше, чем в большинстве других гулаговских вотчин.

Работая над темой Борского лагеря ГУЛАГа, мне пришлось не единожды побывать в архивных ведомствах. Штудировал документы, не жалея для этого времени. Вскоре понял, что нередко придётся читать, как говорил в одном из писем уже вам знакомый Василий Иванов, между строк. Архив, например, очень тщательно скрывает какое-либо прямое упоминание об Уране (альбите). Но несложно понять, речь в документах идёт о добыче руды сверхсекретной, имеющей чрезвычайное значение. И этому подчинены все интересы лагеря (далее мы об этом расскажем подробнее).

«Главной задачей на сегодня, – читаю в одной из архивных бумаг, – является безоговорочное выполнение плана строительства первой очереди, для чего должны быть мобилизованы все людские и материальные ресурсы, а также офицерский и вольнонаёмный состав лагеря и охраны». Господин Альбит выделил все необходимые финансовые и прочие ресурсы и начал жёстко требовать отдачи. Слуга – Борский ИТЛ – старается быть предельно исполнительным. Масштабы и темпы подготовительных и горных работ поражают, такой организации производства земля каларская больше не видела, её не было даже во времена строительства БАМа или железной дороги Чара–Чина–Карьерная. Ещё раз повторю: Борский лагерь действовал на громадной территории от Могочи до Синельги и в кодаро-удоканской округе с радиусом до 150 километров, а не только в Мраморном ущелье, на чём зациклились наши СМИ конца 80-х годов. В начале года подписан приказ об организации лагеря, а уже к осени того же 1949-го он был в достаточной степени готов к добыче Урана. И ведь делалось это в безлюдной и крайне гористой местности, в обстановке строжайшей секретности, то есть в максимально возможной изолированности и от Большой земли, и от земли, на которую пришли.

Не удалось найти в архивных бумагах и какого-либо упоминания о райцентре Чаре и Каларском районе в целом. Лагерные пункты были под номерами, но архив оперирует и географическими адресами: Мраморный (но нигде не было «Мраморного ущелья», это уже выдумка СМИ), Сьюльбан, Синельга, Могоча и другие. Тогда, спрашивается, почему не назывались адреса главные? И в каких отношениях были лагерь и райцентр, лагерь

и местный райком? Участники событий тех лет от таких вопросов уходят. И потому, что когда-то давали «подписку о неразглашении», и потому чаще всего, что ничего конкретного не знают.

В начале 1998 года в Каларском районе развернулись изыскательские работы, а потом и строительство железной дороги Чара-Чина-Карьерная. Узкая 72,5-километровая полоса. Но чтобы закрепить на ней и развернуть дело, потребовалась масса согласований. Заказчик поднял на ноги Чару, Читу и даже Москву. Борский лагерь, как уже отмечалось, создавался на 650-километровой трассе Могоча-Синельга и в кодари-удоканской округе радиусом до 150 километров. Лагерь подчинялся непосредственно Москве, был главной заботой Берии и потому на просторах Читинского севера чувствовал себя полным хозяином. Ему никаких разрешений ни от кого не требовалось, не было нужды вести переговоры с секретарём райкома или председателем райисполкома. Отсюда и полное отсутствие каких-либо упоминаний о Чаре и районе. Три года существовала эта вотчина ГУЛАГа, которая подчинялась только Москве, исполняла только её указания и отчитывалась только перед нею. Всё было подчинено альбиту (Урану). Гонка вооружений, создание советской атомной бомбы подхлёстывали всех причастных к Атомному проекту.

Повторю ещё раз: гулаговская вотчина на Читинском севере – не только и даже не столько Мраморное ущелье с двумя объектами, это ещё семь лагерных пунктов, развёрнутых в системе этого лагеря на каларской земле, и один – на земле могочинский. Некоторые из них по численности не уступали Мраморному, а порой даже превосходили его. Заключение пилили и перерабатывали лес, строили дороги и посёлки (их сохранность поражает и сегодня), отсыпали и прокладывали узкоколейные железные дороги, устраивали взлётно-посадочные полосы (их уже известно пять, без учёта чарской).

Хозяева Борского лагеря, рассчитывая на быстрый рост добычи Урана, планировали довести число заключённых к началу 50-х годов до 7200 человек (так утверждает архив). Но вскоре выяснилось, что промышленные запасы Урановой руды в этом районе неожиданно закончились. И лагерь пришлось срочно ликвидировать.

В моём архиве хранятся вырезки из крупнейшей газеты США «Вашингтон пост» за 1 октября 1989 года, двухтомник «Справочник по ГУЛАГу». Лучших публикаций и изданий по этой теме я пока не знаю.

Удивительно спокойно, выдержанно поведал о нашем лагере американский журналист М. Доббс в дни, когда вокруг Борского нагнетала страсти местная и центральная молодёжная пресса СССР. Вслед за Доббсом к Кодару приезжали сотрудники не менее известного издания – американского журнала «National Geographic» С. Реймер и М. Эдвардс. Не видел написанного и снятого ими, но говорят, что и они с задачей справились отменно. Их не возмутило даже то, что «Комсомольская правда» выжимала с них до семи тысяч долларов за право съёмки Мраморного, что и местная власть выгребла из карманов все оказавшиеся там рубли «на нужды коренного народа».

«Справочник по ГУЛАГу» француза Ж. Росси – уникальнейшее издание. В нём нет даже упоминания о Борском лагере, но оба тома, с первой до последней строчки, и о нём тоже, поскольку наш лагерь был образован в той системе. Француз отлично изучил и понял её. Рецензенты называли справочник энциклопедией, «где в сухой и безличной форме приведено больше проверенной и классифицированной информации, чем та, которой мы располагали доселе... И тот, кто углубится в эту книгу, ужаснётся, будет столь же потрясён, как при чтении искусно написанного повествования».

С сожалением приходится сознавать, что иностранцы преподали нам урок и здесь. Но не это главное. Главное – Борский ИТЛ, ГУЛАГ в целом давно вышли за пределы российской темы, российских интересов.

В 1959 году по Чарской долине, Кодару и Удокану совершил большое путешествие кинооператор **Михаил Александрович Заплатин**. Уместно подчеркнуть, что он был и очень опытным кинорежиссёром, журналистом, писателем. И это он выдал большому миру самые первые киноленты об удивительном крае по имени Читинский север; его книжки «Чара», «К ледникам Кодара», изданные в начале 60-х годов, читаются на одном заходе, если, понятно, их найдёшь. Мне посчастливилось в 1974 году быть с Михаилом Александровичем целый месяц в тайге, сплавать по Тунгиру и Олёкме, до и после активно переписываться (он так мечтал посмотреть и БАМ). Смее утверждать: работал он основательно, отлично выбирал очередную тему и с завидным мастерством доводил её до публикации или проката. Конечно же, побывал он и на Синельге, и в долине Среднего Саку-

кана, и в Мраморном ущелье, увидел ещё совершенно не разрушенные ни погодой, ни временем, ни тем более людьми остатки лагерных пунктов, предприятия. У него была уникальная возможность рассказать миру и об этой части путешествия, работы. Увы! Он был предупреждён, его рассказ более чем скромнен:

– ...Находим тропу. И сразу же видим три заброшенные избы. Неподалеку могила, обнесённая оградой. Надгробие – громадный камень, а на нём прибиты скрещённые ледоруб и геологический молоток. В центре перекрестья – портрет молодой женщины в рамке и надпись: «Азарова Нина Ивановна, инженер-геолог. З.Х.1915 – 24. VIII.1949. Погибла при исполнении служебного задания». Слева от портрета на камне высечены слова: «Азаровой от альпинистов». Это в память о ней назвал её именем В.С.Преображенский один из ледников Кодара.

Мы теперь идём хорошей, торной тропой. На некоторых горных ручьях встречаются старые деревянные мосты. Они осели, покосились, и потоки хлещут через них. На следующий день нам удалось, не без труда, забраться с кинокамерой в узкое живописное ущелье. Саша, глядя, как из-под наших ног куда-то вниз обрушивается поток, взял меня за рукав: «Понимаешь, здесь...» И всё, больше читать на эту тему у М. Заплатаина, в самой привлекательной главе «Чары» нечего. Они, те любопытные путешественники, уже знали многое, но тоже вынуждены были молчать.

В Чарской долине, по пути на озёра Леприндо, в зимовье Полтора Мошенника встретил Михаил Александрович и бывшего заключённого Борского ИТЛ Наума Ильича Тащенко, а потом рассказал об этом так:

– ...С первых дней Гражданской войны Тащенко сражался в рядах забайкальских партизан. Бился с колчаковцами и с бандами своего «двоюродного деда». Но самое страшное испытание судьба припасла ему впереди. Его оклеветали, припомнили родственные отношения с атаманом Семёновым, скрывшимся в Маньчжурии. На много лет затянулось несправедливое осуждение. Отвернулись жена, забыли его друзья и близкие. Так оказался Тащенко в горах Северного Забайкалья. Наконец правда восторжествовала, Наума Ильича реабилитировали, восстановили в правах и удостоили персональной пенсии, как бывшего красного партизана. Но уж близилась старость, и не было уже сил резко менять обстановку жизни. Даже хотелось уединения, и он избрал это далёкое таёжное зимовье, где числился сторожем. Рядом проходит путь с Витима в Чару. Здесь отды-

хают обозы. Люди греются, пьют чай, кормят лошадей. Я было сказал Науму Ильичу, что плохо так – одному, без людей. Наум Ильич покачал головой: «Это я раньше был без людей, а теперь я с людьми. У меня часто бывают гости». А потом улыбнулся и добавил: «Да и живу я не один, с приятелем. Он на чердаке. Бурундук. И занятие есть у меня: пишу». Он показал высокую стопку тетрадей. Позже, в Чаре, нам говорили, что Тащенко пишет стихи и прозу, что некоторые его вещи уже публиковались...»

Конечно же, при подготовке этого издания я обратился и к **Татьяне Давидовне Александровой**, супруге известного географа Владимира Сергеевича Преображенского. Его экспедиции на Центральный Кодар в 1958–1959 годах были первыми по горячим следам Первого Забайкальского Урана. В тех маршрутах, ещё на студенческой практике была и моя корреспондентка. И вот что пишет Татьяна Давидовна: «К большому моему сожалению, никаких записей не сохранилось. И очень мало воспоминаний... Когда В.С. Преображенский вывел нас (может быть, случайно) к территории лагеря, ограниченного колючей проволокой, он торопился оттуда выйти. Он был одержим всегда одной идеей – найти ледники, и всякие побочные явления отметал, дабы не тратить на них время. Думаю, на нем еще висел груз всяких репрессий, которым подвергались какой-то его дядя, его сестра Нина. Во всяком случае, он категорически возражал против исполнения нами «студенческих» (бывших зэковских) песен («Колыма», «Таганка» и пр.). Мы зашли на очень короткое время в пару домов, которые были достаточно темными (может быть, не было окон?) Там были то ли нары, то ли какие-то примитивные кровати, над которыми висели таблички с фамилиями и номерами «статей». Не помню, были ли там имена и отчества или только И.О. Таблички размером с лист А-4 или чуть больше. Я еще помню удивление, когда мы шли по Сакукану, и вдруг встречались приличные куски дороги, сложенные из бревен».

УРАНОВЫЕ ТРОПЫ: ПОЧЕМУ ЧИТИНСКИЙ СЕВЕР?

В 1945 году для поисков «альбита», добычи его и использования организуется Первое Главное геологоразведочное управление. К весне 1946-го для выхода в поле подготовили более 250 поисковых и разведочных партий, им для начала предстояло оценить уже известные Урановые проявления, отобрать или

найти перспективные, с промышленными запасами руды месторождения.

Итак, одни геологи выверяли уже известные Урановые следы, другие искали новые. Поскольку в те годы теория гранитоидного происхождения Урана считалась приоритетной, привлёк внимание и гористый Читинский север.

Богаты недра Читинского севера. Но давайте хотя бы на полчаса забудем о чинейских титано-магнетитах, удоканской меди, апсатском угле, катугинских редких металлах, сакунских сындыритах и оценим всё ту же землю каларскую меркой, тщательно скрываемой секретнейшим из архивов.

Первое Главное геологоразведочное управление Министерства геологии СССР. Смею утверждать, что не может быть полноценного разведчика недр, не знакомого с деятельностью этой советской фирмы. Давно нет ни управления, ни Министерства, ни СССР. Но никакому реформатору не удастся уничтожить дела, результаты того элитнейшего в геологоразведке подразделения.

А сейчас слово заслуженному геологу РСФСР, доктору геолого-минералогических наук **Борису Николаевичу Хоментовскому**:

– В «Забайкальском рабочем» от 12 июня 1999 года был опубликован очерк журналиста Анатолия Снегура о Мраморном ущелье на Севере нашей области «Вотчина ГУЛАГа». Материал интересный, и после его прочтения захотелось рассказать о человеке, сыгравшем в истории Мраморного ущелья большую роль.

В начале 1968 года я получил назначение на должность главного геолога только что организованного Приаргунского горно-химического комбината, который должен был стать крупнейшим предприятием по добыче Урана в стране. До этого я двадцать лет трудился на уранодобывающем предприятии в Средней Азии и имел достаточный опыт по поиску и разведке такого металла, а также проведения рудничных геологических работ.

Куратором нового комбината по геологическому направлению в Москве был назначен заместитель начальника отдела геологического управления Первого главка Министерства среднего машиностроения Кирилл Петрович Лященко.

Это был человек выше среднего роста, широкоплечий, с густыми нависающими бровями. Он имел крепкий, независимый характер и по многим вопросам собственное суждение. Его трудно было переубедить в тех случаях если он принимал собственное решение. Кирилл Петрович был старше меня на тринадц-

цать лет, с большим опытом поиска, разведки, экономической оценки месторождений полезных ископаемых, в рудничных геологических работах.

До перевода в Первое Главное управление он работал главным геологом крупного уранодобывающего предприятия на Украине, а до этого – главным геологом советско-германского акционерного общества «Висмут». Оно добывало уран на нескольких месторождениях на территории ГДР и в то время являлось наиболее крупным его поставщиком для атомной промышленности социалистического лагеря.

Кирилл Петровича, как известного специалиста, часто приглашали для оценки запасов полезных ископаемых не только на территории Советского Союза, но и за рубежом. С этой целью он бывал в Алжире, Сирии, Афганистане.

Вначале работа с Кириллом Петровичем шла у меня с осложнениями, по ряду вопросов мы имели разные мнения, и потому возникали острые разногласия. Но постепенно нашли общий язык. И наши отношения перешли в хорошие, товарищеские. В Москве мы встречались у Кирилла Петровича дома, в Краснокаменске – у меня. Вместе ездили в Хабаровск на совещание, разбиравшее результаты работы таёжной экспедиции и определявшее дальнейшие направления работы этой геологоразведочной организации.

Кирилл Петрович был награждён многими правительственными наградами, в том числе двумя орденами Ленина. История получения первого весьма интересна. В конце 1948 года И.В. Сталину доставили и положили на стол большой кусок урановой руды и доложили, что открыт советский «Висмут». («Висмут» – советское государственное предприятие, организованное после войны в германской провинции Саксония, где были найдены урановые руды; с 1946 по 1953 год «Висмут» выдал Атомному проекту СССР 9500 тонн Урана.– А.С.). В это время шло создание атомной бомбы, и страна остро нуждалась в природном Уране. Ещё не были найдены его крупные запасы, и металл добывался лишь на небольшом месторождении в Средней Азии, разворачивалась добыча в Германской Демократической Республике, а на всей территории нашей страны велись усиленные геологоразведочные работы.

Как оказалось, этот кусок урановой руды был доставлен с севера Читинской области, с предполагаемого крупного месторождения. Уже в начале 1949 года были приняты энергичные меры

по организации горнорудного предприятия. Об этом подробно рассказывается в уже упомянутом очерке. Предприятие строилось в условиях суровой сибирской зимы и необжитых районов севера Забайкалья, на расстоянии более трёхсот километров от железной дороги.

Как мне рассказывал Кирилл Петрович, три автомобиля («студебеккера») наглухо сваривались рамами и впереди устанавливался нож, которым с разгона срезали ледяные заструги на реках, прокладывали ледяные дороги, по которым шла и шла техника, везли материалы, продовольствие. Быстро строились лагеря для заключённых, жильё для администрации и вольнонаёмных рабочих. Но уже с самого начала созданное с таким трудом предприятие столкнулось с непредвиденными трудностями – запасов урановой руды для промышленной добычи там просто не оказалось. Как это выяснилось?...». Ответ на этот вопрос будет ниже.

Догонять сложно, тяжело, не всегда победно. Но тогда была победа, если говорить о масштабах Союза. И в той гонке участвовала земля каларская. Начальственная Москва впервые услышала об Удокане и Кодаре, Чине и Апсате, многих других читинских географических ориентирах. Только что вышедший из тяжёлой войны, удаленный и зажатый в труднодоступных горах тыл стал урановым фронтом Первого Главного, всей нашей ядерной индустрии. То, что сделали его люди в нашем крае, – настоящая сказка.

Мы славим и, уверен, ещё будем славить Удоканскую экспедицию Читинского геологического управления. Но не меньшего, скорее – большего, достойны и её предшественники. И не было этой славы до сих пор только потому, что всё ещё существует архив со строжайшим допуском. Не будем забывать, что основные из названных выше минеральных объектов земли каларской открыты Первым Главным. Но ведь у них, у предшественников, ведущей задачей был поиск урана. И они его нашли.

Итак, в 1948 году центр получил рапорт: «открыто месторождение Урана и названо Мраморным». Прочитал я однажды о нём такое: «Едва сообщение ушло наверх, как в Чару посыпались комиссии. Геологов, не успевших ещё толком обследовать рудопроявление, оттеснили генералы. Спешка была жуткая. Очевидцы рассказывают, что в Читку согнали десятки “Ли-2”. Их под завязку загружали зеками и перебрасывали в Чару, на секретный объект Синельга...».

Господину Альбиту тогда подчинялись все. Даже Берия, для которого Чара, Кодар и Удокан не были пустыми звуками. О своих надеждах, связанных с Мраморным, он докладывал лишь Верховному – Сталину.

Слово архиву: «С 1948 года начинаются специализированные работы в Кодаро-Удоканской горной области с целью поисков месторождений урана, проводимые экспедициями Первого Главного геологического управления».

Уже были готовы техническая документация для изготовления первых атомных бомб СССР, знающие дело кадры, промышленная и научная база. Не было лишь в достатке своего сырья. В том, что Уран есть в недрах бескрайних союзных просторов, мало кто сомневался. Его лишь надо было найти. И чем скорее – тем лучше. Чем больше – тем надёжней. Ради этой цели ничего и никого не жалели.

Массовые поиски начались с 1948 года. «Кодаро-Удоканская область» в этих поисках выдвинулась в ряд основных. Тем более что желаемые (так казалось тогда) результаты были получены здесь чуть ли не с первого шага.

Листая архивные страницы, не перестаю удивляться тому размаху, тем масштабам и целеустремлённости, что принесли с собой на мою землю люди Первого главного управления, Снежинская, Мангышлакская, Сосновская и Лесная экспедиции, номерные партии 6, 16, 129, 321, 456, 513, 609 и др. Собраны лучшие специалисты геологической отрасли тех дней: Александр Ивашенцев, Анвар Гарифулин, Владимир Дитмар, Анатолий Семихатов, Константин Метцгер, Арнольд Розенцвит, Григорий Падалка, Иван Сидоров, Мария Гапеева, Юрий Деньгин, Константин Денисюк, Давид Шилин, Фёдор Тищенко, Ефросинья Шапошникова, Юрий Казицын, Пётр Лученок, Г. Русинов, Т. Михайлова, Игнатий Гладких, Вениамин Токин, Г. Давлеанидзе, М. Тамбовцев. С. Щербинин – эти имена чаще всего называет архив. Жаль, не удалось пока добраться до их «личных дел», чтобы хоть имя-отчество расшифровать или прочесть «подписки о неразглашении». Доберёмся, прочтём. Героев надо знать. Тем более что наступает время открытой ими меди, редких металлов, многого прочего, чем богата моя земля каларская. Не снят с учёта и найденный в те годы каларский Уран. Сотни рабочих, техников и инженеров, получивших в своё распоряжение новейшие

(по тем временам, понятно) средства, штурмовали кодарские и удоканские перевалы, горные реки и снежники с ледниками. Как не вспомнить, к примеру, геолога Нину Азарову, погибшую в одном из кодарских маршрутов (о ней мы ещё расскажем)?

Поражает география тех каларских поисков. Район и тогда был самым большим в Забайкалье по территории. Но, листая архив, ловлю себя на мысли: а куда же они не сумели добраться? Саку, Большая Икабья, Кемен, Недоступный, Рассыпной, Глубокий, Скалистый, Средний Укокан, Читканда, Иманачи, Саламат, Бурхай, Большая и Малая Тора, Мраморный, Олдонсо, Наминга, Иманакан, Нерундукан – эти названия попадают чаще других (здесь и далее они даются в написании тех лет). И нужно было не только добраться с чарского или синельгинского аэродрома (был и такой в районе знаменитых Чарских песков) до того или иного урочища, но и тщательно его обследовать. Прежде всего на «активные рудопроявления», то есть на Уран. Кстати, слово «уран» в машинописных архивных отчётах партий не встретишь, есть только многоточия с рукописными добавлениями типа «уран», «теллур», «урановое рудопроявление» и т.п., сделанные перед самой сдачей материалов в секретнейший архив.

Началось, как уже сказано, в 1948 году с аэрометрических исследований верховьев реки Чары. Снежинская экспедиция должна была выявить радиоактивные аномалии с последующей наземной проверкой рудопроявлений. Первым «клюнул» ключ Мраморный – приток Среднего Укокана (ныне Средний Сакукан). Срочный наземный отряд с геологом Фёдором Тищенко во главе дал убедительное подтверждение аэросигналу. Слово архиву: «Открытие этого месторождения (его называли Ермаковским, или Мраморным.– А.С.) послужило основанием постановки в 1949 году широким фронтом планомерных поисковых работ на Уран в пределах Кодарского и Удоканского хребтов...» Быстро и организовано к Снежинской экспедиции подключаются другие подобные подразделения. На базе первого месторождения разворачивалось Ермаковское рудоуправление, рабочую силу которому поставлял Борский исправительно-трудовой лагерь, открытый здесь. А геологоразведчики поблизости находят ещё целый ряд заслуживающих внимания рудопроявлений, что подтверждало и теоретические предпосылки разворота Первого Главного на Кодаре и Удокане и укрепляло славу Мраморного месторождения – первого российского. Был сделан вывод о целесообразности дальнейших и более широких поисков по всей кодаро-удоканской территории.

Не надо думать, что всё делалось гладко, без проблем. Постоянные толчки из Москвы вынуждали спешить с выводами, о чём весьма убедительно говорят и архив, и вся история Борского лагеря и Ермаковского предприятия. «Работы проведены недостаточно качественно», «авторы допускают одностороннее, тенденциозное освещение перспектив», «в пределах исследованной площади месторождения и даже рудопроявления Урана с богатыми рудами отсутствуют» – подобные выводы в архиве нередки.

Но остались и другие выводы. Например, такой: «После ряда лет поисков работами Лесной экспедиции было найдено крупное месторождение урана, предварительная разведка которого является задачей 1953 года. Находка подобных же рудопроявлений урана в бассейне реки Олдонсо расширяет перспективы района, даёт предпосылки для увеличения поисков к востоку от Удоканского хребта».

Самое любопытное в процитированных строках заключается, на мой взгляд, в том, что вывод этот сделан в дни ликвидации и Ермаковского предприятия, и Борского лагеря. То есть эксплуатационники, скажем так, не получив нужных рудных запасов, из района уходят, а геологи вслед за ними грозят, если вам угодно, перспективами и уходить с земли каларской не спешат.

Трудно гадать, чем бы разрешилась та непростая ситуация, но в районе Кодара и Удокана уже разворачивалась и быстро становилась на ноги Удоканская, не иркутская или казахстанская, а наша, местная экспедиция. Она сразу же занялась своей главной целевой задачей – разведкой медного месторождения, открытого предшественниками. А об Уране каларском пришлось надолго забыть. Поиски Урана сместились в другие места, в частности, и на юг Читинской области, где после вырос Краснокаменск с его предприятиями и нынешней славой.

Что было – то было. Что ими выявлено – то ведь осталось. Хотим мы того или нет, а Уран в земле каларской есть, что не раз было доказано позже, доказывается и в наши дни. И мы гордимся тем, что он, первый разведанный и добытый, был использован в первых советских ядерных устройствах. Без них не было бы взрывов, возвестивших миру, что Советский Союз создал ядерный щит. Но основные Урановые запасы Читинского севера всё ещё в недрах.

Специалисты утверждают:

«Что касается урановой минерализации на севере области, где в пределах Сьюльбанской и Чарской перспективных площадей выявлены многочисленные проявления с богатыми рудами, приуроченными, как считалось, к крутопадающим разрывам, то они первоначально получили отрицательную оценку. Однако повторный, более тщательный анализ материалов, проведённый в последнее время, показывает, что наиболее вероятна ведущая роль не крутопадающих, а пологих тектоно-магматических структур, что позволяет более оптимистично оценивать ураноносность этого района» («ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ГОРНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ЗАБАЙКАЛЬЯ», Новосибирск, 1999 г.).

ЛЕСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Из старых блокнотов. 4 ИЮЛЯ 1998 года.

Пятьдесят лет назад была организована Лесная экспедиция. О ней нельзя было распространяться раньше. Специалисты, прежде всего геологи, не спешат делать это и в наше время. А ведь именно она и её ближайшие преемники открыли самые крупные и самые ценные месторождения Читинской области.

В 1986 году вышла книга «БАМ глазами геолога». Автор – **Евгений Козловский**, министр геологии СССР. Отличное и очень своевременное издание. Пожалуй, до него никто так открыто и много не писал об этой экспедиции. Высокий начальник, судя по тексту, и понятия не имел, как и для чего было создано это предприятие. Об Уране, которым срочно и в необходимом количестве нужно было обеспечить атомную индустрию страны, ни единого слова. Причина появления Лесной экспедиции сформулирована так: «Дальнейшее расширение минерально-сырьевой базы и улучшение её качества должно неизбежно происходить как за счёт доизучения старых рудных районов, так и за счёт открытия новых рудных районов в слабо исследованных областях». Книга отдаёт экспедиции приоритет в открытии удоканских медных руд, Это далеко не всё, что открыла она в нашей области.

В названной книге министр, вне сомнения, отлично знавший ситуацию в своей отрасли, особенно с подразделениями, ориентированными на специализированные поиски, пишет: «...Для проведения поисковых работ в январе 1948 года была организована специальная экспедиция, позже получившая название Лесной. Экспедиция проработала шесть лет – до 1 января

1954 года. Она быстро увеличивала объём работ и численность главным образом за счёт геологов Иркутского геологического управления. В 1948 г. экспедиция насчитывала 5 партий, в 1953 г. – 15». По вполне понятным причинам, Е.А. Козловский не упоминает ни Мангышлакскую экспедицию, ни тем более Соновскую, которые тоже трудились на земле забайкальской, в том числе и земле каларской. Их маршруты нередко пересекались, они объединялись и разъединялись. Откровенно сказать, в архивах – в воспоминаниях и даже в документах, над которыми всё ещё висят остатки секретности – очень трудно уяснить, проследить, кто, когда и что. Пусть уж этой делёжкой займутся архивариусы в союзе со знатоками – практиками и теоретиками – Урановой темы. Кстати, в нашей книге есть цветная вклейка «Автограф Владимира Петровича Зенченко», который в ответ на мою просьбу предложил своё изложение тех экспедиционных метаморфоз. Думаю, изложение, вышедшее из-под руки известного в СССР и России геолога-уранщика, довольно содержательное, ему можно вполне верить. А я продолжу повествование в меру своих возможностей.

В 1977 году вышла из печати большая и очень интересная работа ведущего сотрудника Читинского института природных ресурсов (ЧИПРа) **Валерия Задорожного** «Экономико-географический анализ геолого-разведочных работ (на примере одного из районов БАМа)». Понятно, о каком районе идёт речь. О Лесной экспедиции – ни слова. Недавно вышла книга «Минерально-сырьевые ресурсы Читинской области». Один из её авторов – **Владимир Чечёткин**, лучший знаток каларской геологии. Надо ли особо говорить, как долго мы ждали такое издание?! Надежды, смею утверждать, оправдались. Но о Лесной экспедиции тоже ни слова, хотя историческая часть книги достаточно солидная.

Таких примеров много, поскольку экспедиция уникальная, объём выполненных ею работ в отведённый срок колоссальный, открытия, как уже сказано, весьма значительны. Хочешь не хочешь, но об этом начали писать и даже упоминать Лесную. Но не о главном её предназначении. Над одними авторами всё ещё довлел давно закончившийся тридцатилетний обет – подписка на молчание, другие просто опасаются по привычке – не сказать бы лишнего. Мне не пришлось давать подписку. И в меру своего архива попробую подетальнее взглянуть на тайны Лесной. И пусть отдельные факты и выводы покажутся спорными, потре-

буют уточнений или даже опровержений. Лучше всё же иметь что-то, чем совсем ничего.

Итак, специальная экспедиция, потом названная Лесной, была оформлена приказом в январе 1948 года. А в весенние дни того же года её подразделения (сначала пять, а потом и десять партий) стали разворачиваться в Забайкалье, в Каларском районе прежде всего. «Поражает быстрота, оперативность и деловитость, с какими они начинали выполнять задание, – делится своим мнением старейший и опытнейший геолог района **Марэн-глен Николаевич Дэви**. – Тому, как были организованы поиск, разведка и даже добыча на открытых рудопроявлениях, мы завидовали всегда, в том числе и в лучшие годы Удоканской экспедиции, сменившей Лесную. Примечательно, что самые заметные открытия этой экспедицией сделаны в первые два года».

Да, самые заметные открытия на земле каларской ею сделаны в первые два года, хотя действовала она до 1 января 1954 года. Это вопреки нашей обычной практике, когда начальный период уходит на так называемое становление. Но что не сделаешь, когда над тобою ПГУ, МВД и лично товарищ Берия, когда Мингео держит тебя на поводке денно и ночью? Потому в экспедицию отбирались лучшие специалисты Москвы, Ленинграда и Иркутского геологического управления, как наиболее приближённого к театру Урановых поисков. Упомянутый министр геологии СССР называет такие фамилии: А.Г. Иващенко (начальник экспедиции), Г.Л. Падалка (главный геолог), И.С. Сидоров (главный геофизик), А.О. Розенцвит, А.Г. Гарифулин и А.А. Семихатов (главные инженеры); начальниками партий назначались прежде всего старшие научные сотрудники Всесоюзного геологического института, это были Ю.Г. Деньгин, В.Г. Дитмар, Л.И. Салоп, Д.М. Шилин, геолог из Москвы В.П. Полетаев, геологи из Иркутска А.В. Бильтаев, И.Ф. Гладких, П.Е. Лученок, К.А. Метцгер и другие. Понятно, по высшему разряду было поставлено снабжение всем необходимым, не могло возникнуть разговора о злополучном для наших дней финансировании. «Важно было не отстать, чтобы потенциальный противник тебя не обогнал», – отмечал позднее Ю.Б. Харитон, трижды Герой Социалистического Труда, наш ведущий учёный в ядерно-оружейном комплексе страны...

И конечно, все работы, выполняемые Лесной экспедицией, были сверхсекретными. В 1977 году названные выше начальник экспедиции А.Г. Иващенко и главный инженер А.О. Розенцвит выпустили замечательную книжку «Северное Забайкалье – за-

падная часть БАМа». В ней они пишут о многом, в том числе и об удоканской геологоразведке. Но опять же ни словом о Лесной экспедиции, которой, надо думать, отдавали свои лучшие годы и знания и в которой получили результаты на всю оставшуюся жизнь.

Свои главные открытия в Каларском районе экспедиция сделала на тех же Урановых тропах. Но попутно, внепланово, говоря советским языком. Конечно же, в первую очередь надо называть Удоканское месторождение меди. Далее в списке кодарский уголь, в том числе апсатский, сулуматские железистые кварциты, рудное золото Верхнего Сакукана. Всё это объекты, которыми позже занималась Удоканская экспедиция, которые составляют основу кодаро-удоканской сырьевой кладовой.

Можно много и по-разному гадать, когда бы и как было открыто главное минеральное богатство области да и России – Удоканское месторождение, не развернись в те годы в районе Лесная экспедиция. Именно она вызвала к жизни тоже знаменитую Удоканскую геологоразведочную экспедицию, которая не только завершила начатое Лесной, но и открыла много новых рудопроявлений и месторождений.

Историю Удоканского месторождения печать освещала достаточно полно, постоянно называя и имя первооткрывательницы Е.И. Буровой. Но не распространяясь при этом о Лесной экспедиции, в которой она состояла на службе; мы вообще забывали отдать должное названным выше А.А. Семихатову, А.Г. Гарифулину, которые прошли по удоканской меди вторым следом.

А открытие Сулумата?! В моём распоряжении есть письмо геолога из Иркутска **Игнатия Фёдоровича Гладких**, который работал в Каларском районе в 1948–1953 годах:

«Прилетел в Чару в 1948 году, – пишет он, – и был очарован неповторимой красотой ваших мест. Меня и моих спутников – геологов А.А. Семихатова и Ф.Ф. Тищенко – принял тогда первый секретарь райкома КПСС тов. Данильченко. Мы вместе обсуждали, как нам лучше начать и провести поисковые работы на Кодаре... С 1949 по 1953 год работал я начальником геологической партии, коллектив которой открыл в 1950 году крупное месторождение железистых руд в Кодаре, в междуречье Нижнего Сакукана и Сулумата. Первооткрывателями месторождения считаются А.Г. Гарифулин, И.Ф. Гладких, А.И. Журавлёв, А.И. Долгих, Л.И. Долгих, В.Ф. Токин...»

Надо заметить, преемники тех геологов, прежде всего удоканские, продолжая дела Лесной, в своих отчётах обязательно упоминают имена первооткрывателей. Но никогда не пишут, в каких условиях были сделаны эти открытия, не пишут об Урановых тропах к меди, углю, железу, золоту.

В истории Лесной экспедиции были и трагические страницы, что вполне понятно, если помнить о темпах работ и условиях района. Вот одна из этих страниц. В кодарских горах, всего в сорока километрах от райцентра Чары, на правом берегу Среднего Сакукана есть могила, увенчанная громадным камнем с надписью «Азарова Нина Ивановна, инженер-геолог. 3.X.1915–24. VIII.1949 гг. Погибла при исполнении служебного задания». Все туристы, кого тропа приводит в верховья Среднего Сакукана, приходят к этому памятному знаку, возлагают на могилу цветы или ветви кедрового стланика. Имя Н.И. Азаровой в печати упоминается нередко, но без всякой связи его с Лесной экспедицией, тем более – с поисками Урана. Её именем была названа самая первая улица в Новой Чаре – бамовском посёлке транспортных строителей. К сожалению, улица щитосборная, временная. А потому она уже снесена. Но память остаётся; будут в районе новые улицы, которым тоже потребуется имя. И давайте несколько приоткроем завесу над тайной гибели этого геолога, в чём поможет всё тот же **Игнатий Фёдорович Гладких**:

«Нина Ивановна Азарова – выпускница Новочеркасского геолого-разведочного института. Вместе с пятью другими сокурсниками этого же института прибыла в Чару где-то в апреле 1949 года. А в двадцатых числах августа того же года погибла, выполняя поручение рудоуправления по обеспечению топливом существовавший тогда рудник. Обстоятельства были особые – уголь оказался не внизу, под землёй, а наверху, на гребне водораздела, куда добраться можно было лишь физически подготовленным людям... Нина Ивановна справилась с этой задачей, даже затащила спальные мешки и палатки на этот пик, названный нами пиком Азаровой. Проработала она там, в поднебесной высоте, около месяца, не спускаясь вниз, в посёлок. Но тут подошёл праздник шахтёра. Захотелось отпраздновать его в кругу своих друзей там, внизу.

И всё обошлось бы, но ночью в горах выпал снег. Вы же знаете, Кодар припудривает снежком уже в двадцатых числах августа. Так было и тогда. Снег удесятряет опасность работы на скалах. Это знала Нина Ивановна. Но там, внизу, друзья. И вот

она вместе со своим спутником – рабочим Сашей Табертом (через год он у меня работал и подробно рассказал всё) стала спускаться вниз. Надо было сначала от палатки пройти по гребню водораздела метров пятьсот на север, миновать скальный обрыв высотой около двадцати метров, потом спуститься с этого обрыва в освоенное место, на небольшую площадку, и уже с неё начать спуск по ранее проложенному маршруту. В горах надо быть всегда вдвоём. Одному запрещено техникой безопасности. А тут Нина сказала: «Саша, ты иди в обход обрыва, а я спущусь здесь». Когда он вернулся к спуску, Нина уже лежала внизу неподвижной. Скорей вниз! Врач констатировал лишь мгновенную смерть от падения на скалы. Тело Нины Ивановны спускали вниз остальную часть дня, и лишь к вечеру добрались до палаточного городка на берегу Среднего Сакукана. А через три дня мы её похоронили там же.

СУДЬБА ЕЛИЗАВЕТЫ ИВАНОВНЫ

Из старых блокнотов. 16 АПРЕЛЯ 1999 года.

Заказал переговоры с Читой, чтобы согласовать с редактором командировку в Иркутск, к Буровой. Звонок. Но не Чита на проводе, а чарские друзья: «Мы получили письмо из Иркутска. Есть новости. Но главная – Буровой уже нет, умерла». Переговоры отменил, командировка ни к чему. Еще раз поразился, какой странной выглядит иногда наша жизнь. Друзья-то о моих иркутских планах абсолютно не знали, но враз всё сломали. А если бы не сломали? Каково бы мне, посланцу Удокана и области, пришлось в Иркутске? Местная и центральная печать в связи с 50-летием открытия Удоканского месторождения продолжает рассказывать о её знаменитом маршруте, не ведая, что героя среди живых уже нет (умерла она 25 марта 1996 года). Ну почему, почему ни один из многочисленной армии забайкальских геологов, из неменьшей армии наших других причастных к Удокану специалистов не знает об этой роковой дате и не позаботился, чтобы сказать хоть десяток приличных слов вслед ушедшему человеку? Почему? И какому человеку? Стыд и срам! Не могу простить себе этого. Подвело сознание того, что она всегда с нами и по-прежнему интересуется Удоканом. Подвело чувство, что так будет всегда.

Её винить не в чём, она прожила 83 года. И оставила после себя столько, что хватит многим поколениям. В том числе и нынешнему, неблагодарному.

Незадолго до этой потери геолог, её сосед **Владимир Петрович Зенченко** писал Президенту России: «...в забытьи, на жалкую пенсию по старости доживают и умирают первооткрыватели полезных ископаемых – лауреаты Ленинской премии. Один из примеров – *Елизавета Ивановна Бурова*, первооткрывательница уникального Удоканского месторождения. Живёт в Иркутске, ей 83 года. В декабре 1995 года перенесла обширный инфаркт. Скорая помощь, больница, реанимация. Заключение: «Бесперспективная». 29 декабря снята с довольствия и выписана. Через несколько дней нашлись люди, привезли её домой. И снова, теперь уже с болью в сердце, одиночество, бессилие. Даже за пригляд заплатить нечем. И как-то сам собой возникает вопрос: а где же хотя бы остатки высшей награды – Ленинской премии? Сохранилась она – оставлена на старость. Но дело в том, что на эту Ленинскую премию (1700 рублей), которая в 1991 году была арестована Сбербанком, а затем обесценена, сегодня нельзя купить даже полбулки хлеба. Обесценились лавры?! Как дополнение к изложенному факту – в этом же доме живут ещё четыре увенчанных лаврами первооткрывателя единственного в России крупного месторождения урана, на базе которого работает единственный в России, крупнейший в мире Приаргунский горнохимический урановый завод. Продукция этого завода последние годы идёт за рубеж. Ну а эти, ещё не умершие, последние первооткрыватели скромно доживают на свою трудовую пенсию (самая большая – 507 рублей), всеми забытые и даже осуждаемые: зря старались! А ведь жизнь их была легендой!» Так писал известный в Забайкалье и Иркутской области («Сосновгеология») геологоразведчик, первопроходец многих Урановых троп России.

На Ленинскую премию в день похорон Е.И. Буровой не удалось купить даже поминальную свечу.

В моём старом блокноте за 4 июля 1998 года есть такие слова: «Давайте вспомним о Лесной экспедиции в её юбилейный год. Давайте отдадим ей должное. Это надо сделать, поскольку раньше было запрещено. И это её первый юбилей, о котором мы знаем».

ЗНАМЕНИТАЯ «СОСНОВГЕОЛОГИЯ»: ОНИ ШЛИ ПЕРВЫМИ

Из новых блокнотов. 26 марта 2007 года

Сегодня в нашем распоряжении вполне достаточно документов, чтобы заглянуть в самые-самые сокровенные информационные хранилища Атомного проекта СССР. Думаю даже, что читатель этой хроники имеет основания упрекнуть автора в чрезмерном использовании того, что ещё вчера было секретом из секретов. В оправдание скажу (да вы это и сами видите): я никогда не пренебрегал и такими источниками, как воспоминания, как переписка последних лет. У занимающегося этой темой столько лет есть возможность оценить ту или иную информацию. Но я, видя, что мой корреспондент здесь или там ошибается (память человеческая ведь не очень совершенная штука), не спешу выбрасывать те или иные строки. Более того, не раз убеждался, что именно такое разногласье, разночтение того или иного события и подталкивает нас к размышлению, к новому поиску.

Иркутская «Сосновгеология»... Впрочем, почему «иркутская»? Ну и что из того, что она всю свою трудовую биографию базирует на восточно-сибирской столице? Это не столько иркутская организация, сколько всесоюзная, всероссийская. Это она была во главе Урановых поисков в послевоенные годы и выдала Атомному проекту СССР основные месторождения этого сырья. И было бы удивительно, не окажись её на Читинском севере в самый решающий период Проекта. Любопытно, какими они нашли и видели Первый Забайкальский Уран, первое российское Урановое месторождение. Дадим слово людям, что с кодаро-удоканскими Урановыми тропами столкнулись первыми.

Пётр Ефимович Лученок, сотрудник «Сосновгеологии» с 1947 года:

«...Опыта у геологов ещё не было, аналогов месторождений мало, а требования жёсткие. В основном же целенаправленные поиски развернулись после образования в 1947 году специализированной на уран Сосновской экспедиции. При этом следует отметить, что работы проводились как ревизионные, в т.ч. на угольных и других месторождениях, так и поисковые, в основном в северных районах, куда привлекли геологов торийсодержащие монацитовые россыпи, а затем и прямые находки урановых минералов и руд. Было открыто в 1948 году первое месторождение, чисто Урановое, в районе Чары геологом Тищен-

ко Фёдором Фёдоровичем. Называли его и Фёдоровским, и Ермаковским, и Мраморным. С открытием этого месторождения и ещё нескольких рудопоявлений Урана вблизи открытых начались первый урановый бум. Но так как секретность была жёсткой, до сих пор мало кто знает, что с момента открытия в районе Чары «Мраморного» месторождения урана, осенью 1948 года, до момента начала его разработки прошла всего одна зима. И это почти крайний Север, непроходимые горы, бездорожье. Тут сработала государственная потребность и бериевская лагерная система. Всё оперативно. Пусть вам расскажут об этом очевидцы...»

В моём архиве собралось немало разных материалов об открытии Мраморного месторождения. Но самым интересным и полным я считаю рассказ **Вениамина Федотовича Токина**, всю свою сознательную жизнь посвятившего геологоразведке, поискам Урана на востоке России. Вот основные фрагменты этого рассказа, вошедшего, понятно, в книгу иркутян «ПУТЬ К УРАНУ»:

«В конце 1947 года меня, геолога Восточно-Сибирского геологического управления, включили в список специалистов для проведения специализированных работ и вместе с геофизиком А.С. Горбуновым направили в Москву, на курсы по изучению методики аэрорадиометрических поисков, которая разрабатывалась в ВИМСе (Всесоюзный институт минерального сырья.– А.С.). Курсы были проведены на высоком уровне с практической работой в полевых условиях. Проводились планомерные вылеты с аппаратурой на съёмку в рабочем режиме. Результаты съёмки обрабатывались нами и выносились на карту. Лекции читали высококвалифицированные учёные – академик Д.И. Щербаков, профессор-минералог Мелков, конструктор радиометрической аппаратуры М.Н. Гольбик и др. Курсы мы закончили успешно. Нашу группу пригласили в Министерство геологии, где кратко ознакомили с планированием, экономикой, направлением работ. Одновременно в техснабе Министерства мы сделали заявку на аппаратуру, батарейное питание, снаряжение, запасные части. Кроме того, в «Аэрогеологии» оставили заявку на три самолёта ПО-2.

С прибытием в Иркутск при ВСГУ (Восточно-Сибирское геологическое управление.– А.С.) была создана лётная партия 25. Я был назначен начальником партии, а А.С. Горбунов – техруком. Операторский состав я отобрал на курсах, которые проходили в ВСГУ в 1946–1947 гг.

В проекте работ было предусмотрено проведение аэрофотометрической съёмки на двух площадях. Первая – в юго-восточном Забайкалье. Вторым участком был Баунтовский район с включением площадей в Северо- и Южно-Муйском хребтах. Местом базирования был аэропорт Верхний Ципикан. Район работ очень тяжёлый – с альпийскими формами рельефа. Населённых пунктов мало. Никаких дорог в районе нет, только вьючные тропы. Завоз снаряжения и продовольствия ведётся в зимнее время. Лётные работы выполнялись с одного аэродрома, потери лётных часов на подлёты и возврат были очень большими. Лётчики, стараясь держать надлежащую высоту, проявляли мужество, инициативу и умение.

Второй и третий год работы (1948–1949) ознаменовались тем, что партию перевели в разряд экспедиций и она стала называться Снежинской. Её начальником был назначен я, гл. геологом О.Н. Шанюшкин, техруком А.С. Горбунов, геофизики: А.У. Комаров, К.В. Решетникова, В.Н. Никольский. Начальниками наземных отрядов были назначены геологи Ф.Ф. Тищенко, Н.Н. Прутский, Н.П. Гаврилова. Все отряды были укомплектованы ИТР и рабочими. Экспедиции был передан старый лётный состав и добавлен для транспортных полётов связной самолёт. База экспедиции определена в районном центре с. Чара.

Прибыв в Чару, после небольшого отдыха, провели рекогносцировочные полёты. Началось планомерное изучение слабо исследованной ранее площади. Через год в районе работало уже 13 поисковых партий, целенаправленных на поиски урана.

Полёты в Кодарском хребте производились с большим риском для экипажей из-за сильно расчленённого рельефа. Каждый самолёт отрабатывал отдельную, отведённую ему площадь. Лётчик вживался в рельеф и местность, порой корректировал работу совместно со штурманом – так удавалось наращивать площади залётов.

В нашей работе очень помогал ионизационный прибор. Особо по ионизации резко выделялась долина р. Ср. Укокан, в её верхнем течении (речь, конечно же, идёт о реке Средний Сакукан. – А.С.). Имея эти данные, лётчик Б.Л. Шмаков и предложил нам вариант облёта долины с её верховьев. Два его развилка берут начало с двух ледниковых каров на высоте более 2400 м. Стенки каров почти отвесные, северные стенки сильно изрезаны, с остроконечными пиками.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 172-52сс

от „15“ января 1949 г. Москва, Кремль.

Об организации геолого-разведочных работ на Ермаковском месторождении свинца.

Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать Первое главное управление при Совете Министров СССР (г.Ванникова):

а) организовать в 1949 году промышленную разведку на Ермаковском месторождении свинца, открытого Министерством геологии, и попутную добычу свинцовой руды;

б) организовать для этой цели в системе Первого главного управления при Совете Министров СССР Рудоуправление;

в) присвоить Рудоуправлению наименование "Ермаковское рудоуправление";

г) представить не позднее 1 июля 1949 г. на утверждение Совета Министров СССР задание по добыче руды на 1949 год на Ермаковском месторождении и в 1 квартале 1950 г. на утверждение Всесоюзной комиссии по запасам - разведанные запасы металла;

д) построить в 1949 году:

автомобильную дорогу от посёлка Временного (условное название посёлка Нелятн) до села Синельга (условное название села Чара) протяжённостью 300 км;

автомобильную дорогу от села Синельга до свинцового месторождения;

перевалочные базы: "Сибирскую" базу (в г.Чите) на 2000 тн, базу "Б.Кичири" (в Романовке) на 1000 тн., базу "Временную" (в Нелятах) на 1000 тн. и базу "Дальнюю" (в с.Синельге) на 2000 тн. грузов и склады горюче-смазочных в Чите и в Романовке на 500 тн, в пос. "Временном" на 300 тн. и в Синельге на 1000 тн;

постоянной жилой площади в с. "Синельге", Романовке, пос. "Временном" и на месторождении 5000 м² и отеплённых палаток 3000 м²;

е) построить на месторождении поверхностные сооружения рудника,

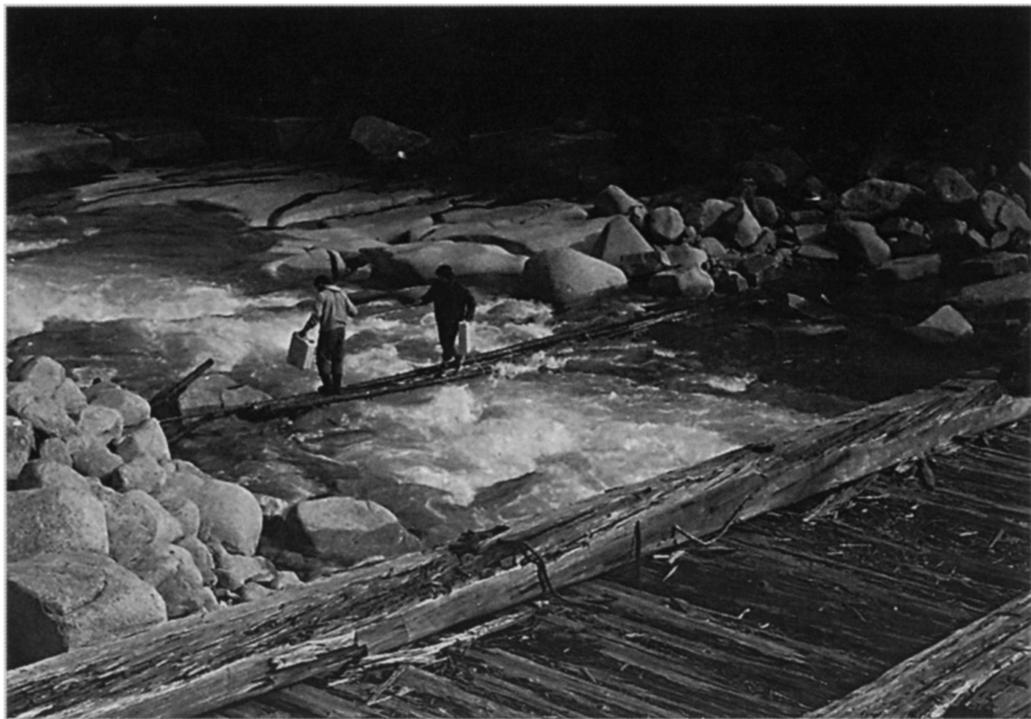
Перекур в маршруте по Большой Икабье, 1950 г. Слева направо: Анвар Гарифулин, главный инженер Мангышлакской экспедиции, Александр Иващенко, начальник этой экспедиции, А.Журавлёв, В. Тертычный, И. Марков, начальник Ермаковского рудоуправления

*Образцы урановой руды с Кодара, выставленные в музее
Российского федерального ядерного центра*

Первая в 80-х годах экспедиция к Мраморному ключу (1988 год)

Мраморное ущелье. Таким мы увидели его в 1988 году

Мраморное ущелье. Таким мы увидели его в 1988 году

Открытие автосимника для Холболка. В рейсе (слева направо) начальник партии Анатолий Давыденко, водитель Владимир Раздобреев, рабочий Александр Лахтуров и водитель Валерий Бурлаков (февраль 1986 года)

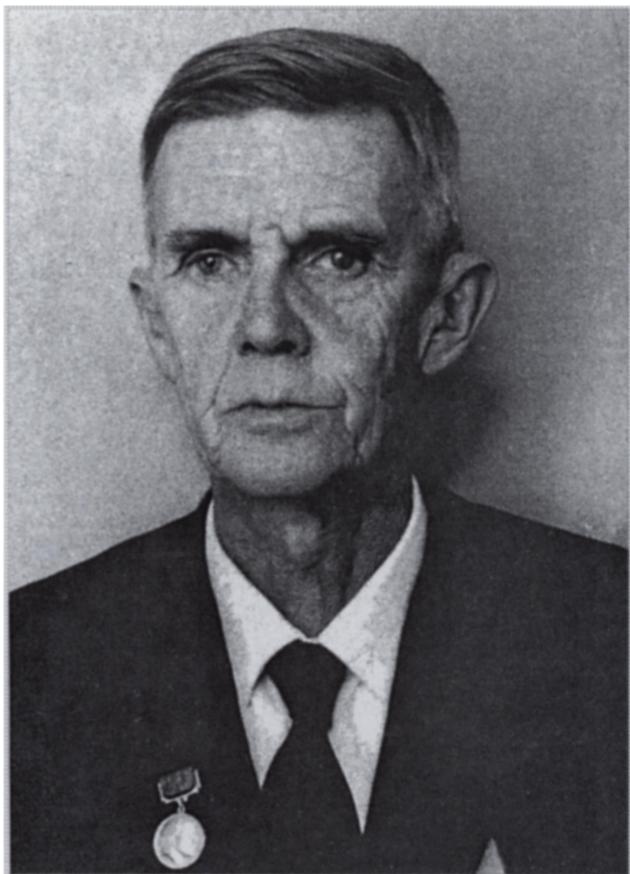
Пробивка Бургайского автосимника к Холболку. Первый вездеходный рейс. Слева направо: начальник партии Анатолий Давыденко, начальник гаража Анатолий Черепанов и водители Владимир Пушкарёв и Александр Клименко (март 1986 года)

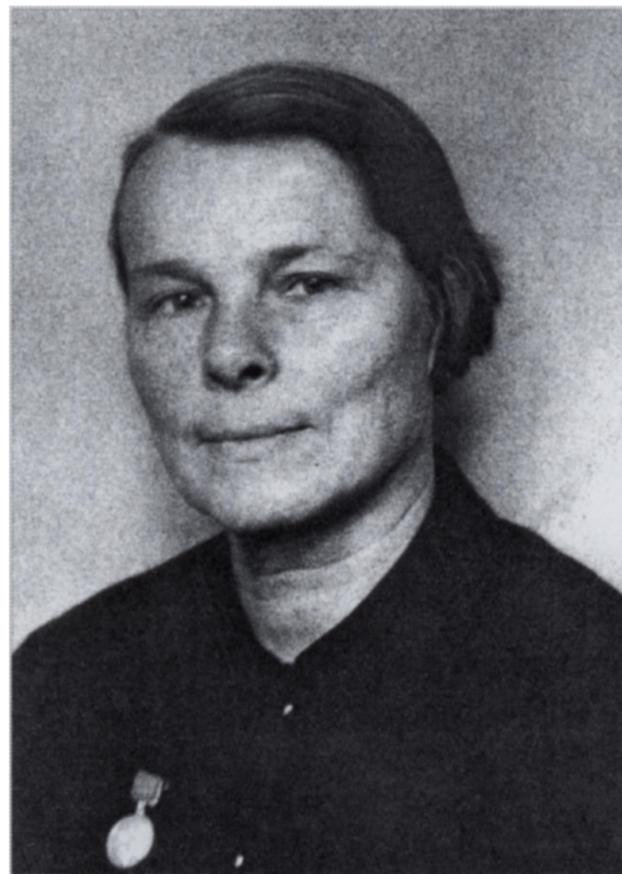
Эти механизаторы Удоканской экспедиции пробили самый короткий путь к Ничатке и Холболку, по которому можно было проехать и летом. Слева направо: Виктор Дубовиков, Виктор Соколов и Николай Хохряков

Водители Удоканской экспедиции на закрытии автосимника (март 1987 года)

*Геолог-уранщик Анатолий Анатольевич Семихатов,
лауреат Ленинской премии, известнейший
организатор Первого Забайкальского Урана*

*Геолог-уранщик Elizaveta Ivanovna Burova,
лауреат Ленинской премии. В горах Удокана искала
Уран, а открыла известнейшее в России и
мире месторождение меди*

Производственная зона ОЛП-10 (верховья Сюльбана)

Эстакада у штольни для пустых пород

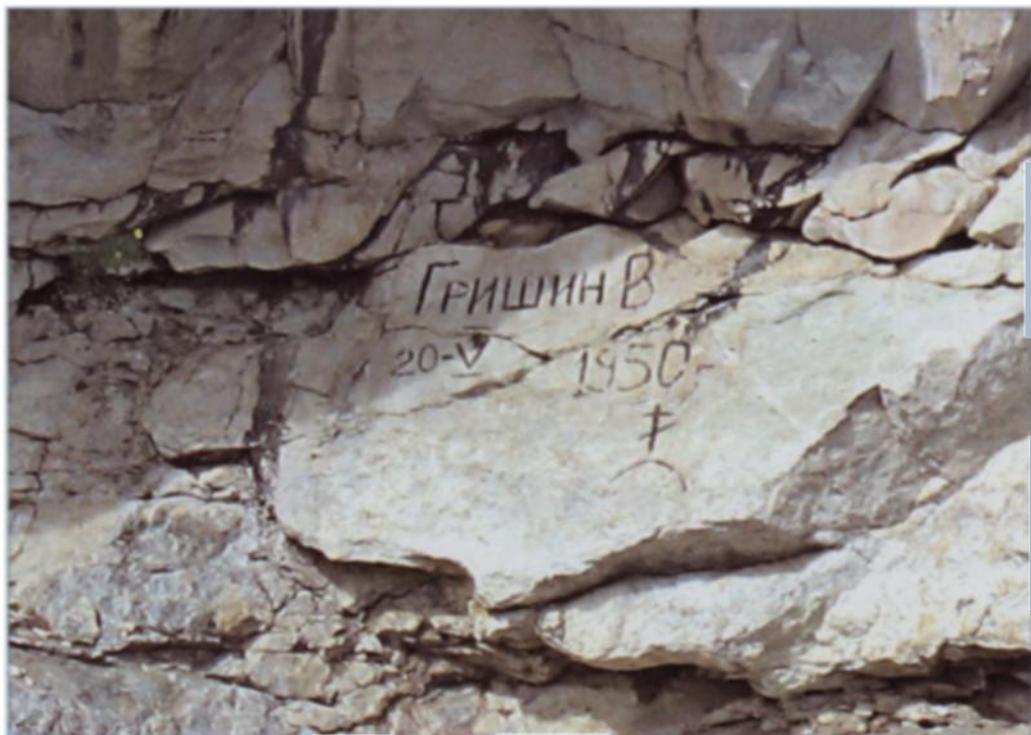
Шурфы первого Забайкальского Урана

Удивительно сохранившиеся штольни тех проектов

Рукотворные горы-отвалы

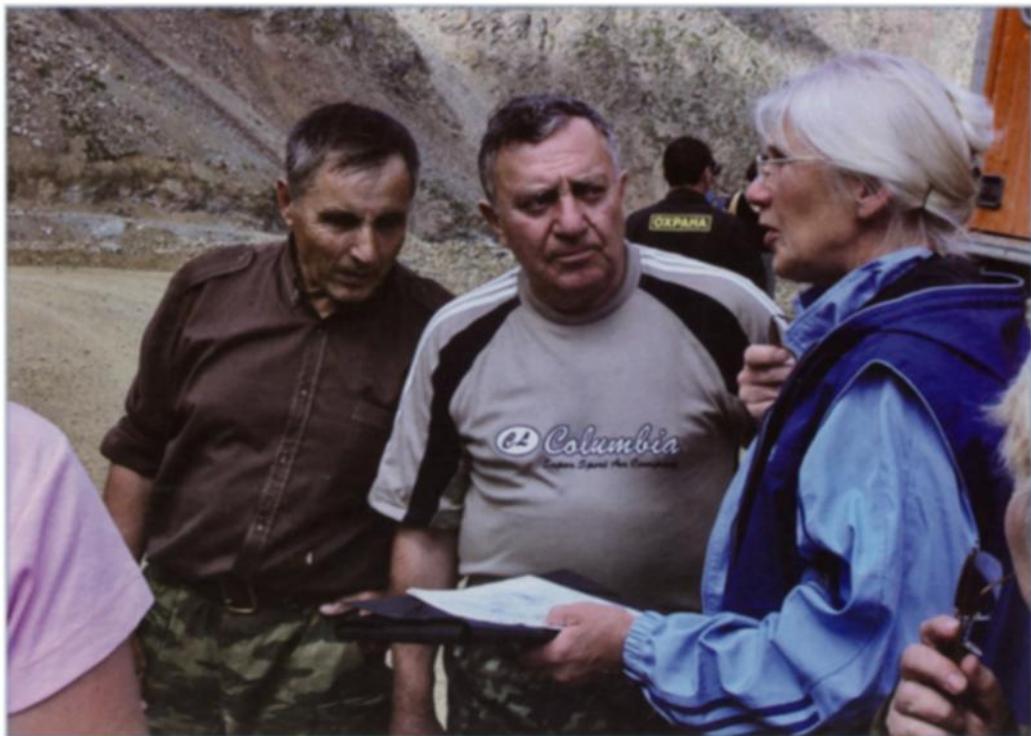
Сюльбанский привет из 1950 года.

Село Неляты – опорный пункт Первого Забайкальского Урана

*Село Чара, где начинались и заканчивались многие маршруты
Первого Забайкальского Урана*

Известнейший в Забайкалье геологоразведчик Владимир Николаевич Павлык (в центре) встретился с удоканскими ветеранами-коллегам Климом Семёновичем Казановым и Натальей Борисовной Беловой

Лидеры Холболукской поисковой партии Удоканской экспедиции супруги Галина и Анатолий Давыденко в наши дни (январь 2010 года)

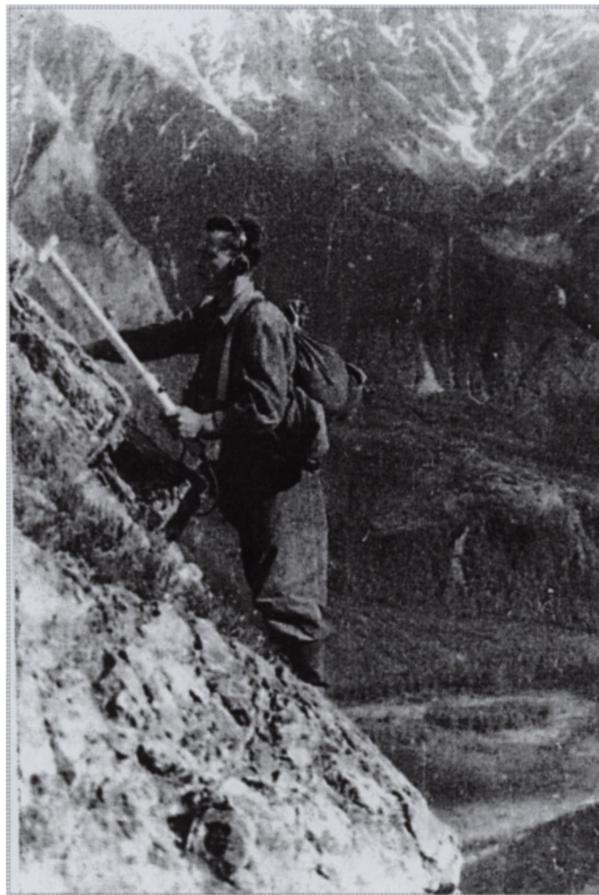
Кому нужна та колючка сегодня?

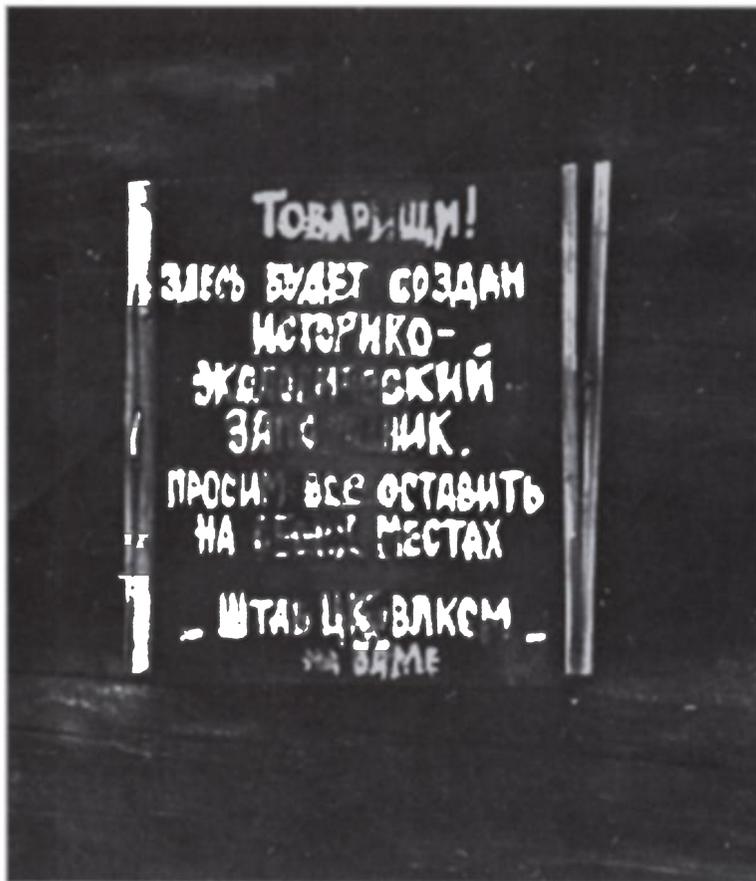
*Эти объекты в каларской горной тайге
сохранились лучше всех*

*Супруги Вера Парфентьевна и Юрий Гаврилович
Роговы тоже искали Уран, а открыли первое
и единственное в мире месторождение чарюита
(фото 1971 года)*

*С радиометром – непременным участником
маршрутных будней – по удоканским скалам*

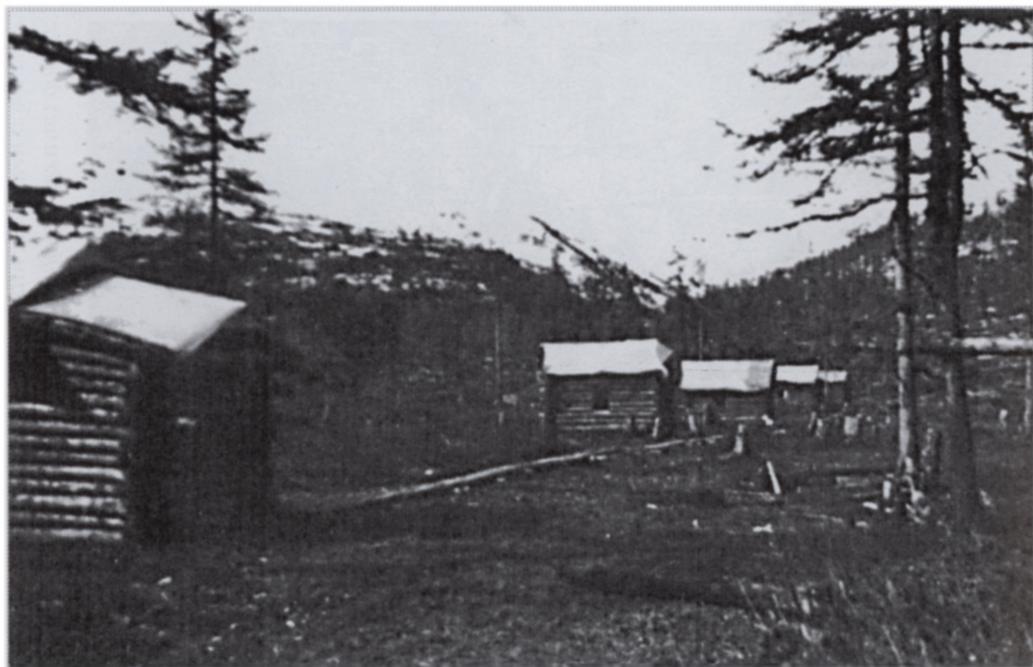
Комсомольские следы в Мраморном ущелье

Первая пробивка автосимника в район Ничатки, где в новом тысячелетии развернулась «Сосновгеология». Слева направо: Николай Филатов, Леонид Сидоров, Николай Скажугин, Олег Димов, Василий Парфёнов и Владимир Павлык.

Палаточный городок в долине – с них чаще всего начинались базы, опорные пункты урановых маршрутов на земле каларской

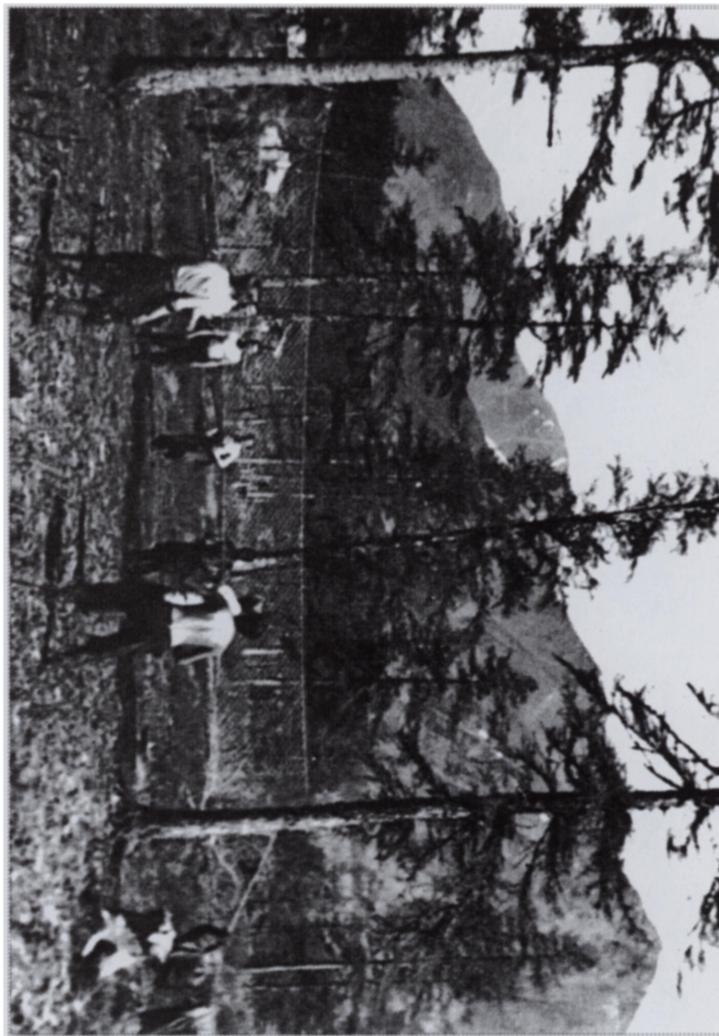

Улица Икабийской партии. 1950 год

*Кигиллях – единственный, кто имел допуск
ко всем северочитинским урановым объектам*

Первый волейбольный матч в горах Удокана (1950 год)

ИЗ ОТЧЕТА ЭКСПЕДИЦИИ КАЛАРСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 2009 ГОДУ

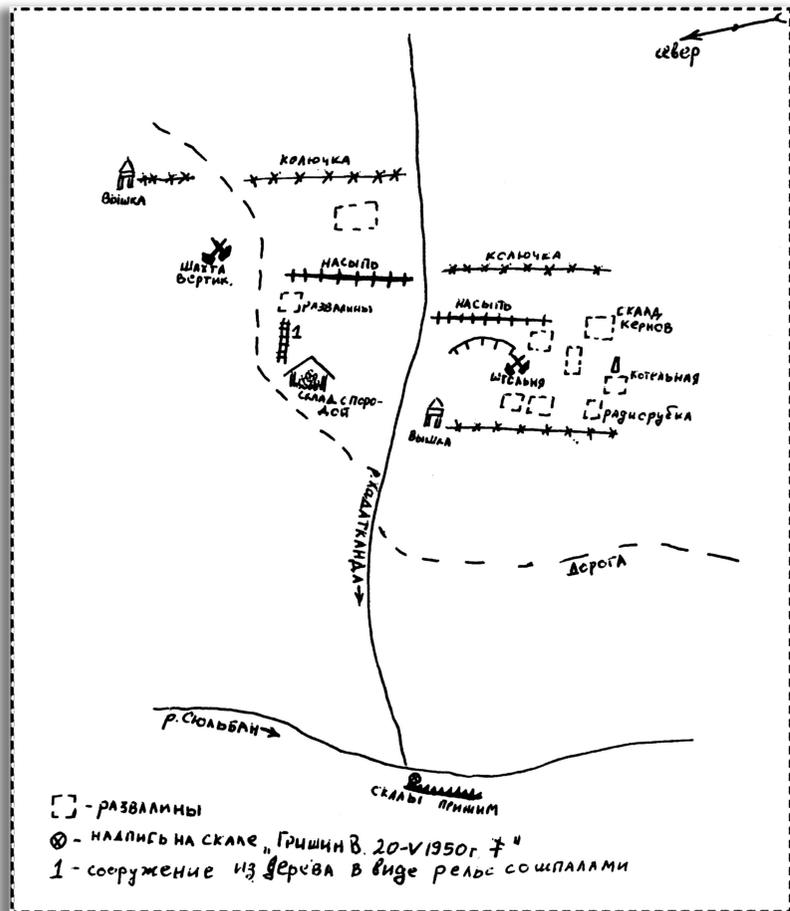

Схема отдельного лагерного пункта № 10
«р. Сюльбан, р. Хадатканд» (Борского ИТЛ)

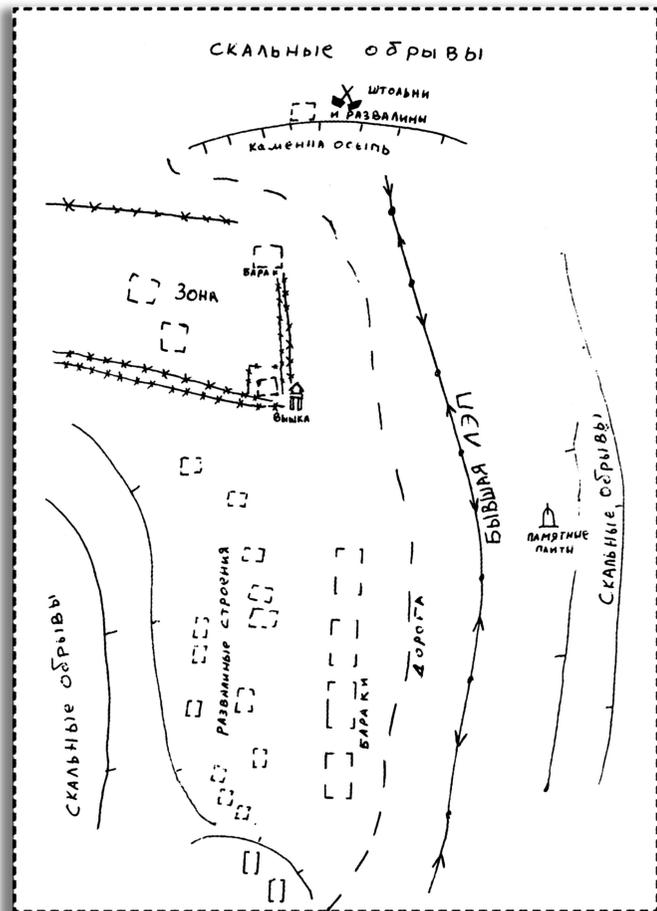

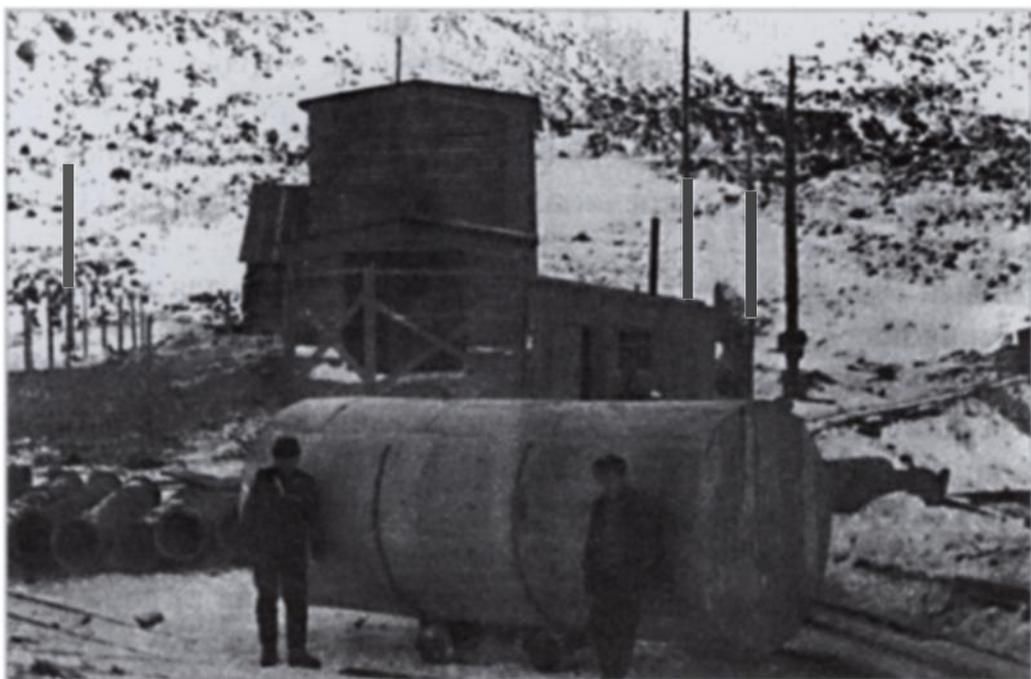
Схема отдельных лагерных пунктов № 1 «Гора»
и № 2 «Мраморный ключ» (Борского ИТЛ)

*Это они – Владислав Николаевич Мохов (слева)
и Юрий Алексеевич Трутнев (справа) –
были ведущими разработчиками удоканского заряда*

*Им было предписано взорвать Удокан «чистым ядерным зарядом».
В ожидании команды на станции Могоча: Э.А. Цибулин, Е.А. Крутяков,
Ю.Ф. Жуков, Б.М. Бородянский, Н.А. Розарёнов и неизвестный*

Макет ядерного устройства в натуральную величину, который лучшие проходчики Удоканской экспедиции катали по пятой штольне

Остатки некогда знаменитого геологического посёлка Наминга – базы в подготовке удоканского ядерного взрыва

ФОНД ВСЕГЕМ

№ 289

ГЕОЛОГИЯ ВСЕГЕМ

№ 37

Министерство Геологии СССР

Первое Главное Геологическое Управление
МАНГУШЛАКСКАЯ ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Роспись
24.01.54

ГЕОЛОГИЯ ВСЕГЕМ

№ 289

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ
(только зр.м.А-6 в сафшаксе)
ШИЛИН Д.М., ПЛОСНИКОВА Е.Н.
КРОНИЦОВ И.И.

Отчет партии № 2

ГЕОЛОГО-ПОИСКОВЫЕ РАБОТЫ В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕГО
ТЕЧЕНИЯ р. СЮЛЬВАН

/Средне-Витязовская горная страна /

Начальник Мангушлакской
геологической экспедиции

A. Levashina

/Левашина А.И./

Главный инженер экспедиции

Sidorov

/Сидоров А.И./

Главный геолог экспедиции

Stadnik

/Стадник Г.И./

г. Ленинград

1950 г.

289

Центральная, жилищно-административная часть Мраморного ущелья

Вход в Мраморное ущелье

Вышка, колючка... Они прежде всего открываются вашему взгляду

Строительство на столбах помогло им подружиться с вечной мерзлотой

Дом из первой улицы Мраморного (ОЛП-2)

Ещё не разграбленный стол с находками

Инструмент Первого Забайкальского Урана

Как им было тут?..

Ключ Мраморный. «Всего лишь?» – восклицает почти каждый турист при первом знакомстве с ним

В честь первопроходцев

*Памятная плита, установленная в Мраморном
 в юбилейном 2009 году*

Промзона ОЛП-1 (Гора)

Примерка

Геологи-уранщики Кирилл Петрович Лященко (справа), кому пришлось дать решающее заключение по Мраморному месторождению, и Борис Николаевич Хоментовский – активнейший участник изданий «КЛЮЧА МРАМОРНОГО» (Хабаровск, 1982 год)

Остатки самой первой ЛЭП, построенной в каларских горах

Идея Б.А. Шмакова нами была поддержана, решение было принято. Я, совместно с оператором Ленским, вылетел в 3 ч 30 мин утра на рекогносцировку. Самолёт набрал высоту выше хребта 2800 м. Лётчик начал планировать в правый кар. На стенах кара были видны яркожёлтые, красноватые налёты, протягивающиеся по стене полосами. Ионизация росла молниеносно. Резко был зафиксирован очаг в каре и далее по ледниковой морене до крутого её спуска в долину. Одновременно росла и радиоактивность.

Такие полёты были проведены трижды. В последний полёт был включён начальник наземного отряда – геолог Ф.Ф. Тищенко, который и был рекомендован для оценки этой аномалии. В полёте он визуально ознакомился с местностью, рельефом и подходами к выявленной аномалии. В конце августа отряд Ф.Ф. Тищенко был сформирован. В отряд попросился бортоператор Н.И. Самсоненко, т.к. он плохо чувствовал себя в полётах. С трудом в колхозе для отряда получили в аренду 15 оленей и 3 лошади. Оснащённый для работы на 20 дней, отряд вышел через пустынные барханы к щёкам р. Ср. Укокан. Путь к верховьям был очень трудный. Лошади были плохо подкованы и на половине пути их пришлось оставить. Через шесть дней отряд подошёл к большому языку ледниковой морены, круто спускающейся в долину. Здесь отряд оборудовал свой лагерь, т.к. дальше нельзя было двигаться из-за большой крутизны и нагромождения крупных глыб. Сделав отдых на один день, отряд двинулся дальше в район правого кара, там, где на стенках визуально были отмечены ярко-жёлтые налёты. Невероятно, но с первых шагов была зафиксирована резко повышенная радиоактивность отдельных глыб.

Проработав не более двух часов, все приборы вышли из строя. Вначале они все зашкалили, а затем не стали работать. Операторы решили, что приборы отсырели и их нужно сушить и протирать спиртом. Так и сделали. За это время геолог Ф.Ф. Тищенко детально осмотрел ледниковые отложения разнообразных по составу пород. На многих глыбах сланцев и изменённых гранитов были видны чёрные включения радиоактивного минерала – «бобчики». Так в шутку окрестили их отрядники. По стенкам каров, где виднелись налёты, были установлены прожилки чёрного высокорadioактивного минерала. Ф.Ф. Тищенко определил, что это урановая смолка (?), а налёты – вторичные урановые минералы. Он сделал детальную зарисовку кара до высоты 10–15 м, дальше

не смог, т.к. стенка была отвесной. Жильные образования визу- ально прослеживались далее вверх по отвесной стенке. Прорабо- тав в каре неделю, Ф.Ф. Тищенко направил записку в экспедицию о находке рудопроявления и выслал две пробы. День прихода на базу нарочного был сенсационным. Минералог Г.К. Проценко опре- делила, что чёрный минерал – уранинит, а налёты – уранофан.

В Верхнем Ципикане в это время работала Мангышлакская экспедиция ВСЕГЕИ. Там находился куратор Главка по Урану профессор Г.А. Падалка. Он был уведомлён об открытии и сроч- но вывезен нами с Ципикана в Чару. Через пару дней главный геолог экспедиции О.Н. Шанюшкин совместно с профессором Г.А. Падалкой вышли с караваном лошадей и оленей в отряд Ф.Ф. Тищенко. Встреча с отрядом состоялась через пять дней. К этому времени Ф.Ф. Тищенко разобрался с геологией участ- ка, установив целую серию ураноносных мономинеральных жил и включений. Породы были сильно изменены, радиоактивность более 3 тыс. гамм. Тищенко сделал своё заключение: докумен- тацию стенок кара нужно вести альпинистам-геологам. Выяв- ленное месторождение им было названо Мраморным. Оно распо- лагается на высоте 1870 м плюс ещё 100–150 м идущих вверх отвесных стенок кара, т.е. 2000 м. Месторождение находится в зоне ледникового выветривания. Растительность отсутству- ет. Коренные ледниковые отложения несут также в себе запасы урановой минерализации. После посещения участка О.Н. Ша- нюшкиным и Г.А. Падалкой сложилось твёрдое убеждение, что участок заслуживает организации детальных работ с проход- кой штольни вкрест установленных жил и обязательным опо- искованием всего бассейна р. Ср. Укокан. Срочно была составле- на объяснительная записка по участку и отправлена в Соснов- скую экспедицию. Вскоре из Сосновской экспедиции пришёл вы- зов О.Н. Шанюшкину и Ф.Ф. Тищенко. В Иркутске всё доскональ- но было доложено руководству. Главк, после полученных данных об открытии, направил в Чару свою комиссию с включением в неё геологов Минсредмаша (МВД) (Минсредмаша в 1948 году ещё не было, речь, скорее всего, идёт о Первом главном управлении при Совмине СССР.– А.С.).

После короткого посещения объекта комиссия МВД решила: ра- боты Снежинской экспедиции на участке прекратить, участок принять для проведения эксплуатационно-разведочных работ.

Министр геологии П.Я. Антропов уведомил экспедицию (де- кабрь месяц), чтобы немедленно в Москву был направлен пер-

вооткрыватель для доклада об открытии Правительству. Началось, что Антропов П.Я. и первооткрыватель Ф.Ф. Тищенко будут докладывать лично Л.П. Берия. В его руках в то время находились все работы по Урановой промышленности, а также все данные по наращиванию запасов Урана в стране. В Москву с Ф.Ф. Тищенко была направлена и глыба с Уранинитом весом около 40 кг, её радиоактивность достигала 10 тыс. гамм. В Москве Тищенко был на приёме у министра геологии и его заместителей. Его сообщением и результатами работ все были довольны. Через два дня составлена записка для Правительства. В назначенный день и час министр геологии П.Я. Антропов и Ф.Ф. Тищенко были в Кремле, в приёмной Л.П. Берия. Встретил их его помощник и объяснил, что Л.П. Берия занят, сообщение выслушал и принял от них правительственную справку. Одновременно он подтвердил, что месторождение берёт в эксплуатацию МВД. Был вопрос к министру геологии: «Что нужно, чтобы Сосновская экспедиция развернула работы с большим числом партий на будущий год и последующие годы?».

Здесь же от министра была принята заявка на оборудование, снаряжение, транспорт и т.п.

В считанные дни декабря было создано Ермаковское рудоуправление. Руководителем стал бывший начальник «Алданзолото» полковник МВД Мальцев (горняк). К концу декабря началась заброска грузов и заключённых...».

А вот как эту ситуацию описывает **Владимир Петрович Зенченко**:

«...Для примера азартных решений вернусь снова к концу соловых годов. Снова к району Чары. Проследите ход и темпы событий, читатель.

1948 год. Лето. Пилот Ананьев Саша и бортпроводник Ленский Саша на развороте в скалистом «Каре» ключа Мраморного фиксируют радиоактивную аномалию.

В августе начальник партии Токин В.Ф. посадил в кабину на место штурмана геолога Тищенко Ф.Ф. для показа места аномалии и сброшенного вымпела на россыпь глыб под скалой с «жёлтыми побежалостями». И уже в сентябре Фёдор Фёдорович Тищенко с небольшим отрядом добирается до места аномалии. При этом отметим условия: кони по глыбам не дошли и без продовольствия сдохли, пока их коноводы-геологи изучали в азарте радиоактивные глыбы с урановой смолкой (!). Это была первая находка контрастных и богатых по содержанию урана руд

не только в Сибири но и, пожалуй, в СССР. Процентные руды. Правда, в глыбах. Отдельных глыбах. Но факт.

В конце октября Тищенко Ф.Ф., по указанию Главка, доставляет “образец процентной руды”... в Москву, в приёмную Л.П. Берия.

В ноябре решение: начать добычу, не дожидаясь результатов наземных поисков и разведки.

В декабре в Читинском аэропорту появляются десятки прикомандированных для спецзадания самолётов «Ли-2». Одновременно расширяется посадочная полоса в посёлке Чара. Начинается переброска военных строителей, горняков и “заключённых” из Читы до Чары самолётом, а дальше – до месторождения, названного “Мраморным”, пешком по льду и снежным сугробам.

Начало 1949 года: строительство и первая добыча Урановой руды из штольни и выборочно из глыбовых россыпей. Отгрузка уранового концентрата самолётами «по назначению».

Конечно, читатель, такая спешка и азарт не от хорошей жизни: в стране под контролем Л.П. Берия – каждая тонна Урана и под личным контролем И.В. Сталина – сроки изготовления первой советской атомной бомбы.

Почти все специалисты Сосновской экспедиции сосредоточены в Чарском районе. Научные геологические кураторы тоже.

Интересен при всём этом и научный азарт учёных.

Летом 1949 года в Чару прилетает профессор Падалка Григорий Лаврентьевич и сразу просит доставить его в район поисков вблизи «Мраморного» месторождения. Но как? Уговаривают лётчика Сашу Ананьева рискнуть и высадить профессора на обрывистое высокогорное плато с подбором площадки с воздуха. Лётчика уговаривают, о себе не думают. Уговорили. Полетели. Сели.

Первая мысль: лучше бы не садились – как взлетать?

Самолёт в те времена мог ждать неограниченно – всё в интересах геологии урана.

После «научного ознакомления» надо вылетать обратно. И снова вопрос. Как?

Площадку десятками метров можно измерить. Камни. Мох. Высота. Последняя решила дело, и выручил «По-2».

– Закрывайте глаза, профессор!

Самолётик разбежался и, как выражалась Женя Никольская, ухнул с обрыва вниз и... полетел. Вы никогда, читатель, не ощущали подобного? Не дай Бог.

Премию Саше выдали больше месячной зарплаты. Вскоре денежная премия и грамоты от имени Сталина пришли открывателям «мраморного» урана. Естественно, обмывали, говорили тосты, азартно обещали: ещё найдём!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

26 марта 2007 года

Иркутские геологоразведчики вновь на Читинском Прибайкалье. Возрождается широкий поиск на самом севере области (озеро Ничатка и река Сень), начатый Удоканской экспедицией в 1986 году.

Откровенно сказать, даже в самых смелых мечтаниях не видел себя вернувшимся в Закодарье, на этот весьма затяжной (целых восемь километров) Бургайский перевал. В мартовские дни того 1986 года удоканские вездеходчики Александр Клименко и Владимир Пушкарёв, воодушевляемые начальником гаража Анатолием Черепановым и начальником геологической партии Анатолием Давыденко (в присутствии, понятно, корреспондента) 72 часа штурмовали эту самую серьёзную преграду на пути к Ничатке. Ныне снег оказался более глубоким, более утрамбованным перевальными ненастями. Моим попутчикам – братьям Андрею и Александру Давыдовым и девятикласснику Николаю (тоже Давыдову) сравнивать, правда, было не с чем, они верили мне на слово. А я от души благодарил их за безупречную работу, что помогла «Забайкальскому рабочему» получить эту информацию. Мои же попутчики, в свою очередь, отдавали должное тем, кто несколькими днями раньше прошёл здесь по такой снежной целине и сделал проезд, доступный даже «уазику». Вернувшись в Чару, я узнал имена этих механизаторов – Виктор Чижиков и Георгий Перебоев, узнал, что они иркутяне и представляют здесь «Сосновгео» (дочернее предприятие знаменитой своими Урановыми поисками «Сосновгеологии»).

Самое время напомнить вот что: известнейшую в отрасли каларскую геологоразведку, давшую миру Удокан и Апсат, Сулумат и Катугино, не говоря уж о Мраморном Урановом месторождении, начинали в 40-х годах прошлого века именно иркутяне, в том числе и специалисты «Сосновгеологии». В те далёкие годы они не успели добраться до Закодарья, это сделали их последователи – удоканцы. И если бы не наши перестройки с различными реформами (в том числе и курс на свёртывание большой геологоразведки), Удоканская экспедиция и сегодня бы трудилась на

этом севере. Они вынуждены были отступить. И вот через пятнадцать лет на их место приходят вновь иркутяне. А поскольку в нашей жизни многое повторяется...

Добро пожаловать, соседи! У вас есть солидный опыт поисков на каларской земле. Да и мои земляки уже сказали так: «Святое место не может пустовать!». Новых находок вам и в Закодарье!

(26 марта 2007 года)

К 60-ЛЕТИЮ СОСНОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПЕРВЫЙ ПОИСК

7 августа 2007 года.

Секреты дневника Юлии Гребенниковой

Сосновская экспедиция, «Сосновгеология», Байкальский филиал государственного федерального унитарного предприятия «Урангеологоразведка»... Названия разные, но основная работа одна и та же – поиск Урановых месторождений, разведка их и передача атомной промышленности страны. Начато это шестьдесят лет назад, продолжается и сегодня. Экспедиция, базой которой был и остаётся Иркутск, вернулась на землю каларскую, на Читинский север, ставший в перерыве Читинским ПриБАМьем с многообещающими перспективами. Вернулась в свой юбилейный год. И самое время вспомнить её начало, чему поможет новая ситуация – для обычного журналиста, читателя у этого предприятия сейчас нет секретов.

Она была организована в 1947 году для поиска и разведки Урановых и ториевых руд в Иркутской и Читинской областях, в Бурятии и Якутии. Но границы её деятельности вскоре переросли предписанные Москвой рамки. Она трудилась и в Приморье, и в Красноярском крае, и за границей – в Монголии. Её главный геолог Дмитрий Самолич выдал Интернету такую информацию: «...экспедиция за полвека поисково-разведочных работ выявила 82 месторождения урана... Все достоверные запасы, выявленные и разведанные «Сосновгеологией», составляют более 12 процентов от мировых... Кроме урана этой экспедицией было открыто 53 месторождения других полезных ископаемых...». Ещё ведущий лидер предприятия утверждает: «...Богатые руды первого Уранового месторождения Мраморного были использованы для реализации «атомного проекта» в 1949–1950 гг. Выдающимся открытием стал Стрельцовский рудный район, на базе которого в 60-е годы и был

построен Приаргунский горно-химический комбинат. Сегодня это единственное на территории России уранодобывающее и перерабатывающее предприятие...». Думаю, наш читатель не обижен в информации по приаргунскому (краснокаменскому) производству.

Мы уже немало рассказали о месторождении Мраморном на Кодаре. Только ещё раз подчеркнём: названное месторождение стало первым урановым не только в активе Сосновской экспедиции, но и в России, и именно здесь был добыт Первый Забайкальский уран, о чём бы не надо забывать. Не вина геологоразведчиков экспедиции, что история этого кодарского урана закончилась так быстро. Повинна была «атомная гонка», которая для создания ядерного арсенала СССР требовала сотни тонн урана: быстрее, быстрее и ещё быстрее. Эта гонка и поставила крест на более детальном изучении района. В таких условиях развивался первый поиск экспедиции.

Экспедицией, подводит некоторые итоги её главный геолог, «было открыто 53 месторождения других полезных ископаемых...». Скромно, думаю, сказано. Ведь среди этих «других» и месторождение чароита – единственное в мире, и Удоканский меднорудный гигант – изумительный результат того же первого поиска. Вот к нему мы и обратимся сегодня.

В распоряжении корреспондентского поста «Забайкальского Рабочего» на БАМе есть **«ДНЕВНИК. Из истории открытия уникального месторождения меди хребта Удокан»**. Это воспоминания бывшего коллектора экспедиции Юлии Гребенниковой. Дневник долго хранился в архивах Читинского геологического управления (почему не в Иркутске – большой вопрос?), потом попал к журналистам каларской «Северной правды». В конце 1989 – начале 1990 годов редакция опубликовала его почти в полном виде, но без комментариев к содержанию. И такая большая публикация (в дневнике 121 страница) не получила продолжения, откликов. Удивляться особенно нечему – ситуация с медным Удоканом да и с работами Сосновской экспедиции в те дни ещё не позволяла распространяться вокруг «закрытых тем». Кто, к примеру, мог бы набраться смелости и опровергать общепринятое: это месторождение открыла Елизавета Бурова и только она, что подтверждается и присвоением ей Ленинской премии?

Дневник в классическом понимании – записи по «горячим следам», день за днём. Этот же появился после 1961 года, то есть ми-

нимум через двенадцать лет после открытия месторождения. В нём, правда, нет ни одной даты, но вполне достаточно следов, чтобы прийти к такому выводу. Во-первых, на обложке общей тетради стоит её цена – 15 коп., что могло быть только после денежной реформы 1961 года. Во-вторых, такого каллиграфически чёткого письма да ещё с приложением цветных рисунков (вклеек) и необходимых фотографий в полевых условиях, в каких пришлось трудиться автору, не добиться. В-третьих, самые первые строки дневника убеждают нас в таком же выводе. «Теперь, когда стало широко известно о грандиозности медного месторождения хребта Удокан...» Такое можно было написать только после 1964 года – по завершении первого этапа разведки и первой сдачи запасов в Государственной комиссии по запасам, и т.д. Вероятнее всего, дневник появился позже 1966 года, когда стали известны имена удоканских лауреатов Ленинской премии. Именно это плюс отсутствие в этом списке её фамилии, считаю, подтолкнуло автора выдать ближайшему миру – коллегам по геологоразведке – следующие строки:

«...Особенно приятно то, что честь открытия уникального месторождения меди в труднодоступных условиях высокогорного рельефа принадлежит женщинам: Елизавете Ивановне Буровой, старшему геологу Сосновской экспедиции, обнаружившей медь, и Юлии Тимофеевне Гребенниковой (Митиной), коллектору Сосновской экспедиции, которая своей настойчивостью, добровольными неоплаченными маршрутами, работая по 14–17 часов в сутки, открыла все коренные выходы по другую сторону хребта Удокан и всем доказала, что медное месторождение на Удокане грандиозное. Первая правильно, ранее всех установила генезис месторождения, что оно осадочное, протерозойское, богатое, рентабельное. Гребенникова первая провела разведку и поиски Удоканского месторождения меди, проделав за сезон 1950 г. 2600 кубов горных работ с добровольными маршрутами, опробование, дробление и анализы проб на медь и серебро...». Вот так!

Дневник, есть основания утверждать, сразу же попал к специалистам, хорошо знающим мир медного Удокана, хорошо знающим и автора таких строк, и её недавние трудовые будни. Но уже есть правительственное решение о лауреатах, уже Москва, скажем так, итоги первого поиска в этих горах подвела. В списке лауреатов восемь фамилий, всё начальники да главные. Е. Бурова, старший геолог, среди них – самая низкопоставленная. И запустить в этот список коллектора, рангом ещё ниже? Не пущать! И, вполне вероятно, родилась обида, а вместе с нею и дневник

об истинном содержании того поиска. Понимаю, не могло быть открытых мнений по нему в той ситуации из 60-х годов. Но не появилось, повторяю, каких-либо откликов и после публикации в «Северной правде», хотя уже утверждалась гласность, а в удоканцах, в специалистах и знатоках по Удокану ещё недостатка не было. Не нашлось смельчаков что-либо из этого дневника подтвердить или опровергнуть. В частности, и его третью страницу:

«Прямые первооткрыватели удоканской меди: Бурова Е.И. – старший геолог, Гребенникова Ю.Т. – коллектор, секретарь комитета ВЛКСМ Сосновской экспедиции. Главный инженер Сосновской экспедиции Семихатов А.А. называл Гребенникову Ю. «Медная дама» и «Хозяйка медной горы», но этот чин надо разделить на двоих: 1). «Хозяйка медной горы» – Бурова Е.И., 2) «Медная дама» – Гребенникова Ю.».

Она не стремилась взять всё на себя, она просто искала справедливости. Увы!

В предъюбилейные дни я установил контакт с Сосновской экспедицией. Одному из её бывших лидеров писал и о дневнике Ю. Гребенниковой. Думал, грешным делом, что он вызовет соответствующий интерес к делам давно минувших дней, к тому первому поиску, что дневник займёт подобающее ему место в музее (или хотя бы архиве) экспедиции. Ошибся в своих расчётах. Юлии Гребенниковой с её удоканскими маршрутами как будто и не было. *(7 августа 2007 года)*

В августе 2009 года я вновь вышел на контакт с «Сосновгеологией». В этот раз обратился к известному геологоразведчику Урана СССР и России лауреату Ленинской премии В.П. Зенченко:

«Я высылаю в Ваш адрес обещанный дневник. Вы, уверен, прекрасно понимаете, что каларские краеведы, первые хозяева медного Удокана, отрывают от своей души, от своих уникальных находок многое. Но мы считаем, что этой нашей находке лучшее место – в музее «Сосновгеологии». Мы считаем, что именно этот коллектив, столько сделавший и, кстати, продолжающий делать на земле каларской, имеет первое право быть хозяином такого дневника. Мы, каларцы, очень благодарны «сосновичам» (так чаще всего у нас зовут Вас сегодня), и пусть такой наш шаг будет одним из доказательств этой благодарности.

Конечно, и Вам, и музею интересно знать, как этот дневник оказался у каларцев, у Снегура на сей день.

В 1989 году известный удоканский геолог Юрий Владимирович Быков в беседе с местными журналистами обмолвился, что при расчистке архивов Читинского геологуправления был обнаружен дневник бывшего коллектора Сосновской экспедиции Юлии Тимофеевны Гребенниковой, что сейчас он в руках ведущего геолога управления Валерия Ивановича Гордеева, что хорошо бы в юбилейный для Удоканского месторождения год этот дневник предать гласности. Остальное уже было, как говорится, делом техники. Дневник оказался в распоряжении каларских журналистов. Сначала им распоряжался редактор Александр Викторович Пичуев, потом редактор Павел Михайлович Ферко. Ко мне он попал тоже в юбилейный для Удокана год при подготовке публикации для «Забайкальского рабочего». Меня поразило, почему такой ценный документ до сих пор не в «Сосновгеологии», о чём, кстати, было сказано и в открытой печати. Но деловой интерес к этому я нашёл лишь в звонке В.П. Зенченко 16.08.09. Понятно, что должно было последовать дальше.

Конечно же, Владимир Петрович, и мне, как журналисту, и всем каларским краоведам надо знать, что с этим дневником станет дальше».

Был звонок из Иркутска: дневник получен, к нему проявлен большой интерес. А вот что дальше с этим документом – до сих пор неизвестно. Не хочется лишь верить, что он затеряется так же, как в свое время и в фондах Читинского геологуправления.

Из новых блокнотов МАРШРУТЫ ВСЕГЕИ

28 сентября 2009 года

На Читинском севере развернулся второй масштабный Урановый поиск. Одновременно заняты две известнейшие в СССР и сегодняшней России организации: «Сосновгеология» и ВСЕГЕИ (Всероссийский геологический институт, г. Санкт-Петербург). В отличие от жёстко засекреченного начального поиска о втором мы можем говорить во весь голос, оценивать его по «горячим следам».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ

Начнём, конечно же, с того, чем закончился первый поиск. В 1948 году в горах Кодара было открыто Мраморное месторожде-

ние Урана – самое первое в России. В 1949–1951 годах силами Ермаковского рудоуправления Первого главного управления при Совете Министров СССР и Борского исправительно-трудового лагеря системы ГУЛАГа была организована его отработка. Именно здесь, на земле каларской, и был добыт самый Первый Забайкальский Промышленный Уран. Параллельно, на Кодаре и Удокане, шла разведка и пробная добыча ещё на десяти участках (по последним данным ВСЕГЕИ). Некоторые из них в те дни представлялись вполне привлекательными. Но была установлена бесперспективность основного по тем дням месторождения – Мраморного, и Ермаковскому предприятию вместе с Борским ИТЛ пришлось быстро сворачиваться. Спустя сорок лет ведущие знатоки местной ситуации выпустили фундаментальный труд «Геологические исследования и горнопромышленный комплекс Забайкалья», в котором есть и интересующие нас строки: «Что касается урановой минерализации на севере области, где в пределах Сюльбанской и Чарской перспективных площадей выявлены многочисленные проявления с богатыми рудами, <...> то они первоначально получили отрицательную оценку. Однако повторный, более тщательный анализ материалов, проведённый в последнее время, позволяет более оптимистично оценивать ураноносность этого района». Читатель, надеюсь, простит мне это цитатное повторение. В цитате этой, мне видится, изложены и основные итоги уже бывшей каларской Урановой геологоразведки (слово «бывшей» в таком соседстве мне не нравится), и программа для геологоразведки дня завтрашнего.

В России вновь напряжёнка с Ураном. Она далеко не такая, как в годы создания первой атомной бомбы, но вынуждает нас предпринимать решительные шаги. Мы слышим о закупках Урана в Австралии, о совместных поисково-добычных проектах в Африке и Монголии. Под корень срубив отлично развитую и эффективную советскую геологоразведку, мы всё же вспомнили и о своих возможностях. И правильно – лучше поздно, чем никогда. Последовал государственный заказ. Естественно, что специалисты обратились прежде всего к архивам, которые сохранились хорошо (видно, что руки реформаторов не достали их), а архивы вывели нас на старые, в спешке брошенные объекты, вывели на уже заросшие тропы, вывели на организации, что ещё помнят их. Впрочем, сделанное в те далёкие годы не забудется никогда.

Вперёд, опираясь на очень даже неплохое финансирование, двинулась наука в форме «Чарской группы партий ВСЕГЕИ»

(Удоканская партия, Сьюльбанский отряд и другие). Только что завершён третий полевой сезон, а вместе с ним – и первый современный Урановый проект на нашем севере. И сразу же питерцы приступили к разработке нового проекта, ничуть не сомневаясь и в следующем полевом сезоне.

В том же 2007 году после большого перерыва вернулась в район и специализирующиеся на Уране иркутская «Сосновгеология». Трудятся эти два коллектива в тесном контакте. Не будем пока говорить о каких-то достижениях солидного масштаба. Согласно государственному заказу на этом этапе важно было оценить уже известную геологическую информацию с современных позиций, определиться в дальнейших поисках. А что они на земле каларской продолжатся – в этом уже сомнений нет.

ПРОЕКТ ДОВЕРИЛИ ОПЫТНЕЙШИМ

Сегодняшние масштабы Урановых поисков на Читинском севере, конечно же, пока проигрывают в сравнении с теми, послевоенными. Тогда, как мы вспомним, были привлечены лучшие, известнейшие геологоразведчики Москвы, Ленинграда, Иркутска, одновременно действовали две-три экспедиции, до полутора десятков партий. Уже на стадии поисково-оценочных работ было организовано Ермаковское рудоуправление, для обеспечения его основной рабочей силой был развёрнут Борский исправительно-трудовой лагерь с десятью лагерными пунктами. Кстати, этот десяток как нельзя убедительнее говорит о тех же масштабах. Ныне ситуация в любом измерении не та: и нет острой нужды догонять США в количестве и качестве ядерных вооружений, и нет у нас таких хватких лидеров-атомщиков, как Берия со Сталиным, и экономическая система другая. Но Уран нужен, а потому снова вперёд. Для начала по старым, достаточно на этом этапе известным тропам. И уже привлечённые специалисты, соответственно, не новички в таких делах.

Во главе питерских поисковиков Леонид Борисович Макарьев – специалист, отлично известный в «Урановых кругах». Кудар с Удоканом для него были и остаются перспективнейшим полигоном. Полигоном, куда он приехал впервые более тридцати лет назад, в который поверил. И нынешний полевой сезон только укрепил эту веру.

Удоканской партией, крупнейшим подразделением питерцев на нашем севере, руководит Сергей Константинович Войковский. Он настолько сжился с землёй каларской, её буднями и праздниками, проблемами и успехами, что его здесь дав-

но считают своим, удоканским геологом. Не случайно под его началом и партия по имени Удоканская. Нынешний полевой сезон (с мая по сентябрь) этот коллектив на вездеходе и оленях отдал местным урочищам Читканде, Большой Икабье, Сьюлбану с Хадаткандой, Верхнему Сакукану – хорошо известным адресам в нашей Урановой геологоразведке. «Всю территорию они исследовали очень скрупулёзно, после них найти что-то новое не просто», – говорит Сергей Константинович о предшественниках из 40–50-х годов.

В своих многочисленных маршрутах нынешние питерцы использовали «фрагменты дорог», оставшиеся от тех времён, но объекты (горные выработки, различные строения и приспособления) сохранились довольно хорошо, гораздо лучше, чем в известном Мраморном ущелье. По этим остаткам специалисту несложно определить, чем и как занимались здесь раньше, чего достигли (например, «руда выбрана досконально»). Но, утверждает мой собеседник, и «сюда уже добираются туристы, уносящие что-нибудь на память».

Урановый поиск на Читинском севере ширится, набирает масштабы. Здесь, говорят специалисты, есть все предпосылки для больших и нужных находок. И предпосылки эти крепнут с каждым полевым сезоном. *(28 сентября 2009 года)*

Из новых блокнотов СЕКРЕТЫ ЧИНЫ

28 сентября 2009 года

Большая каларская геологоразведка начиналась с Чины в 1938 году, когда изыскателями «БАМпроекта» Михаилом Петрусевичем и Людмилой Казик было открыто месторождение титаномагнетитов. Позже Удоканская экспедиция доказала существование Чинейского комплексного рудного района (здесь более десятка минералов, что заслуживают внимания, а запасы ванадия – крупнейшие в мире). В поисковой географии специализированных на Уран экспедиций из 40–50-х годов прошлого века десятки каларских адресов, но Чины среди них нет. Откровенно скажу, что и мне этот объект, начиная с 1967 года, казался достаточно для журналиста изученным, без особых секретов. И только в конце лета 2009 года услышал-узнал, что и здесь есть немало Урановых рудопроявлений, чтобы приглядеться к ним пристальнее. Сделали это специалисты ВСЕГЕИ, прежде всего **Леонид Борисович Макарьев, Сергей Константинович**

Вояковский и Юрий Борисович Миронов. Именно они рассказали горнорудному миру о «новом типе Уранового и комплексного оруденения в Чинейском расслоенном массиве». Вот фрагменты статьи, опубликованной в известнейшем в нашей стране журнале «Разведка и охрана недр» (№ 6 за 2009 год):

«Одним из богатейших рудных районов России является Удоканский на севере Забайкальского края, где на сравнительно небольшой площади сосредоточены крупные и суперкрупные месторождения меди, черных, благородных и редких металлов, составляющие минерально-сырьевую базу планируемого к освоению (2012–2015 гг.) Кодаро-Удоканского центра экономического развития. По набору полезных ископаемых и установленной ураноносности Чинейский массив не имеет аналогов среди подобных расслоенных плутонов. Результаты проведенных авторами специальных исследований свидетельствуют о масштабном развитии в массиве и самостоятельной практической значимости уранового и комплексного (с торием) оруденения, неизвестного в таких обстановках и представляющего собой новый, нетрадиционный тип урановых концентраций. С Чинейским массивом связаны два геолого-промышленных типа комплексного оруденения – титаномагнетитовый и платиноидный медно-сульфидный, и прогнозируется комплексное урановое оруденение с самостоятельной ролью урана в качестве главного компонента...».

Нынешние питерские учёные-геологоразведчики напоминают, что «Ураноносность Чинейского массива определилась ещё в 80-е годы прошлого столетия». Действительно, специалисты Удоканской экспедиции, занимаясь поисково-оценочными работами на участках Магнитном и Рудном, не могли не столкнуться с радиоактивными аномалиями. Но у них на руках были достаточно конкретные задания, им в той ситуации было не до Урана. Конечно же, не осталась в стороне от Чины и «партия массовых поисков производственно-геологического объединения «Сосновгеология». Но этот массив ждал более серьёзных поисков, более решительных выводов. И они связаны с последними маршрутами в этом районе ВСЕГЕИ. И вот как пишут об этом его сотрудники в названном журнале (фрагменты):

«Авторами в 2007–2008 гг. проведены площадные геолого-радиометрические поиски, результаты которых позволяют расширить перспективы на уран западной части Чинейского массива. Кроме дополнительно изучавшихся рудопроявлений

«Аномалия Магнитная» и Базальтовое, выявлен целый ряд новых радиоактивных аномалий и впервые выделены еще 5 ураноносных залежей, На основе полученных материалов и имеющихся первичных данных, обобщенных в специальных отчетах ПГО «Читагеология» и «Сосновгеология», проведена авторская оценка прогнозных ресурсов Урана для западной части Чинейского массива. Выявленное в западной части Чинейского массива оруденение располагает значительными ресурсами урана и представляет несомненный практический интерес уже на данной стадии изученности. Фактический материал свидетельствует о необходимости проведения поисково-оценочных работ в этой части массива и позволяет надеяться на выявление промышленных урановых и комплексных месторождений нового формационного типа, в том числе в контурах подсчитанных запасов месторождения Этырко...»

СЮЛЬБАН

Открытая на сей день информация позволяет утверждать с уверенностью: в системе Ермаковского рудоуправления и Борского ИТЛ это был второй по значению объект.

Читатели второго издания «Ключа Мраморного» помогли мне наконец-то поближе, детальнее познакомиться с геологическими отчётами о поисках в горах Кодара и Удокана в 1949–1952 годах. Удивительнейшие документы! Насыщенные так нужной нам информацией, в том числе и по части «человеческого фактора» (его очень не хватало в двух предыдущих изданиях), как правило, хорошо иллюстрированные (некоторые из тех фотографий есть в этой книге), отлично передающие производственно-бытовые условия тех дней – вот краткая характеристика этих документов. Два их них – по этому объекту 1949–1950 годов.

«Отчёт партии № 2. ГЕОЛОГО-ПОИСКОВЫЕ РАБОТЫ В БАСЕЙНЕ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. СЮЛЬБАН» – так озаглавлен первый. На титульном листе пометки «Сов. секретно, экз. № 2», «Министерство геологии СССР, Первое Главное Геологическое Управление, Мангышлакская геологическая экспедиция, г. Ленинград, 1950 г.». Авторы отчёта начальник партии Давид Шилин, инженер-геолог Ефросинья Шапошникова и инженер-геофизик И. Кронидов.

У геологоразведчиков есть расхожее понятие «летний сезон», на который, как правило, и приходятся основные полевые работы. Работы, должны помочь в добыче и накоплении первичной информации о том или ином объекте. Позже она доводится

до «кондиций» в камеральной обстановке, но конечные результаты этой операции закладываются в полевом летнем сезоне. Как правило, начинается он весной, с наступлением более-менее тёплых дней; заканчивается осенью, нередко глубокой, когда уже без рукавиц и меховой куртки не обойдёшься.

Итак, партия № 2 Мангышлакской экспедиции. Первоначально шесть человек: два инженера-геолога, инженер-геофизик, старший коллектор (студент), наблюдатель и зам. начальника по хоз. части. На заключительном этапе того сезона, уже в октябре к ней прикомандировали старшего геолога, ещё одного старшего коллектора и старшего наблюдателя. Отдельной строкой в их отчётности шли рабочие, которых в этом подразделении было от 5 до 15 человек.

Партия выехала из Ленинграда на Кодар строго по графику – 29 мая 1949 года. Но местные обстоятельства, одно за другим в тот раз выступали против Атомного проекта СССР. Ровно месяц потребовался тому рабочему коллективу, чтобы добраться до Чары – вылет из Читы задерживался нелётной погодой (нередкое явление и в наши годы, хотя самолётный парк и средства навигации вконец изменились). «Отсутствие транспорта (вьючных оленей и лошадей) ещё задержали начало работ, и партия фактически приступила к работам 15 июля, – читаем в отчёте. – В течение всего периода работ транспорт являлся узким местом. Не раз в поле партия терпела недостаток в продуктах и не могла обеспечить своевременное продвижение намеченных маршрутов. В летнее время вьючная тропа, связывающая партию с базой в пос. Чара, для лошадей труднопроходима. Олений же транспорт в летнее время обладает весьма небольшой грузоподъёмностью. При проведении дальнейших работ в этом районе предполагается основную часть снаряжения и продуктов забрасывать по зимнему пути...».

Новый район, совершенно отличный от тех, где уже пришлось поработать. Новое задание, которое нужно было реализовать возможно оперативнее. Начали с поисково-съёмочных работ на площади в 1200 кв. километров. И 7 августа рапортовали: «обнаружено альбитовое месторождение». Следующий этап – предварительная оценка объекта. Резко возрастает объём горных и детальных съёмочно-поисковых работ. Основные виды их – это проходка канав и шурфов, различные опробования, геологическая съёмка и, конечно же, «количественные определения альбита». Они были вполне обнадёживающими, привлекательными. И уже в августе партия «была переведена на круглогодичную ра-

боту». Первичная камеральная обработка накопленной информации была организована в райцентре Чаре. Ситуация в Атомном проекте подталкивала к тому, чтобы месторождение возможно быстрее, с явно недостаточной изученностью было передано Ермаковскому рудоуправлению для разведки и попутной добычи Урана. Авторы отчёта, они же основные исполнители сьюльбанского проекта чистосердечно признаются: «...необходимо отметить, что отсутствие удовлетворительного помещения для камеральных работ, плохие бытовые условия технического персонала, отсутствие на месте литературы, лабораторий и невозможность консультаций плохо отразились на камеральной обработке материала. Часть вопросов осталась невыясненной и недоработанной. Далеко не весь собранный материал подвергся обработке. Материал же очень интересный, т.к. район перспективный и геологически почти не изучен. По имеющемуся проекту работы экспедиции 1950 года охватят эти же и прилегающие районы. Мы подчёркиваем необходимость в камеральный период 1950–51 года или в специально выделенное для этого время обеспечить возможность проведения полного и глубокого изучения всех материалов...».

Действительно, партия № 2 оказалась в верховьях Сьюльбана, где геологов до них не было. Эта горнотаёжная площадь и труднодоступная, и в далёкой стороне от ближайших селений – Чара и Неяты (100 и 150 км). Понятно, такие осложняющие факторы враз не устранишь. Другое дело – разыграть «людской фактор». И уже в следующем сезоне это было сделано.

В отчёте упоминаются и партии № 3 (начальник В. Полетаев), и № 1 (начальник Лазарь Салоп), которые работали в бассейне реки Сыгыкта. Свой участок они охарактеризовали как «сравнительно мало перспективный». Поэтому, наверное, и оказались в стороне от этого отчёта.

Самые привлекательные результаты первого сезона Мангышлакской экспедиции на Кодаре значатся за партией № 2 (начальник Давид Шилин). «В процессе поисковых работ, – читаю в документе, – партией было обнаружено асбестовое месторождение Хадатканда, на предварительную разведку которого она сразу переключилась». Маршрутами в верхнем течении Кукугунды была собрана информация, «послужившая основанием считать и этот район перспективным и рекомендовать его для постановки поисковых работ в 1950 году»

Второй сьюльбанский отчёт уже принадлежит Лесной экспедиции ВСЕГЕИ, объединившей с 1 января 1951 года партии Ман-

гышлакской, Снежинской и Сосновской экспедиций, работавшие на земле каларской. Документ, к которому мы обратимся сейчас, назван **«Отчёт о ГЕОЛОГО-ПОИСКОВЫХ РАБОТАХ СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ ПАРТИЙ В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. СЮЛЬБАН за 1950 год»**. К нему приложен протокол «заседания Т.К.З. («тройки». ТКЗ – территориальная комиссия по запасам; это, насколько мне известно, первая ступенька на пути к ГКЗ – Государственной комиссии по запасам). Но определение «тройка» мне раньше не попадалось. В её составе по Лесной экспедиции были председатель тройки Александр Ивашенцев и члены тройки Анвар Гарифулин и Пётр Лученок. Отчёт принят с оценкой «отлично», что в геологической среде бывает редко, «отчёт вполне отвечает необходимым требованиям». Тройка отметила «целеустремлённость проведённых поисковых работ и высокое качество камеральной обработки материалов», признала «выводы авторов отчёта обоснованными». Эта тройка в своём лаконичном протоколе подводит и основные итоги того укрупнённого натиска на каларские недра: «в результате выполненных работ выявлены участки с асбестовой минерализацией...открытое и детально описанное асбестовое рудопроявление метасоматического типа заслуживает дальнейшей разведки с целью определения его промышленного значения». Есть привлекательные моменты в таком выводе. Об Уране по-прежнему ни слова, а вместо «альбита» из 1949 года появился «асбест». Но это мелочи по сравнению с тем, что исчезло «месторождение», осталось только «рудопроявление». А авторы отчёта были ещё скромнее: «...Основной задачей проводимых поисково-съёмочных работ являлись поиски асбестового оруденения...». То есть геологи стали объективнее, реальнее смотреть на ситуацию, стали сдерживать второй этап – разворот на этом объекте горно-добычных работ. Но Атомный проект во главе с Лаврентием Берией подстёгивал, и Ермаковское рудоуправление вынуждено было форсировать свое пребывание на Сьюльбане, быстро превратив его во второй по значению производственный участок.

Северная группа Мангышлакской экспедиции в 1950 году состояла из двух партий – № 1 и 2. Любопытен штат группы. Возглавлял её инженер-геофизик И.Сидоров, техническим руководителем был кандидат геолого-минералогических наук Д. Шилин, старшими геологами партий инженер-геолог Е. Шапошникова и аспирант ЛГИ (Ленинградского геологического института) М. Мануйлова, старшим геофизиком И. Крони-

дов. Прорабами-геологами были назначены три студента АГИ. Были прораб горных работ, пять коллекторов и старших коллекторов, 9 наблюдателей и старших наблюдателей и 19 рабочих. Во втором сезоне эти специалисты ВСЕГЕИ развернулись на детализации всё того же верхнего течения реки Сюльбан и её основных притоков – речек Хадатканда, Кукугунда и Ынарга. За истекший год вкоре, что и соответствовало обстановке в Атомном проекте, изменилось транспортное обеспечение района. Были открыты и активно действовали авиатрассы Кадала (аэродром близ Читы) – Чара, Кадала–Сосновый бор (Синельга), Кадала – устье Хадатканды с самолётами «ПО-2». В наши дни эти машины кажутся весьма и весьма примитивными, невероятным кажется, что они могли залететь в кодарское высокогорье, привезти так нужный груз. Но это было, было, было. На всём протяжении уже действовал автозимник Могоча–Сосновый бор, пробитый силами Борского лагеря. Был и автозимник Чара–Леприндо–Неляты. И всё же они писали в своём отчёте: «...Наиболее затруднительным является передвижение в районе работ. Дороги и тропы, за исключением редко встречающихся звериных троп, в районе работ отсутствуют. Лошадьми, за исключением непосредственно долины реки Сюльбан, передвигаться совершенно невозможно. Единственным пригодным транспортом в остальной части планшета являются олени».

Первый раз геологоразведчики вернулись сюда через десять лет, тогда и появился «Отчёт о результатах поисковых работ на уран Чарской партии № 133 за 1962 год в Кодаро-Удоканском районе» (П. Талалаев и др., Ленинград). В 1976–1980 годах в этих урочищах трудилась Сюльбанская партия по групповой геологической съёмке и поискам масштаба 1:50000, возглавлял которую Владимир Николаевич Павлык. В 1997–1998 годах «оценкой перспектив Ураноносности зон структурно-стратиграфических несогласий на территории Чарского района и Сюльбанской площади» занимались иркутские геологоразведчики А. Пушкаренко, И. Царук, В. Чернов. Уже в новом тысячелетии сюда вновь вернулись специалисты ВСЕГЕИ, о чём рассказано выше.

Из новых блокнотов ЧИТКАНДА

9 ноября 2009 года

В моём архиве есть письмо чарского старожила **Анатолія Тимофеевича Липатова**, которого я знаю с 1970 года и которому вполне доверяю. Вот что он ответил на запрос в начале моих поисков:

«В 1949 году, в мае месяце из Ленинграда, от ВСЕГЕИ прибыла большая партия геологов во главе с Ивашенцевым. Сам Ивашенцев с группой сотрудников улетел на двух самолётах «ПО-2» в Баргалино (село на левом берегу Витима, напротив читинских Нелят. – А.С.) и там обосновали основной штаб. А в Чаре с разрешения тогдашнего директора школы Цибикова В.И. геологи заняли несколько классов (учения в школе 26 мая закончились). Я помню, что старшим среди геологов в Чаре был Розенцвит. Я заканчивал 7-й класс и поступил к геологам простым разнорабочим. Экспедиция почему-то называлась Мангышлакской. Я попал в партию геофизика Сидорова Ивана (отчества не помню). Это был невысокого роста мужчина, седой. Наша партия на лошадях и оленях выдвинулась в район Правого Ингамакита. Мне часто приходилось ходить в горы с Сидоровым, где он отбирал пробы, а я их носил. На пробах клеились кусочки лейкопластыря, а на нём наносились номера.

К нам в лагерь (а лагерь менялись), помню, приезжал иногда профессор Падалка.

Осенью моя работа закончилась, и меня на ПО-2 отправили домой в Неляты. Это был маленький самолёт. Впереди была кабина лётчика, а сзади кабина для пассажира. Она не закрывалась, и лишь спереди был козырёк из плексигласа. Лётчиком был Голобоков Вася. Он дал мне шлём, положил в кабину мешок, в котором было килограмм двадцать мяса. Голобоков сказал: «Мы полетим и залетим в вершину речки Сюльбан, там найдём палатки. Я тебе махну, ты мешок с мясом вынешь из кабины, держи крепко. Когда я ещё махну – ты отпустишь мешок».

Конечно, мне было чудно оказаться впервые в воздухе. Полетели, а это было где-то числа 12–13 сентября. В вершине Сюльбана мы внизу нашли 3–4 палатки и людей возле них. Сбросили им мясо. Это были люди из Мангышлакской экспедиции..

Сели на аэродром в п. Муя. Приехал на полуторке завхоз экспедиции Полищук, довёз меня до Баргалино.

В Баргалино я не раз встречал Ивашенцева. Это был высокий, представительный мужчина. Там в Баргалино, в конторе я получил причитающиеся мне за работу в партии деньги.

Много лет спустя мне пришлось быть по случаю на Сюльбаче, где шахта и каркасы из жердей, на которые ставили палатки, где жили заключённые – это второй объект. И я узнал, что на этом месте у реки я сбрасывал мешок с мясом. Но в том 1949 году, в сентябре зеков там ещё не было.

Работая председателем колхоза “Красный таёжник”, я был на речке Читканде, где стояло стадо оленей. И вот где-то в среднем течении Читканды я находил место стоянки людей, шурфы, каналы, мастерские. Оттуда ходили в Чару “студебекеры” и “ЗИС-5”. Это был пятый объект..

В 1963 году я попал на озеро Давачан Калаканский. На берегу озера стояли с десяток домов, но они покосились, и лишь баня хорошо сохранилась. И хорошо сохранился на берегу озера подвал. А рядом с подвалом находился аэродром, на который, наверное, принимали самолёты ПО-2. В окрестностях озера, где я ходил, ни шурфов, ни канав, ни штолен не видел. Дорог от этого посёлка тоже не заметил. Но по вырубленным деревьям можно было предположить, что люди там жили довольно долго... 13 января 1999 года».

Двенадцать строк в воспоминаниях старожила отводятся Читканде. Это и была вся более или менее достоверная информация о ней, доставшаяся первым изданиям книги. Документы, что легли на мой стол после второго издания, позволяют взглянуть на Читканду детальнее, уточнить воспоминания. Эти документы – два геологических отчёта за 1950–1952 годы. Один из них подготовлен в Мангышлакской экспедиции, второй в Лесной, один – в Ленинграде, второй – в Иркутске. Авторы их – самые авторитетные специалисты по каларскому Урану: Владимир Дитмар, Мария Гапеева, Константин Метцгер и др. Отчёт подвергся проверке и оценке у ещё более авторитетных специалистов Первого Забайкальского Урана: Александра Ивашенцева, Григория Падальки, Ивана Сидорова, Анатолия Семихатова, Анвара Гарифулина. Итак, давайте познакомимся с интереснейшим объектом (в отчётах он значится как Четканда), расположенным в удоканских отрогах, то есть к югу от основных событий, что развивались на Кодаре. У нас есть ещё одна возможность убедиться в масштабности Урановых поисков на земле каларской, послевоенной, документально, из первых уст получить информацию об условиях,

в которых всё расширялись и расширялись эти поиски, И не враз они были обрезаны, прикончены, как это считалось до сих пор. Геологоразведчики уходили с этих Урановых троп не без боя.

Итак, 1950 год. Пиковый год Мангышлакской экспедиции ВСЕГЕИ. «Партией № 6 проведены поисковые работы в бассейне верховьев рек Четканда, Б. Икабьи и Амудиги. В выборе района, в проведении работ выражена определённая целеустремлённость на поиски асбестовых руд... В результате проведённых работ партией № 6 открыто асбестовое оруденение двух генетических типов. Оруденение первого типа обнаружено на большой площади, имеющей общую длину 6 км и ширину около 1 км и представлено серией асбестосодержащих пластов... Некоторые пласты имеют значительную мощность (1–2 м), большое протяжение (сотни метров) и содержание асбеста 0,04–0,05%. Всё это дало основание для постановки предварительной разведки Четкандинского рудного участка, которая была начата партией № 6, а в марте месяце 1951 года по Постановлению Правительства разведочные работы были переданы Ермаковскому рудоуправлению...» Это строки из протокола ТКЗ (территориальной комиссии по запасам, что была при Лесной экспедиции в 1951 году).

А вот что, в частности, в своей рецензии писал о работе партии № 6 в предыдущем году и отчёте Владимира Дитмара и Марии Гапеевой инженер-геолог, директор геологической службы второго ранга Н.И. Нечаев: «Авторы отчёта и их коллектив сотрудников приложили большие усилия в полевой период и благодаря энтузиазму превозмогли те трудности, которые мешали проведению исследований территории и открытого ими Четкандинского месторождения... Произведённые работы на совершенно неисследованной ранее территории Удоканского хребта, в районе верховий р. Четканды позволили авторам сделать интересные выводы и открыть новый тип асбестового рудопроявления... В отчёте хорошо и правильно сделаны основные выводы и намечены перспективы по району, но оценка самого Четкандинского месторождения представлена слабо, в иных местах необоснованно. При ограниченных фактических исходных данных к оценке месторождения и при избытке оптимистических субъективных рассуждений получилась запутанность, потеря чувства объективности, а подчас и кривотолкование, что недопустимо оценщику... Представляется, что только поспешность привела к наличию отмеченных недостатков, иначе трудно объяснить, как это могло получиться у столь опытных, подготовленных, высоко-

квалифицированных специалистов, каковыми являются авторы рецензируемого отчёта...» Видите, как остро, критично, по горячим следам оценивалась работа тех первопроходцев каларских Урановых троп. И как мешала нормальной геологоразведочной работе эта самая «поспешность», диктуемая Атомным проектом, его кремлёвскими лидерами. Но как бы то ни было, авторитетный и знающий дело рецензент отмечал: «партия открыла Четкандинское асбестовое месторождение, выявила перспективный на асбестовое оруденение район».

Этой партией руководил Владимир Дитмар, старший научный сотрудник ВСЕГЕИ. Кстати, в такой же роли выступали и другие старшие сотрудники этого ведущего в СССР геологического института: Юрий Деньгин, Лазарь Салоп, Давид Шилин. Владимир Дитмар ещё в 1946 году утверждал, что наши горы являются «весьма благоприятной провинцией для ведения поисков на радиоактивные элементы». В этом он убеждался и при геологической съёмке на реке Олёкме в 1947 году. В 1948 году в восточной части Удокана работала и Мария Гапеева – второй автор отчёта. Открытие Сосновской экспедицией в 1948 году «почти чистого асбестового оруденения» в бассейне кодарской реки Средний Сакукан ещё больше убедило Владимира Дитмара в правильности его выводов. Более того, работая в 1949 году к югу от гор Муруна, геолог пришёл к выводу, что «район хребта Удокан должен быть более интересным, нежели хребет Кодар». Это им было заявлено и на специальном совещании Правительственной комиссии в Чаре 16 февраля 1950 года. И геолог, начальник партии Владимир Дитмар свои поиски в бассейне Читканды начинал с солидными знаниями местной ситуации. Есть достаточно оснований на сей день считать именно его первопроходцем каларских Урановых троп. Он прекрасно знал, что в 1949 году на этих удоканских площадях вели геолого-поисковые работы партия Мангышлакской экспедиции ВСЕГЕИ (начальник – Юрий Деньгин) и партия Снежинской экспедиции Восточно-Сибирского геологического управления (начальник – Константин Денисов). Знал, что ни та, ни другая не нашли заметных радиоактивных рудопроявлений, а вторая партия «отнеслась к району отрицательно, у Денисова выявилось чрезвычайно ярко пренебрежительное отношение к возложенным на исследователя задачам и неучёт произведённых ранее исследований». Знал всё это Владимир Дитмар, но снял свою партию № 6 с бассейна Эймнаха (Каларский хребет) и повёл её на восток, на восточные отроги

хребта Удокан. И 15 мая 1950 года, когда снежный покров этих мест ещё достигал максимальных отметок, они начали свой полевой сезон. И зиму, и следующий летний сезон эта партия (шесть инженерно-технических работников и от 35 до 60 рабочих) трудилась здесь. Более того, по соседству была развёрнута и партия № 1 (начальник – Анатолий Семихатов, шесть ИТРовских работников и 40 рабочих). Попалось откровенное признание отчёта: «Все прежние горнорабочие были сменены, и вместо них прибыл новый спец. контингент, состоящий из отбывших срок наказания заключённых и из спец. переселенцев». То есть Борский ИТЛ поставлял рабочую силу не только Ермаковскому рудоуправлению, но и при нужде местной, соседней геологоразведке – Первому главному геологическому управлению Министерства геологии СССР. Общий списочный состав партии № 6 к концу 1951 года достигал 145 человек. Эти кадровые показатели ещё раз убеждают нас в масштабности и срочности Урановых поисков на земле каларской в те годы. Такого людского сосредоточения Читкандинские площади никогда больше не имели (даже в пиковые годы Удоканской экспедиции, когда она вырастала до 1500 человек).

Любопытен раздел отчёта «Транспортные средства». Он повествует, в частности, о том, что «В партии № 6 вначале имелось 20 оленей, из которых годными для перевозки вьюков оказалось только 14. Кроме того в июне и июле месяцах в партии имелось две лошади. На этом транспорте всему составу партии нельзя было одновременно выехать из посёлка Чара в район полевых работ, в силу чего персонал партии пришлось перебрасывать частями... Вначале уходила часть рабочих и вьюками перевозилась половина имущества; затем олени и лошади возвращались обратно, навьючивались второй половиной имущества и с ними уходила остальная часть персонала. При движении таким образом на дорогу от пос. Чара до базы партии № 6 на озере Амудига (современное озеро Амудиса.– А.С.) потребовалось 14 дней, в то время, как при нормальном передвижении вполне достаточно было бы 5 дней...».

Не менее интересен и раздел «Базы». Их у партии № 6 было две – одна на озере Аммудига, другая – на устье реки Читканды. Плюс три лабаза: в 25 км выше устья Читканды (в долине её), в долине Талакана (12 км выше устья) и на водоразделе между озером Аммудига и рекой Сакукан. На этих опорных пунктах было «сосредоточено продовольствие на общую сумму свыше

90000 рублей, что избавило партию № 6 от невзгод, связанных с недостатком питания». Из построек были «жилой барак (в виде таёжного зимовья» размером 6 x 7 метров», склады, баня. Лабазы устраивались на деревьях.

Сейчас в нашем распоряжении авторитетная документальная основа для того, чтобы показать условия труда и быта геологоразведчиков Первого Забайкальского Урана. «Картографическими средствами партия № 6 была снабжена прекрасно. Для территории Каларской котловины в партии имелся фотомонтаж масштаба 1:60000. Для площадей верхней части бассейна р. Калар, Б. Икабы и Читканды в партии имелись дешифрованные планшеты в горизонталях масштаба 1:50000 и накидной монтаж аэрофотографии местности масштаба 1:60000. Благодаря этому в работе партии совершенно не требовались проводники. Партия была снабжена удовлетворительно полевым оборудованием. Палаток, горных комплектов, одежды и обуви было достаточно. Спальные мешки большей частью старые. Пуховых спальных мешков не было совсем, несмотря на то, что руководящему персоналу партии пришлось жить в палатках большую часть зимы. Рюкзаков было недостаточно. Очень плохо обстояло дело с оленьей упряжью... Мало было радиосчётчиков... Для целей производства разведки в начале работ партия № 6 была снабжена совершенно неудовлетворительно. При наличии 5 человек рабочих, задолженных одновременно на проходке канав, в партию было выдано лишь две старые кайлы и две старые подборные лопаты, которые очень быстро сломались. Впоследствии недостатки оборудования для данного контингента рабочих были устранены...»

1 декабря 1951 года по распоряжению Лесной экспедиции партия № 6 передала всё имущество, оборудование, снаряжение и территорию, «подлежащую дальнейшему обследованию», партии № 15 (начальник К. Метцгер) и покинула Каларский район.

Последний геологический отчёт по Читкандинскому месторождению значится под 1953 годом, то есть после ликвидации Ермаковского рудоуправления и Борского ИТЛ. Подготовлен он всё в той же Лесной экспедиции, где по-прежнему начальником был Александр Ивашенцев. Отчёт для критической оценки побывал и в руках уже известных нам первопроходцев Первого Забайкальского Урана Анатолия Семихатова, Григория Падалки и Ивана Сидорова. С чем же уходили с каларских троп те геологоразведчики?

Задание на 1952 год принимала уже партия № 456 (начальник К.А. Метцгер), и называлось оно так: «Предварительная разведка с целью промышленной оценки Читкандинских теллуросодержащих песчаников и метасоматитов кл. Александровского, детальные поиски промышленных месторождений на прилегающих площадях». На партию возлагался и первый подсчёт запасов сырья. В процессе разведки информация по его содержанию становилась всё более привлекательной, потому пересматривались и физические объёмы работ, прежде всего горных. Так, по первоначальному плану нужно было пройти штолен 300 метров, откорректированный план предусматривал уже 596 метров, а фактически было пройдено 596,4 метра. То же самое и по другим основным измерителям. Отчёт утверждает: «Успешному выполнению плана способствовало широко развернувшееся соревнование как между отрядами, так и по профессиям. Итоги соревнования систематически освещались стенной печатью партии (в стенгазете, «Боевых листках»). Напомню, всё это делалось в полевых условиях, и не было рядом ни парткома, ни профкома с комитетом комсомола. Всё это Лесная экспедиция была вынуждена бросить – так диктовал набирающий обороты Атомный проект СССР.

ИКАБЬЯ, год 1952-й

Это было рудное месторождение, среди первооткрывателей которого значится и простой рабочий. Это был объект с безупречной организацией геологоразведочных работ, с хорошими перспективами. Но Атомный проект потребовал бросить его. Здесь в 1953 году и оборвались те Урановые тропы более чем на полвека. И последними с них уходили самые известные из местных поисковиков: Игнатий Гладких, Александр Ивашенцев, Анатолий Семихатов, Григорий Падалка, Иван Сидоров.

У этой партии Лесной экспедиции, в отличие от большинства других, было двойное наименование – № 321 и Икабийская. Её последний проект на земле каларской назывался так: «Предварительная разведка с целью промышленной оценки рудопоявления». Даже неспециалисту несложно понять, что такая работа – это далеко не то, что начальные поиск и съёмка. Они с достаточной тщательностью изучили два наиболее привлекательных пласта. Но, писали рецензенты отчёта, «оценка рудных участков и отдельных рудных тел в результате работ 1952 года даётся в первом приближении, так как степень разведанности

месторождения ещё крайне мала. Канавами вскрыто меньше 10% вероятной протяжённости рудных пластов...» По состоянию на 1 января 1953 года за этой партией уже значилось запасов в количестве 58 тонн при среднем содержании от 0,058 до 1,71%. Отличные по тем временам и обстоятельствам показатели, отличные перспективы. Всё подталкивало к тому, чтобы в новом году развернуть работы шире и глубже. Но пришлось всё бросить и уйти. В каком настроении покидали каларские урочища те геологоразведчики – представить легко.

Смотрю на всю эту информацию (а её на моём столе, поверьте, оказалось очень даже много) и думаю: от кого и что прятали? От эвенков-каюров? Да эти таёжные умники ещё до первого рукопожатия знали, кто ты и зачем пришёл. От рабочих-горняков? Это, как правило, тоже опытейшие труженики гор и лесов и прежде чем подписать какой-то уговор, они так или иначе узнали, что к чему и как. Прятали от местных жителей? Может быть, но это лишь до тех пор, пока не объявлялись сами, пока их подчинённые «не выходили в люди» – на «выхлоп» или ещё за чем-то остро нужным. Не было смысла прятаться от своих инженерно-технических работников – этим по долгу службы было положено знать все необходимые для такой службы секреты. Они, правда, могли путаться в местонахождении, как это случилось с группой московских альпинистов, принявших Кодар за Удокан. Но уж что касается сути дела-производства – тут их, как говорится, учить не надо. Тем более не было нужны прятаться от машинописного бюро, через проворные руки которого в основном и шли эти рукописи с пропусками, кои тоже надо было оставить. Если же вместо пропусков стояли «альбит», «асбест» или тот же «свинец», то машинистки могли в душе и позубоскалить над авторами заказа. Прятали потому, что так было приказано. Прятали потому, что давали подписку, и даже за незначительное разглашение полагалась очень строгая мера, а то и несколько враз (и административная, и уголовная, и материальная). С моей сегодняшней колокольни видится, что и работать было бы куда проще, и результаты могли быть гораздо солиднее, не будь этих «секретов». Ну да ладно, главное-то было достигнуто, сделано вполне приемлемо и по виду, и по содержанию. Мы их, Штаты, не только догнали, но по некоторым показателям и обогнали, что и требовалось, как считалось, доказать. Кстати, режим этого хранения изменился с первоначального «Сов. секретно. Экз.

№ ...», потом «Для служебного пользования» до свободного, всеобщего прочтения.

Вот и в этом документе, последнем с тех каларских Урановых троп, уже бегло и без особого внимания осваиваю заполненные чёрной тушью пропуска (таким методом прятали секреты от вездесущих и всёзнающих машинисток). Ищу в объёмистом сборнике ту информацию, которую ещё не знаю, которая, хочется верить, покажется и моему читателю.

Итак, в 1951 году партия № 16 обнаружила в верховьях Большой Икабьи Урановое оруденение, сделала первоначальную оценку его. В следующем году сюда приходит партия № 321 и продолжает работы, сосредоточив их на ключе Скалистом как наиболее привлекательном в смысле перспектив. Выполнены и перевыполнены все задания, в том числе и самые сложные – проходка канав и штолен. Выполнено и целевое задание партии – основное. «Сверх плана, – читаю в документе, – за счёт экономии средств партии были проведены детальные поиски и разведка в вершине реки Саку, в результате чего был открыт новый участок рудопроявлений Урана с промышленным содержанием металла в рудных телах». Сверх плана были проверены «мощные сульфидные зоны» по реке Сакукан, и тоже отличные результаты. Чем дальше геологи уходили по Удокану на восток, тем получали лучшие результаты. Но 1 октября по распоряжению Главка прекращены все полевые работы, и партия в полном составе выезжает в Иркутск.

В этой партии было 18 инженерно-технических работников, до тридцати рабочих и «пять хороших оленеводов-колхозников... Чёткая добросовестная работа оленеводов обеспечила выполнение плана». Любопытно, что авторы отчёта, не раз обращаясь к пофамильным спискам своих подчинённых, только этих колхозников называют по имени-отчеству: Степан Кириллович Абрамов, Ольга Николаевна Габышева, Константин Ильич Габышев, Анна Николаевна Абрамова и Тамара Николаевна Николаева (все из колхоза Ленин Октон («Путь Ленина»)).

Читаем еще один документ: «Поиски и разведка проводились в тяжёлых условиях высокогорья с сильно расчленённым альпийским рельефом, с ледниковым ландшафтом, представленным карами, цирками, висячими троговыми долинами и глубокими ущельями». И рядом же: «Погода летом 1952 года была исключительно хорошая. Дождей было мало. Ясная солнечная погода во многом способствовала успешной работе партии...» Здесь же впервые узнаю, что в селе Чаре у них была лаборатория, где мож-

но было выполнить самые срочные анализы проб, что и Московский ВИМС (Всесоюзный институт минерального сырья) тоже занимался каларскими Урановыми пробами.

В 1952 году на этой территории, как самой заманчивой на те дни, Лесная экспедиция сосредоточила сразу пять поисковых партий: №№ 321 (бывшая 16-я), 123, 241, 513 и 456, здесь же работала и её Центральная партия из двух полевых отрядов. Возглавили эти коллективы лучшие специалисты каларских Урановых поисков. И это дало ощутимые результаты. Авторы очередного отчёта рапортовали: «Таким образом, после ряда лет поисков работами Лесной экспедиции было выявлено крупное месторождение урана, предварительная разведка которого является задачей 1953 года. Находка подобных же рудопроявлений в бассейне р. Олдонсо значительно расширяет перспективы района, даёт предпосылки для увеличения площадей поисков к востоку от Удоканского хребта». В том году было найдено и прославившееся «высокорadioактивное рудное тело Девичий пласт» (нашли геолог В. Скворцова и оператор М. Маликова). По этому пласту, как и ещё по трём рудным телам (пласты Жёлтый, Первый и Киселёвский) был произведён ориентировочный подсчёт запасов Урана. В конце лета участок Скалистый посетили старший районный инженер Главка П.И. Калашников, начальник Лесной экспедиции А.Г. Ивашенцев и главный инженер экспедиции А.А. Семихатов. Они остались вполне удовлетворёнными ходом работ и после совещания с начальниками партий составили письмо в Главное управление о «необходимости продолжения разведочных работ в Читкандино-Икабийском районе для подсчета запасов и предварительной оценки всего месторождения».

Интересно описание того Каларского района: «Население немногочисленно, всего около 1500 человек – эвенки и якуты, среди которых незначительный процент составляют русские. В районном центре – посёлке Чара, насчитывается около 100 домов, в которых живут до 500 человек или одна треть всего населения района. Все жители, за исключением работников административного аппарата района, объединены в колхозы, основным занятием которых являются охота и оленеводство. В районе насчитывается пять колхозов...» Это описание несколько отлично от того, административного, что дано выше. Но именно такое, думаю, требовалось для отчёта, и оно появилось.

Итоги камеральной обработки подталкивали к тому, чтобы вернуться в верховья Большой Икабьи в 1953 году. И это было

сделано. Единственными путями сообщения на исследуемой территории были оленьи тропы, проложенные обычно по долинам рек. В доставке грузов использовалось соседнее Читкандинское месторождение как перевалочная база. Сюда их завозили по могочинскому автозимнику, устроенному Ермаковским рудоуправлением и Борским ИТЛ. Тяжёлое оборудование, прежде всего компрессора, вагонетки, бензоёмкости, лебёдки и прочее, перегружали на тракторные сани, по замёрзшим руслам ручья Битюн и ключа Комустах везли до перевального водопада высотой до десяти метров. Здесь «грузы спускали по наклонной плоскости в 75 градусов лебёдкой, а далее доставляли лошадьми и оленями к месту работ». Невероятные сложности! Нечеловеческое напряжение сил и нервов! Образцовый героический подвиг, о котором и сказать-то вслух нельзя было! Документы, что я цитирую, эмоций не выделяют. Нет в документах и такого понятия, как Атомный проект СССР. Но он, этот проект, был и на могочинском автозимнике с заокеанскими «студебеккерами», и на читкандинской перевалке, и на водопаде в ключе Комустах, и на избитых спинах лошадей и оленей, что тащили грузы «к месту работ».

ТЯЖЁЛЫЙ МЕТАЛЛ

Нелёгким был забайкальский да и российский в целом Уран первых послевоенных лет. Но он был крайне необходим и его находили и добывали. А каковы современные урановые тропы-маршруты? Пусть ответом на этот вопрос послужат следующие три главы нашей хроники.

Озеро Ничатка – крупнейшее в Забайкальском крае. Река Сень, что берёт в нём начало, – крупнейший приток Чары. Это основные ориентиры самого дальнего севера нашего региона. И угораздило земли создателя именно здесь расположить «южное обрамление Сибирской платформы», «Берёзовский прогиб», а к этому ещё и рудопроявления типа «несогласия». Для рядового читателя эти определения – пустой звук. А вот для геолога-поисковика... И тянет их сюда, затягивает.

Первым из них оказался здесь ещё в 1947 году Владимир Дитмар – открыватель многих северочитинских маршрутов. Сюда возвращался в 1983 году его сын. А в интервале было шестнадцать экспедиций, нацеленных на причитаткинские квадраты. Не иссякали эти экспедиции и в последующие годы. Правда, повторных, в смысле состава, не было. Судя по всему, основную «оскомину» сбивали с первого раза.

Сюда проникали со всех сторон, в том числе и сверху. Ехали и летели рейсами очень даже длинными, затяжными, но успокаивали себя тем, что расстояния эти раз от разу сокращаются.

Трижды здесь организовывались мелкомасштабные региональные геологосъёмочные работы, дважды – государственная геологическая съёмка масштаба 1:200000, дважды – групповая геологическая съёмка и аэрофотогеологическое картирование масштаба 1:50000, трижды – тематические работы, шесть раз – специализированные, поисковые и тематические работы, один раз – просто поисковые работы, семь раз – геофизические работы и один раз – аэрорадиометрические и аэромагнитные работы, гравиметрическая съёмка, АГСМ-съёмка. Изученность территории, понятно, нарастает. Но очевидно, она всё ещё недостаточна, коль геологи-поисковики всё возвращаются и возвращаются к ней.

Как это делается, что это даёт? Об этом читайте в трёх последующих главах.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

29 октября 2009 года

Забайкалье всегда славилось своей геологоразведкой. И потому, что здесь есть что искать и доказывать. И потому, главное, что было кому ставить на ноги и двигать вперёд эту незаменимую отрасль. В её рядах и человек, которого я знаю более тридцати лет. И знаю очень даже близко, настолько близко, что не осмеливался о нём писать. Не стал смелее и на сей день. А годы-события уходят.

Нужный случай, как и водится, подвернулся. Мне попался его небольшой дневник. Одна лишь из десятков самых разнообразных, но всегда сложных и тяжелейших в условиях нашего Севера экспедиций. Но в ней, этой многодневной поездке весь мой друг – Владимир Николаевич Павлык. Вся его освоенная жизнь – это наша забайкальская геологоразведка. Изумительно верный друг, всегда на зависть общительный и знающий, специалист и профессионал «до мозга костей» – это всё он. А ещё у него удивительное качество – оказываться там, где он сегодня нужнее, и где, конечно же, ему интереснее. Именно с таким настроением он и трудится на Забайкалье, зная его из угла в угол, по всем меридианам и параллелям. Конечно же, он многие годы отдал Удокану, Читинскому северу в целом. Конечно же, он сегод-

ня на юго-востоке края, где худо-бедно, но громадный освоенческий проект подвигается вперед.

Итак, известнейший геологоразведчик Забайкалья в его собственном изложении. Дневники, кстати, одна из служебных обязанностей этих людей.

Из дневников ветерана забайкальской геологоразведки Владимира Павлыка: МЕЧТА ПО ИМЕНИ НИЧАТКА

Информация приходит к нам разными путями. Часто она сваливается лавинообразно, вся сразу и вы, принимая её, начинаете переваривать, планировать что-то, обдумывать. Так было, например, с моей Сьюльбанской партией. Вызвали утром к руководству и поставили перед фактом: берись за Сьюльбан-Куандинскую площадь. Дескать, БАМ на подходе, необходимо срочно закрыть геологической съёмкой и поисками 100-километровую полосу к югу и северу от трассы. И завертелось...

А бывает, что информация приходит к вам по каплям, микродозами в течение длительного периода. И, откладываясь в каком-то потаённом отделении мозга, она накапливается и крепко удерживается там до поры-времени. Так было с Ничаткой.

1965 год. Чина. Я занимаюсь поисками медных руд на водоразделе Катугина и Чины. Ближе к осени с проверкой работ меня посетил опытный удоканский геолог Виктор Яковлевич Мельниченко. Вот тогда-то я впервые и услышал об озере Ничатка. В один из вечеров у костра Витя рассказал мне, как несколько лет тому назад вместе с главным геологом Удоканской экспедиции Эдуардом Францевичем Гринталём он проверял заявку эвенка-оленевода на слюду-мусковит, которую тот видел в том районе. Пластина слюды была, по его словам, «величиной со стол, а толщина – в две ладони»...

1969 год. Теперь уже в коридорах и курилках Читинского геологоуправления перекатывалось это волшебное слово Ничатка. Центром этих разговоров являлся Игорь Томбасов, один из старейших геологосъёмщиков. К тому времени он заканчивал работы по геологической съёмке и поискам в районе Каларского Сакукана. Надо было думать о следующей площади. И Игорь загорелся идеей геологической съёмки в районе Ничатки. По его словам, она была «мечтой всей его жизни». Не будучи ни

разу там, он знал про неё почти всё и восторженно делился этими знаниями с нами. Но увь... Начальство рассудило, что не время еще забираться в столь далёкие края, и проект работ закрестило.

Середина семидесятых годов. В Кодаре проводит геологическую съёмку и поиски Торская партия под руководством Валентина Кривенко. Северная граница площади этой партии проходила всего в шести километрах от южного окончания озера Ничатка. Ну разве могли ребята не сходить на озеро, не полюбоваться его окрестностями? Впечатлений им хватило на всю зиму в Чите. А мы с завистью слушали их рассказы.

Где-то в году 1978–1979 о Ничатке рассказывал мне старый горняк Толя Галуцкий. В те годы Удокан посещали различные зарубежные делегации, присматриваясь к месторождению меди. Одну из них – французских геологов – решено было после работы принять на Ничатке. Ну и, естественно, покормить местными деликатесами. Заброшенный с напарником на озеро вертолётом, Анатолий должен был заготовить для этой цели свежую рыбу и мясо. Озеро поразило его невероятной красотой при тихой безветренной погоде, кедрями, в обилии растущими прямо на его берегах.

И вот 1980 год. Мы заканчиваем работы на Сюльбан-Куандинской площади. Что дальше? И тут Игорь Томбасов подсказывает мне: «Проси Ничатку». И то ли Бог был за нас, то ли БАМ помог и время подоспело, но нам разрешили проектировать эту территорию. Вопрос о формировании коллектива у меня не стоял. С этими ребятами я проработал уже пять лет, притёрлись друг к другу, сжились. Взялись за работу дружно. Составление проекта двигалось хорошими темпами и приближалось к завершению. Предстоял один из самых, пожалуй, сложных этапов – организация работ. Мы прекрасно понимали, что без надёжного тыла, которым должна на пять лет стать полевая база, нам работу не осилить. А строительство и дальнейшее существование базы без заброски грузов автотранспортом невозможно. Значит, нужен зимник.

Место для базы решено было выбрать на устье реки Сень, вытекающей из Ничатки и впадающей в Чару слева. Но между селом Чара и виртуальной базой стоял Кодар – гигантский горный хребет с двух- и трехтысячниками, ледниками, непроходимыми перевалами и бурными реками. От села Чара до реки Сулумат, где в то время Удоканской экспедицией завершалась разведка

железородного месторождения, около восьмидесяти километров. Дорога на этом отрезке хотя и плохонькая, но есть, идёт сухопутным. А дальше? До устья Сени ещё двести километров. Крутые скальные склоны вплотную подходят к руслу. Значит – по льду? Но когда я начал расспрашивать старожилов, то от всех услышал категорическое: «Ты что?! Дорогу по льду пробить невозможно! Торосы, открытые в любые морозы талики, крутые прижимы и прочие прелести». Так говорили все – и опытные охотники и рыбаки, и руководители Удоканской экспедиции. А самое ценное для меня суждение я ожидал услышать от эвенков-оленоводов. Но и здесь разочарование. Иван Трынкин, пасущий стадо на Большой Торе, сказал: «Да ты что! Как тут ехать на машинах можно?! У нас нарты с олешками часто уходят под лёд и тонут. Дикая здесь река. Каждый год замерзает по-новому. Где талики были, может заторосить, а где в тот год был метровый лёд, может талик образоваться, прикрытый сверху снегом». Вот тогда-то я и решил: пока сам не попробую – никому не поверю. Ведь раньше никто всерьёз не задавался целью пройти эту реку на машинах. Надо! Цель-то у нас какая – Ничатка!

ПЕРВЫЙ АВТОЗИМНИК

Февраль 1981 года. Состав группы на пробивку определён. Это шофера автобазы геологуправления Николай Филатов и Леонид Свиридов. Я хорошо их знаю, по зимникам с ними ходил ежесезонно, начиная с 1973 года, прошёл с ними и Витим, и добамовские Куанду и Сьюлбан. Они сами надёжные и машины их – «ГАЗ-66» – нас никогда не подводили. Третьим пойдёт с нами Николай Скажутин. Он много лет водил вездеходы в Удоканской экспедиции, теперь будет работать у нас. Новенький вездеход «АТЛ-5» нам «презентовал» сам генеральный директор «Читагеологии» Леонид Петрович Сарин. Он высказал личную заинтересованность в освоении этой территории и обещал всемерную помощь. Вездеход вместе с Николаем уже отправлен на трале в Чару, где на базе Удоканской экспедиции пройдёт «предполётную подготовку». Со мной поедут мои незаменимые помощники – техники-геологи Иван Половинкин, Олег Димов и Толя Унчиков. Полученное снаряжение, приборы, продукты будут брошены в Чару транспортными самолётами и должны ждать успешной пробивки зимника. Мы поедем налегке, взяв только самое необходимое. Друзья собирают нас, как на фронт. Всем коллективом налепили сотен пять пельменей и заморозили мешок «ша-

риков» – катышей чистого фарша. Закинутые в кипящую подсоленную воду, они быстро готовятся, образуя сытный наваристый бульон. С руководством Удоканской экспедиции оговорены вопросы радиосвязи и заправки горючим. «Выверен старый компас, получены карты и кроки...».

Без приключений, по уже известному за многие годы маршруту Чита–Романовка–Витим–Усть–Каренга–Калакан–Муя–Сюльбан мы за четыре дня добрались до Чары. Несколько дней на переформировку, дозаправку и отдых. Машины разгружены до минимума: остались только бочки с бензином, десятиместная палатка с печкой, доски на нары, бензопилы, топоры, пешни, продукты, рация. И... дрова. Готовить их нам по пути будет некогда, да и негде среди голых скал. Беспокоит только вездеход. В чистом виде вес его пять тонн плюс несколько бочек дизтоплива и огромный запас железяк – дефицитнейших запчастей к ходовой и двигателю.

Утро 10 февраля. Мороз около 35 градусов, ветрено. Караван из двух ГАЗ-66 и вездехода трогается в путь. Через пять часов пьём чай на устье Сулумата и спускаемся на лёд. Здравствуй, Чара! Как примешь ты нас?

Осмотрели Сулуматский порог. Проход по нему возможен лишь по хорошо замёрзшей протоке. Впереди идёт вездеход, в нём, кроме Николая Скажугина, Иван и Толик. Я еду на первой машине с Колей Филатовым, замыкает колонну Лёня Свиридов с Олегом. Максимальная скорость десять километров в час. Глубокий снег на плёсах, незамёрзшие наледи, частые провалы в пустолёд сменяются торосами Пуричиканского порога. Начинает темнеть. Пройти бы его скорей! Но тут у Леонида «летит» гидроусилитель рулевого управления. Еще какое-то время он едет, пытаясь силой удерживать мечущийся в разные стороны руль, но останавливается. Место крайне неудачное. Открытая валунно-галечная коса и сильный ветер, от которого негде спрятаться. Леонид занимается ремонтом, мы при свете фар ставим палатку. Удерживать её полотнище при таком ветре руками невозможно. С двух сторон крепим растяжки к машине и вездеходу. Третью закрепляем за подвернувшийся вмёрзший в лёд комель топяка, четвертую – за машину Леонида. Водители подключаются к ремонту, а мы ставим печку, настилаем нары на семь человек, организуем ужин. Наконец машина отремонтирована. Ужинаем и под вой ветра засыпаем.

За второй день мы прошли всего семнадцать километров. Много раз валились под лёд, по глубокому снегу таскали с берега брёвна, чтобы замостить выезд. Именно в этот день и начался наш «пеший поход» по Чаре – сменяя друг друга, мы идём с пешнями впереди машин, простукивая лёд. Предельная внимательность, расслабиться можно только в кабине, когда машина форсирует открытые наледи. Ночуем эту ночь в охотничьем зимовье на устье Большой Торы. Зимовье обжито, на стенке висит карбин с полной обоймой, на полках невыделанные шкурки соболей и белок, продукты. Ясно, что гостей здесь никто не ждёт. Но хозяев мы так и не видели, наверняка заночевали где-то в другом месте.

Торский порог. Много разных страшилок про него рассказывали оленеводы. Но действительность оказалась намного хуже. Сколько глаз видит – хаотичное нагромождение высоченных торосов с валунами размером с машину. Никакой возможности пройти по реке. Но по правому берегу какое-то подобие залесённой террасы. С трудом находим место, где можно взобраться на неё. А дальше в ход идут топоры и пилы. К обеду прорубили около двух километров проезда. Дальше – вертикальные прижимы с обоих берегов. Опять спускаемся на речку. Почти до темноты пилим бензопилами торосы и обломками льда бутим дорогу, пока не выезжаем на заснеженный плёс. Чуть ниже уже в сумерках разглядели на левом берегу какое-то подобие зимовья. Оно маленькое, без крыши и печки. Нет нар. Но это не беда. Накрываем его брезентом, устанавливаем свою печку, настилаем от стенки до стенки нары. Мои ребята в это время пият сухие и сырые лиственницы – решили ночевать под навесом у костра, так как в зимовье может поместиться от силы четыре человека. Ужинаем и укладываемся. Тесно. Поворачиваться на другой бок договариваемся по команде, все разом. Ночью стена, ближняя к печке оттаяла и гнилые бревна не выдержали крепления нар – они рухнули на одну сторону. Сторона оказалась моей и трое далеко не худых водителей сползли на меня и так впечатали меня в стенку... Но при этом никто не проснулся. А ребята прекрасно переночевали у костра в спальниках, но утром босиком прибежали в зимовье оттаивать у печки валенки. И каково было наше разочарование, когда проехав всего три километра, мы увидели на левом берегу напротив живописных скал большое новенькое охотничье зимовье с огромной чугунной печкой и приличным запасом дров.

И опять плёсы со снегом по пояс, коварный пустолёд и наледи без конца и края. Без особых осложнений прошли Сытыканский порог. И наконец в полдень увидели впереди ровный плёс, а за ним, километрах в трёх-четырёх обозначилось устье Сени. Заправили машины и закурили, радуясь, что скоро приедем. И не знали, что эти несколько километров по плёсу будем пробиваться до ночи. Не знали, что три раза будет уходить под лёд вездеход, а мы по колено в воде таскать бревна под гусеницы, связывать рвущиеся тросы и охлаждать водой закипающие радиаторы.

Устье Сени. Река бежит как летом. При свете фар в сплошном тумане выбираемся на берег. Осматривать место будем завтра днем. А сейчас срочно нужен отдых. Привычно ставим палатку, нары, печку. Из остатков досок организовываем стол. Накрываем его по-царски. Оказалось, что каждый, веря в нашу счастливую звезду, приберег из дому на этот случай какой-нибудь деликатес. Первый тост – за успех, за нас, за будущую базу. Куда девались сон и усталость?! Вспоминаем и «Гидравлическую косу», и «Жаркое зимовьё», и момент, когда первый раз провалился под лёд многотонный вездеход, и трое наших ребят вылетели, как пробки шампанского, через люк водителя и, что самое главное, раньше его! А в третьем часу ночи кто-то вышел из палатки и вдруг закричал: «Идите сюда скорее! Смотрите!» Мы выскочили на мороз. В открытой от гор части небосклона переливались яркие сине-зелёно-желтоватые сполохи. Это было впервые виденное нами, хоть и далёкое, но СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ! «Хорошее предзнаменование», – сказал Николай Филатов.

Впереди было еще почти три недели челночных рейсов Чара-база-Чара, заброска многих тонн снаряжения, продуктов, емкостей, горючего и бочек с маслами для электростанций, вездехода, бензопил и моторных лодок. Впереди было строительство камералки, жилых домов, склада, бани, вертолётной площадки. Впереди была пробивка сухопутной вездеходной дороги на Ничатку. Предстояла организация подбазы партии в г. Бодайбо, откуда к нам летали вертолёты. Была борьба с браконьерами-иркутянами, беззаботно хозяйствующими здесь многие годы. Впереди было четыре напряженных полевых сезона, каждодневные маршруты, проходка тысяч кубометров канав и сотен метров шурфов, бурение десятков скважин. А главное – впереди было открытие золотоносной Богаюкты, урановых проявлений Холболка и Ничатки, полиметаллических рудопроявлений левобережья Сени. И ежегодная пробивка зимника, который до конца остался верен

себе и приносил каждый год то один, то другой сюрпризы. И, наконец, предстоял 1985 год без полевых будней, но от этого не менее трудный, год составления окончательного отчёта по работам в Закодарье с выдачей рекомендаций для дальнейших поисков.

Но всё это было еще впереди. А сейчас мы пели хриплыми простуженными голосами и радовались как дети. Мы по опыту знали, что не каждому из наших таборов «суждено стать городом, чаще – полянами и заросшими тропами». Но мы верили в УДАЧУ!

ПЕРЕВАЛ

Из блокнотов автора, март 1986 года

Удоканская геологоразведочная экспедиция наконец-то закончила с первоочередными работами на медном Удокане и Апсате и хоть с опозданием, но получила возможность развернуться в Закодарье. Её шофёры ведут машины по автозимнику Чара-Сень-Ничатка. Сделан ещё один шаг в освоении самых северных территорий района.

В один конец – триста двадцать километров. Много, конечно, когда речь идёт о бездорожье, о езде по наледям, валунам, пустолёдам и марям. Зимник прокладывается не по прямой, а применительно к местным условиям.

Кстати о прямой. Все сто километров до места назначения по прямой, которая ложится так: райцентр – гора Зарод – озеро Ничатка, то есть поперёк хребта Кодара. В эти дни механизированный отряд геологоразведчиков, возглавляют который начальник гаража А.И. Черепанов и начальник поисковой партии А.Ю. Давыденко, как раз пробивается к Ничатке через Кодар по прямой – долинами рек Апсат и Бургай. Этот маршрут, несомненно, сложнее того, о котором мы начали рассказ. Он, сами понимаете, не пройдёт точно по прямой. Но уже то, что он короче в два раза, стоит внимания, стоит «разведки боем».

РАДИ ЧЕГО?

В новой пятилетке Удоканская геологоразведочная экспедиция резко меняет свой курс – основное внимание уделяется поисковым работам, которые по сравнению с прошлой пятилеткой расширяются почти вдвое. Поиски разворачиваются и на новых территориях, считавшихся до сих пор «белыми пятнами». Экспедиция, как уже сказано, взяла курс на север района – в Закодарье.

Назвать удоканских геологоразведчиков первопроходцами этих территорий в полном смысле, наверное, будет неправильным. Среднее течение Чары, бассейны рек Большая Тора и Малая Тора, Сень, озеро Ничатка – это места, издавна притягивающие охотников, это места с хорошими ягельниками (именно отсюда Чара получает самую вкусную оленину). Нет-нет да обращаются к этим местам и геофизические и геологосъёмочные отряды. Для нашего рассказа особое значение имеет работа Ничатской партии геологосъёмочной экспедиции (об этом наш рассказ в предыдущей главе).

Результаты работы партии В.Н. Павлыка приняты по эстафете удоканскими геологоразведчиками. Читинские геологосъёмщики со своей задачей справились, для чего потребовалось четыре летне-полевых сезона. Гораздо сложнее и объёмнее задачи, поставленные в этом районе перед Удоканской экспедицией (прежде всего партией А.Ю. Давыденко). Сезонной работой уже не обойдёшься, нужно наладить круглогодичное, многолетнее производство. То есть нужна более мощная, чем была в Ничатской партии, база. Несравненно возрастают объёмы грузопотока, что вынуждает искать более надёжные и дольше действующие дороги. Понятно, на этом этапе геологоразведочных работ речь идёт только о дорогах сезонных – зимниках.

Зимник – это дорога, которую, как ещё раз подтверждает В.Н. Павлык, нужно пробивать каждый год. Такие дороги в своей основе уходят вместе с морозами. Зимник к Ничатке сегодня начинается от Чапо-Олого. От села до конечной точки 232 километра. Из них 208 километров проложены реками, то есть с уходом льда от этой части зимника абсолютно ничего не останется.

Зимник уходит с зимой. Остаётся вера человека в то, что здесь ездили, здесь можно поехать вновь. Мне кажется, это именно тот фундамент, на котором строится каждый новый зимник. Без такого фундамента начинать куда сложнее.

Ничатская партия пробивалась на север двумя-тремя машинами раз в год. Удоканские шофёры, начав обживать новый маршрут в этом году, уже сделали десятки рейсов. Понятно, одним количеством рейсов зимник значительно не улучшишь. Но вера в него, знание трассы становятся крепче. Удоканские шофёры в этом смысле работают сегодня и на будущее.

Уместно напомнить и такое. Вся экономическая история Каларского района связана именно с зимниками. Именно с них начиналось освоение того или иного объекта, той или иной терри-

тории. Автозимники Наминга–Неляты–Романовка, Чара–Наминга–Могоча, Чара–Средний Калар, Хани–Чара–Витим – это только самые известные и значительные. Сегодня в их ряд встал зимник Чара–Сень–Ничатка.

КОМУ ДОВЕРЯЮТ?

В этот рейс Володя Раздобреев пошёл четырнадцатым следом. Валерий Бурлаков – пятнадцатым. Туда-сюда с пробивкой зимника Анатолий Дружин, Виктор Заворотных, Владимир Перегудов, Владимир Раздобреев и Владимир Ситников. Второй группой, вчера ушли на Ничатку Сергей Добровольский, Виктор Заворотных и Василий Карелов. День спустя, сегодня идёт третья группа.

– В первый рейс, на пробивку мы отобрали, конечно, самых опытных водителей, – говорит начальник гаража Анатолий Иванович Черепанов. – И техническое состояние машин, а на зимник уходят только «Уралы», сыграло свою роль. Во второй и последующие рейсы пошли уже шофёры без особого выбора, пошли просто очередные. Мы стараемся, чтобы в группе были ребята, уже сходявшие на север.

А возглавить пробивку этого зимника руководство экспедиции доверило начальнику гаража и начальнику партии. На счету Анатолия Ивановича, в недалёком прошлом тоже удоканского шофёра, немало зимников. А Анатолий Юрьевич – хозяин нового объекта, который есть пока только на бумаге. Как быстрее станет объект на ноги – зависит от зимника, и остаться в стороне от пробивки его начальник партии просто не мог. К тому же в экспедиции он лучше всех знает северную часть района. Рядом с этим руководителем был в рейсе и ветеран экспедиции, опытнейший радист Валерий Иванович Лиханов.

Итак, Володя Раздобреев идёт четырнадцатым следом, Валерий Бурлаков – пятнадцатым. С ним в машине А.Ю. Давыденко. Груз сегодня особый – двадцатипятикубовые ёмкости для горючего. Их, во-первых, нужно благополучно доставить, что сделать по зимнику с его крутяками, наледями и пустолёдами не просто. Во-вторых, ёмкости нужно сразу же установить на отведённые им места, чтобы немедля пошли наливники с соляркой, бензином. Собственно говоря, дел у Анатолия Юрьевича оказалось и в этот раз больше, чем их нужно для нормального рабочего дня.

Рабочего дня у них, как такового, нет. Есть рабочие сутки, а если ещё точнее – рабочий рейс. Пока он не кончится, шофёр не расслабится. На зимовье в устье Большой Торы мы добрались в два часа ночи. Пока раскочегарили печку и сварили «чего-нибудь горячего», поели, на часах было три с половиной. А в десять утра двинулись дальше. На зимовье и конечную точку прибыли в десять вечера. Казалось бы, здесь можно немного передохнуть. Но машину не заглушишь, и нет, пожалуй, такого сна, что сбил бы настрой шофёрского организма на урезанные такты двигателя. Подремал чуть-чуть, вставай и проверяй ходовую часть, масло добавляй, бензин. И только в Чаре, бросив машину в тёплом и охраняемом гараже, можно отключиться от всего, отключиться до следующего раза. Впрочем, и для этого нужен немалый опыт. Много раз приходилось слышать о том, как нелегко переключиться на отдых, что иногда межрейсовый интервал утомляет не меньше, чем сам рейс.

Володя в экспедиции девятый год, Валерий – седьмой. Ни для первого, ни для второго нет запретных маршрутов. И в этой спарке они оказались чисто случайно – очередь подошла. Но весь ход рейса показал их полную совместимость. Они хорошо и вовремя дополняли друг друга. Сложить, к примеру, их взрослость и разделить пополам – будет на каждого как раз. Сложить их темперамент и разделить пополам – будет опять-таки как раз. Это, так сказать, духовные богатства. А о материальных особо и говорить нечего. Рюкзаки со съестными припасами и туалетными принадлежностями, сами машины – в рейсе всё становится общим.

В машине Валерия лопнула трубка от силового цилиндра к гидроусилителю. Деталь эта работает под большим давлением, и изоляцией или даже простой пайкой не обойдёшься. Ребята обшарили все закутки в машинах, подзаяняли кое-что у шоферов, возвращающихся домой, и в конце концов заменили повреждённую трубку. Заменили новой, самодельной, да такой, что «будет лучше старой, рационализацию оформлять надо».

О рационализации они, конечно, забыли сразу же. Но ещё раз уверились в том, что выход нужно искать в любом положении. Понятно, выход легче даётся опытным. А опыт такой щедро даётся нашими зимниками.

...Всё выше и выше по наледи, заполнившей русло ключа, взбираются машины. И вот в один из моментов впереди мелькнул огонёк. Было около десяти часов вечера, мы приближались

к концу маршрута. Знали, что будет зимовье (бывшая баня ребят В.Н. Павлыка), что там есть люди. И всё же огонёк магически подействовал на каждого. Позади все препятствия, обе ёмкости доставлены на место. А раз огонёк – значит тебя ждут.

Тяжела, труднодоступна дорога в Закодарье. Даже бывалые шофёры, которым невзгоды, дорожные приключения в привычку, без них они, как говорится, прожить не могут, и то порой сокрушающе качают головой: такое пореже бы встречать. Рвут колёса зимник, заносит, что санки, борта на обледенелых склонах, мощные вездеходы, однако, упорно идут и идут вперёд, туда, где по прогнозам лежит руда. Уже потом возьмут её, обработав, поставят на себя служить металл или топливо люди, а пока – вперёд, вперёд по непроторенной тропе первопроходцев.

И вот долгожданный отдых в охотничьей избушке, так ласково манящей теплом, уютом, крепким сном...

Да, нас ждали, нас встретили. В той и другой роли выступил Александр Ефимович Лахтуров. С первых минут меня не покидало ощущение: где-то уже с ним встречался. Благо, в таких условиях люди сходятся быстро, и уже через час мы всё вспомнили.

Было это в начале лета 1975 года. Ускоренными темпами возрождалась Удоканская экспедиция, поскольку задачи хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской магистрали требовали форсированной доразведки меднорудного месторождения. Возрождались Наминга, Западный. Между этими участками нужно было построить линию электропередачи. Только тот, кто был в Наминге и Западном, может в полном объёме представить все трудности, ожидавшие лэповцев экспедиции. Одну из встречных бригад и возглавил тогда горняк Александр Лахтуров. Линия была построена в срок, с высоким качеством. Стоит она до сих пор, хотя нужда в ней временно миновала.

Обживал Лахтуров и другие участки экспедиции. До перехода в партию Давыденко был на Саку, где изучается месторождение сынныритов. Первопоселенцем этого объекта оказался. «Но там горы высокие, а мне уже под пятьдесят, не выдерживаю», – сетует Александр Ефимович, объясняя свой переход. Первым он приехал и на новый участок. За неделю освоил его и нас встречал уже как хозяин. В зимовье у него постоянно крепкий горячий чай, большущая сковородка с жареным картофелем. Кстати, свежая картошка в тайге – великое дело. «И вы знаете, – утверждает Александр Ефимович, – я впервые наелся её вдоволь именно здесь, у Давыденко. Заботливый он начальник.

Есть мясо, разные консервы. Завезти бы ещё капусты, и жить можно отлично!»

Испытанные, знающие местные условия люди обживают север района. Так уж выпало нашему району, что первые тропы по нему прокладывают изыскатели и геологоразведчики (понятно, мы не забываем людей чисто таёжного промысла, но здесь разговор о другом).

Каждый день по два-три «Урала» уходят на Ничатку. Удоканские шофёры спешат – весна может прикрыть зимник по Чаре и Сени в любой момент. А завезти ещё нужно много. Зимник, на разведку которого ушёл механизированный отряд, может оказаться более сухим, а, следовательно, и более живучим. Но это уже из области прогнозов. Пока же нужно использовать «на всю катушку» то, что есть.

Идут машины на Ничатку. Идут со средней скоростью пять-десять километров в час. Везут они будущее самым северным землям нашего района.

Счастливого пути вам, ребята!

ШТУРМ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Приказа не было. Была необходимость, она и повела людей вперёд.

...К Бургайскому перевалу подошли в четыре часа дня.

– Одеваем грунтозацепы! – подал команду Саша Клименко.

Вездеходному «ГАЗ-71» «одежда» не требуется, и Володя Пушкарёв с начальником гаража Анатолием Ивановичем Черепановым двинулись в разведку. А Саня достал из забитого рюкзаками и железными бочками кузова АТЛ (тягача лёгкого) один за другим восемь траков особой конструкции – грунтозацепов, по четыре на каждую гусеницу. Вместе с водителем орудовал гаечным ключом Толя Давыденко – многоопытный помощник.

Перевал они увидели ещё на подъезде, километров за десять. Впечатления он вроде бы не произвёл. Но скоро наступил момент, когда «перевальчик» стал расти на глазах. «Что он, труднее Нирунгнуканского, Скользкого или Клюквенного? – размышлял Саня. – Посмотрим, посмотрим...» Он сотни раз проходил три известнейших удоканских перевала, но Бургай увидел впервые. Да и Володя Пушкарёв здесь тоже новичок. Начальник гаража и

Толя Давыденко, начальник поисковой партии, познакомились с трассой лишь пару дней назад с вертолѐта.

– Больше всего мне запомнилось, – говорил позже А.И. Черепанов, – что на обратном пути шѐл вертолѐт низко-низко, едва не захватывая лопастями снег. И вдруг... под нами обрыв.

Через пятнадцать минут грунтозацены были на месте, добавили они вездеходности тягачу. И начался 80-часовой путь из «обрыва» к верхушке перевала – тому месту, где вертолѐты проходят «низко-низко».

Хребет Кодар – крупнейший к востоку от Байкала. Ещѐ о нём пишут, что он самый молодой, а значит – островершинный, труднодоступный. Только один из многих десятков перевалов уступил транспортной технике – тот, что на трассе БАМа, над тоннелем. Его высота – 1100 метров. Наступила очередь второго, который на 700 метров выше первого. Красиво о нём, Бургайском перевале, сказано в туристском справочнике: «...соединяет долину Апсата с верховьями реки Бургай. Представляет собой широкое водораздельное плато, перевальная точка выражена неясно...Подъѐм на перевал и его прохождение лучше осуществлять придерживаясь оленьих троп».

– Нам бы хоть одну из этих троп... – мечтает начальник гаража.

– Ну и что ты будешь с нею делать? – подаѐт голос Саша Клименко. – Один я и без тропы пройду. Как вот машину затащить?

В четвѐрке он старший по возрасту. И на Удокан приехал раньше всех, ещѐ в шестидесятые годы. Водитель, механизатор широкого профиля – он нашѐл в удоканской геологоразведке всё, к чему рвалась неутомная молодая душа. Экспедиция то расширялась, то сокращалась. А Саша оставался, и нет сегодня в гараже равно ему по удоканскому стажу. «Но стаж вообще, – считает А.И. Черепанов, – плохо учитывает вклад человека в коллективное дело. Прожить на Удокане двадцать лет – тоже важно. Но ещѐ важнее – как прожить, что сделать... Клименко – великий труженик».

Почти нет таких дорог и маршрутов в Каларском районе, которые бы он не прошѐл. Со своей старенькой «атѐлкой» он возил поисковиков и разведчиков по Калару и Калакану, Читканде и Чукчуду, Катугину и Курунг-Уряху. Только Закодарье оставалось непознанным. И вот он у входа в этот край.

– Доберѐмся до него – считай, и моя жизнь перевалит на другую половину. Нелегко с первой расставаться. Трудно, зато интересно было. Но этот Бургайский перевал нужен экспедиции. Значит, надо идти!

Далеко в этот вечер не ушли. На пути у четвёрки встал метровой глубины снег с крепким настом. Плотное белое покрывало укрыло не только оленьи тропы, но и стланик на нижних горизонтах перевала, и валунник, и другие неровности. Но всё же главным препятствием оказалась крутизна. Метод серпантинной прокладки дороги геологи испытали давно и на Удокане, и на Кодаре. Обратились в нему и здесь, хотя знали, что перевал станет в два-три раза длиннее. Пошли на это, другого способа покорить высоту не было. Началась битва за метры.

На полном газу «атээлка» Сани Клименко врывается в снег. Метр, два, три метра вперёд... И всё. Больше ни сантиметра. Быстрый откат назад, и снова вперёд.

Натужно ревёт двигатель тягача. Бесчисленные переключения рычагов. Руки покраснели от напряжения. Нет-нет да сорвётся злое слово. Вмешивается начальник гаража, и вперёд выходит Володя Пушкарёв. Такие же манёвры, но результаты не лучше. За первый час продвинулись всего на триста метров, и это, как потом показали расчёты, была максимальная скорость.

На втором часу попали в забитую снегом лощину и больше – ни шагу вперёд. Бросили метров пятьдесят умятого и раздвинутого снега и начали пробиваться в другом направлении. Толя Давыденко достал из кузова лыжи и ушёл на разведку со щупом в руках. Вернувшись, он пообещал «ягодки», но будут они дальше.

Бились до темноты, до команды Анатолия Ивановича:

– Возвращаемся назад, к лесу!

Развернуть машины в узком пролазе оказалось непросто. Но назад да ещё вниз всё же легче. Техника как будто уловила это, и через четверть часа ребята уже валили сухостоины для ночлега.

Лагерь разбили на берегу Апсата. Палатка по-якутски, мастером по установке которой оказался Толя Давыденко. Нары из досок, что прихватили утром на пилораме экспедиции по настоянию тоже же Толи. Загудела железная печка, и потянуло теплом к потолку, а потом и во все углы. Когда же закипел чайник, настроение поднялось, как будто все преграды были уже позади. Варить что-то покапитальнее – сил не хватило, да и в рюкзаках у каждого ещё полно домашней снеди.

Толя Давыденко достал все свои карты, занялся измерениями и подсчётами.

– По прямой длина перевала – километров восемь... С серпантинами – минимум шестнадцать... Прошли... Саня, глянь на спидометр, пожалуйста...

Прошли сегодня 1300 метров. Осталось... Нет, считать никто не стал. Как считать маршрут, по которому никто ещё на технику не проходил? Знали, что осталось много – самые «ягодки».

– Ты как, Иваныч, думаешь, каким бортом лучше ляжет дорога? – это Давыденко подбросил, казалось бы, совсем неожиданный вопрос начальнику гаража.

– Да конечно же левым, – враз ответил тот. Чувствовалось, что Анатолий Иванович будущую дорогу по первому отрезку, пройденному с утра вдоль Апсата, уже разметил. Понятно, пока в уме. Ни тот, ни другой и мысли не допускали, что проезд через перевал (а без такого проезда дорога и по Апсату никому не нужна) может не состояться.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

В шесть утра второго дня были уже на ногах. Едва солнце покрасило самые высокие вершины, двинулись по хорошо промёрзшей колее. Не скажешь, что вездеходы побежали безудержно. Но пробитые вчера 1300 метров прошли без заминки. И вот снова – снежная целина. На лыжах, с лыжной палкой в руках (вместо щупа) опять отправляется вперёд Толя Давыденко.

Он самый неуёмный в четвёрке. С палаткой возиться будет до тех пор, пока не останется ни одной складки. С табора не снимется, пока не наколет дров и не сложит их в красивую поленницу, чтобы снегом не занесло. Стал из-за какой-то поломки вездеход, и он не мешкая спешит на помощь водителю.

По образованию он геолог, по должности сегодня – начальник партии. Тому, что Толя часто берёт карты в руки, никто не удивляется – это его обязанность. Но вот он встал на лыжи, ушёл разведать, где можно легче пройти. Но и этому тоже никто не удивляется. Участок, где вездеходам нужно пройти один раз, он прошупывал дважды-трижды. Целыми днями не снимал лыж, в море яркого солнца и безбрежного снега сжёг лицо. И все восприняли это как само собой разумеющееся. К нему, действующему и по штатному, и внештатному расписанию, привыкли давно. И разве на этом перевале он мог быть иным?

Второй десяток лет работает Анатолий Юрьевич на Читинском севере в поисковых партиях. Был рядовым геологом, последние годы – руководителем. Первым из поисковиков экспедиции оказался на юге района, первым – и на самом севере, в Закодарье, куда пробивались вездеходы.

В геологии отрицательный результат – тоже результат. И ради него порой нужно потрудиться не менее, чем на результат положительный. Его три предыдущие партии получили отрицательный результат. Три подряд – тяжело это для души, для совести. Даже тогда, когда специалисты в один голос заявляют: «Он сделал всё, что надо!» Если нет запасов сырья – то нет, и ты хоть сириной вой. Но статистика убеждает, что поисками надо заниматься даже тогда, когда из ста рудопроявлений месторождениями окажутся всего три-четыре.

Сейчас у него четвёртая партия, четвёртое рудопроявление. Есть ли здесь промышленные запасы? Хочется верить, что за перевалом ждет Анатолия Юрьевича Давыденко его первое месторождение.

Редко встречается среди водителей человек, который бы не радовался новому маршруту. А здесь не просто новый маршрут, здесь надо проложить первый след, доказать, что этот перевал проходим.

Два-три метра вперёд – снежный упор—быстрый откат назад – и снова вперёд, только по возможности левее – снежный упор – быстрый откат назад – и снова вперёд, только порезче вправо... И так без конца в тот день – даже без обеда. Анатолий Иванович строго следил, чтобы водители, пробивая новые серпантины, не потеряли ни метра отвоёванной высоты. Но к концу дня, уже в сумерках, вновь попали в ложбину. Потеряли часа полтора, пока вытащили машину из снежного плена. И вновь команда начальника гаража:

– Назад, к лесу!

Надеялись ребята, что удастся в этот день уйти на ту сторону, к руслу Бургая, где есть лес. Не получилось. В темноте покидали гольцы, где даже стланик не рос. Жалели, что не захватили с собой дрова и жерди для палатки – можно бы переночевать и наверху.

От темна до темна одолели лишь первую ступень перевала – всего 4400 метров. Осталось ещё две ступени, как сообщил вернувшийся из очередной разведки Толя Давыденко.

Вернулись на свой первый табор в двенадцатом часу ночи. Поставить палатку и печку на расчищенное место – дело пятнадцати минут. И дрова в темноте на глубоком снегу искать не надо – Толя их ещё утром приготовил. Для того, кто первый окажется здесь. О себе не загадывал, конечно. А оно, видишь, как вышло!..

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

В это утро они не спешили. От настроения, что перевал можно одолеть сходу, и духу не осталось. В кузов «атээлки» сложили все жерди для палатки, по возможности больше накидали дров. Решили, если удастся, уйти на ту сторону перевала; если нет – стать лагерем там, где ночь застанет.

Итак, вновь вперед. «Будем биться до конца!» – воодушевил ребят начальник гаража.

По пробитому позавчера и вчера следу прошли легко.

– Неужели всё это мы наворочали? – удивлялся Володя Пушкарёв..

Он самый молодой в четвёрке. Соответственно – и стаж его работы в экспедиции, куда он поступил после службы. В армии водил тягач, и это определило его место среди геологоразведчиков Удокана. Дали ему вездеход «ГАЗ-71», прикрепили к Режимной партии. Возит Володя Пушкарёв наблюдателей-гидрогеологов от скважины к скважине, от родника к роднику. По одним и тем же маршрутам, по жёсткому графику. Режимные наблюдения за водоисточниками Чарской долины – интересное, конечно, дело. И с однообразием Володя уже свыкся.

– Как же Пушкарёв оказался на этом перевале

– На вездеходы мы садим далеко не каждого, – пояснил Черепанов. – Такой режим работы, как у Володи, приучил его к порядку, исполнительности, а главное – выдержке. Не иссякла у парня и армейская закалка.

Не было ещё таких маршрутов у Пушкарёва. На этом перевале он сдавал экзамен на почётное, но ко многому обязывающее звание удоканца.

«ГАЗ-71» – ровно в два раза легче «атээлки». И там, где последняя просто тонула в снегу по самую кабину, вперед снова выдвигался Володя. Ход за ходом он утрамбовывал белое море – готовил колею Сане Клименко. Так случилось и на последней сотне метров перед верхней точкой перевала. Володя Пушкарёв привёл на Бургайский перевал самый первый вездеход.

Но до этого памятного часа было ещё далеко. Чем ближе к вершине, тем круче подъём, глубже и плотнее снежные заносы. Толя Давыденко – опять из разведки:

– Был на самом верху! – объявил он в минуту передышки. По тону сказанного все понимают, что обещанные «ягодки» всё ещё впереди.

В четыре часа дня Володя разжѐг две паяльные лампы и начал кипятить воду для обеда. Оба Анатолия растянули антенну, подняли её с помощью лыж, включили рацию. Как и было условлено, на первый радиосеанс они вышли 12 марта. У аппарата на базе опытный оператор Валерий Иванович Лиханов.

– Передайте начальству, у нас всё нормально, – докладывал Давыденко. – Продолжаем подъѐм. Сообщите всем родным, чтобы не беспокоились. Следующий сеанс... по необходимости на связь выйдем сами...

Подкрепились ребята пельменями, запили их крепким чаем. Вперѐд глянули – вроде положе гора стала. Вновь загудели моторы, вновь отвоевывали у крутизны метр за метром. Через пару часов – верхушка второй ступени.

– Толя, там их много ещё? – атаковали водители своего разведчика.

– Вы видите последнюю! За нею – Бургай, спуск и только спуск. В долину, к Ничатке!

И вновь солнце село за коदारские вершины, настала пора подумать об отдыхе. За этот день продвинулись всего на 2100 метров – в два раза меньше, чем накануне.

Ночѐвка на перевале. Какой она будет?

– Главное, чтобы ветер не поднялся, – сказал Анатолий Иванович. – Остальное нам не страшно.

В палатке стало жарко. Возле печки растаял снег. Вверх потянулся куст золотистого рододендрона...

ДЕНЬ ЧЕТВѐРТЫЙ

Лагерь ожил, когда солнце скрывалось ещё в якутской стороне. Снегом присыпали куст рододендрона—рано ещё вылезать ему на свет божий. Покрепче позавтракали, не загадывая про обед. Собрали жерди, остатки дров. Начиналось тринадцатое марта – четвѐртый день на Бургайском перевале.

Первая сотня метров этого дня – крутой спуск в межгорную ложбину с безымянным озером. Небольшая, метров четыреста в поперечине ложбина до отказа забита снегом. Но у ребят уже достаточно опыта, чтобы медленно, но уверенно продвигаться вперѐд. В ходу все лопаты. Всё чаще прикрепляется к гусеницам самовытаскиватель. В этом деле Саня Клименко и Володя Пушкарѐв достигли, наверное, рекордных скоростей.

Удоканская экспедиция производственного объединения «Читагеология» всегда славилась своими водителями. Вспомним Мо-

гочинский участок экспедиции, люди которого более четверти века трудятся на самом знаменитом в области автозимнике Могоча–Чара. БАМ позволил урезать на одну треть этот зимник, эта треть пришлась как раз на его северную часть, самую сложную. Но традиции белой трассы живы. Их подхватили в базовом гараже экспедиции в Чаре. Анатолий Иванович Черепанов (в дни штурма перевала его чаще звали просто Толя) – ревностный хранитель этих традиций и опыта северных зимников. В начальники он, как и его предшественники, выдвинут из водителей. Отказывался, боролся против этого, потом не один раз порывался вернуться за баранку. И лишь когда почувствовал поддержку коллектива, смирился.

Это тоже удоканская традиция – назначать шоферов начальниками крупных гаражей. В нелёгкие дни взялся за эту должность Анатолий Иванович. Экспедиция развернула широкий фронт против пьянок и нарушителей дисциплины, организовала массовое строительство хозяйственным способом. Именно при Черепанове была осуществлена давняя мечта о тёплых стоянках для всего автотракторного парка. Именно при нём перестали склонять людей за пьянки на рабочем месте. Берёт он и тем, что хорошо знает каждого подчинённого, и тем, что доклады о поломках выслушивает не ради формы, а чтобы сейчас же найти выход, и тем, что голос его звучит не громче других. У Иваныча (а в гараже его иначе не зовут) нельзя не работать.

Он всегда завидует ребятам, уходящим в новый маршрут. Если же появится возможность выехать и самому, не опоздает ни на минуту. Быстренько передаст дела механику, попрощается со своим большим и дружным семейством и уже ждёт на окраине села всю колонну. Так было, когда в феврале пробивали зимник Чара–Сень–Ничатка. Так стало и в этот раз, когда потребовалось оценить Бургайский перевал и примыкающие к нему долины рек Апсата и Бургая на предмет устройства круглогодичного автотранспортного проезда.

Два вездехода с самого раннего утра не умолкали ни на минуту. Четвёрка в промасленных и продымленных спецовках парней, которых одним взглядом, как ни старайся, не поймашь – все в движении, у каждого свои обязанности.

В тринадцать часов десять минут Толя Давыденко, уже несколько раз побывавший на высшей точке перевала, объявил:

– Начали последнюю сотню!

Два-три метра вперёд – снежный упор – быстрый откат на-

зад – и снова вперёд, только по возможности левее – снежный упор – быстрый откат назад – и снова вперёд, только порезче вправо... И в тринадцать пятьдесят пять наступил конец изматывающим однообразным манёврам: отряд перешёл на другую сторону перевала.

По кружке чая из термоса, фотосъёмка на память, и снова за работу. Начинается спуск в долину Бургая. Соскучились ребята по лесу, но кругом по-прежнему только белые гольцы. Всё так же висят машины в снежных заносах-ловушках, и в дело вновь и вновь идут лопаты и самовытаскиватели. Но отрезки более или менее свободного хода удлиняются – всё же вниз пробиваться легче.

Быстро ступили сумерки. Дня опять не хватило. Дров на борту – только на растопку, среди гольцов с ними не заночуешь. Нужно спускаться ниже. Там должен быть лес. Скорее бы добраться до него. Но вездеходы останавливались всё чаще – в темноте, в незнакомой местности ориентироваться сложно. Да ещё начался курумник – развалы. И опять Давыденко и Черепанов исчезли в ночи минут на тридцать.

До одиннадцати вечера он вёл отряд. Вышли в долину Бургая. Фарами высвечивали её края. Но леса всё не было. Так и остался неврученным приз тому, кто увидит первое дерево. Упёрлись машины в каньон. Впереди – замёрзший речной водопад, вправо-влево – крутые склоны, назад возвращаться – ни сил, ни времени.

– Ночуем здесь! – дал команду Черепанов.

Два вездехода впритык. Между ними палатка. Посоветовавшись, оба начальника решили распилить на дрова самовытаскиватель. «Морёный он у меня... Никакой машиной не раздравишь... Гореть плохо будет...» – переживал Володя Пушкарёв. А Саня Клименко разжёл паяльную лампу, сунул её в печку, и запылали морёные поленья. С помощью такой же лампы сварили котёл пельменей, наспех поели и в спальные мешки. Но сон где-то затерялся.

– Сойдёт снег, и надо направлять сюда бульдозеристов с взрывниками, – продолжил начатый вчера разговор начальник гаража.

– А кто будет размечать дорогу? – беспокоился начальник партии.

– Да кто? Я и сделаю это, – решительно отвечал Анатолий Иванович.

На несколько минут повисла тишина.

– Как хорошо, что пробивку мы начали именно сейчас, – возобновил разговор Анатолий Юрьевич. – Для нашей партии это выигрыш в целый год, если не больше. Да и другие партии смогут быстрее и дешевле развернуться...

В восемь утра Толя связался с базой:

– У нас всё нормально. Первый гусеничный транспорт прошёл через Бургайский перевал.

– Поздравляем вас! Спасибо за отличную работу! – это голос главного инженера экспедиции В.М. Осипова. – Мы все с вами. Уверены, что цель будет достигнута. Ни пуха ни пера!

Да, экспедиция хорошо подготовила этот рейс, следила за ним. Крупнейший коллектив объединения «Читагеология» сегодня на крутом перевале – переходят на новую систему планирования геологоразведочных работ, расширяют поиски в сравнении с прошлой пятилеткой в два раза. Ускорить этот процесс поможет новый транспортный выход на север Каларского района.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Рано утром 17 марта, поле последнего ночного перехода, отряд А.И. Черепанова и А.Ю. Давыденко достиг цели. В самом молодом посёлке Каларского района, рождённом уже двенадцатой пятилеткой, их встречало всё население, пока не превышающее десяти человек. Саня Клименко и Володя Пушкарёв заглушили двигатели. Хлебосольный первопоселенец участка А.Е. Лахтуров налил им по кружке свежего чая.

– Включи, Ефимыч, радио! – попросил Толя Давыденко. – Что там, в мире, случилось за неделю?

«Маяк» рассказывал о космической вахте на станции «Мир», об освоении ещё одного нефтегазоносного месторождения. Правда, о Бургайском перевале, который сдался четвёрке удоканских геологоразведчиков, об открытии самого короткого пути в Закодарье ещё не сообщалось.

13 марта 1986 года четвёрка геологоразведчиков впервые провела вездеходные машины через Бургайский перевал. В результате этого открыт самый короткий путь к Ничатке, в Закодарье, где начинается поисковые работы Удоканская экспедиция производственного объединения «Читагеология».

ХОЛБОЛОК

Из блокнотов 2010 года

Это урочище Закодарья, ставшее довольно известным, прежде всего в мире геологическом, совсем недавно, чуть более двадцати лет. Мне удалось попасть туда дважды подряд, с незначительным разрывом в дни рождения этой известности. Заезжал к нему по длинной трассе, по рекам Чаре и Сень. Заезжал к нему по трассе короткой – через Бургайский перевал и озеро Ничатку. В конце маршрута впечатление одно и то же: очень даже неуютное для труда и быта место, которое не могут скрасить ни телевизионная, спутниковая антенна, ни сравнительно отлаженные в полевых условиях бытовые удобства, чего стремится достигнуть начальник новой партии Удоканской экспедиции Анатолий Давыденко со своей дружной командой. Но выбор территории диктовался не людскими запросами, а геологическим проектом, в названии которого значились «поиски редких металлов в пределах Холболлокской зоны». Во главе этих «редких металлов» стоял Уран, о чём в том 1986 году ещё в открытую не распространялись. Это позже, спустя пять лет, когда геолог Галина Давыденко в тесном содружестве с пятью коллегами по партии писала отчёт о выполненных работах и полученных результатах, ставить в рукописи вместо этого слова многоточие уже не требовалось. Но прошло ещё полтора десятилетия, чтобы о таком отчёте узнал наш читатель.

«Первооткрывателем этого, без сомнения перспективного объекта, является Александр Маркович Романов, мой главный геолог, изумительный поисковик. Увы – был... Умер в 2008 году в Таксимо (Баунтовском) и там же похоронен. Онкология. А поисковик был от Бога. Он же, кстати, и первооткрыватель Уранового рудопроявления Саку (Сюльбанское). Там, в вершине ручья в начале 50-х годов у ермаковцев был небольшой участок, но основного рудного тела, расположенного южнее в правобережье среднего течения ручья, они не надыбали, – пишет в одном из последних писем Владимир Павлык, первопроходец многих каларских геологических маршрутов. – Саша Романов, коренной читинец, 49-го года рождения. Много лет работал техником-геологом, потом окончил Иркутский университет, геолог-съёмщик. Мы с ним соединились в 76-м году в Сюльбанской партии. И если бы не развал геологии, не разводились бы до ныне. В первый же сезон Ничатской партии (1981 год) он надыбал в съёмочном маршруте аномалию, по мере сил расковырял её, отобрал пробы. Ка-

мералка показала урановый характер минерализации и неплохое содержание...»

Отдаёт должное истории, как и водится в их среде, и названный отчёт: «Непосредственно работам Холболокской партии предшествовали аэрогамма-спектрометрическая (О. Каган, 1988) и геологическая (В. Павлык, 1986) съёмки, а также специализированные на Уран прогнозно-металлогенические работы (В. Дитмар, 1983). В результате этих работ Холболокская зона была выделена как перспективная на выявление Урановых месторождений ... месторождений типа “несогласия”.

Уникальные месторождения типа “несогласия” были выявлены в 70-80-х годах в Канаде и Австралии. К началу работ по проекту Холболокской партии в СССР подобные объекты обнаружены ещё не были. Основные особенности геологического строения доставшегося партии района работ аналогичны известным канадским и австралийским Урановорудным районам и провинциям, где выявлены месторождения типа “несогласия”. Вот почему, в частности, геологи Ничатской поисково-съёмочной партии Владимира Павлыка и кураторы партии из “Сосновгеологии” и рекомендовали поиски Урановых руд в пределах Холболокской зоны.

Ведущий автор отчёта Галина Давыденко оценивает ситуацию с выполнением проекта так: “При производстве работ в связи с изменением конъюнктуры радиоактивного сырья в мире и СССР, поступлением информации из-за рубежа по месторождениям типа “несогласия”, накоплением собственного материала в результате горных, буровых и геофизических работ возникла необходимость в неоднократном изменении направления поисков и объёмов проходки канав, бурения, геофизики. Специалистами ПГО “Сосновгеология” было рекомендовано усиление работ на левобережье р. Сень с целью изучения геолого-структурных особенностей краевой части Берёзовского прогиба и поисков Уранового оруденения. Объём бурения был увеличен более чем в два раза. В тоже время этими работами существенных Урановых руд выявлено не было, т.к. степень изученности продуктивного уровня оказалась явно недостаточной для однозначной оценки территории на промышленное оруденение. Для продолжения работ было составлено дополнение к проекту на поиски бурением в пределах участков Аномальный и Куэстовый, где была установлена максимальная проявленность прямых и косвенных признаков Уранового оруденения в зоне “несогласия” и вблизи неё...».

Эта «степень изученности», насколько я знаю геологоразведку, всегда является у неё первой помехой в решающей оценке той или иной территории. Парадом командует не понимание того, что накопленной полевой и камеральной информации ещё маловато, а «удорожание работ из-за больших, чем предполагалось, глубин скважин», «низкий уровень ассигнований», наконец, курс на ликвидацию удоканской геологоразведки вообще, вызванный коренными перестройками в стране.

Поисковая партия Анатолия Давыденко подтвердила наличие радиоактивных аномалий в Холболокской зоне, установленных несколько ранее предшественниками, канавами и скважинами вскрыла ряд тел с промышленным и непромышленным уровнями оруденения (участки Холболок, Центральный, Правый Холболок). Но, делает этот коллектив вывод, «масштабы оруденения небольшие и не предполагают постановки дальнейших работ. Несомненный поисковый интерес представляют участки Аномальный и Куэстовый, располагающиеся в зоне регионального несогласия». Здесь они нашли «радиоактивные аномалии, аналогичные известным Урановым объектам провинции Атабаска (Канада). Вскрыто несколько рудных тел с непромышленной Урановой минерализацией (первые сотые доли процента), что не позволяет делать вывод об отрицательной оценке объектов, а предполагает дальнейшую постановку поисково-оценочных работ с большими объёмами бурения, обусловленными плотной сетью скважин».

Как чаще всего и водится у геологоразведчиков, ищущих Уран, были установлены и спутники, скажем так. В апатитоносных горизонтах они подсчитали прогнозные ресурсы в количестве 53 млн тонн и даже планировали поисковые работы на фосфор. В 1991 году начали: завоз по зимнику необходимых материалов и оборудования, строительство базы новой партии и подъездных путей к скважинам и т.д. В декабре того года был защищён проект Урагинской партии, но в связи с сокращением финансирования из госбюджета полевые работы были прекращены. Попутно, уже с оценкой апатитовых руд, они выявили и графитовое оруденение...

А вывод отчёта таков: «Проведённые поисковые работы являются только начальным этапом в изучении этой интересной и перспективной площади, которая требует более детального и основательного подхода к её безусловно дальнейшему освоению... Холболокской партией выделен новый для этого района полигенный

тип оруденения в зоне древнего регионального несогласия, который в корне меняет перспективы региона в связи с возможным выявлением здесь крупных месторождений типа «несогласия». Детальными поисковыми работами рудопроявлению Холболок дана отрицательная оценка в связи с незначительными прогнозными ресурсами и невысокими содержаниями Урана. Из-за отсутствия в районе перерабатывающих предприятий и его слабой экономической освоенности самостоятельно рудопроявление Холболок может рассматриваться только как резерв достаточно отдалённого будущего. В то же время, при открытии на левобережье реки Сень месторождения типа «несогласия», руды холболокского типа могут быть попутно вовлечены в эксплуатацию. Постановка дальнейших поисковых работ на этом левобережье с привлечением большого объёма бурения, геофизики просто необходима и, конечно, целесообразна. Мы считаем, что проведённые поисковые работы являются только начальным этапом в изучении краевой части Сибирской платформы – этой интересной и перспективной площади, которая требует более детального и основательного подхода к её безусловному дальнейшему освоению».

Под этими строками поставили свои подписи известные удоканские геологи Анатолий и Галина Давыденко, Евгений Белёвкин, Николай Парецкий, Надежда Витюк и Елена Мишина.

Как уже сказано, в этот район геологоразведчики разных фирм возвращались и позже, трудятся они здесь и сегодня («Сосновгеология»). Мне показались любопытными итоги полевой экспедиции 1999 года, организованной Министерством природных ресурсов РФ, специализированным центром по геологоразведочным работам на Уран «Геологоразведка», Государственным федеральным унитарным предприятием «Сосновгеология» и Всероссийским научно-исследовательским геологическим институтом им. А.П. Карпинского (ВСЕГЕИ, г. Санкт-Петербург). Были привлечены и французские фирмы «Кожема» и «Крегию». Столь представительная экспедиция оказалась на Забайкальском севере прежде всего потому, что «Нечеро-Ничатский район считается в настоящее время одним из наиболее перспективных на обнаружение уранового и комплексного оруденения вдоль южного обрамления Сибирской платформы».

Кстати, сотрудники ВСЕГЕИ, занятые урановыми поисками на Забайкальском севере уже более шестидесяти лет, так оценили работу наших земляков: «Давыденкам Галине и Толику, участникам Уранового процесса – от геологов-уранщиков ВСЕГЕИ.

25.08.08» (дарственная надпись на книге «Геологи ВСЕГЕИ в создании Урановорудной базы страны».

Совместная российско-французская экспедиция подтвердила перспективы «южного замыкания Берёзовского прогиба на выявление месторождений урана». Значит, будут здесь экспедиции и новые.

Такой вывод подтверждает и уже упомянутое последнее письмо Владимира Павлыка: «К вопросу об «ощутимых результатах» поисков и разведки урана в Закодарье. Нахрапом, уверен, хорошего результата не добьёшься. А характер работ удоканцев на этом объекте был, по моему глубокому убеждению, именно таким. Виноваты и мы – слишком в розовом цвете дали перспективы Холболка. Удоканцы, вероятно и рассчитывали на «лёгкую победу». Не получилось сразу и отступились. А может и время тогда не подошло еще. Думаю, праздник на Холболке, да и на рудопроявлениях Ничатки еще впереди. Многое зависит от результатов работ сосновичей в северной части площади (т.н. тип несогласия, характерный для зон сочленения складчатой удоканской области с сибирской платформой)».

Здесь заканчивается ведущий раздел этого издания – каларская УРАНОВАЯ ГЕОЛОГОРАЗВЕДКА. Конечно же, в той или иной мере нам придётся ещё возвращаться к ней. Но хочется верить, что из уже прочитанного вы убедились в выводе автора. А он таков. Это была удивительнейшая геологоразведка, главными находками и открытиями которой стали первое российское урановое месторождение. Стали не запасы Урана в активе тех экспедиций и партий, а медь, железо, уголь и прочие минералы. И добыта и укрепляется уверенность в Урановых перспективах земли каларской.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

«СВИНЦОВОЕ» РУДОУПРАВЛЕНИЕ

ПО ОСОБОМУ ПРИЗЫВУ

Откроем эту главу с рассказа **Ивана Емельяновича Кудели:**

«...В 1949 году, после окончания Щучинского горно-металлургического техникума, вместе с большой группой сокурсников был направлен для распределения в Москву, в Министерство среднего машиностроения (рассказчик явно ошибается: этого Министерства ещё не было, было Первое Главное управление при Совмине СССР.– А.С.), а оттуда в Ермаковское свинцовое рудоуправление. Всё это было принято как должное.

Ермаковское рудоуправление располагалось в п. Сосновый (так иногда называли Синельгу.– А.С.), построенном, примерно, в 18 км от п. Чара, у кромки песчаных дюн. Управление объединяло несколько горных объектов. Я, в должности горного мастера, попал на объект № 1, располагающийся в ущелье Мраморном.

Работали на объекте заключённые, как правило, с большими (15–20 лет) сроками заключения. Инженерно-технический персонал состоял из вольных.

Жилой посёлок объекта представлял собой несколько длинных щитовых домиков и палаток, в которых располагались контора и жили руководители и специалисты объекта. Практически все хозяйственные и сощбытовые помещения размещались в палатках. Мы, т.е. горные мастера, присланные в 1949 году, жили в палатках два года, до завершения работ.

Сам объект представлял собой два яруса штолен, врезанных в трёхсотметровый кар, которым заканчивалось ущелье. На первом ярусе находилось две штольни (участок № 1), на втором – 4 штольни (участок № 2). Все штольни второго яруса были соединены штреком. Из выработок второго яруса проходили восстающие, из которых затем должны были проходить штольни третьего яруса. Выработки проходились по рудным зонам.

В 1950 году, на противоположной стороне хребта, был организован третий участок, в задачу которого входила проходка штольни на сбойку с участком № 1. Начальником этого участ-

ка был назначен я. Эту задачу участок не выполнил, т.к. в конце 1950 года объект был ликвидирован.

Для связи с участками 1 и 3 альпинистами по кару была проложена подвесная дорога, представляющая собой чередование верёвочных лестниц и канатов, протянутых над уступами. Хотя и трудно, и для неподготовленного человека довольно опасно, но в хорошую погоду можно было по этой дороге переходить с участка на участок. Одевали мы для таких переходов ботинки альпинистские, пояс с карабином, ледоруб в руки – и в путь. Не все, правда, могли одолеть эту дорогу. Однажды, когда главный инженер объекта решил посетить участок, то смог одолеть только половину пути, остальную часть мы поднимали его на руках, опутав верёвками.

Работали мы, как и все в то время, очень напряжённо. Дисциплина была жёсткая. Мы, т.е. горные мастера, должны были находиться на смене до тех пор, пока не будет выполнено сменное задание, а поскольку задания не выполнялись, часто приходилось работать по две, три, а иногда и четыре смены подряд.

Вспоминается такой случай. В один из приездов генерала МВД начальник управления полковник Мальцев был отстранён от должности, переведён на участок № 2 и работал до тех пор, пока участок не стал выполнять плановые задания. Обязанности начальника рудоуправления всё это время исполнял прикомандированный генерал. Такое положение с выполнением планов сохранялось до осени 1950 года, т.е. до перевода лагеря заключённых на “хозрасчёт”. Главным показателем “хозрасчёта” являлась сдельная оплата для заключённых с переводом зарплаты на их счёт. Это к тому, что они имели зачёт сокращения сроков заключения в три раза, при условии выполнения норм свыше 150 процентов. Не помогал до этого и энтузиазм некоторых заключённых-проходчиков, которые частенько становились на Сталинские ударные вахты. Примером Сталинской вахты может служить случай, когда смена зеков (заключённых), выпив по кружке чефира (густого, как дёготь, чая) объявляла, что не выйдет на-гора (на дневную поверхность), пока не обурут забой. С переходом на “хозрасчёт” производительность труда заключённых резко возросла, и работать стало значительно легче.

Условия труда подземщиков были, конечно, не те, что сейчас. Особенно плохой была вентиляция восстающих – бурили всухую, без респираторов, механизация минимальная – только перфоратор и вагонетка; погрузка и другие работы – без применения ма-

шин, механизмов. Был случай, когда в восстающем погиб от удушья заключённый. Это считалось ЧП (чрезвычайным происшествием).

В октябре 1950 года я был переведён на объект № 5 (р. Сьюльбан), а через год, после ликвидации Ермаковского рудоуправления, вместе с выпускником Щучинского ГМТ Артамовичем И.И., работавшим на объекте № 2, переведён в Лесную геологическую экспедицию, в партию № 456, начальником которой был молодой тогда горный инженер-геолог первого ранга К.А. Метцгер.

Партия 456 располагалась на базе объекта 5. Содержание работы, в связи с переводом в экспедицию, у меня практически не изменилось...» (26 марта 2007 года)

Читатель наверняка уже обратил внимание на разногласье в изложении отдельных фактов и событий. Мне, как автору, многократно хотелось выправить текст, привести его, скажем так, к единому знаменателю. Раза два-три даже начинал делать это. Но в конце-концов приходил всё к тому же единому знаменателю: а зачем? Зачем вмешиваться в те же воспоминания или даже публикации? Зачем лишать человека индивидуальности, своего взгляда-мнения?

ОЛП № 10

В порядковом перечне лагерных пунктов Борского ИТЛ он занимает последнее, десятое место. Но по производственному значению я бы поставил его рядом с ОЛП-1 (Гора) и ОЛП-2 (ключ Мраморный). Порядковый номер Сьюльбану достался по времени открытия лагерных пунктов. Архив позволяет детальнее познакомиться с «десяткой». Хочу ещё раз обратить внимание читателя на следующее: абсолютно всё, что будет процитировано в этой главе, написано сотрудниками Борского ИТЛ и проверяющими их лицами (тоже система МВД), и всё, понятно, стало открытым для рядового журналиста.

Скажу сразу: сьюльбанский архив я штудировал с особой тщательностью. И толчком к этому послужило донесение администрации пункта о пьянке среди заключённых 18 января 1951 года, о последовавших «беспорядках в лагере», о том, что в конце концов «было применено оружие по скоплению заключённых и убито 4 человека, ранено 5, из которых 1 умер». Как не хватиться за такой факт в том 1989 году, когда чуть ли не весь мир

склоняет «Мраморное ущелье» как образец сталинских расправ с неугодными и ненужными?! Не знаю, как к этому отнесётесь вы, а я после многократного прочтения этого донесения стал больше доверять архиву. Опираясь на него, давайте побываем на Сьюльбане 1951 года, в последнем лагерном пункте Борского исправительно-трудового лагеря Главного управления лагерей Министерства внутренних дел СССР (ГУЛАГ МВД СССР).

Итак, это подразделение дислоцировалось в горах Кодара, в его западной части, в верховьях реки Сьюльбан (приток Куанды), в 110 км от базовой Синельги. В сравнении с Мраморным ущельем природные условия здесь помягче, скажем так. Уместно вспомнить, что в непосредственной близости от площадок лагерного пункта позже, вплоть до наших дней была основная стоянка прославленной каларской оленеводки Натальи Дмитриевны Даниловой, что именно её оленья стадо держалось дольше всех и стало последним на Читинском севере к 2000 году. В немалой мере, поверьте, этому способствовали и природные условия.

Этот лагерный пункт действовал в 1950–1951 годах. Максимальная численность заключённых (согласно архиву) достигала 552 человек (август 1950 года). «ОЛП-10 расположен на расстоянии 500 метров от объекта, – читаю в акте передачи его капитаном М.И.Курчавовым лейтенанту К.А.Мельниченко от 15 марта 1951 года. – Вывод на производственные участки, а также ввод в зону производится через ворота как конвойный, так и бесконвойный контингент. Зона лагеря состоит из одного ряда вкопанных столбов с колючей проволокой 16 нитей и предзонник – 5 нитей... Состояние зоны и предзонника удовлетворительное за исключением отдельных мест, которые не спланированы из-за неровностей рельефа... По периметру четыре вышки... Освещение зоны электрическое... Контингент размещён в 12 палатках на двухъярусных вагонного типа нарах... 1,6 кв. метра на одного человека... две палатки незаселённые...»

В моём распоряжении есть аналогичная информация и по другим лагерным пунктам, могу сказать: Сьюльбан в этом отношении отличался только одним – здесь меньше, чем где-либо было деревянных построек, что объяснялось прежде всего неопределённостью горнорудных перспектив.

Конечно же, из только что сказанного привлекает показатель «1,6 кв. метра на одного человека». Много это или мало? Судите сами, а я лишь обращусь к правительственной «Российской газете» за 17.10.1998 года, которая писала о состоянии следствен-

ных изоляторов сегодняшней России так: «...СИЗО переполнены, каждый третий сокамерник – без спального места, на человека едва приходится квадратный метр площади вместо четырёх полагавшихся. Отсюда болезни, тяжёлая моральная атмосфера. А ведь в СИЗО находятся люди, даже ещё не признанные судом виновными».

А как вы отнеслись к упомянутым четырём вышкам? Это я к тому, что самые первые публикации о Борском лагере и в центральной, и в местной печати открывались фотоснимками вышек или 16-рядной колючки. Тоже мне – наши сенсацию. Стоило бы на миг вспомнить, чем и как ограждены нынешние заключённые.

Но вернёмся к акту, который описывает и «оборудование палаток»: «отопление железными печами, полы жердевые, нары вагонного типа также сделаны из жердей... освещение электрическое... постельные принадлежности на 100 процентов». Не надо делать страшных выводов из «палаток», в которых люди вынуждены и зимовать. Палатки ведь бывают разные. Для жилья, как правило, использовались максимально утеплённые, они были трёхслойными. Слышал, к примеру, от Я.И. Венцеля и Б.А. Диде: «В барак после них идти не хотелось, в бараках мы мёрзли чаще всего». Основная часть палаток на Сьюльбане (27 из 32) были размерами 9 метров на 6. В таких палатках здесь размещались и клуб, и санчасть, и кухни (одна для заключённых и одна для воензированной, стрелковой охраны), не говоря уж о складах. Конечно же, внутри зоны «имеется штрафизолятор, который вполне соответствует своему назначению». Там же, внутри зоны «производится хлебопечение, которое вполне обеспечивает данный контингент». Свидетельств в пользу того, что хлебопечение было отдельным – для заключённых и obsługi, я не нашёл. Оно было единым, общим, что тоже показательно.

Обратимся к акту в той его части, где говорится о «бытовых условиях контингента»: «...постельные принадлежности на 100 процентов... одеты по сезону, но валенки и обмундирование имеют большой износ... питание заключённых горячей пищей три раза в сутки... регулярно снимается проба, которая хранится в спецащике в течение суток... санитарное состояние на день приёма сдачи удовлетворительное... санобработка регулярно, три раза в месяц».

В день передачи-приёмки на 423 заключённых имелось 914 шапок, 269 полушубков, 1530 бушлатов, 1301 телогрейка,

1268 ватных шаровар, 12 кирзовых сапог и 600 пар валенок (1 – новая и 599 – б/у). Вроде бы всё ясно, откровенно, даже то, что к весне и лету по разделу «обувь» ОЛП-10 не готов. Но вспомним, что здесь, на Сьюльбане, был аэропорт, куда прилетали самолёты прямо из Читы, что Москва ради добычи Урана ничего не жалела. А настораживают соседние по архиву документы. Так, в справке о состоянии ОЛП-3 от 5 февраля 1951 года читаю: «...211 человек не имеют полотенец, 41 человек не имеет одеял, 11 человек не имеют валенок... исключительно плохо содержатся заключённые, перемещённые из подкомандировок Щёки и помещённые в отдельные бараки... пищу проверяют первой попавшейся палкой... уборной нет, поэтому вся территория загрязнена фекалиями... заключённые предоставлены сами себе». Удручающе в тот день выглядел и ОЛП-8: «...43 заключённых не имеют ни матрацев, ни спальных мешков, 132 человека не имеют шапок...».

Конечно же, с большим интересом я изучал опись продовольствия, что оказалось на Сьюльбане к весне 1951 года. Интерес подогревался талонами, которые лежали у меня в самом далёком и надёжном пиджаке (вы ещё помните ту нашу жёсткую товарную распределителку?). Так вот, ОЛП-10 на своих складах имел тогда по 675 килограммов продовольствия на каждого сьюльбанца в среднем. Понятно, эта цифра мне мало что сказала. Звоню в 1998 году лидерам Каларского районного потребительского общества (райпо), интересуюсь, много это или мало – 675 кг продуктов? Слышу в ответ: «У нас к концу зимнего завоза, – завоза досрочного, то есть почти на год вперёд, бывает в среднем не более 500 килограммов на человека». Звоню администрации богатого даже по бамовским меркам Новочарского ОРСа, слышу: «А вы уверены, что правильно подсчитали? Вряд ли такое может быть, по крайней мере, бамовцам этого мы не можем предложить». Но общая продовольственная масса – это далеко не всё, что нужно нормальному человеку. Интересен и набор продуктов, ассортимент. Не буду перечислять всего – в описи 56 наименований. Остановлюсь на основном: мука трёх сортов, в том числе овсяная, о какой всю жизнь мечтаю и в природе её ещё никогда не видел (кроме овсяного печенья, что изредка попадает в магазинах больших городов), крупа шести видов, сушёный картофель, прочие сушёные овощи четырёх видов, мясо четырёх видов, колбаса четырёх видов, мясных и рыбных консервов разных общим числом 85627 банок, рыба свежемороженая и солёная пяти сортов, жиров разных 11285 кг, в том числе масла сли-

вочного 622 кг и пр., и пр. Встретив в описи 58,5 кг икры, подумал: такой богатый в данных условиях ассортимент наверняка ориентирован прежде всего на службу лагерного пункта? Допускаю, что она числом 25–28 человек переварит 58,5 кг икры. А что она будет делать с теми 4074 кг колбасы? Должен сказать, что и в архиве есть документы, подтверждающие факты отдельных голодовок, и в разных воспоминаниях об этом можно услышать-прочитать. Но в целом, в обычных условиях система продовольственного снабжения и питания в Борском ИТЛ была отлажена, местные жители, кому случалось как-то соприкоснуться с этим соседом, завидовали этой кормёжке. Администрация и лагеря, и Ермаковского рудоуправления понимала: чтобы выполнить директиву Лаврентия Берии, нужно иметь хорошую рабочую силу, нужно её содержать возможно лучше, без ссылок на труднодоступность, отдалённость и прочее.

И о «трудовом использовании контингента», как он виделся лагерной администрации: «...используется на работах второго объекта: горные работы, лесоповал и другие хозяйственные... производственный показатель – 131,2 процента... в должности завскладом и главного бухгалтера ОЛП работают заключённые... организация труда на производстве неудовлетворительная... задерживаются расчёты... срываются выходы на работу».

Мне пока не удалось увидеть подобные документы Ермаковского предприятия, кому и поставлял рабочую силу Борский ИТЛ. Но в архиве этого лагеря, такое впечатление, половина исписанного отдана теме «трудового использования контингента». Это ещё одно доказательство того, что не карательная функция была главной у Борского ИТЛ.

ПОДДАННЫЙ СИНЕЛЬГИ

Могоча (станция Транссиба) была трамплином ГУЛАГа в освоении севера Читинской области; опыт этого освоения и частично материальная база позже широко использовались удоканскими геологоразведчиками и могочинскими водителями.

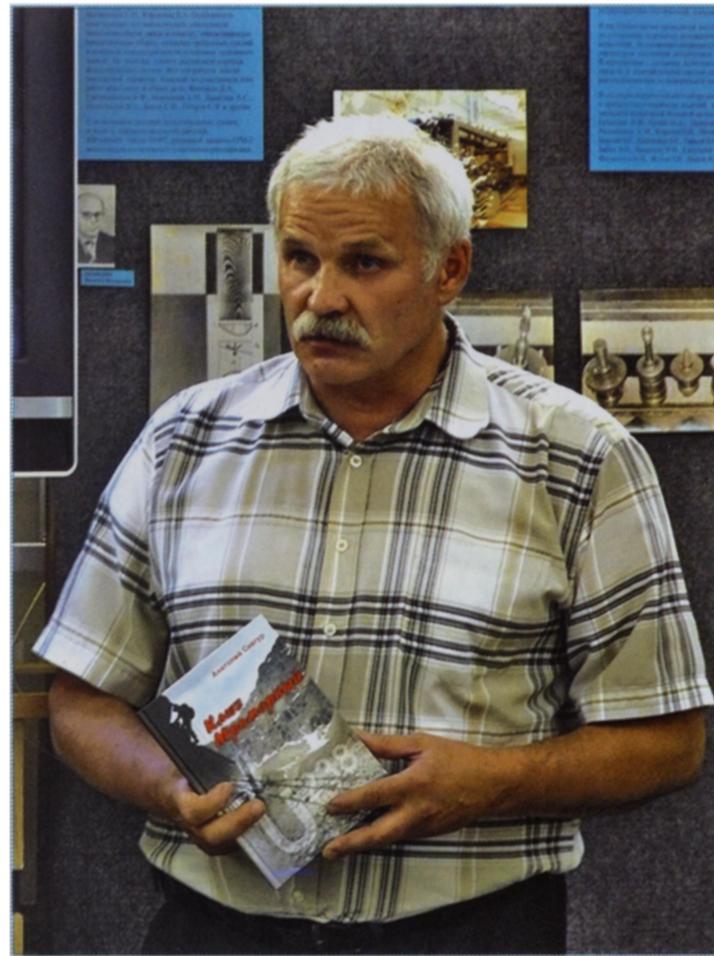
В 1949 году на окраине посёлка, в районе аэропорта, за двумя десятками рядов колючей проволоки разворачивалось седьмое подразделение Борского исправительно-трудового лагеря – отдельный лагерный пункт № 7 (ОЛП-7). «Семёрка» пропустила через себя основную массу заключённых и спецпереселенцев для Синельги, ключа Мраморного, Сьюльбана и прочих лагерных пунктов, что были на Кодаре, Удокане и в Чарской долине.

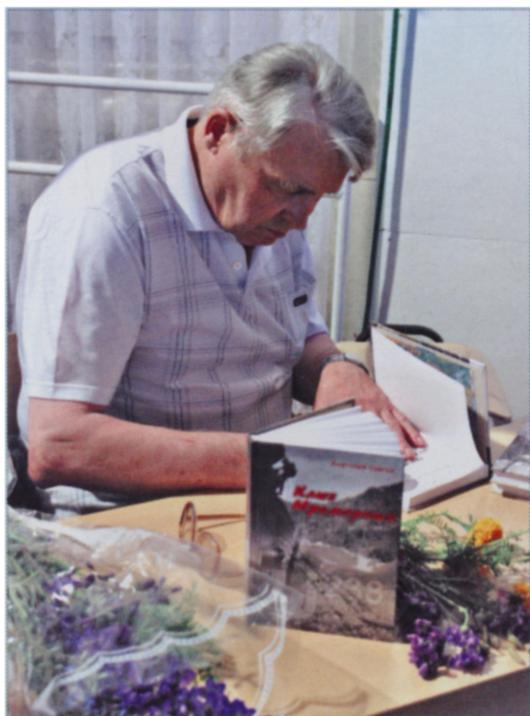
Чарская долина оказалась в центре тех урановых проектов

Презентация второго издания «Ключа Мраморного» в ядерном центре (г. Саров) прошла рядом с макетами первых атомных зарядов

Инициаторы второго издания “Ключа Мраморного” Александр Баринов (справа) и Алексей Демидов (слева) на презентации книги в саровском ядерном центре

Презентация второго издания "Ключа Мраморного" в Новой Чаре

Кандидат геолого-минералогических наук Сергей Константинович Вояковский – один из организаторов современных каларских Урановых маршрутов, активнейший участник третьего издания «Ключа Мраморного»

Сергей Логвиненко (слева) и Виталий Орлов – лидеры молодёжной экспедиции Каларского историко-краеведческого музея 2009 года

Центральный Кодар

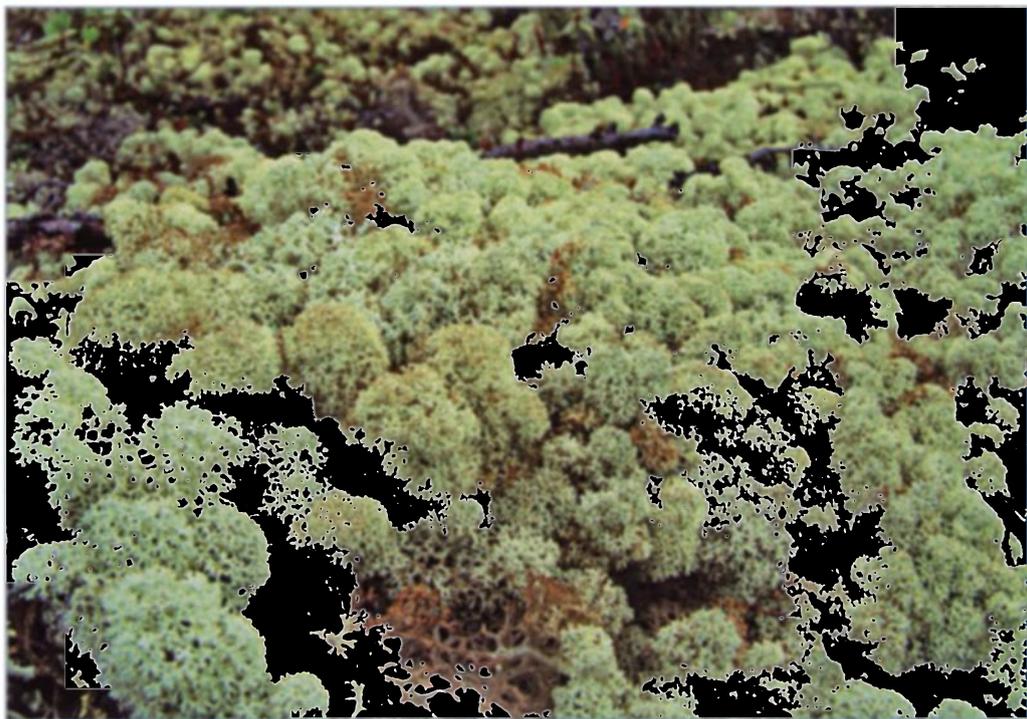
Кодар с высшей точкой – пиком БАМ

*Зал Каларского историко-краеведческого музея, отданный Мраморному.
Экскурсию ведёт Ева Ивановна Резник*

Сюльбанское каменное разноцветье

Ягель, как и олени, всегда были рядом с ними

Лакомство маршрутов Первого Забайкальского Урана

Эти таежные дары всегда были очень даже кстати

Кашкара (рододендрон золотистый) – горная краса Читинского севера

Кодар без стланиковых зарослей и во сне не увидишь

Соседи Первого Забайкальского Урана

Багульник Первого Забайкальского Урана

В соседях у Первого Забайкальского Урана

Остатки гидрометеостанции в верховьях Среднего Сакукана – стартовая точка почти всех маршрутов в Мраморное

Подъём в Мраморное ущелье

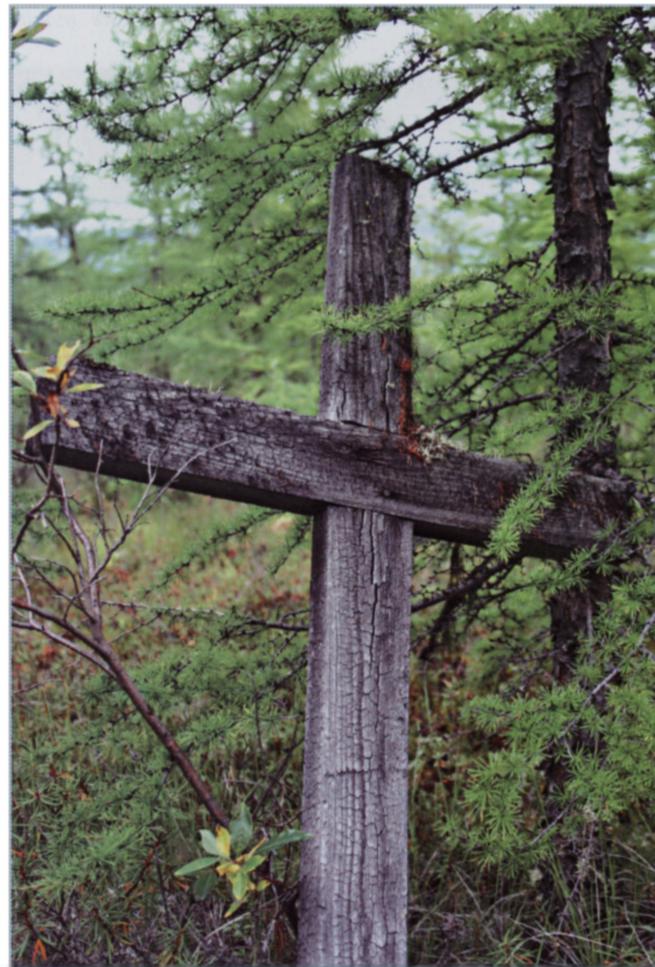
Соседка Первого Забайкальского Урана

Экспедиция «Кодар-2009» (г. Саров) после установки юбилейной памятной плиты в Мраморном ущелье

*«Каларский» стенд в музее ядерного оружия
(г. Саров Нижегородской области)*

Кого помнит этот крест?

У могилы геолога Нины Азаровой

Передвижные балки своё шествие по земле каларской начали в те годы

Художникам здесь увлекательной работы невпроворот

Наледи Кодара

*Молодые каларские краеведы возвращают славу тем урановым тропам
(Новая Чара, 2009 год)*

*Экспедиция Каларского историко-краеведческого музея
обследует ещё один лагерный пункт*

Средний Сакукан в среднем течении

Один из самых заметных ориентиров Чарской долины – гора Зарод, где пересекались многие урановые тропы тех лет

Воронка на чарских песках не оставит вас равнодушным

Озеро Аленка на Чарских Песках

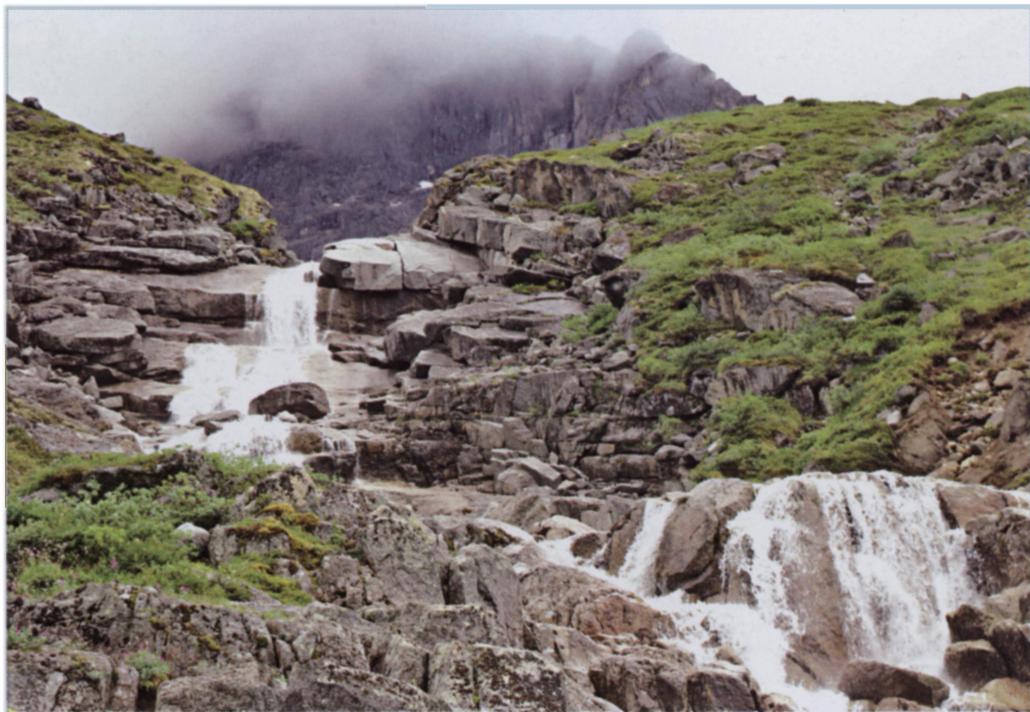
Чарские пески были знаменитыми и в те годы

Средний Сакукан – самая известная река Первого Забайкальского Урана

Река Сюльбан – вторая по известности в Первом Забайкальском Уране

Там, в поднебесье, и начинаются горные реки

Ещё одна экскурсия в Мраморное

Такую посуду выпускали на месте

Весточка из 1949 года

Самые надёжные помощники урановых маршрутов 40–50-х годов

Обычная горная река, какими очень богаты и Кодар, и Удокан

Горные озёра, где чаще всего начинались и заканчивались рабочие будни поисковиков-уранщиков 40–50-х годов

Ещё есть остатки тех дорог, которыми мы пользуемся и сегодня

Самый яркий цвет Кодара

Соседи Первого Забайкальского Урана

У «семёрки» был очень короткий адрес: «Читинская область, ЛК 15-07». Но корреспонденция не терялась, приходила даже вовремя. Система работала чётко. В такой работе кровно были заинтересованы два ведущих ведомства тех лет: Министерство внутренних дел и оборонная промышленность. Первое являлось практически неограниченным владельцем дешёвых рабочих рук, перед вторым была поставлена задача догнать США по уровню военного могущества, для чего предоставлялись тоже практически неограниченные финансовые и материально-технические ресурсы. С такими силами можно было действовать быстро, широко и в самых сложных, экстремальных условиях.

Наш рассказ о «семёрке» построен на документальной основе. А документы, которыми будем пользоваться, составлены административными чинами МВД. Наверное, из своей «избы» они выносили не весь «сор», хотя вряд ли предполагали, что их бумаги будут читать простые грешные спустя всего лишь сорок лет.

В конце декабря 1949 года ОЛП-7 Борского ИТЛ проверялся высокопоставленной комиссией Министерства. Был издан приказ «О результатах проверки состояния ОЛП-7 и наложении взысканий на виновных за допущение массовых обморожений и нарушений советской законности». Вот этот приказ без правки и почти без сокращений:

«1. Руководство ОЛП-7 грубо нарушило приказы и директивы МВД в вопросах бытового содержания и трудоустройства заключённых.

2. В октябре – ноябре... группа заключённых численностью до 100 человек оставалась без продуктов в течение 2–3 дней на реке Алёкме (так пишется река Олёкма в этом архиве.– А.С.).

3. 14 ноября руководство ОЛП-7 отправило с 92 км на XI лет Октября до 400 заключённых, часть из которых, несмотря на установившиеся морозы, была отправлена пешим этапом в холодной обуви и без рукавиц.

4. Указанный этап был обеспечен продовольствием на 5 дней, тогда как этап пробыл в пути 8 дней, чем было сорвано нормальное питание заключённых.

5. В результате столь безответственного отношения руководства ОЛП-7 к формированию этапа 150 заключённых выбыли из строя на разные сроки из-за обмороженности и истощений, а 7 заключённых умерло.

6. Проверкой также установлено, что значительное количество обморожений получили заключённые при выводе на работу одетых не по сезону.

7. Горячее трёхразовое питание организовано не было и, несмотря на крайне низкую температуру, горячей водой заключённые не снабжались.

8. Медобслуживание поставлено совершенно неудовлетворительно, и часть медикаментов первой необходимости длительное время на трассу (имеется в виду участок Могоча–Тупик–Синельга.– А.С.) не поступала. Медработники и, в частности, ВРИО начальника санитарной части Попов решительных мер к устранению отмеченных нарушений не принял и к работе относился халатно.

9. Пункты обогрева организованы не были.

10. Имели место факты грубого нарушения советской законности как со стороны руководящего состава ОЛП-7, также и ВСО (военизированная стрелковая охрана.– А.С.) – избиение начальником ОЛП-7 старшим лейтенантом Смулаковским заключённых Сергеева и Бельского, а также командиром отделения ВСО старшиной Жак и солдатами Альховским, Швецовым и другими инсценирован расстрел заключённых.

11. В ШИЗО (штрафной изолятор.– А.С.) водворялись заключённые без соответствующего оформления.

За преступно-халатное отношение к своим обязанностям, повлекшее за собой вывод из строя на разные сроки до 250 заключённых со смертельными исходами, а также нарушение советской законности начальника ОЛП-7 Смулаковского с работы снять. ВРИО начальника санчасти Попова с работы снять...»

Позже по всем этим фактам в Могоче состоялся суд. Смулаковский и Попов были наказаны прежде всего потому, что случился «массовый выход из строя на разные сроки». От заключённых требовалось не столько отсидеть-отбыть срок, сколько максимально больше трудиться.

В 60–70-е годы мне пришлось много раз проезжать по трассе Могоча–Синельга. Трасса считалась уже очень даже обжитой. Но более-менее уютно и спокойно чувствовал себя лишь в часы, когда сидел в тёплой кабине, и машина двигалась. Это чувство не покидало и в десятый рейс, и в двадцатый. А ведь рядом были опытейшие горячевские (Горячёв Геннадий Григорьевич – знаменитый шофёр, а потом и руководитель того автогаражного коллектива, работавшего на Удокан) ребята, вооружённые мощ-

ной и почти всегда исправной техникой. Мне поэтому нетрудно представить, каково было заключённым «семёрки» на этой трассе в 1949–1951 годах, когда она только-только пробивалась, осваивалась. В Борском лагере было десять лагерных пунктов. Смею утверждать: самые тяжкие испытания выпали на долю тех заключённых, что находились на трассе Могоча–Синельга (позже – Могоча–Чара). Не случайно здесь было и жертв больше всего (так говорят документы).

В моём архиве есть воспоминания **Михаила Александровича Шилкина**, узника Мраморного ущелья. Думаю, они здесь очень уместны:

«Попал в ИТЛ из Красной Армии 23 лет от роду в 1948 году, в феврале месяце. Служил в Москве. Возил продукты для военных. Бойцы моего подразделения украли овцу, я с ними пообедал, не зная, что овца краденая. Кто-то донёс. Пришли председатель с милиционером, обнаружили остаток мяса, всех арестовали и дали по десять лет. Судили в трибунале, на Арбате.

Фронтвик, с 1944 года по 1945 год воевал, участник Великой Отечественной войны.

Сначала отправили в Казахстан, затем поездом от Читы до Могочи, а из Могочи пешком по направлению на Тупик и прииск XI лет Октября. Заключённых было около 500 человек. Вышли осенью, примерно в сентябре, в летнем обмундировании. Дошли до Тупика, там загнали в конюшню, где пробыли сутки и пошли дальше по бездорожью, по непроходимым болотам. Дороги ещё не было. Шли долго. Уже наступила зима. Реки переходили по козлам и жердям. Добровольцы за кусок хлеба, за пайку табаку входили в ледяную воду и держали эти козла, пока другие переправлялись. Спали у костров. Нас застала настоящая зима. Кормили плохо. Продукты, те, что брали с собой, закончились. Обещали, что обмундирование и продукты подвезут автомашиной по замёрзшим рекам. Но никто не догнал, и выдавали по горсти пшена на день. Очень много было обмороженных, многие гибли дорогой.

Пришли на XI лет Октября. На перевале перед посёлком умерло сразу человека три. Перешли перевал, увидели большой посёлок, услышали лай собак. Думали, спасены. Но он оказался безлюдным. Всё население посёлка составляло четыре человека. Жили там радист с женой, кореец и комендант посёлка. Хочется выразить благодарность этим людям. Видя наше бедственное положение, стали помогать нам устроиться, оказывать ме-

дицинскую помощь, отдали часть своих продуктов, передали по радио СОС. Прилетел самолёт, сбросил несколько ящиков хозяйственного мыла, и на этом помощь ограничилась. Потом прилетел начальник управления лагерей Глаголев с посадкой. Поднесли к нему еле живых людей, а таких было много. Он даже не отошёл от самолёта, сказал начальнику конвоя, что пойдёте под суд. Самых тяжёлых забрал с собой. Потом прилетели самолёты, сбросили сахар, муку, вермишель в двойных, тройных мешках. Но они всё равно разрывались, и мы собирали продукты со снегом. Позже прилетела женщина-врач, капитан и стала оказывать медицинскую помощь. Поморожены были почти все, без обморожений остались всего человек восемь, в т.ч. и я.

Радист и его жена открыли магазин для обслуживания шоферов и конвоя. Они были очень хорошими людьми. Мужа звали Николаем. Офицер из конвоя хотел сфабриковать на них донос от заключённых и бил меня для того, чтобы выдать ему нужные ему показания, чтобы обвинить этих людей за связь с заключёнными (была такая статья). Но ничего от меня не добившись, надел наручники американского образца, которые затягиваются при движении. И чтобы они посильнее затянулись, ударил по ним ногой. Продавили до кости, остался шрам – память о той реке Китемяхте.

Пробыли на прииске около месяца, потом немножко пододели, снабдили инструментом и погнали дальше пешком, пробивать дорогу...»

Да, база «семёрки» в отличие от всех остальных пунктов Борского ИТА находилась в обжитой местности, рядом с железной дорогой, в большом населённом пункте с аэропортом. Но основной «контингент» на этой базе жил мало.. В лучшем разе он ночевал на «подкомандировках» 92 км, 137 км, XI лет Октября, а чаще всего находился прямо в тайге, в горах, где даже «пункты обогрева организованы не были». А когда намеченные работы по зимнику подходили к концу, триста заключённых ОЛП-7 были переведены на пополнение лагерных пунктов № 9 и 10. Находились эти пункты глубоко в горах Кодара, где и для костра дрова не всегда найдёшь. И где они наблюдали не «инсценированный расстрел», а попали под «применение оружия по скоплению заключённых», в результате чего были убитые и раненые.

«Отдельный лагерный пункт № 7 дислоцируется в р.п. Могоча на окраине населённого пункта...», – цитируем акт тоже высокопоставленной комиссии, проверявшей «семёрку» в самый,

скажем так, расцвет её – в сентябре 1950 года. Комиссия отметила, что «на каждого заключённого жилая площадь составляет 0,8 кв.метра». Вы можете представить себе такую жилую площадь? Да и по директивам МВД она планировалась лишь в 2 кв. метра. Но два метра – это уже что-то. За весь период действия Борского ИТЛ ни в одном из его пунктов этот показатель так и не был достигнут, хотя, повторимся, средства необходимые отпускались. Всё упиралось в разворотливость и исполнительность местной администрации лагеря, а она этими качествами, если верить документам, не отличалась. Вернее, отличалась, когда дело касалось собственных благ. Так, на базе лагеря в Синельге были коттеджи и финские дома, школа, клуб, громадный ресторан (кстати, пока единственный за всю историю Читинского севера) с поросятами, которых готовили в Чите и привозили на Синельгу самолётами, с набором всяких разных яств, которые сегодня считаются роскошью, а ещё вчера – острейшим дефицитом.

«Часть комнат барака, – читаем дальше, – оборудована спальными местами вагонного типа, а часть – сплошными нарами. Для тяжелобольных одна комната стационара оборудована койками. Большинство заключённых обеспечены одеялами, ватными матрасами, часть заключённых имеет простыни. Лучшая по производственным показателям бригада № 25 размещена в одной из лучших секций помещения, каждый заключённый имеет отдельное спальное место. Все заключённые бригады № 25 обеспечены чистым постельным бельём. Секция содержится чисто и опрятно...Другие секции барака содержатся недостаточно чисто...»

«Подкомандировка XI лет Октября (бывший прииск имени XI лет Октября, потом база горного предприятия «Каларзолото».– А.С.) занимает малооборудованный барак, часть которого разрушена, нет пола и окон. Мер к оборудованию начальник подкомандировки лейтенант Мишутин не принимает...постельные места – сплошные двухъярусные нары, размещены заключённые скученно. Помещение содержится в исключительно грязном состоянии, постельные принадлежности имеют 50 процентов заключённых, остальные в качестве подстилки используют полушубки и бушлаты...»

Акт говорит, что заключённые ОЛП-7 использовались «на строительстве гаража и склада, на погрузоразгрузочных работах, на авторемонтных работах по трассе автозимника...Выход-

ными днями заключённые не пользуются. Как система случаи удлинения рабочего дня по требованию производства...». Согласно одному из первых приказов по Борскому ИТЛ, продолжительность рабочего дня для заключённых устанавливалась в десять часов. Распорядок предусматривался такой: развод на работу – 6–00 утра, начало работ – 7–00 утра, перерыв на обед – с 12–00 до 13–00, «съём с работы» – в 18–00.

Далее акт рассказывает, что «...доклад, намеченный в марте, проведён только 5 апреля... В 1950 году проведены два заседания, на которых рассмотрены итоги выполнения обязательств заключёнными, взятых в честь Дня Красной Армии и выборов в Верховный Совет СССР... Наглядная агитация и популяризация отличников производства не отражает жизни лагеря... Показана только одна кинокартина с момента организации лагеря». И два вывода: «хозяйственные мероприятия проводятся чрезвычайно медленно... администрация не проводит настойчивой линии по организации нормальных условий трудоустройства заключённых».

Кстати, праздники у них тоже были. И проводились они весьма любопытно, но об этом несколько позже.

К началу 1951 года стало ясно, что прогнозы геологоразведчиков Лесной экспедиции не подтверждаются, что Кодар и Удокан не могут сыграть решающей роли в укреплении обороны страны. Принимается решение о досрочной ликвидации лагеря. И если открытие его начиналось с Могочи и по воздушному мосту Чита-Чара, Чита-Синельга, то закрытие – в обратном порядке. Основная нагрузка по вывозу заключённых легла на зимник Синельга-Могоча, на ОЛП-7.

Первый этап из 98 человек они приняли в феврале. Акт, что был составлен по этому поводу, гласит: «...В пути следования благодаря небдительности конвоя на 15 км от Могочи при остановке был оставлен в опьянённом состоянии конвойный заключённый Шагалкин Анатолий Михайлович, последний прибыл в ОЛП-7 19 февраля в 16 часов без конвоира. При приёме выявлено: на первых трёх машинах заключённые были в опьянении, а при обыске также была обнаружена водка, что было допущено со стороны конвоя во время пути следования... Смертности в пути следования не было. Все осуждённые по установленным данным, предъявленным документам на 97 человек соответствуют, а заключённый Шевченко в списке был пропущен... Санитарное состояние прибывших: форма № 20 поголовная, одеты по сезону... Жалоб со стороны конвоируемых в пути следования к конвою не было».

Вывозка продолжалась до конца апреля, пока позволял зим-

ник. Из Могочи после небольшого перерыва этапы отправлялись в основном на станцию Китой Восточно-Сибирской железной дороги, по другим адресам.

Много лет прожил я в Могоче, краеведением немало занимался, даже первый музей организовывал. Со старожилами вроде всегда находил общий язык. И хоть бы слово, один намёк о «семёрке», о лагерной жизни в Могоче. О нём я узнал только весной 1989 года, когда добрался до архива Синельги. Хорошо мы скрывали дела не таких уж далёких лет. Сегодня знаем, почему скрывали. Интересно, а что говорят о «семёрке» нынешние могочинские краеведы и старожилы?

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

В моём наборе разных словарей только «Справочник по ГУЛАГу» француза Жака Росси более или менее помог понять, что же это за люди – спецпереселенцы – на официальном, юридическом языке.

Итак, «спецпереселенец – формально вольный гражданин, которому, однако, запрещено под знаком осуждения и направления в лагеря покидать район поселения. Вся власть над спецпереселенцем сосредоточена в руках коменданта НКВД–МВД» – такое толкование француза, кстати, с большим гулаговским стажем – с 1939 по 1961 годы, если верить «Справочнику». Даёт он толкование и другим близким к нашей теме словам. «Спецпереселение – это принудительное перемещение масс коренного населения с обязательным поселением в означенных районах...» «Трудопоселение – система принудительного поселения репрессированных лиц в указанных местностях, на неосвоенных и отдалённых территориях. Система трудопоселения была фактическим продолжением спецпереселения и с 1934 по 1953 год находилась в ведении ГУЛАГа».

Из блокнотов и магнитной записи за май 1989 года:

Яков Иванович ВЕНЦЕЛЬ, немец, живёт в Чаре, слесарь Карларского райпо, бывший спецпереселенец, взрывник Ермаковского свинцового рудоуправления (посёлок Синельга, Мраморное ущелье):

– В Сталинской области (ныне она Донецкая) я родился, и родители там родились, и бабушка с дедушкой... Насколько я знаю, первые Венцели были поселены на юге страны чуть ли не в петровские времена...

Бернгард Абрамович ДИДЕ, немец, живёт в Нелятах (село на правом, читинском берегу Витима), пенсионер, бывший спецпереселенец, бывший рабочий дорожно-строительного района Ермаковского рудоуправления:

– Родился я на Кубани. И мать уроженка тех мест. Откуда там немцы взялись? Да это ещё Екатерина завезла их туда. В Краснодарском крае были целые сёла немецкие...

О стародавнем происхождении того и другого напоминают лишь записи в паспортах да фамилии. Но когда началась война с фашистской Германией, «Сталин нам припомнил», как говорит Яков Иванович. Было выселено и лишено всех прав около двух миллионов немцев. В Каларском районе и сегодня немецкие фамилии встречаются очень даже часто.

Яков Иванович ВЕНЦЕЛЬ: *«Сначала была эвакуация в Мариуполь. Немного погодя – в Казахстан. Наверное, кому-то и это ненадёжным показалось, и переселили сталинских немцев (нас так отличали от других) на кемеровские шахты. Считались мы трудармией, звали нас спецпереселенцами. Это значило, что каждый месяц я должен был отмечаться в спецкомендатуре, мол, жив-здоров, никуда не убежал и не собираюсь. А в 1949 году снова погрузили в эшелон. Куда опять, зачем – об этом мы не знали, пока не приехали в Читу. Да и в Чите не всё сразу прояснилось. Был пересыльный пункт с баней и новой, с иголки одежды. Обмундировали нас как армейцев. Дали сменное бельё и шубу комсоставскую. Мы ничего толком не могли понять. Но однажды объявили: двенадцать первых человек полетят завтра, надо собрать палатку, вёдра, тазы, всякую другую утварь. Утром погрузились на Ли-2 и прилетели в Чару...»*

Бернгард Абрамович ДИДЕ: *«Немцев всех выселили. Кроме тех, кто был женат на русских. Такие семьи, как правило, не трогали. Вывезли нас в Кустанай. Там строили заводы, город. Было нас восемнадцать отрядов, самый маленький – девять тысяч человек. И все прикреплены к спецкомендатуре, ей прежде всего подчинялись. Держали за колючей проволокой, как заключённых. Это с сорок первого года по сорок шестой. Потом был город Кыштым Челябинской области (это Челябинск-40, о котором рассказ выше.– А.С.). Тут по сравнению с Кустанаем нам раем показалось: нужно было только отмечаться каждый месяц. Ни паспорта, ни трудовой книжки у меня не было, при устройстве на работу заполняли анкету со слов, но мы давали*

подписку о неразглашении...А в сорок девятом нас погрузили и повезли на восток...Много ли немцев было? Да целый эшелон, думаю человек пятьсот, не меньше. Так я оказался в Чаре. А стаж для пенсии у меня пошёл только с сорок девятого, с Синельги...»

Их везли в край, о котором они не имели ни малейшего понятия. Но не это угнетало. К бесконечным пересылкам привыкли. Камнем давил душу многолетний, но безответный вопрос: сколько ещё мыкаться вот так? Могли только гадать: раз везут далеко – значит, надолго?

Летели час... два... И хоть бы одно село под крылом. Поэтому Чара, в которой не было и сотни домов, показалась им чуть ли не городом в тайге, среди заснеженных гор и спрятанных подо льдом озёр. Но и здесь им не дали задержаться.

Я.В.: «Выделили нам студебеккер – мощная была машина американская. Объявили, чтобы взрывники и вахтёры грузились вперёд. Поехали на горы кодарские: «Видите ущелье? Через неделю чтобы там были!»

Значит, попал я в первую партию, пошёл, как бамовцы потом говорили, первым десантом на это самое Мраморное. Дороги, кроме оленьей тропы, никакой. Рвали валуны по речке Сакукан, расчищали путь для проезда. Четыре-пять километров за день пройдем, палатку растягиваем, ночуем. Утром снова перекочёвываем... И вот однажды слышим гам, крик, лай собак. Так мы впервые увидели настоящих заключённых. В тот раз нас не подпустили к ним. Они делали лежнёвки на марях, чтобы и летом проезд для машин был.

С горем пополам добрались мы до ущелья. В первую очередь надо было мосты через Сакукан строить, чтобы дорога дальше, к штольне пошла. Народ всё прибывал, были и спецпереселенцы. Да, нас теперь стали называть вольнонаёмными... Расчистили площадку на косогоре, стали грузы принимать. Тут уж работали вместе с заключёнными, живым конвейером...

Б.Д.: «Синельгу мы переехали машинами. Там уже стояли сорокаместные военные палатки, в них мы и ночевали сначала. А начальник предприятия Мальцев (он военный был) жил в оборудованной под жильё машине. Потом начали строить дороги. Но прежде всего – аэродром. Отличный аэродром получился там! А пока его строили, муку и крупу да и другие продукты сбрасывали с самолётов прямо в болото, в тройной упаковке весь груз был. Бухты ключей проволоки и спецовку, тоже сброшенные с самолётов, мы подбирали на Песках, рядом с которыми и росла Синельга.

В трудовой у меня значится «дорожно-строительный рабочий». Но делать приходилось всё – куда пошлют. Был в геологоразведке, в отряде Нины Ивановны Азаровой (о ней рассказано выше.– А.С.). Её могилу, если окажешься у Мраморного, не пройдёшь. В маршруте она погибла тогда же, в сорок девятом...

В нашем геологическом отряде было восемнадцать человек. Ущелье Мраморное обшарили с устья и до самого-самого верху. Забирались в гольцы, где, естественно, никаких дорог не было, примус с собою таскали. Искали уголь, глину, ещё что-то, о чём нам не говорили и даже спрашивать не разрешали. По субботам спускались с гольцов, и каждому из нас Нина Ивановна, с разрешения начальства, выделяла двести граммов спирта. Сами понимаете, с гор мы спускались быстро каждый раз...»

С полным основанием мы можем утверждать, что промышленное освоение Читинского севера начинали заключённые Борского ИТЛ, спецпереселенцы, в числе которых были Я.И. Венцель и Б.А. Диде. Рабочей силы было достаточно, а потому дело подвигалось очень быстро, заметно.

Я.В.: *«Все они уголовниками считались. Я со многими разговаривал. Вот Доронин Егор. Когда его освободили, я работал с ним. Спрашиваю его, за что попал в лагерь? Оказывается, украл пшеницу, за каждый килограмм получил по году. Вы спрашиваете, были ли политические? Может, и были, но я таких не знаю и не слышал. Мне не приходилось встречать таких, чтобы голодали или на питание жаловались. Они никогда ничего не просили, кроме чая. Но когда освобождались, домой их почему-то не отпускали. Таким разрешалось ходить на свободе, он мог жить у меня в палатке, но уехать не имел права. Сколько их было? Наверное, тысячи три одновременно. А потом, когда стали закрывать предприятие, численность их резко упала. Вывозили, как я знаю, их машинами через Могочу.*

Мы работали на поверхности, в геологоразведке, а они в шахте, на добыче руды. К этой добыче нас не допускали. И отгрузкой руды мы не занимались.

Что за режим у них был? Режим такой: день отработал отлично – три списывают. Если у кого, к примеру, судимость три года, тот мог погасить её за год и освободиться. Раз было, заключённые взбунтовали. Но их быстро усмирили. А сейчас, говорят, лагерь смерти... Боже мой! Какое это ущелье смерти? Однажды убежала группа заключённых, у них была и взрывчатка, и карабины, которые нетрудно достать. Самолётом Ан-2 их обнаружили в тайге. Пошли туда солдаты охраны. «Сдавайтесь!», – тре-

буют. Не сдаются, даже гранаты-взрывчатку бросают. Но куда им деваться? Голодом ведь в тайге не хотят умирать. Вышли из-за валуна и руки вверх. За всё это получили дополнительный срок. Но чтобы, как пишут, враз и расстрелять – никогда такого не слышал. Нет, смерти и похороны, как обычно, были. И среди нас, спецпереселенцев, вольнонаёмных, и среди заключённых...»

Б.Д.: «...С заключёнными мне приходилось бывать вместе очень часто. Что за народ и за что сидели? И политические были, отбывали срок и за недостачи, растраты. Работали они в шахте, им даже спирт давали – сто граммов каждый день, потому что производство вредное. В год закрытия лагеря освобождённые уже составляли почти половину, но у них ещё была высылка, поэтому никуда не отпускали. Когда пришёл приказ на закрытие, собрали машины, утеплили их байковыми одеялами. Сначала повезли на Могочу заключённых, потом освобождённых. Среди них уже были и семейные...»

Я.В.: «...В Синельге у меня старший сын Женька родился. В пятидесятом, будучи в Чаре, познакомился с Лидией Печкиной, поженились. Препятствий особых не было. С семьёй после закрытия Мраморного пришлось, согласно приказу, переселиться на рудник в Оловянинском районе Читинской области. Но как только полностью стал свободным, вернулся в Чару, куда меня давно тянула и жена Лидия Ивановна.»

Б.Д.: «После Мраморного перевели меня в Узбекистан. Там паспорт наконец-то получил, впервые трудовую книжку в руках держал. Четыре с половиной года проработал на этом юге, и вышла свобода. Жене – Валентине Афанасьевне – родители кучу справок прислали из Нелят и Чары. Она у меня здешняя, нелятинская. Поженились в сорок девятом. Когда жили в Узбекистане, всё жаловалась, что картошка там дорогая, и тянула меня в свои Неляты. Утянула!...Нет, я вернулся бы на Кубань, будь согласна жена. Я верю, что такое время, как было в сороковых, больше не повторится. Ещё бы знать, за что страдал?! Но выходит сейчас: страдал по национальности...Успокаивает только немного то, что в те страшные годы у меня родились два сына, дочь. Где они сейчас? Да рядом со мной и живут. Они здесь нужны, они возле меня должны жить...»

Четыре дома, четыре семьи Диде живут в Нелятах – старом витимском селе, вставшем в сорок девятом на пути к Мраморному. Есть подобные семьи в других сёлах Каларского района. Любопытно отметить вот что: на десятке исписанных магнитных

лент ни одного худого слова о семьях, основателями которых стали немцы-спецпереселенцы.

В 1964 году Я.И. Венцель был принят в партию. Они были людьми даже в самые тяжкие времена. Были и остались людьми, нашими, российскими.

Из рассказов Я.И. Венцеля и Б.А. Диде, каларских старожилов, вы уже знаете, как и за что они попали в Борский ИТЛ, чем занимались и на каких условиях. Потому самое время обратиться по этому поводу к архиву.

Архив сохранил «Акт приёма-сдачи выселенцев-спецпереселенцев по Борскому ИТЛ МВД СССР от 25.08.1950 года». Этот «контингент» передавался в тот день из системы МВД в УМГБ по Читинской области (управление Министерства Госбезопасности). В делах фигурируют 582 фамилии. Абсолютное большинство из них – немцы (411 человек), в том числе под номерами 68 и 381 мои собеседники Я.И. Венцель и Б.А. Диде. Из 411 человек 371 – мужчины, 17 – женщины, 22 – дети до 16 лет и один числится «в бегах» – А. Эрих, покинувший этап «в пути следования в Борский ИТЛ».

Следующей по численности была группа «указников» – 98 человек. «Справочник по ГУЛАГу» толкует, что «указник – это лицо, осужденное по очередному указу». Самыми знаменитыми на те дни были указы от 1 декабря 1940 года – об уголовной ответственности несовершеннолетних с 12-летнего возраста, от 26 июля 1940 года – о прогулах, от 10 августа 1940 года – об ответственности за мелкие кражи и хулиганство, от 4 июня 1947 года – о хищении государственной и общественной собственности.

Среди спецпереселенцев лагеря были и власовцы – 57 человек. Согласно цитируемому справочнику, это «бывшие советские военнослужащие, осужденные советским судом за службу в армии Власова во время второй мировой войны... Союзники выдали власовцев Советскому Союзу. Часть была расстреляна, а основная масса попала в лагерь со сроками 15–25 лет, иногда – 10».

Наконец, были в лагере и «оуновцы» – украинские националисты.

В акте приёма-сдачи есть любопытные факты из жизни борских спецпереселенцев. Например, «на 33 человека не имеется основания для содержания на спецпоселении, на 8 человек власовцев нет постановления о выселении, на 16 оуновцев нет выписок из решения Особого совещания МГБ СССР... Выселенцы-спецпереселенцы имеют 55 собственных домиков-полуземлянок,

в которых 179 человек, в деревянных домах предприятия проживает 85 человек... 314 человек в палатках».

Попался мне и архивный «Список лиц, освобождённых из мест заключения Борского ИТЛ, подлежащих взятию на учёт спецпоселения». В нём, этом списке, 7 немцев, 3 чеченца, 2 ингуша и 1 грек.

В РИТМЕ СТАЛИНСКИХ ПЯТИЛЕТОК

В двухтомном «Справочнике по ГУЛАГу», в статье «Работа» читаю: «Работа не волк, в лес не убежит», «От работы лошади дохнут», «На работу я сегодня выйду, но большего ты от меня, начальничек, не ожидай» и т.п. Давайте детальнее взглянем на производственную сторону Борского ИТЛ и Ермаковского рудоправления. Тем более, что архив, как уже сказано, очень даже богат нужными документами. Это, кстати, ещё одно доказательство того, что – работа или «срок мотать» – было у них во главе.

Начнём с рассказа очевидца, альпиниста Якова Аркина (публикация **Игоря Барановского** в «Народной газете» за 27 августа 1993 года, здесь в сокращении):

– Когда разговор уже подходил к концу, мой собеседник – седой, сгорбленный, но удивительно энергичный старик – попросил: «Напишите о том, что услышали, спокойно, без восклицательных знаков, ругательств в адрес системы. Мы делали своё дело честно, это целый этап в моей жизни и один из лучших».

Заслуженному мастеру спорта по альпинизму Якову Аркину – 81 год. Почти год он провёл в добровольной ссылке под надзором НКВД в поисках урановой руды.

Шёл к концу 1949 год. Ядерная гонка между США и СССР достигла своего пика. Однако трудно было предположить, что невольным участником этого суперсоревнования станет скромный совслужащий, начальник отдела центральной лаборатории спортивного инвентаря Яков Аркин.

– В октябре меня неожиданно вызвали в Госкомитет по физической культуре и спорту, – вспоминает Яков Григорьевич. – Без долгих предисловий сообщили: мол, есть важное задание партии и Правительства. Какое именно – секрет. Однако намекнули, что связано оно с моими познаниями в области альпинизма. Времени на раздумье не дали – ответ необходимо было сообщить тут же. Я согласился.

Началось нужное и кропотливое оформление документов. Сотрудники НКВД копали глубоко: мать, отец, дедушка, бабушка, связи, пристрастия – перепроверяли каждый факт многократ-

но, будто готовили Аркина к заброске во вражеский тыл. Затем предложили подписать бумажку: мол, обязуюсь не разглашать то, что увижу и то, что услышу, в течение тридцати лет. Дав обет молчания, озадаченный Аркин получил купированный билет до Читы, куда вскоре и отбыл в состоянии полной неопределённости. Было это в декабре 1949 года.

В одной группе с Аркиным оказались восемь человек: Сергей Ходакевич, Василий Пелевин, Анатолий Багров, Иван Лапшенков, Владимир Зеленов и Любовь Пахарькова со своим мужем Игорем Калашниковым – это известные в Союзе альпинисты. В Чите отправились в какое-то строго-режимное заведение, куда пускали только по паролю.

– Там нам объяснили, что вскоре перебросят специальным литерным рейсом в конечный пункт следования, – рассказывает Яков Аркин. – Под большим секретом даже сказали куда – в хозяйство Мальцева.

До загадочного хозяйства альпинисты добирались сначала часа три воздухом на «Дугласе», затем приблизительно столько же времени на машине. Несколько раз по пути у них с особым пристрастием проверяли документы. Наконец в глубоком ущелье появились домики, люди, палатки. По прикидкам Аркина, это место находилось в полутора тысячах километров к северу от Читы (рейс Чита–Чара в 2000 году измерялся примерно 650 километрами. – А.С.). Называлось оно посёлок Мраморный. Ну а вместе с прилегающими окрестностями – Ермаковское свинцовое рудоуправление. Или ещё короче – хозяйство Мальцева, по имени энкаведешного полковника, державшего в руках весь этот медвежий угол. Уже позже выяснилось, что альпинисты попали в Чарскую котловину, раскинувшуюся между хребтами Кодар и Удокан.

То, что увидел Аркин на месте, потрясло его воображение: здесь, за тысячи километров от цивилизации, в глухой тайге была проложена 30-километровая автодорога, шли интенсивные геолого-разведочные работы, действовала довольно таки мощная теплоэнергетическая станция, строился крупный посёлок. Причём техника, материалы, люди могли быть перебросены сюда только воздухом – по суше в эту тьмутаракань невозможно было пробиться (автор ошибается – к концу 1949 года автозимник Могоча-Синельга уже работал с полной нагрузкой, действовал ещё и автозимник Чита–Неляты–Синельга. – А.С.). Всех восьмерых разместили в одной просторной палатке, огонь

в печи которой день и ночь поддерживал прикомандированный к ним зек. Выдали сказочно роскошный паёк, меховые унты, пуховые куртки. Наконец пришло время узнать, для чего их везли сюда, в глухую тайгу да ещё с такими мерами предосторожности.

– На следующее утро по приезде в Мраморный нас повели к месту, – говорит Яков Григорьевич. – Увидели мощную отвесную скалу или по-нашему – стенку. В её основании была прорублена горизонтальная штольня, из утробы которой время от времени доносились глухие раскаты взрывов. «Ну вот, ребята, и прибыли», – сообщил нам сопровождавший.

Метрах в трёхстах над штольней сияло огромное серозелёное пятно. Как выяснилось, оно-то и интересовало энкаведешников. Предполагали, что это выход радиоактивных пород. Однако самостоятельно проверить гипотезу не могли, поэтому и оказался Аркин с товарищами в предгорьях Удокана (автор и здесь ошибается; ущелье Мраморное находится в центральной части Кодара. – А.С.).

Задачу перед москвичами поставили по-военному лаконично: обеспечить подъём к пятну геолога и геофизика, а также научных приборов. Сделать это было крайне непросто: во-первых, скала сама по себе была сложной; во-вторых, в дело вмешивался свирепый сорокаградусный мороз.

– Обеспечивали нас в этот момент по высшему классу, – вспоминает Аркин. – Едва заикнёмся о чём-то, как нам уже доставляли необходимое оборудование спецрейсом прямо из Москвы (вряд ли «прямо из Москвы»; по многочисленным данным была перегрузка в Чите на местные рейсы. – А.С.). Нужны нейлоновые зарубежные верёвки вместо пеньковых? Пожалуйста! Пуховики и тёплые рукавицы? Извольте! Специальные скальные крючья? Нет проблем – изготовим по спецзаказу! И всё равно работа продвигалась с большим трудом. К тому же под нами внизу, в штольне постоянно велись взрывы, сопровождавшиеся настоящими камнепадами. Сначала о них предупреждали, чтобы мы успели спуститься в укрытие. Затем махнули рукой, поскольку уже давно занесли в разряд смертников.

Тем не менее приблизительно через месяц-полтора альпинисты вплотную подобралась к таинственному пятну. Протянули к нему алюминиевый кабель на крючьях, который должен был сыграть роль своеобразных перил. С помощью этого приспособления наконец-то удалось доставить на место учёных. Кол-

довали они над пятном суток двое. Что там выяснили геофизики, каких результатов добились, Аркин с друзьями так никогда и не узнали. Вопросы в Мраморном не приветствовались.

Однако на этом задания партии и Правительства не закончились. Поступил новый приказ: произвести каротаж всей стенки. То есть разметить её сеткой метр на метр и каждую точку пересечения прозондировать геофизическими приборами. Труд каторжный, если учесть, что стена скального цирка была метров 600 по периметру и не менее 350 в высоту.

Видимо, не обнаружив новых крупных залежей урановой руды близ Мраморного, энкаведешное начальство решило изменить тактику: прилегающие к хозяйству районы стала прочёсывать авиация, ведшая радиометрическую аэросъёмку. Её результаты затем тщательно анализировались, и в наиболее интересные районы высаживался геологический десант, усиленный альпинистами...

Через несколько дней всех вызвали на приём к Мальцеву. Подполковник обещал альпинистам хорошие оклады и работу каждому по гражданской специальности. Но только здесь, в Мраморном. Разумеется, такой поворот событий никого не устраивал. В конце концов нашли компромисс: желающих раскидали по засекреченным городам Союза. Одних отправили в Арзамас-16, других – в Челябинск-40. Остались только Аркин с Василием Пелевиным, наотрез отказавшиеся ехать куда-либо, кроме Москвы. Началась борьба нервов.

– Каждое утро мы выходили на пробежку мимо мальцевских окон, демонстрируя всем видом, что нам нечем заняться, – рассказывает Яков Григорьевич. – Продолжалось это в течение месяца. Наконец, подполковник не выдержал и вызвал нас на новый разговор. Предложение его сводилось к следующему: чтобы ускорить проходку в хорошо знакомой нам штольне, геологи предложили пробурить встречный туннель с другой стороны. Однако для этого необходимо было перебросить через горный хребет мощный компрессор, моторы, высоковольтную проводку. «Как только застучит там отбойный молоток, чёрт с вами – гуляйте на все четыре стороны!», – резюмировал Мальцев.

Уже через час после этой беседы запыхавшиеся Аркин с Пелевиным были у стенки, прикидывая как сподручнее повернуть инженерную операцию. В считанные недели альпинисты протянули надёжную канатную дорогу, установили мачты под электропроводку, закрепили на скале с полдюжины ручных лебёдок.

А уже через месяц всё было готово окончательно – началась проходка с противоположной стороны горной стенки. Вскоре Аркин с Пелевиным вылетели в Москву.

Вот такая любопытная история приключилась с заслуженным мастером спорта по альпинизму Яковом Аркиным. Хранил он её в тайне, как положено, все долгие тридцать лет».

Думаю, публикация И.Барановского даёт немало информации тому, кто хочет лучше понять их производство, их генеральную цель и методы для её достижения.

ТЕМПЫ

Трудно сказать, каких работ не было у них. Будем помнить, что пришли они в высокогорный безлюдный район, где никакой базы для них не существовало, что рассчитывать могли только на свои силы, которые доставили сюда; что, главное, требовался срочный и максимально ёмкий результат, ради которого страна в лице того же Л. Берии ничего не жалела (попробуй забудь об этом). Но во главе, согласно архиву, стояли горнодобычные работы и вот каким был перечень их: геолого-поисковые, шурфовка, перфораторное бурение, ручное бурение, взрывные работы, проходческие и крепёжные, добыча руды, опробование, рудоразборка, породоразборка, откатка и пр. Среди конечных результатов этих операций были и такие, о которых в архиве ни слова: именно люди Борского ИТЛ и Ермаковского рудоправления выдали на-гора самую первую промышленную руду Каларского района, Читинского Прибайалья, они же пробрили самую первую кодаро-удоканскую штольню и они же проложили в этих горах самую первую ЛЭП.

В центре Мраморного ущелья 1950 года красовался транспарант: «Борьба за уплотнение рабочего дня – есть борьба за досрочное выполнение производственного плана». Слово в слово с тем, что можно было встретить вне зоны, на любом заводе или фабрике Союза.

«24 сентября 1949 года. Пос. Мраморный. ПРИКАЗ о срыве сроков подготовки лагеря к зиме и мерах окончания отдельных объектов лагерного строительства.

На 23 сентября ни один из объектов строительства лагеря не закончен. Приказ МВД и начальника управления по подготовке лагеря к зиме ни одним из лагпунктов не выполняется. Возможной мобилизации внутренних ресурсов не проводится. Обстановка в обеспечении лагеря зимним жильём сложилась край-

не неблагоприятная...

Приказываю: по ОЛП-1 под личную ответственность лейтенанта Чеботарёва закончить строительство первой очереди:

- а) казармы ВСО – к 10 октября 1949 г.;
- б) вахтового лагеря – к 1 октября 1949 г.;
- в) двух выделенных домов под бараки заключённых – к 10 октября...».

И т.д. ОЛП-2 – под личную ответственность капитана Сгадова, ОЛП-3 – под личную ответственность лейтенанта Смулаковского Других лагерных пунктов тогда ещё не было.

Седьмой параграф приказа был таким: «Специально разработать положение по трудсоревнованию между бригадами, занятыми на лагерном строительстве, ежедневно подводить итоги соревнования. Широко развернуть наглядную агитацию на каждом объекте, особо отражать в ней передовиков-рекордсменов и лучшие бригады».

Восьмой параграф приказа: «Для поощрения особо отличившихся з/к з/к выделить в распоряжение Сгадова за счёт фонда премвознаграждения 4000 рублей, в распоряжение Чеботарёва – 4000 рублей». Здесь буквосочетание «з/к з/к» не ошибка. Авторы архивных бумаг им пользовались довольно часто, когда нужно было написать «заключённые», если же речь шла об одном заключённом, то ставилось «з/к».

Девятый и последний параграф того приказа: «...Главной задачей на сегодня является безоговорочное выполнение плана строительства первой очереди, для чего должны быть мобилизованы все людские и материальные ресурсы, а также весь офицерский и вольнонаёмный состав лагеря и охраны». Подписан приказ подполковником Глаголевым. Мне непонятна его делёжка лагеря на «людские ресурсы» и «офицерский и вольнонаёмный состав». Опираясь на архив, смею утверждать, что Борский ИТЛ был довольно-таки единым и в меру необходимого в такой обстановке сплочённым коллективом. Вопрос к читателям старших возрастов: вы нашли какие-то отличия этого приказа от тех, что довели над вами на вашем производстве, вне ГУЛАГа? Вряд ли, если не говорить о специфике: «з/к, вольнонаёмный и офицерский состав» и т.п. Да, словосочетание «сталинская пятилетка» в архиве я не встретил ни разу, но что и лагерь, и рудоуправление трудились в ритме послевоенных пятилеток – это несомненно.

Конечно, чтобы такой жёсткий и ёмкий по набору работ приказ стал реальностью, нужно было и то, что в наши дни мы называем

ваем «механизмом исполнения». И уже через пару дней, 26 сентября появляется приказ «О мероприятиях по улучшению физического состояния и трудового использования заключённых Борского ИТЛ». Документ большой, весьма любопытный, особенно в тех его частях, где речь идёт об «организации питания», «оздоровительных работах среди заключённых», «медицинском переосвидетельствовании», «укомплектовании бригад». «На объект Горелкина направлять только наиболее здоровых заключённых», – читаю в пятом пункте. Далее: «Обеспечить выдачу на каждого заключённого полного комплекта постельных принадлежностей с обязательной набивкой тюфяков и подушек. Выдачу постельных принадлежностей без набивки тюфяков и подушек запретить...» Ещё: Улучшить питание заключённых... с уделением особого внимания обеспечению качественно-полноценного ассортимента продуктов и обеспечение витаминосодержателями...» «Закрепить за каждым заключённым индивидуальное спальное место и создать условия, обеспечивающие ежедневный непрерывный 8-часовой отдых для сна... Вывод заключённых на работу в непочинойной обуви и одежде и одетых не по сезону запретить... Установить строгий график для заключённых: четыре выходных дня в месяц и не допускать превышение 9 часов работы в течение дня». Подписали этот приказ и.о. начальника Ермаковского свинцового рудоуправления главный инженер Вишняков и и.о. начальника управления Борского ИТЛ МВД СССР подполковник Глаголев. Обратите внимание, чья подпись идёт первой.

Практика показывает, что, к сожалению, даже самый хороший документ зачастую так и остаётся лишь бумагой. Так есть в наши дни, так было реже, но нередко и во времена сталинские, которые мы нет-нет да хвалим за дисциплину и исполнительность. Даже архив МВД с его сдержанностью, скажем так, даёт нам массу доказательств этого. К примеру, в начале 1951 года отдельный лагерный пункт Синельга выглядел в отчётах так: «Трудовое соревнование не организовано. На декабрь и январь 1951 года договоров на трудовое соревнование между бригадами нет, индивидуальное соревнование не организовано совершенно. Достижения передовиков производства не доводятся до сведения всех заключённых...»

Конечно же, наиболее эффективным организатором «трудового соревнования» была зачётная система на основных работах, прежде всего горнодобычных. Например, «полноценность 20-ча-

совой работы компрессора в сутки в течение месяца» позволяла машинистам этих установок получить зачёт три дня за один. Как правило, действовала следующая система: при выполнении заданий на 150 процентов рабочий день засчитывался за полтора, при 200 процентах – за два дня. Поэтому нередко сводки из лагерных пунктов были такими: «Охвачено трудовым соревнованием 100 процентов. Выполняют нормы на 100–125 процентов – 10 человек, на 126–200 процентов – 598 человек, не выполняющих нормы – четыре человека».

«Законодательной базой», как мы сейчас говорим, для всего этого служило подписанное И.Сталиным 17 декабря 1948 года постановление Совета Министров СССР «О льготах для заключённых, работающих на «спецстроительствах» Первого главного управления при Совете Министров СССР». Им предусматривались в порядке исключения зачёты. При достижении установленной производительности труда на основных работах один день мог сойти за три, на вспомогательных работах – один день за два. Привлекательным было и дополнительное питание. Так, при выполнении норм на 110–130 процентов заключённый мог получить сверх установленного рациона крупы больше на 23 грамма, мяса-рыбы – на 23 грамма, сахара – на 6 граммов. При производительности труда в 150 процентов и выше эти выдачи увеличивались почти вдвое.

Архив утверждает, что между Ермаковским рудоуправлением и Борским ИТА заключались договоры сотрудничества. Тщательные поиски цифр, дающих понятие о масштабах производства, оказались безуспешными. Удалось найти только три более-менее подходящих показателя: за 1949 год было выполнено работ на 17, 665 млн рублей, за первый квартал 1950 года – на 6,121 млн при плане 6,775 млн рублей. Эти данные говорят лишь о том, что объём производства в 1950 году быстро нарастал, что планы выполнялись не всегда, хотя Москва за такие упущения спрашивала жёстко.

ЗэКа-КУЛЬТУРА

Должен прежде всего сказать, что многочисленные воспоминания так или иначе причастных к Борскому лагерю и Ермаковскому рудоуправлению, опубликованные «Комсомольской правдой» и «Комсомольцем Забайкалья», эту сторону быта заключённых постарались не заметить. И только архив рассказывает о ра-

боте «культурно-воспитательного отдела» Борского ИТЛ.

Читаем первый попавшийся документ: «...Культурно-воспитательная работа неудовлетворительная. Культурги из числа заключённых. Нерегулярно проводятся беседы. Зона лагеря лозунгами, плакатами и наглядными производственными показателями оформлена недостаточно... Кинофильмов не показывают, хотя в Ермаковском рудоуправлении имеется киноаппаратура и достаточно фильмов... Бригад художественной самодеятельности не создано. Литературы и радио нет. Газеты с опозданием на 20–25 дней и мало. Несмотря на явную нетерпимость подобного положения с доставкой газет, корреспонденции и посылок заключённым (такое же положение и с вольнонаёмным составом) этот вопрос не решён».

Конечно, можно немало позубоскалить вокруг «зоны», которая «лозунгами, плакатами и наглядными производственными показателями оформлена недостаточно». У меня не хватает информации, чтобы сказать что-то конкретное о таком «оформлении» нынешних исправительных учреждений. Но что хорошего в том, если современные предприятия и организации, кроме вывески, вообще ничего не показывают? В Борском лагере фиксируют «явную нетерпимость» к срокам доставки газет, писем, посылок. Нас же сегодня и на это не хватает, мы терпим и худшее, когда почта вообще теряется или уносится вместе с голубым ящиком неизвестно куда.

Вполне сопоставима с нынешней «на свободе» и подписка Борского ИТЛ на газеты и журналы. Нашёл я в архиве перечень, в котором 84 экземпляра газет и 44 – журналов, в том числе по 30 экземпляров – «Правды» и «Забайкальского рабочего», по десять – «Известий» и «Комсомольской правды», 6 – «Огоньков», 6 – «Советского Союза» и т.д. На тот же день в лагере числилось 7 баянов, два аккордеона, 15 гитар, 8 мандолин, 60 комплектов домино, шашек и шахмат. В библиотеках, в основном передвижных, числилось 2687 книг, зарегистрированных читателей было 784. За «отчётный период» было поставлено 19 спектаклей и концертов, прочитано два доклада, громких чтоток организовано 42, бесед – тоже 42, выпущено 85 номеров стенгазет. Чтецы в основном из числа заключённых – 43 человека. Рядом с этой статистикой ещё один любопытный документ: «Усиление и улучшение культурно-воспитательной работы среди заключённых необходимо в настоящее время вследствие большого количества неработающих из-за отсутствия фронта работ» – это был уже пери-

од свёртывания и лагеря, и Ермаковского рудоуправления.

Понятно, в «Мраморную пыль» («Комсомольская правда» за 25.04.89 г.) или в «Ущелье смерти» («Комсомолец Забайкалья» за 2.03.88 г.) все книги, газеты, баяны, шахматы, не говоря уж о читках или спектаклях, не вписываются – как сейчас принято говорить, «заказ не тот». Но что было – то было: и «явная нетерпимость», и всякие «недостаточные», и требования «усилить и улучшить». А зачем, спрашивается? Да всё за тем же, что была жёсткая необходимость в хорошей рабочей силе, способной выпустить самую нужную в те годы продукцию.

РЕЖИМ: КАКИМ ОН БЫЛ?

Судя по всему, это было нелегко – совместить высокопроизводительный труд и карательные функции. Проще говоря, отладить систему, в которой бы каждый заключённый и срок мотал, и руду на-гора выдавал. Печать наша, особенно в последних 80-х годах, не скупилась на самые «смертельные» эпитеты, рассказывая об этом лагере, доказательств чему выше достаточно. Здесь же воспользуемся архивом. По моему глубокому убеждению, он довольно откровенно и куда полнее, чем разные воспоминания, характеризует тот режим, он даже не скрывает расстрел на Сьюльбане. Итак, некоторые документы с комментариями, где они необходимы.

«Режим содержания и изоляции заключённых в Борском ИТЛ находится в неудовлетворительном состоянии. За 1949–1950 годы побег 44 заключённых, из которых один беглец до сих пор не задержан. 30 заключённых бежали групповым порядком. Причины: неудовлетворительное несение службы, неборудование или отсутствие ограждений зон. ОЛП-1 ограждений не имеет, с трёх сторон горы... Всего нарушений за первое полугодие 1950-го 72, в том числе: отказ от работы – 25, лагерный бандитизм – 2, хулиганство – 8, промотов вещевого довольствия – 2, краж – 5, пьянства – 6, картёжные игры – 23... ШИЗО везде не отвечает требованиям...».

Наверное, самое привлекательное в этом документе – «побеги» и «беглецы». Как говорится, вечная для лагерей – и царских, и советских, и современных – тема. Специалисты утверждают: бегали и будут бегать, даже Бутырка с новейшими «контролёрами» не удержит. Кстати, охранная служба лагеря на 20 декабря 1949 года состояла из 246 человек: 88 офицеров, 13 сержантов, 97 вольнонаёмных и 48 заключённых. Здесь нет ошибок

ки: 48 заключённых. Да, был здесь «уголовно-бандитствующий элемент и рецидив», для которых нужна была «изоляция» от общей массы заключённых; но было и немало таких, которым уже можно было доверять охрану. Понятно, отдельные функции её, не всю.

Не один раз читал я в комсомольской печати, что из «каменного мешка Мраморного ущелья не убежишь». А вот что об этом говорит архив (повторяю кстати, оставленный нам сотрудниками МВД, а не заказными журналистами) за 23 июля 1950 года (самый пик-расцвет лагеря):

«В ОЛП-1 (это как раз район Мраморного.– А.С.) на объекте работ нет производственной зоны, что способствует побегу заключённых. Нет в зоне изолятора, карцера, стационарной столовой, помещения для культурно-массовой работы, хранения личных вещей заключённых». Бумаги убедили меня, что именно из этого «каменного мешка», где были самые тяжёлые условия работы и проживания, и бежали чаще всего. Например, так: «19 мая с горного цеха путём ухищрения бежали пять заключённых. В ночь на 22 мая в районе 26-го километра всех пятерых задержали...За ликвидацию группового побега опер-стрелков премировать по 300 рублей».

Любопытен приказ от 29 апреля 1949 года. 1 и 2 мая объявлялись нерабочими днями, а потому намечались особые меры-режим: «сконцентрировать заключённых на объектах Мраморном и Щёки. На производственные участки не вывозить. 30 апреля в 17-00 прекратить работы. В 18-00 весь контингент заключённых, в том числе и бесконвойных, свести в зону и произвести тщательную проверку, обыск заключённых и территории лагподразделений».

Очень интересную информацию даёт нам другой приказ – от 26 октября 1949 года – «О подготовке и проведении празднования XXXII-й годовщины Октябрьской революции.

В целях усиления охраны заключённых и обеспечения порядка в дни празднования...

1. проверить и устранить все недостатки в оборудовании зон, освещении и сигнализации лагерных подразделений, усилить охрану; <...>

3. направить в оперативно-служебный наряд лучших стрелков, сержантов и офицеров, стрелков из самообороны – на охрану второстепенных объектов; <...>

5. усилить систематическое наблюдение за поведением заклю-

чённых; <...>

7. прекратить всякие внутрилагерные переброски; <...>

9. бесконвойное передвижение заключённых прекратить;

10. всех заключённых, склонных к побегам, взять под неослабное наблюдение; <...>

12. 5 и 6 ноября произвести поголовные тщательные обыски заключённых, жилых, хозяйственных и других помещений, изъяв запрещённые предметы; <...>

13. изъять топоры, ломы, лопаты, для чего сделать трёхдневный запас топлива; <...>

14. проверить боеготовность военно-стрелковой охраны, перевести её на казарменное положение...».

Интересно бы почитать аналогичный приказ из сегодняшней практики. Но как до него добраться? Наверное, тоже лет через пятьдесят появится возможность.

На подступах к Мраморному ущелью, по правому берегу Среднего Сакукана рядом с могилой Нины Азаровой (о ней мы уже рассказывали) есть ещё одна могила. Архив и на сей счёт проливает свет: «Приказ от 27.07.1949 г. В ночь с 24 на 25 июля с.г. в отдельном лагерном пункте № 1 зверски убит при исполнении служебных обязанностей надзиратель ефрейтор Петлеванный Василий Наумович. Бандитское проявление имело место в силу непринятия должных мер лагерной администрацией к обеспечению режима среди заключённых. Начальник ОЛП № 1 лейтенант Чеботарёв из имеющего место факта бандпроявления 30 мая с.г. со стороны заключённого Курумова выводов не сделал, за что был подвергнут домашнему аресту на 10 суток». О том, чему подвергали преступивших нормы режима заключённых, чуть ниже.

Ещё документы: «Имели место случаи нарушения революционной законности, когда отдельные заключённые освобождались из заключения на один, два и три дня позже установленного для них срока. Это явилось результатом того, что лагерные пункты находятся в значительном удалении от управления лагеря и регулярной связи с ними не всегда удаётся добиться...» Конечно же, здесь более всего привлекает внимание «революционная законность». На эту тему и такое откровение архива: «Заключённый Абдулазимов более года не получает писем от родных по той причине, что присылают письма ему на чеченском языке... здесь их не может прочесть цензор...» А вот ещё интереснее: «В ОЛП почти все материально ответственные должности заняты заключёнными, причём

большинство из них осуждены за растраты и хищения... Из 587 человек заключённых 112 расконвоированы и общаются с вольнонаёмными...».

В самом начале этой главы говорилось о нелёгком деле – совместить высокопроизводительный труд заключённых и карательные функции. Вот и документ на эту тему: «28 октября заключённый бригады № 100 ОЛП № 2 Осипов без всяких на то оснований отказался от выхода на работу и своим поведением оказал влияние на всю бригаду, в результате чего БУР № 100 ОЛП-2 (БУР – барак усиленного режима. – А.С.) в количестве одиннадцати человек не вышли на работу. Заключённого Осипова Виктора Андреевича, 1925 года рождения, осужденного по статье 58-14 УК РСФСР на десять лет, водворённого в БУР № 100 сроком на один год, за невыход на работу и оказание влияния на остальной состав бригады, водворить в ШИЗО на двадцать суток строгого ареста. Предупредить весь контингент бригады № 100, что за организацию коллективного саботажа будут привлечены к уголовной ответственности».

И самая заметная удача в архивных поисках – мне попался «Перечень следственно-наблюдательного производства первого отдела – отделения режима и оперативной работы Борского ИТЛ за 1949–1951 годы». Через специальный лагерный суд прошло 130 человек (напомню, что всего заключённых было 3735 человек). Если верить документу, этот местный суд применял только знаменитую 58-ю статью и чаще всего её 14-й пункт – «контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определённых обязанностей или умышленное небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата». Лагерный суд не скупился. Так, А.М. Щербаков получил от него 25 лет. Повторно по этой же статье и этому же пункту были осуждены Г.Ф. Ермаков, М.А. Шумаков, В.А. Осипов (тот, о ком речь шла чуть выше), В.П. Бойко, Н.И. Попов, В.С. Шураковский (они и прибыли в лагерь с 58-й статьёй).

В вашем распоряжении сейчас есть документы, прокомментируйте их сами, если, понятно, это нужно.

СИНЕЛЬГА, ВИТИМ, ПЕСКИ

Географических карт у меня немало, разного масштаба, разных изданий. Но только на одной из них есть ручей Синельга – левый приток Чары (по состоянию на 1 января 2004 года,

сейчас таких карт гораздо больше). Любопытно, что эта карта, как и большая подборка других по Читинскому Прибайкалью, подарена мне учёным из Соединенных Штатов; эту женщину привлекли олени и оленеводы Читинского севера. Она, кстати, поразила меня, тоже кое-что знающего по этой тематике, своими знаниями.

До 1988 года о ней – и посёлке, и речке – говорили очень редко, причём обязательно шёпотом и только самым надёжным. На ней лежал строжайший запрет Первого главного управления при Совете Министров СССР и тесно связанных с ним структур (Лесная экспедиция, к примеру, или Борский лагерь ИТЛ). Сейчас никакого запрета нет, можно хоть во весь голос кричать. Но тем не менее – почти молчок. Знатоков её среди пожилых, считай, не осталось, а молодые добывают свои тайны. Им больше по душе выдуманная шишковская Синильга из «Угрюм-реки», нежели реальная каларская Синельга, что рядом с райцентром Чарой, всего в двадцати километрах.

Затрудняюсь однозначно сказать, чем больше всего притягивает она к себе – или природными достопримечательностями, или историческими секретами. Но всё чаще начинаю склоняться к тому, что одно от другого не оторвать. Синельга только такой – неделимой и событийно богатой – и должна быть. Думаю, даже автор «Угрюм-реки» имя для своей шаманки, сказочной красавицы, взял именно у неё, нашей Синельги. Будучи на Нижнем Витиме, тесно общаясь с эвенками, он не мог не услышать о таёжной речушке, что течёт в предгорьях Кодара.

Гулаговцы, которых приэтапировали к Кодару в конце сороковых, не ломали головы над тем, как назвать свой основной посёлок на Читинском севере. В 1949–1951 годах Синельга была конторским и базовым посёлком Борского исправительно-трудового лагеря ГУЛАГа и Ермаковского свинцового рудоуправления.

Нет, посёлок строился не на берегах Синельги, которую гулаговцы сразу даже и не увидели. Была ранняя весна, была громаднейшая, бескрайняя наледь, в толще которой, как утверждает карта, и покоилась речка. Потому стройплощадку выбрали чуть в стороне – на западной окраине и тогда уже знаменитых Чарских песков, на берегах соседней речки Верхний Сакукан и безымянных озёр, в обширнейшем сосняке (иногда, кстати, этот посёлок и лагерный пункт при нём называли Сосновым бором). Лучшего места в Чарской долине трудно было сыскать. Ручкой подать до нависшего над долиной седого Кодара, где долж-

ны были развернуться лагерные пункты с рабсилой для будущих Урановых рудников. Недалеко и райцентр – «на всякий случай». И сразу же, с первого дня гулаговцы начали прокладывать автозимник Синельга-Могоча, который должен был стать на многие годы главной снабженческой артерией, если бы подтвердились прогнозные запасы Урановых руд в Кодаре. Не подтвердились, а потому Синельга-посёлок жила недолго.

Вспоминает **Борис Арнольдович Диде**, бывший спецпереселенец Борского ИТЛ: *«...В Синельгу мы приехали на машинах. Там уже стояли сорокаместные военные палатки, в них и ночевали. Потом стали строить дома, дороги. Но прежде всего – аэродром. Отличный аэродром получился там, до двадцати-тридцати самолётов из Читы прилетали ежедневно. А пока его строили, муку и крупу да и другие продукты сбрасывали с самолётов прямо в болото. В тройной упаковке весь груз был. Бухты колючей проволоки и спецовку, тоже сброшенные с самолётов, мы подбирали на Песках, рядом с которыми и росла Синельга.*

Палатки в ней скоро сняли, последний год в них ночевали только могочинские шофёры. А все остальные – в домах. Были хорошие финские домики, были и срубленные из местной сосны. Пилорама гудела круглосуточно, даже в Чару пиломатериал возили. Коттеджи собрали, в которых жили и начальник Мальцев, и его заместитель. Школа хорошая была в посёлке, больница, а контора – в ней сегодняшние Неляты можно полностью разместить...». Неляты – это витимское село, где после лагеря поселился Борис Арнольдович Диде.

Вспоминает **Яков Иванович Венцель**, тоже бывший спецпереселенец Борского ИТЛ: *«...В Синельге была главная контора всех работ. За полтора года вырос целый городок. Был клуб отличный, даже ресторан. Синельга, конечно, была куда больше, чем тогдашняя Чара-райцентр. Кстати, между нею и Синельгой часто летал ПО-2, хотя расстояние – всего около двадцати километров...»*

Как быстро возник и поднялся посёлок, так же быстро и исчез. И только архив убеждает, что именно на этом месте базировалось самое первое рудодобывающее предприятие Каларского района – Ермаковское свинцовое рудоуправление (такая у него была открытая вывеска), что именно отсюда отгружалась в 1949–1951 годах Урановая руда для наших первых атомных бомб, что через Синельгу в общей сложности прошли три с половиной тысячи заключённых ГУЛАГа да более шестисот спецпере-

селенцев, среди которых были и Б.А. Диде, и Я.И. Венцель.

А какова всё же Синельга сегодня? По-прежнему изумительное, красивое место. Быстро подрастает новый сосняк. Старожилы даже утверждают, что он получается гуще и стройнее, чем тот, вырубленный и спиленный полвека назад. Легко ещё увидеть остатки колючей ограды и всяких строений. Но чтобы заметить взлётно-посадочную полосу, надо подняться на борт вертолёта. В общем отличная площадь, каких мало в Чарской долине, опять пустует. Надолго ли?

Река Витим в истории Борского ИТЛ и Ермаковского предприятия занимает весьма заметное место. Вспомните постановление Совмина СССР о развёртывании объекта, что мы цитировали выше. И именно по Витиму они пробили свой первый автозимник, а уж зимник Могоча–Тупик–Синельга был потом. И кодарский переход из Чарской долины через хребет, к нему, родимому, был весьма важным и единственным в своём роде секретным постом. А потому самое время и место поближе познакомиться с Витимом-батюшкой.

Кто хоть раз побывал на этой реке, скажет: не нужны ей надуманные эпитеты. Она хороша прежде всего сама собой. Хороша летом и зимой, весной и осенью, при солнце и ночью, в бурю и затишье. Одним словом, это Витим. Витим, и ничто другое. Таким бы его и видеть-слышать и знать всегда.

Вряд ли среди наших взрослых читателей есть хоть один, что не листал «Угрюм-реку» В.Я. Шишкова. Меня она более всего привлекает своей природой, скажу так. И не Прохор Громов или Анфиса показались мне главными действующими лицами, а она, Угрюм-река. Наверное, и автор склонялся к этому, коль взял такое заглавие. Не буду оригинальным, если скажу: свои самые первые шаги на Витиме я делал вместе с мыслями о шишковской прима-героине. Думал: «Так, может, это и есть та самая Угрюм?» Оно и понятно: местническое честолюбие, псевдопатриотизм местный присущи каждому из нас.

Читаю у Е.А. Евтушенко: «...По реке Витим, ставшей прообразом шишковской Угрюм-реки, шёл карбас...»

Читаю у В.Н. Сунгоркина, известного журналиста из «комсомолки»: «В печатных источниках иногда встречается утверждение, что Угрюм-река – это Нижняя Тунгуска, приток Енисея. Я не знаю, на чём основан такой вывод, если в книге доста-

точно ясно просматривается и витимская география, и люди, и селения Витима, и исторические события, в том числе трагический Ленский расстрел. Правда, большинство исследователей не высказывает даже сомнений в идентичности Угрюм-реки с Витимом...»

Читаю у Г.С. Донца, забайкальского писателя: «...не удивляйся, читатель, когда Угрюм-река, Витим наш, заносит Постригана и спасённую им девушку в подводный грот...».

И т.д. Таким цитированием можно заниматься долго, и нам это ещё предстоит. Но давайте хоть немного усвоим приведённое.

Мне тоже, как и Г.С. Донцу, хочется, чтобы Витим был только «нашим». Увы, он не только читинский, но и бурятский, и иркутский и хоть маленьким отрезком, но и якутский.

Простим и Е.А. Евтушенко, поскольку на Витиме, по моим данным, он был всего раз. А этого, наверное, мало даже для хваткого литератора, чтобы не ошибиться в выводах.

Но не простительно В.Н. Сунгоркину, который с Витимом знаком куда лучше. И, пожалуй, покорён этим своенравным красавцем. Потому и выводы такие категоричные, безапелляционные: Угрюм-река, и всё! И даже то, что есть другие мнения, его не смущает. Впрочем, мне в его же словах слышится: попади я также на Нижнюю Тунгуску, как в своё время на Витим, и она стала бы Угрюм-рекой.

Да, так вот о других мнениях-фактах, весьма любопытных и полезных для познания истины.

Обратимся к тому, кто лучше всех знает творчество В.Я. Шишкова и историю «Угрюм-реки» – к литератору Н. Еселеву. Не скрою, меня вполне устраивает такой его вывод: «В основу романа легли богатые впечатления, полученные писателем за долгие годы его пребывания в Сибири, особенно впечатления, связанные с путешествием на Нижней Тунгуске...»

Действительно, В.Я. Шишков исколесил всю Сибирь. Был он, чаще всего, в роли техника путей сообщения, на Енисее и Иртыше, Оби и Лене, Бие и Катуня, Чулыме и Ангаре. Был в Якутске, где укреплял берега Лены в границах города. Судя по всему, в том же 1909 году попал и на Витим – в районе нижневитимских золотых промыслов, многое из жизни которых очень похоже на сюжеты романа, а уж Ленский расстрел – чуть ли не копия. Но самый яркий след в биографии писателя остался всё же от Нижней Тунгуски. Там он познакомился с политссыльными, там изучал быт тунгусов-эвенков, там он, как и его будущий герой Про-

хор Громов, едва не утонул, там он встретил своих проводников Фаркова и Сенкичу, которых под этими же именами ввёл и в роман. «И подлинные названия таёжных деревень – Подволочная, Ербагачен, Ербохомохля, расположенных на берегах Нижней Тунгуски, – оставлены в романе», – пишет Н. Еселев. Кстати, эта река в два раза длиннее и мощнее Витима, и там можно совершить хорошо описанное путешествие Прохора Громова. Во время работы на Нижней Тунгуске В.Я. Шишков записал 87 былин и песен, среди которых была и такая: «Уж ты, матушка, Угрюм-река, государыня, мать свирепая, что про тебя-то идёт слава добрая, слава добрая, речь хорошая: и у тебя бережки посеребренны, крыты берега скатным жемчугом, у ты доньшко позолочено...». Думаю, истоки названия романа более чем понятны.

Может, будет интересным и свидетельство Е.А. Козловского, последнего министра геологии СССР: «...В числе первых заложена скважина на живописном берегу р. Н. Тунгуска, у подножия Даниловской сопки. По местным преданиям на вершине этой сопки была похоронена шаманка, ставшая прообразом Синильги в романе В. Шишкова».

А сейчас давайте ещё полистаем «Угрюм-реку», вспомним и самого писателя. У него вполне достаточно строк, выступающих в пользу и Нижней Тунгуски, и Лены, и Витима, хотя таких названий в романе нет. По законам художественного творчества Угрюм-река, как главная героиня, должна была стать собирательным образом. Она и является такой. И нам не стоит мудрить. Как будто предвидя полемику вокруг своей героини, В.Я. Шишков в романе писал так: «...Угрюм-река! Была ли ты когда-нибудь в природе и есть ли на свете та земля, которую размывали твои воды? Или в допетровские седые времена выдумал тебя какой-нибудь ветхий днями сказитель жемчужных слов и, выдумав, пустил по широкому миру, чтоб ты передавалась легкокрылой песнью из уст в уста, пока не забудут тебя люди?!»

Как говорится, лучше не скажешь. Пусть будет и легендарная Угрюм-река. И пусть будут Лена, Витим, как и Нижняя Тунгуска.

И ещё об одном географическом объекте, рядом с которым расположились Борский лагерь и Ермаковское рудоуправление, – о Чарских песках. Сразу замечу, что именно на их западной окраине находится единственное кладбище, которое они открыли и которым пользовались только они. Оно, это кладбище,

и сегодня просматривается достаточно хорошо, если можно так говорить об этом устройстве. Понятно, рассказывая о Песках, надо помнить и об их жемчужине – Алёнке.

В Чарской долине, утверждают специалисты, 2838 озёр. Это, названное Алёнкой, мне кажется самым удивительным. Впрочем, и другие, встретившиеся с ним хотя бы раз, остаются с таким же мнением.

Не все чарские озёра владеют именем, не все измерены. Вполне может быть, что наша Алёнка среди них самая маленькая. Но она настоящая жемчужина Чарских песков (Чарской пустыни).

Об этих Песках пишут и говорят все гости долины, даже те, кто лишь пролетел над ними рейсом из Читы. А уж если пересёк их хотя бы в самом коротком направлении... Писал в 1917 году известный исследователь нашего Севера Д.В. Никитин. Писал в 1935 году ещё более известный исследователь этого же края, писатель И.А. Ефремов (он, кстати, первым показал, что Пески движутся в сторону села Чара). Писали изыскатели трассы БАМа и удоканские геологи. В середине 70-х годов Институт географии Сибири и Дальнего Востока сделал в Чарской долине свой ведущий полигон, в 80-х на бамовскую стыковку хлынули десятки, а временами и сотни самых разных творческих натур. И все писали, снимали, сочиняли, наговаривали. Думаю, нет большего природного героя в уникальной каларской природе, нежели эти самые Пески. Но вы попробуйте найти что-то об Алёнке, о жемчужине Песков в этих творениях?! Уверен, поиски будут пустыми. А она действительно жемчужина, в которой купались и заключённые Борского лагеря, уже отбывшие срок.

...В трёх километрах к западу от села Чара переправа через Средний Сакукан (о нём в этой книжке много говорится), потом ещё пару километров – и сворот к Пескам. Дорога хоть и болотистая, но натоптанная и наезженная. Болото кончается у барханов, а дорога, уже менее заметная (она постоянно заносится движущимися даже в тихую погоду песчинками), продолжается, пересекает трёхкилометровый жёлтый массив с востока на запад и упирается в озеро. Это и есть Алёнка. Маршрут, что кратко описан, – самый простой и надёжный. Используя другие, можно блудить, можно пройти мимо неё всего в двухстах метрах и не заметить (это и на себе однажды испытал). Кстати, в моём архиве немало карт с Песками. Но только на карте, полученной в дар от американского профессора, есть это озеро. Любопытство, по-

чему такая разница, пока не удовлетворено. Картографический недостаток, думаю, спасает Алёнку от массовых знакомств, спасает её как географический объект вообще.

Хоть Пески и маленькая пустыня (в пределах пятидесяти квадратных километров), у неё есть все необходимые качества. Особенно их ощущаешь в жаркий летний день. В каком бы направлении не пересекал барханы, мечтаешь о ней, красавице Алёнке (если, понятно, знаешь о её существовании). Но мечтания эти отягчают твоё состояние среди раскалённых жёлтых масс. И ты начинаешь завидовать тем, кто не подозревает об этом озере, не стремится к его берегам, а свyksя с участью дойти до окраины, где можно застыть под тенистыми зелёными колками или запросто нырнуть в болотину.

Итак, Алёнка. Двести метров в длину, полсотни в ширину, глубину не знаю – сколько ни пытался достать дна, не удавалось, ноги застывали, тело выскакивало к солнцу. Вода изумительно чистая, полная гольянов (другой живности не замечал). Верхний её слой – «парное молоко», о нижнем уже сказано. Но каждому хватает и верхнего да ещё прибрежного мелководья. Впрочем, мелей здесь – «кот заплакал». Почти сразу обрыв в глубину тёмную. И какое удовольствие – скатиться с бархана, поднявшегося над уровнем озера метров на тридцать-сорок, прямо в освежающую до последней клетки глубь! Поплавал вдоволь, подустал – снова на бархан, жарься под солнышком северным. Песок здесь мельче и чище сочинского или ялтинского. Благодать завидная!

Озеро вытянутое, с двумя острыми углами. Из одного вытекает ручей (тоже Алёнка), другой, судя по всему, принимает в себя основную подпитку – подземные воды. Под Песками, убеждают гидрогеологи, целое море пресной воды, которой можно напоить пока несостоявшийся 100-тысячный город Удокан. Но Алёнка, по моим наблюдениям, всегда в одном уровне – что получила, то и отдала. Не жадничает, хотя и её солнце жарит без устали.

Что песок этого массива передвигается (в основном по розе ветров – на север, в сторону райцентра Чара, от Синельги отодвигается) – доказательства не надо искать, они на виду, есть и погребённые. Из года в год, начиная с 1970-го, пытаюсь обнаружить это жёлтое передвижение и в состоянии Алёнки. Не удаётся, она мне кажется неизменной. Что же тогда Алёнка делает с песчаными массами, что обрушиваются в неё? Не знаю.

У Алёнки один берег барханистый, другой – песчаный тоже, но ровный, залесённый. Сосна, лиственница, стланик кедровый,

багульник, ольха, прочий кустарник – обычный северный набор, которого хватает для такого оазиса. На этом берегу и таборятся все пришедшие или приехавшие свидеться с нею. Однажды я ночевал на нём с сыном и братом. Тихо-мирно чаевали у костра, уставшие после дневных переходов. И вдруг налетел ветер. Озеро взбаламутилось, потом даже волнами пошло. Палатку нашу подхватило и унесло по берегу. Мы чистили и прятали свои глаза, рты, носы, враз забитые песком. Но на Алёнку не обижаюсь, ей было нелегче.

Удивительное озеро! Жемчужина самого популярного из объявленных на севере Забайкалья памятников природы – Песков.

РАЗНОГОЛОСЬЕ

Архив, конечно, в нашей хронике временами просто незаменим. Но он, во-первых, держится на сухом казённом языке, лишён каких-либо эмоций. Во-вторых, в нашем распоряжении пока есть только документы, оставленные одной стороной да ещё как раз теми, в интересах кого сгладить ситуацию, приукрасить её. Да, я знаю, что очковтирательства на исполнительском уровне в те годы было куда меньше, чем позже. И всё же...

Хроника, что у вас в руках, в немалой степени подпирается и воспоминаниями участников тех событий, разных свидетелей. Наверное, каждый из вас без особого труда докажет, что память человеческая несовершенна, что ей можно доверять ограниченно и при первой возможности перепроверять услышанное или прочитанное. Давайте и пойдём вперёд по такому принципу.

Из первого письма **Елены Михайловны Малковой** (г. Шевченко, Казахстан):

– Я уроженка Читинской области, село Усугли. В 1949 году была направлена на работу в Мраморное ущелье, где и работала до 1951 года. Снимок в «Комсомолке» № 24: вдали домик – это помещение для охраны и медсанчасти. Ниже вышки были два помещения на сваях из деревянного бруса, в одном из них жили мы, гражданские, обслуживающие лагерь узников, а второе помещение – административное здание. В то время я не находила разницы между зеками и вольнонаёмными, мы в рабочее время общались на равных. Это были не уголовники, а молодые люди, которые в Отечественную войну оказались в плену немецкой армии. А также лица, осужденные по 58 статье, которых лжесвидетели заставили сознаться в содеянном. У меня сохранились некоторые документы, подтверждающие строгий режим лагерей в Мраморном ущелье...»

Как отнестись к такому письму, которое здесь дано слово в слово, без какой-либо правки? Не зная ничего другого, его можно проглотить не разжёвывая, скажем так. Ведь пишет человек, что жил с ними рядом, общался с ними «на равных»? Безусловно, письмо даёт нужную и интересную информацию. Но оно и уводит от истины. Заключение Борского ИТЛ в 1949–1951 годах – это на 95 процентов уголовники, а не только «молодые люди». И архив на этот счёт даёт такую справку: из 3101 заключённого, оставленные следы которых я нашёл в документах, 954 человека осуждены по Указу от 4.06.1947 года (о государственном общественном имуществе), 852 человека – по тому же Указу, но за преступления против личной собственности граждан, 444 человека – по Закону от 7.08.1932 года, 813 человек – за прочие уголовные преступления и только 38 – по знаменитой 58-й статье. Такой вот расклад. Любопытно бы узнать, как сумела Елена Михайловны вывезти, а потом сохранить «некоторые документы, подтверждающие строгий режим лагерей»? Ведь она давала на сей счёт подписку. И уж конечно ей, бывшей бухгалтером одного из подразделений лагеря, нужно бы помнить, что на Читинском севере был всего один лагерь, к счастью.

Есть у меня два письма читинца **Н.А. Курочкина**. Вот что сообщает участник Великой Отечественной войны, ветеран труда в первом:

– Наконец-то по деловому заговорили о Мраморном ущелье; а то ведь в «Комсомольской правде» от 25.04.89 в статье «Мраморная пыль» таких ужасов ему приписали, можно подумать было, что по всему ущелью скелеты валяются. Даже собрались памятник ставить «жертвам». Я там работал в 1949–1950 годах и в «Комсомольскую правду» написал опровержение. По-видимому, правдивое (без ужасов) описание зеков на Урановом руднике «Морена», что на одной из вершин Кодара, редакции не понравилось – промолчали...

Второе письмо **Н.А. Курочкина** появилось чуть позже, после заметки «ИСКАТЬ СЛЕДЫ» в «Забайкальском рабочем» 28 июля 1989 года, в которой автор **Алексей Сизиков** писал:

– Искать следы. В очерке А. Снегура «Прошлое не отпускает» от 16 июня 1989 года моё внимание привлекли строки: «Документы, с которыми удалось познакомиться, к сожалению, не рассказывают, как были вывезены из лагеря последние заключённые. Автозимник Синельга–Чара закрывался природой в апреле».

Возможно, в них я слышал ответ, куда исчезли остальные 675 человек. Их не вывезли.

Летом 1960 года из-за погодной неразберихи (аэропорт «раскис») я засел в Чаре и коротал время на квартире тогда уже пожилых бывших служащих кошмарной Синельги. Хозяин (завхоз школы) в те печальные годы водил караваны от Витима до Мраморного прямо по хребтам, умело используя в качестве дороги вершинные поверхности (выравнивания). Жена его была домработницей (гостиничной) у начальника Синельги (полевые дневники тех лет, к сожалению, не сохранились, и фамилии этих людей не помню).

То, что я услышал тогда, потрясает своей жестокостью, похожей на жуткую легенду, но, видимо, было кошмарной явью. Живые остатки лагеря были конвоированы в один из трогов (ледниковых корытообразных долин), устье которого охранялось пулемётчиками. Обречённые, окроплённые с самолёта бензином были сожжены.

Потрясённый услышанным, я решил побывать там, чего бы это не стоило. Но не удалось. Зигзаги этих судеб ждут объективного исследования, какой бы жуткой ни была правда».

И вот как среагировал на эту публикацию бывший заключённый Борского ИТЛ:

«Вопросы к А. Сизикову. В «кошмарной Синельге» отдельного хозяина не было. Всем хозяйством – автопарком в Могоче, лагерями в Могоче, Синельге, на Мраморном командовал подполковник Мальцев. В Синельге он бывал только наездами, жил в палаточном городке в Мраморном. Гостиница в Синельге была из шести коек (для приезжего начальства), в деревянном домике с железной печью. За неимением глины и, следовательно, и кирпича там все здания – рудуправление, школа, ресторан, столовая, жилые дома, палатки и прочее – отапливались железными печами. Только в хлебопекарне была кирпичная печь. В «кошмарной Синельге» летом, вернее, всё лето был праздник – днём в палаточном кино играл духовой оркестр, танцевали. В ресторане спецы и отбывшие срок зеки пропивали зарплату, последние устраиваться на работу не спешили. К концу 50 года срубили в Синельге новые коттеджи в боярском стиле, и только тогда Мальцев стал жить там. Облить с воздуха бензином 700 человек – нужна эскадрилья, нужно на бреющем полёте, что в ущелье невозможно...».

Я встречался с автором этих двух писем. Скажу откровенно, для чего мне нужна была эта встреча: понять, почему читинец

столь активно защищает лагерь, где отбывал срок? Просидели вечер, многое переговорили. Вывод? Он прост: человек стремится, чтобы и народ знал правду, а не вымыслы с домыслами.

А вот что писала **Марина Поликарповна Куськова**:

«Живу в Могоче с 1930 года. Да, был такой лагерь в 1949 году и у нас, а вот когда он исчез, не знаю. Мы не знали, что лагерь № 7, а знали, что это «Сиббаз»... Это началось сразу после войны. Приехали откуда-то руководители, начался набор рабочих, шоферов, зимовщиков. Потом прибыла техника, прибывали грузы, и всё это шло в Синельгу. Зарботки были большие. Ходили в рейсы по десять дней, согревались с машинами на зимовьях. Мы слышали слова Кодар, Синельга, XI лет Октября, а вот что везли туда и что там было, мы никогда не слышали. Что там добывали – тоже не знали. Знали, что всё для обороны, знали, что там строили заключённые. Потом, да примерно с 1950 года стали привозить заключённых в Могочу, они строили финские дома, они и сейчас стоят в Олонгро. Жили там начальство. Шиковали как могли, так как в то время в магазинах всё было, а они деньги большие получали. Про лагерь особо не распространялись тогда, сами знаете, какое время было. Всё было засекречено. А после Сиббазы началась Удоканская экспедиция...»

Такое вот бесхитростное письмо, таких, кстати, большинство. Но и они очень помогали в журналистских поисках и в главном из них – поиске истины. Эти неравнодушные читатели не давали нам расслабиться, потерять, скажем так, бдительность. Помню, в «Забайкальском рабочем» за 19.06.89 г. была опубликована страница «Прошлое не отпускает». В ней, в частности, рассказывалось и о больших потерях (7 умерших и 150 обмороженных) при переброске этапа в 400 человек на строительство автозимника в районе прииска имени XI лет Октября. Архив весьма детально описывает ту беду, не преминув сообщить и о том, что начальник лагерного пункта и исполняющий обязанности начальника санчасти с работы сняты. Всего лишь, больше в моём распоряжении ничего не было, пока не пришло письмо всё той же **Елены Михайловны Малковой**:

– В четвёртом столбике корреспондент пишет, что за преступно-халатное отношение Смулаковского, начальника лагеря, и Попова наказали только – сняли с работ; это не так. После того, как этап прибыл на XI лет Октября (ноябрь 1949 года) заключённые написали жалобу, подписался весь лагерь. Жалобу отправили в Москву Правительству. Вскоре на XI лет Октября

прибыла следственная группа, всех нас допросили. В первой половине года Смуглаковского и начальника караула Борисова арестовали... Не помню месяц, но это было летом 1950 года, меня и моего мужа Малкова В.И. вызвали на ст. Могоча на суд. Суд был закрытый. Суд приговорил Смуглаковского в 15 годах лишения свободы, Борисова к 10 годам. По кассационной жалобе приговор был оставлен в силе... В предыдущем письме я писала, что Смуглаковский был против переброски заключённых на XI лет Октября из-за отсутствия тёплой одежды, о чём он и телеграфировал в г. Читту ОВД. Не Смуглаковского надо было судить...».

Кодарским Урановым разноголосьем немало занимался и **Владимир Петрович Зенченко**. Так, в своей книге «Мифы и факты об уране» он разбирает в качестве примера такую ситуацию:

Газета «Комсомольская правда» 25.04.89 г. Статья «Мраморная пыль» Речь идёт о событиях 1949–51 годов и, якобы, целенаправленной гибели невинных заключённых в Урановых штольнях «Мраморного месторождения». Для краткости приведу слова из той публикации, касаясь добычи урана и радиации. Вот они:

«...Оттуда никто не вернётся». «...Их не расстреливали, а замучивали в штольнях. Многих держали там до гибели. Потом трупы сбрасывали в шурфы как пададь». «...Лабораторные результаты показывали – природные условия «Мраморного» таковы, что те, кто работал в штольнях более-менее длительное время, были в любом случае обречены на медленную смерть». «В Чарскую долину пригнали десять тысяч заключённых. Большинство из них осталось в горах Кодара. О заключённых в штольнях говорили, что и так всё равно бы все погибли из-за очень вредной радиации...»

Так был создан миф о чарской «радиоактивной пыли».

Попробую опровергнуть это на фактах.

Я и мои товарищи занимались поисками урана в тех местах. Многие работали там от начала открытия уранового месторождения до ликвидации рудника-лагеря Мраморного.

Ещё многие живы. Мы общаемся. Иван Емельянович Куделя работал в Ермаковском «свинцовом» рудоуправлении МВД СССР на «Мраморном» руднике горным мастером штольни № 1. Он ничего не забыл. Вот некоторые его воспоминания:

«...Свинцовое рудоуправление по очередной легенде МВД означало «урановое». Посёлок Сосновый, примерно в 18 км от пос. Чара, у кромки песчаных дюн. Рядом высокие гольцы. Рельеф для альпинистов. Работали заключённые. Инженерно-технический

персонал состоял из вольных. Мы, горные мастера, жили в палатках все два года до завершения работ. Поощрялись скоростные «сталинские вахты». Заключённым сокращался срок в три раза, если они перевыполняли норму свыше 150%. Механизация: перфоратор, лопата и вагонетка.

Был один случай, когда в «восстающей» выработке задохнулся и погиб заключённый. Это считалось ЧП – чрезвычайное происшествие.

Вспоминается, приехал генерал МВД. Начальник управления полковник Мальцев отстранён от должности, переведён на участок № 2, где работал до тех пор, пока не навёл порядок и участок стал выполнять план. Обязанности начальника рудоправления всё это время исполнял прикомандированный генерал, по распоряжению А.П. Берия.

Питались нормально. Работали много. Всё подчинялось одной цели: добыть Уран».

Я, читатель, могу дополнить. Завозились ЗК и вольные самолётами из Читы в Чару – никаких «колонн смерти» не было. Природного урана почти за два года добыли всего-то чуть больше одной тонны. Это пример, как по крохам набирали Уран на первые реакторы. При этом руда была контрастной в виде «урановой смолки» и «уранинита», то есть каменно-плотной. Поэтому эманация была относительно слабой. Прямое гамма-облучение было значительным лишь на отдельных участках добычи, а для большинства заключённых довольно редким явлением. Так что говорить о каких-то смертельных дозах радиоактивного облучения нет никаких оснований...»

* * *

21 января 2004 года в правительственной «Российской газете» появилась публикация во всю большую полосу «БОМБА ДЛЯ БЕРИИ». Под рубрикой «Только в «РГ» это издание, считающее себя ведущим в стране, обнародовало настоящую сенсацию. Во-первых, оно осмелилось взяться за эту тему лишь после того, когда все местные газеты плюс московская «Комсомольская правда» её, по большому счёту, уже закрыли. Так, за 1988–2001 годы в них было опубликовано 29 разных, в том числе и гораздо более объёмных, нежели в «РГ», материалов. Во-вторых, правительственная газета, если ей, понятно, верить, нашла то, чего до сих не удавалось даже самым пробивным изданиям, – она нашла человека, который «знает все ядерные тайны ущелья» (речь о Мра-

морном ущелье). Более того, она даже назвала имя этого знатока – Иван Куделя. Надо же, какая творческая удача!? Увы! Оператору, потом мастеру, потом начальнику участка это – «все ядерные тайны» даже одного объекта – знать было не дано.

«Российская газета» выдала немало и других откровений. Например, таких: «в Мраморном ущелье за срыв ядерных планов Сталина узники ГУЛАГа получили ордена». Любопытно бы знать, кто удостоился такой чести? Да, награды и награды довольно высокие, были выделены, но не по этому адресу. Или ещё откровение: в Мраморном «в привычном понимании уголовников не было». Простите, а кто же был? Хотим мы того или нет, но то на 99 процентов были люди, преступившие действующие законы (законы, действительно, очень жестокие, но действующие), люди, прошедшие судебные процедуры.

Громадная публикация, невероятно большой объём вымыслов и домыслов. Жаль, что это нашло место под такой привлекательной рубрикой «Только в «РГ».

Со временем это разноглосье не затихает. Более того, оно, на мой взгляд, выходит на новый уровень, начисто отметающий все предыдущие «достижения» в этом плане.

В прошлом году московское издательство «Алгоритм» выпустило весьма ёмкую и по форме, и по содержанию книгу известного журналиста Владимира Губарева («АТОМНАЯ БОМБА», 608 страниц). Насколько я знаю, этот автор был в СССР и остаётся в России самым-самым допускаемым к секретам нашего Атомного проекта. И в этой теме, на мой взгляд, он должен, он имеет возможность «держатъ первую скрипку», задавать тон.

Есть в книге и глава «КУСОК УРАНИНИТА». Она небольшая, четыре страницы. Но она посвящена Первому Забайкальскому Урану, кодарскому (Мраморному) Урановому месторождению. Конечно же, мои читатели достали это издание и прислали его как подарок.

«Никогда – ни раньше, ни позже – случайная геологическая находка не приводила к столь трагическим последствиям: сотни специалистов оказались в лагерях, а десятки – расстреляны. Это было так называемое «дело геологов», о подробностях которого даже сегодня знают немногие...А всё началось с куска Уранинита, который специально для Берии был доставлен в Москву из Восточной Сибири...»

Да, Владимир Губарев пишет о том самом куске Уранинита, чему уделяет немало внимания и наше издание. Но я, уже пере-

лопативший не одну тысячу разных документов и воспоминаний, впервые узнаю о такой трагической роли кодарского камешка, геологического образца.

«АТОМНАЯ БОМБА» сообщает далее:

«Поиск месторождений Урана – главная задача геологов в 1948 году. К сожалению, им не везло – новых залежей найти не удавалось, а всем руководителям Атомного проекта СССР было ясно, что разведанными запасами не обойтись. Если бы добыча не велась в Германии и Чехословакии, то вообще говорить о создании ядерного оружия было бы бесполезно. Именно поэтому каждый успех геологов, даже ничтожный, немедленно докладывался в Москву. И вдруг в Восточной Сибири найден кусок Уранинита! Это была фантастическая удача! О ней в специальном письме от 6 января 1949 года Берия сообщает Сталину (это письмо есть в нашем издании.– А.С.). Уже сам по себе этот факт иллюстрирует, насколько значимым было это событие...»

Хроника Первого Забайкальского Урана, опираясь на рассекреченные документы Атомного проекта СССР, не говоря уж о многочисленных воспоминаниях участников и свидетелей тех событий, убедительно доказывает: то дело не ограничилось куском Уранинита; в документах, что прошли через руки Л. Берии и И. Сталина, названы объёмы и добытого кодарского Урана, и запасы разведанного (эти цифры тоже есть в нашем издании). Да, эти объёмы очень малы в сравнении с требуемыми для производства хотя бы первых атомных бомб. Но они были, были. Наш Урановый концентрат в 1949–1951 годах возили на Большую землю. Почему Владимир Губарев, имея в своём распоряжении необходимые документы об этом, не замечает очевидного? Ответ напрашивается один: да потому, что эта информация не вписывается в задуманное, она не для «красного словца».

Справедливости ради надо заметить, что автор «АТОМНОЙ БОМБЫ» частично, в полузавуалированном виде признаёт истину: «...Желаемое было выдано за реальность. Тщательная геологическая разведка показала, что месторождения не существует – есть лишь небольшое количество уранинита...».

Вот это уже другое, так и было: желаемого, перспективного месторождения действительно не оказалось. Но запросто, походя перечёркивать те тонны кодарского Урана, что были разведаны и добыты, не годится. Ещё раз: то был первый промышленный российский Уран с первого российского уранового месторожде-

ния. И я бы не стал обвинять «сотни молодых геологов», что «работали в этом районе, они буквально метр за метром исследовали местность» в преднамеренном искажении реальности для Москвы. Ведь в упомянутых документах, что наверняка составлялись на основе информации, полученной из Северного Забайкалья, фигурируют не тысячи тонн сырья, а крохи в сравнении с необходимым.

В своей книге Владимир Губарев ссылается на авторитет академика Николая Павловича Лаверова, цитирует его: «Мы шли в десяти метрах друг от друга, опасаясь что-то пропустить...» Довольно близко знакомый с геологоразведкой более сорока лет, впервые сталкиваюсь с таким поисковым методом. И по документам, и по воспоминаниям хорошо известно, что на Урановые маршруты тех лет выделялась самая новейшая техника, на которой нередко стояли первые заводские номера. Документы, что были у меня в руках, свидетельствуют: иногда не хватало элементарных лопат и кайлушек, но не было недостатка в радиометрах, дозиметрах и т.п. поисковом снаряжении.

Но больше меня насторожило другое: к дням открытия Мраморного Уранового месторождения ныне уважаемому и авторитетному академику не исполнилось и восемнадцати лет. И был ли он на Забайкальском севере вообще – для меня щекотливый вопрос. В том 1948 году он как раз заканчивал курс учащегося Кировского техникума и становился первокурсником Московского горно-инженерного института. А студентов с начальными знаниями вряд ли посылали на стажировки, поскольку от них большего, чем такого геологического поиска («в десяти метрах друг от друга»), вряд ли дождёшься. Кстати, в интервью журналу «Эксперт» (№ 14 за 2008 год) о пребывании в наших восточно-сибирских краях говорит уже иначе: «Я занимался поисками урана там ещё в шестидесятые годы». Вот это уже похоже на истину. Мне в последнее время пришлось полистать многие геологические отчёты о работах в 1948–1953 годах на этом Севере, в них называются даже фамилии оленеводов, не говоря уж о действительно многочисленных студентах-стажёрах. Фамилии Н.П. Лаверова в этих документах не заметил. Может, плохо замечал или не всё пролистал?

МРАМОРНОЕ ДЛЯ ГЕОРГИЯ ЖЖЁНОВА

23 сентября 2008 года

Не верьте газете «Известия», которая в историю забайкальского урана вписывает имя народного артиста СССР Георгия Жжёнова.

Скрывать не приходится: мне по душе, когда нахожу в центральной прессе что-нибудь о своём крае; читаю с пристрастием. Эта газета не попадалась под руку лет пятнадцать, в Новой Чаре её из-за дороговизны не выписывают. Но есть пока сравнительно дешёвый Интернет, куда доступнее, чем популярные в недавнем прошлом «Известия». Полистать электронные страницы предложил мне Алексей Демидов – учёный из Российского ядерного центра (г. Саров). И вот в одном из недавних выпусков читаю:

«...Согласно устойчивому поверью уран, источающий смертельную радиацию, добывают особо опасные заключённые. Но рабский труд неэффективен: добыча урана – слишком сложное и требующее высокой дисциплины производство. Только первый уран в Забайкалье в мрачном Мраморном ущелье, которое прозвали «ущельем смерти», в 1940-х годах добывали политэки с большими сроками. Здесь работал Георгий Жжёнов. В 1950-х годах урановых рабов раскидали по другим объектам, их судьба не отслеживалась, словно это шлаковая порода...».

Это строки из спецрепортажа «ЛЮДИ И СПЕЦРУДА» обозревателя Сергея Лескова. Спецрепортаж, спецруда – согласитесь, привлекает. А тут ещё имя известнейшего киноактёра. Да и ущелье Мраморное, что на Читинском севере, в хребте Кодар, для центральной прессы начиная с конца 80-х годов далеко не новое. В общем, залихватский подход к теме. Чего не сделаешь, чтобы завлечь читателя!.. Но Георгий Жжёнов никогда не был на Кодаре, насколько я знаю, никогда он не добывал Уран. Срок отбывал он на Колыме, на золотых приисках. И перепутать Кодар с Колымой, Уран с золотом – это, ещё раз согласимся, дано не каждому. Но это, думаю, должно быть в арсенале того, кто занимается «расследованием» (так афиширует газета свою публикацию).

Ущелье Мраморное действительно мрачное. А «Известиям» известны (какое словосочетание!?) настоящие ущелья не мрачные?

Знаю лично двух корреспондентов (местного и московского), которые называли его «ущельем смерти». Чего не напишешь, когда на журналистском столе сенсация, пришедшая с «гласностью», а денег хотя бы на элементарное расследование ещё нет?

Мраморное месторождение Урана – первое российское, открыто ровно шестьдесят лет назад, о чём в нашем крае не забывают и юбилей худо-бедно отметили (смотри, к примеру, «Забайкальский рабочий» за 18 июня). «Известия» тоже не в стороне, что упомянутый Алексей Демидов комментирует так: «Журналист Сергей Лесков берётся писать о забайкальской руде и походя называет Мраморное...» И за это спасибо! Но благодарить за ложь, что приписывается этому объекту?! Не было на Мраморном рабов, политзаключённые составляли не более одного процента от общего состава Борского исправительно-трудового лагеря, обязанного обеспечивать Ермаковское рудоуправление рабочей силой. Остальной контингент – обычные для тех лет заключённые. И знали бы «Известия», сколько они сделали за неполных три года (1949–1951) в горнотаёжных урочищах, совершенно необжитых, с экстремальными природными условиями? Такой производительности Читинский север не видел даже в дни баумовской «золотой» стыковки. Утверждать, что труд этих «рабов» был «неэффективен» – грубо исказить ту реальность. Утверждать, что «их судьба не отслеживалась» – меньшая ложь. Неужто и судьба Георгия Жжёнова, который также отнесён к этой категории, которого знал весь СССР, неизвестна газете? А расписки о неразглашении, что абсолютно все «рабы» давали той административной системе и за исполнением которых система следила с пристрастием, где бы и когда не находились авторы? Нет, то была не «шлаковая порода»; то были люди, кому доверили важнейшую составляющую Атомного проекта СССР – поиски и добычу так необходимой в те годы руды.

Да, но вернёмся в «Известия». Ведь тот спецрепортаж посвящён нашему Краснокаменску, его «людям и спецруде», а о Мраморном в нём, как уже сказано, лишь «походя». И что же о втором городе Забайкалья пишут «Известия»? Публикация весьма солидная. Оказывается, в частности, что здесь «добывается уран для атомной бомбы». Ну зачем же так обижать наших земляков? Или для газеты не существует атома мирного, на который ныне и трудится чуть ли не единственный российский добытчик – Краснокаменск? Вторая часть репортажа – «Рабы на урановых рудниках» – сообщает очень любопытные факты (не будем их повторять)

о житье-бытье краснокаменцев. В других частях (а их всего пять) можно узнать, что выбранный обозревателем адрес – это «царство радона и лучевой болезни», что здесь все соки выжимают, будто я урановый концентрат, ядрить их в душу мать», что «газеты из Москвы к нам не приходят» и т.д., и т.п. Походя газета остановилась и на крае в целом, обращая наше внимание на «страшную удалённость от страны – главную беду Забайкалья» и ещё на «цену на билет запредельную – во всём себе отказывать надо».

Лет пятнадцать не читал я «Известий». Такой возврат к некогда любимым страницам подталкивает лишь к более длительным каникулам. А обижаться на московских коллег – себе дороже, они на такие обиды ничуть не реагируют, в чём не раз имел возможность убедиться. (23 сентября 2008 года)

ОТСТУПЛЕНИЕ

хроника 1950 года

4 февраля 1950 года. Специальный комитет при Совете Министров СССР:

«1. Принять внесённый тт. Антроповым и Завенягиным проект Постановления Совета Министров СССР «Об обеспечении работ Ермаковского свинцового рудоуправления». Проект Постановления по данному вопросу представить на утверждение Председателя Совета Министров СССР товарища Сталина И.В.

2. Командировать на объекты Ермаковского рудоуправления для проверки хода работ и определения дальнейшего направления работ по разведке и добыче свинца комиссию в составе тт. Карпова – зам. Начальника Второго главного управления при Совете Министров СССР (председатель), Смирнова – зам. Министра геологии, Суражского – геолога Второго главного управления и Янишевского.

Обязать комиссию доложить Специальному комитету о результатах проверки не позднее 15 марта 1950 г.»

9 февраля 1950 года. Письмо Л. Берни:

«Товарищу Сталину И.В. Представляю на Ваше утверждение проекты постановлений и распоряжений Совета Министров СССР, рассмотренные и принятые Специальным комитетом...

21. О мерах обеспечения работ Ермаковского свинцового рудоуправления Второго главного управления при Совете Министров СССР...»

14 февраля 1950 года. Постановление Совета Министров СССР:

...2. Установить на 1950 г. Прирост промышленных запасов сырья по категориям В и С-1:

а) свинца в количестве 4715 т, в том числе по основным месторождениям:...Ермаковскому – 220 тонн...

27 марта 1950 года. Письмо Л. Берни:

«Товарищу Сталину. Представляю на Ваше утверждение проекты постановлений и распоряжений Совета Министров СССР, рассмотренные и принятые Специальным комитетом: ...3. Об усилении геологоразведочных работ в районе Ермаковского рудоуправления Второго главного управления при Совете Министров СССР. Проект внесён тт. Антроповым, Александровым, Карповым...»

8 июля 1950 года. Специальный комитет при Совете Министров СССР:

«1. Отклонить как необоснованные предложения т. Александра о реорганизации Ермаковского рудоуправления в районное геологоразведочное управление, о сокращении объёмов горно-разведочных работ на месторождении, сокращении плана добычи руды на 1950 г. и о подчинении Ермаковскому рудоуправлению работающих в районе Коларского (так в документе, правильно – Каларского.– А.С.) и Кодарского хребтов экспедиции Министерства геологии.

2. Обязать тт. Антропова (созыв), Захарова, Нифонтова, Смирнова, Карпова, Александрова, Янишевского и Газенко в 10-дневный срок:

а) тщательно рассмотреть организацию и методику поисковых и геологоразведочных работ, ведущихся в районе Ермаковского месторождения Вторым главным управлением и Министерством геологии, и принять меры по укреплению этих работ квалифицированными кадрами геологов-поисковиков и разведчиков и опытными руководителями. Пересмотреть также принятые масштабы поисков в сторону, обеспечивающую более детальные поиски. О принятых мерах доложить Специальному комитету.

б) внести в Специальный комитет предложения об укреплении руководства Ермаковским рудоуправлением».

25 августа 1950 года. Специальный комитет при Совете Министров СССР:

«О КОНТРОЛЬНЫХ ЦИФРАХ К ПЛАНУ РАБОТ НА 1951 ГОД. Контрольные цифры к плану специальных работ 1951 г. по производству и капитальному строительству в следующих размерах... По Ермаковскому рудоуправлению задание по добыче урана в руде – 3 тонны...»

ХРОНИКА 1951 ГОДА

13 марта 1951 года. Совет Министров СССР: «О ПЛАНЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО ВТОРОМУ РАЗДЕЛУ СПЕЦИАЛЬНЫХ РАБОТ НА 1951 ГОД.

...14. Установить задание на попутную добычу свинца в руде на 1951 год: по Ермаковскому месторождению – 2 т...

Обязать Второе главное управление (т. Антропова) и Министерство внутренних дел СССР (т. Круглова, Чернышёва) принимать по мере развития разведочных работ в районе Ермаковского месторождения...меры к увеличению добычи свинца сверх установленных выше заданий...»

17 сентября 1951 года. Совет Министров СССР: «ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В НАПРАВЛЕНИИ И ОБЪЁМАХ РАБОТ ПО РАЗВЕДКЕ И ДОБЫЧЕ СВИНЦА...

...3. Обязать Второе главное управление при Совете Министров СССР (т. Антропова) и Министерство геологии (т. Захарова) внести следующие изменения в направление и объёмы работ по Ермаковскому месторождению (в районе которого за 1949–1951 гг. удалось разведать всего 160 т свинца при среднем содержании металла 0,002–0,003%:

а) Министерству геологии усилить перспективную разведку месторождения Четканда (в современных документах – Читканда.– А.С.) и геолого-поисковые работы в Кодаро-Удоканском районе;

б) Второму главному управлению расформировать с 1 октября 1951 года Ермаковское рудоуправление. Оборудование и материалы указанного рудоуправления, требующиеся для разведки месторождения Четканда и Кодаро-Удоканского р-на, передать Лесной экспедиции Министерства геологии, а кадры инженерно-технических работников использовать на других предприятиях Главка, в первую очередь в Кривом Роге, на Северном Кавказе и в Киргизии...».

16 ноября 1951 года. Докладная записка Л. Берия и П. Антропова:

«Товарищу Сталину И.В.

Докладываем Вам, товарищ Сталин, о ходе выполнения заданий на 1951 год и о плане работ по развитию сырьевой базы урана в 1952–1955 гг...

На рудоуправлениях Урана, где ввиду незначительного содержания его в руде добыча связана с неоправданными затратами средств (Ермаковское месторождение в Читинской обл...), решено в дальнейшем сосредоточить усилия на интенсивных поисках более богатых месторождений с достаточными запасами урана. Высвобождающиеся материально-технические ресурсы, предназначенные для организации попутной добычи урана на этих месторождениях, переключены для форсирования добычи урана в Кривом Роге, в районе горы Бештау и в Киргизии...»

Итак, 17 сентября 1951 года от имени И. Сталина вышла ещё одна директива, где уделено немалое внимание и нашему Кодару:

«Постановление Совета Министров СССР «Об изменениях в направлении и объёмах работ по разведке и добыче свинца» (надо читать – Урана.– А.С.). Этот документ утверждает, что геологоразведочными работами последних лет «были выявлены новые месторождения свинца с промышленными запасами свинцовых руд, позволяющие развернуть форсированную добычу их». Новые – это в Кривом Роге, на Северном Кавказе и в Киргизии. Надо отдать должное Москве – постановление не только предписывает судьбу объектов типа Кодара, но и даёт объяснение случившемуся:

«...на рудопроявлениях свинца, не имеющих промышленных запасов, где ранее, однако, подготовка к добыче свинца вынужденно велась попутно с разведкой (ввиду недостатка выявленных запасов отечественной базы свинцового сырья и необходимости ускорения развития этой базы), сосредоточить усилия на интенсивных поисках месторождений, более богатых по запасам и по содержанию свинца, поставив это задание перед работниками геологоразведочных партий как важнейшую государственную задачу. Капитальное строительство и добычу на этих рудопроявлениях ограничить или прекратить полностью...»

Директива предписывает, в числе прочих, расформировать с 1 октября 1951 г. и Ермаковское рудоуправление, а кадры и материальные ресурсы направить «в первую очередь на обеспечение работ по Кривому Рогу, Северному Кавказу и в Киргизии».

Правда, это указание относилось к Ермаковскому рудоуправлению не в полной мере.

Как уже сказано, Урановое рудопроявление по ключу Мраморному было выявлено в 1948 году Снежинской экспедицией. Первые геологические данные послужили толчком к тому, чтобы сюда, в Кодаро-Удоканский район была переброшена и Мангышлакская экспедиция. Несколько позже здесь же появляются мощные Лесная, Сосновская экспедиции, перед которыми стоит всё та же цель – форсированные поиски урана на Читинском севере. Архив геологоразведчиков утверждает: «После ряда лет поисков работами Лесной экспедиции было найдено крупное месторождение урана, предварительная разведка которого является задачей 1953 года. Находка подобных же рудопроявлений Урана в бассейне реки Олдонсо (это на границе Читинской и Амурской областей.– А.С.) расширяет перспективы района, даёт предпосылки для увеличения поисков к востоку от Удоканского хребта...»

В сталинской директиве эта ситуация выглядит так (давайте повторим эти очень важные для судьбы Мраморного строки):

3. Обязать Второе главное управление при Совете Министров СССР (т. Антропова) и Министерство геологии (т. Захарова) внести следующие изменения в направление и объёмы работ по Ермаковскому месторождению (в районе которого за 1949–1951 гг. удалось разведать всего 160 т свинца при среднем содержании металла 0,002–0,003%):

а) Министерству геологии усилить перспективную разведку месторождения Четканда (правильно – Читканда.– А.С.) и геолого-поисковые работы в Кодаро-Удоканском р-не;

б) Второму главному управлению расформировать с 1 октября 1951 г. Ермаковское рудоуправление.

Оборудование и материалы указанного рудоуправления (Ермаковского.– А.С.), требующиеся для разведки месторождения Четканда и Кодаро-Удоканского р-на, передать Лесной экспедиции Министерства геологии, а кадры инженерно-технических работников использовать на других предприятиях Главка, в первую очередь в Кривом Роге, на Северном Кавказе и в Киргизии...».

Результаты этой геологоразведки найдены (о них сказано выше). Вряд ли они оказались более весомыми, нежели в той же Киргизии или на Северном Кавказе. И конечно же, не могло быть и речи об организации нового рудоуправления типа Ермаковского. Обожглись, уже многому научились.

В моём распоряжении есть два источника информации о добытом на Кодаре Уране. Книга «Создание первой советской ядерной бомбы» (1995 год) утверждает, что Ермаковским рудоуправлением в 1949 году было добыто 0,1 т урана и в 1950 году – 0,7 тонны. Совминовское постановление, к которому мы только что обращались, от имени И. Сталина даёт такие показатели: «за 1949–1951 гг. удалось разведать всего 160 т свинца». Решайте сами, кому верить. Да, вы можете сказать, что разведать и добыть – это не одно и то же. Правильно. Конечно, даже 160 тонн – это очень мало на фоне союзных показателей. Конечно же, доля нашего Урана в первых советских ядерных устройствах, для которых его собирали чуть ли не со всего мира, была небольшой. Но то был ПЕРВЫЙ ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ УРАН. Впрочем, первый ли? В этом издании, чуть ниже есть и небольшая глава «Место Горы Шерловой», она и ответит на такой вопрос.

Враз, очень быстро и, говоря казённым языком, организованно развернулись на Читинском севере Борский ИТА и Ермаковское рудоуправление. И враз исчезли, оставив на долгие годы весьма заметные следы. Вы наверняка уже обратили внимание на то, что этап ликвидации того и другого, отступление привлекает почти каждого нашего собеседника, свидетеля. Любопытная ситуация: все, кому, понятно, было нужно или интересно, видели, как везли заключённых и спецпереселенцев, но почти никто не хочет замечать, как их вывозили, из чего и рождаются самые невероятные догадки и слухи. Договорились даже до такого: «Живые остатки лагеря были конвоированы в один из трогов... Обречённые, окроплённые с самолёта бензином... были сожжены». Давайте всё же успокоим свои эмоции и ещё раз попробуем разобраться в доставшемся нам наследстве.

Начнём со свидетельства непосредственного участника той операции, геолога **Анны Георгиевны Теремецкой**, рассказ которой в 1995 году записал, отредактировал и опубликовал известный в Забайкалье геохимик и минералог Б. Гонгальский. Вот, в частности, что поведала тогда 83-летняя женщина:

«Однажды меня вызвал мой начальник Александр Дмитриевич Ершов и передал мне образцы для заключения. Это были кристаллы Уранинита размером до 1 см... Я детально изучила материал, написала заключение на 20 страницах и принесла А.Д. Ершову. Надо сказать, что с получением образцов по степе-

ни секретности я оказалась в «особой папке» – даже машинистке я не могла доверять такой материал. Ершов сначала не хотел рецензировать, но затем прочитал только после уговора, что никто не узнает о его знакомстве с материалами. Он одобрительно сказал, что описанный новый тип Урановой минерализации имеет место. Через секретную часть я отправила свой рукописный вариант в адрес Берии. Через какое-то время меня опять вызвал Ершов и велел собираться для поездки в почтовый ящик № 81. Никто из окружающих не мог знать о местонахождении этого «ящика». Так я оказалась на аэродроме Мраморного месторождения в Чарском ущелье, где была обнаружена крупная радиоактивная аномалия. В помощь нам выделили трёх заключённых. Они быстро поставили нам малую и банную палатки с печками, сразу же за колючей проволокой зоны. Питались мы в общей столовой. Иногда кончались продукты, и мы обходились мучной баландой с чесноком.

Первое же знакомство с геологией в штольне и естественных обнажений привело меня к выводу, что месторождения здесь нет. Я с помощью верёвки и крючьев поднималась на скалу, отбирала корочки скарнов с уранинитом, передавала их коллектору и диктовала описания. Поначалу заключённые с интересом наблюдали за нашей работой, а на третий день предложили свою помощь.

Основной вывод был следующим: от крутой скалы была отвалена глыба, которая и дала большую радиоактивную аэроаномалию, а на самом деле месторождения нет. Предварительные же результаты были иными. И началась интенсивная подготовка к эксплуатации: строительство аэродрома, посёлка, обогатительной фабрики, рассчитанной на производительность 200 кг урана. Но такого количества урана там не было.

Я ознакомила начальника партии Малиновского со своими неутешительными результатами, после чего он предложил выступить мне с докладом. Из геологов присутствовали Тимченко (так в тексте. – А.С.), который обнаружил аномалию, и геолог из Ленинграда (фамилию его не помню), который позже работал на Удокане. Тимченко обозвал меня вредительницей, но ленинградский коллега поддержал меня, повторив мои маршруты по контакту гранитного массива. Заключение подписали все трое и направили в адрес Берии.

Таким образом, по нашим наблюдениям, не подтвердилось существование уранового месторождения «Мраморное», в лучшем

случае это было рудопроявление Урана с мало мощной жилкой крупнокристаллического Уранинита небольшой протяжённости. Мне неизвестна судьба моего заключения...

Но на этом моя работа с «ящиком» не закончилась. На следующий год я была направлена в Чару. Самолётом мы прибыли на аэродром «Мраморный». Удручающим было впечатление от вида брошенного посёлка с аллеями, засыпанными царскими песками... новые брошенные дома, открытые двери, разбитые стёкла. Много денег успели «закопать»: была пройдена штольня, построено жильё, аэродром... Далее нас на маленьком самолёте перекинули на Сакукан, где была обнаружена новая аномалия... Геологическая ситуация оказалась также неблагоприятной для локализации Уранового месторождения. В карбонатных породах наблюдались тонкие прожилки настурана. Для добычи эта минерализация была непригодной из-за очень низких содержаний. Здесь не пришлось долго уговаривать начальство, поскольку наши выводы совпали с заключением местных геологов...

Очень интересный и детальный рассказ. И как тут не сказать искреннее спасибо Б. Гонгальскому, что не упустил возможности записать и обнародовать его. Конечно, и здесь ошибки, о которых должен знать наш читатель, чтобы не пребывать в заблуждении. Не было никогда ни аэродрома «Мраморного», ни «аэродрома Мраморного месторождения», были аэродромы на Синельге и Сюльбане, что использовались Борским ИТА и Ермаковским рудоуправлением. Были простые взлётно-посадочные полосы и на других объектах (например, Читканда или Большая Икабья). Не существовало в природе и Чарского ущелья. В Каларском районе не было и нет речки Сакукан, были и есть Средний Сакукан и Верхний Сакукан, которые и фигурировали во всей обширной географии тех событий.

Вернёмся к отступлению. «Восточно-Сибирская правда» 27.02. 96 г. писала по этому поводу:

«Но через два года и чифир, и генеральская лютость перестали помогать. Руда кончилась. Как выяснилось, ледник, выковырнув Ураноносный пласт из-под земли, размазал его тонким слоем по долине, создав видимость крупного месторождения. Шутка природы. Синильгу закрыли. Но её хватило для начинки первой бомбы. А может, второй. Да это и неважно. Важно другое: выписали ли обратные билеты для ударников Сталинских вахт? Когда кончается спектакль и умолкают царские аплодисменты, о статистах, как правило, забывают».

Еще раз перечитываю этот абзац. Пусть останется «Синильга» на совести автора Олега Гулевского, пусть даже ледник ходит в виновниках. Пусть автор гадает, первую или вторую бомбу начиняли Первым Забайкальским Ураном. Но я не могу согласиться с солидной газетой в том, что то производство держалось на «цифре» и «генеральской лютости». Впрочем, газета вспомнила об «ударниках Сталинских вахт», чтобы сразу же обозвать их «статистами». Так всё же что хотела сказать эта газета, какова её позиция?

А вот как об этом отступлении с Читинского севера рассказывает **Борис Николаевич Хоментовский**, заслуженный геолог РСФСР, доктор геолого-минералогических наук (г. Краснокаменск, Читинская область):

– ...В конце 1950 года Кирилл Петрович Лященко (о нём мы уже говорили выше.– А.С.) работал старшим научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья (ВИМС). Однажды в конце года его пригласили в управление МВД на площади Дзержинского. Пошёл он с некоторой остороженностью, так как такие приглашения ничего хорошего обычно не предвещали. Ему выписали пропуск, он поднялся в кабинет одного из начальников отделов. Тот, расспросив его о прежней работе, сказал, что Кириллу Петровичу даётся поручение выехать на один из объектов управления на север Читинской области, провести ревизию месторождения и дать по нему своё заключение.

Прибыв на место, он увидел ущелье, окружённое почти вертикальными каменными стенами, сложенными природой из мраморизированных известняков (отсюда, скорее всего, и название ключа – Мраморный.– А.С.). Стены были непреодолимыми, поэтому лагерь заключённых располагался в ущелье, имел ограждение лишь на входе. Как выяснилось, полезная минерализация связана с остатками ураноносной жилы, сохранившейся на стенах этого неприступного ущелья. По-видимому, при древнем рудообразовании в известняках оказалась и трещина, в которой и возникла урановая жила. А значительно позже часть массива откололась и была разрушена процессами эрозии.

Для разведки остатков этой жилы были привлечены альпинисты. На значительной высоте они пробивали небольшие выработки, но последние, пройдя через остатки жилы, входили в пустые породы.

Кирилл Петрович очень тщательно ознакомился с результатами работ и сделал вывод, что Урана для промышленной отра-

ботки там попросту нет. С этим он и вернулся в Москву, доложил в управление НКВД о своём прибытии. На другой день его вызвали в здание на площади Дзержинского, причём вызов был назначен на 12 часов ночи. Доклад о результатах поездки он делал в кабинете, где присутствовали сотрудники МВД в полковничьих и генеральских погонах. Длилось совещание около часа, а в конце Кирилл Петрович сказал, что Урана в Мраморном ущелье нет. Его спросили: «А вы об этом хорошо подумали?» Ответил твёрдо: «Да, хорошо!» Ему предложили пройти в соседний кабинет и подумать ещё раз.

Сидя там, он больше думал не о том, есть ли в Мраморном ущелье месторождение урана, а вернётся ли он сегодня домой. Но когда его снова вызвали часа через два и задали тот же вопрос, он с присущей ему твёрдостью повторил свой предыдущий ответ. «Ну что ж, — сказали ему, — давайте ваш пропуск. Мы вызовем вас ещё раз».

Только в четыре часа утра он вышел из здания управления МВД. Его сюда снова пригласили через две или три недели. Принял тот же начальник отдела. Он поблагодарил Кирилла Петровича за проделанную работу, затем открыл сейф, достал из него коробочку с орденом Ленина и удостоверением и вручил награду. Сказал при этом, что столь высоко его оценило Правительство.

Вероятно, к экспертизе работ в Мраморном ущелье, кроме него, привлекались и другие специалисты. Но в том, что в начале 1951 года только что с трудом организованное предприятие было ликвидировано, несомненно, есть и его заслуга. Следует особо отметить высокую принципиальность и смелость Кирилла Петровича. Для страны в результате были сэкономлены большие средства и закрыты бесперспективные работы.

К сожалению, Кирилл Петрович Лященко, скончавшийся в 1989 году, не оставил воспоминаний о своей поездке на Север нашей области, но его рассказ приоткрывает завесу над тайной ликвидации предприятия, которое по замыслу его создателей должно было стать советским «Висмутом».

И Борис Николаевичу Хоментовскому, что донёс до нас этот удивительный рассказ, мы скажем большущее спасибо.

В феврале 2007 года, уже при подготовке второго издания «КЛЮЧА МРАМОРНОГО», я получил любопытное письмо от Алексея Александровича Демидова (г. Саров), в котором были и такие строки:

«...Для оценки количества разведанного Урана была своя методика с определённой погрешностью, это расчётная величина.

А добытый уран – это величина конкретная, измеренная с хорошей точностью. Тем более это касается Мраморного, где Мать-природа сыграла с ураничиками шутку, облицевав трёхсотметровые стены цирка тонким ураноносным слоем, добыть который полностью было бы невероятно трудно. Об этом есть упоминание в вашей книжке. Я уверен, если сегодня вновь сделать аэроразведку Мраморного с радиометрической аппаратурой на самолёте, то вновь приборы, как и почти 60 лет назад, зафиксируют радиометрическую аномалию при полёте над Мраморным. В этом смысле стены Мраморного будут вечно светиться гамма-квантами спонтанного деления урана, являясь природным памятником нашим ураничикам! Бесперспективность Ермаковского месторождения сумел доказать не только К.П. Лященко (ему одному никто бы не поверил), но и А.Г. Теремецкая, которая неоднократно вылетала в п/я 81. Доказали это и лучшие альпинисты страны своим трудом по сплошному каротажу всех стен цирка за 9 месяцев экспедиции 1949–1950 гг. (трое из них по окончанию экспедиции по представлению ПГУ получили звания Заслуженных мастеров СССР по альпинизму). Доказали это своими вахтами все вольные и невольные сотрудники Ермаковского рудоуправления и Борлага, выдававшие на-гора руду, которая по показаниям радиометров всё более и более становилась пустой...»

В заключительной части этой главы обратимся к архиву – документам, с их помощью попробуем представить это отступление.

Постановление Совета Министров СССР № 2266-94сс «О мерах обеспечения Главпромстроем МВД СССР строительства предприятий Первого главного управления при Совете Министров СССР», подписанное И. Сталиным, чётко и жёстко регламентировало:

«Установить, что Главное управление лагерей промышленного строительства Министерства внутренних дел СССР является специализированной организацией для строительства предприятий и учреждений по линии Первого главного управления и непосредственно связанных с них объектов других ведомств... все высвобождающиеся людские и материально-технические ресурсы направлять на стройки по линии Первого главного управления... запретить перебрасывать материально-технические ре-

сурсы, кадры и рабочую силу со строек Первого главного управления на другие цели...»

Нельзя не обратить внимания на разделение «кадров» и «рабочей силы», на некое противопоставление этих групп. Но категорическое запрещение «перебрасывать» и тех, и других убедительно доказывает, что ими дорожили. И это понятно, поскольку и в богатом Первом главном управлении «ресурсы» считали и умели это делать. Да и как не ценить «кадры» и «рабочую силу», что потребовали громаднейших затрат при доставке их на Читинский север, что выдержали испытания этим Севером?!

В справочнике «СИСТЕМА ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ В СССР» мне удалось найти следующие сведения из заключительного этапа Борского лагеря:

Распоряжением МВД от 26.02.1951 года «О выводе контингента из Борского ИТЛ» «приказано: инвалидов и 75 з/к – нарушителей режима отправить в лагерное подразделение «Южная Кузнечиха» (ст. Тюбук Южно-Уральской ж.д.) тюремными вагонами, остальных – эшелонами в ИТЛ Строительства 665; б. з/к, ранее работавших на режимных строительствах, в количестве 752 человек вывезти для отправки в ИТЛ Стр-ва 16, остальных з/к оставить до особого распоряжения в ОЛП № 7». ОЛП-7 – это лагерный пункт Борского ИТЛ, дислоцированный на станции Могоча.

Из множества бумаг меня больше всего привлекает такая: «Акт от 5.04.1951 года, г. Могоча. На отправку этапом с объектов Ермаковского свинцового рудоуправления и ИТЛ ГН МВД в распоряжение строительства МВД № 16 лиц вольнонаёмного состава, ранее отбывавших сроки заключения в ИТЛ ГН и на строительстве МВД СССР № 247». Таких актов немало, к каждому прилагается «этап» – список из 60–65 человек. Обратимся к заглавной части акта. Прежде всего она показывает, что эвакуация шла через Могочу весной 1951 года. «Строительство № 16» – это станция Китой Восточно-Сибирской железной дороги, это первый, основной адрес отправки «ИТЛ ГН» (Борский лагерь); «строительство № 247» – это Челябинск-40.

«Эшелонный список из бывших заключённых, отбывших наказание на строительстве № 247, подлежащих отправлению из ИТЛ ГН на строительство № 16» – таких документов мне попало восемь. Согласно им, 5 апреля отправлено 65 человек, 6 апреля – 64, 7 апреля – два этапа (65 и 60 человек), 8 апреля – 75 человек. Удалось найти документ с остатками Борского лагеря на 1 апре-

ля 1951 года – 729 заключённых. Как не складывая численность названных этапов, получается лишь сумма 473. Можно догадываться, что остальных вывезли самолётами, и должны быть тоже документы на сей счёт. Значит, надо продолжить поиски. Тем более, что обстановка, в какой мне пришлось работать с архивом, не способствовала получению полнейшей информации (понятно, имеющейся у хранителя). К примеру, попался «Список наличия заключённых, содержащихся в подразделениях Борского ИТА по состоянию на 20 апреля 1951 года». В нём, этом списке, 675 человек. Идёт ли речь о Могочинском ОЛП, или это остатки кодаро-удоканских ОЛП – вопросы пока без ответа. И как этот список увязать с документами, о которых вы только что читали, пока не знаю.

Такой была судьба открытия на Мраморном ключе. Не лучше она оказалась и у Сьюльбанского рудопроявления, и у ряда других в горах Кодара и Удокана. Только сожалеть приходится, что огромные усилия геологоразведочных экспедиций так и не дали большого положительного результата. Но, утверждают специалисты, в геологии и отрицательный результат ценится. И ещё. Вряд ли они так быстро ушли бы с каларских Урановых троп, не будь открытий нужных месторождений в других районах Союза, где тоже были развёрнуты такие же широкие поиски.

Урановые тропы в наших горах прокладывала и современная геологоразведка. Несколько лет, к примеру, занималась этим Холболокская партия известнейших на нашем Севере геологов Анатолия и Галины Давыденко. Не будь опять-таки в Союзе других месторождений Урана, прежде всего краснокаменных, пошли бы в детальную разведку и новые. Пошли, о чём говорят последние события. Так что Урановые тропы Каларского района, первые из которых проложены в конце сороковых годов, не зарастают.

МЕСТО ГОРЫ ШЕРЛОВОЙ

Уместно заметить, что в том 1949 году ядерную Москву интересовал и второй забайкальский адрес. В постановлении Совета Министров СССР № 3583-1443 сс «О контрольных цифрах к плану «специальных работ» на 1949 год», подписанном И.Сталиным 25 сентября 1948 года, есть строки: «...Поручить Первому главному управлению при Совете Министров СССР и Министерству металлургической промышленности рассмотреть вопрос о целе-

сообразности организации в 1949 г. добычи и переработки руд А-9 на месторождении Шерловая Гора...».

При подготовке второго и третьего изданий «КЛЮЧА МРАМОРОНОГО» большую помощь мне оказал виднейший геологоразведчик-атомщик России, лауреат Ленинской премии Владимир Петрович Зенченко. Он, в частности, предоставил и воспоминания оператора-радиометриста Сосновской экспедиции **Василия Николаевича Тертычного**. Вот некоторые фрагменты из этих богатых по содержанию заметок:

«После ноябрьских праздников 1946 года я был командирован в Бурятскую АССР. По прибытии поезда в г. Улан-Удэ, на вокзале я действительно встретил человека высокого роста, одетого в армейские хромовые сапоги и чёрное кожаное пальто, с нетипичным для тех мест лицом, который прохаживался по перрону. Это и был тов. Иванов. Позднее, после знакомства на базе я был крайне удивлён, узнав, что моим начальником будет военный человек – майор Иванов Александр Васильевич, являющийся начальником Восточно-Сибирского отделения всесоюзной конторы «Рудоскупка» – первой организации, осуществляющей в то время скупку урановой руды в Восточной Сибири... В первых числах декабря я получил радиометр, и вся контора в полном составе выехала к месту работ. Местом новой нашей базы стало с. Шибертуй, отстоящее от месторождения Заганского около 4–5 км. Понятно, артель должна была вести добычу хрусталя (пьезооптического сырья). Образцы данных минералов показал старателям Александр Васильевич и предупредил всех о неразглашении характера работ. В то время для взрослых людей такого предупреждения было вполне достаточно. ...В 1948 году после отработки богатых гнёзд хлопинита в пегматитах карьера на Загане была команда свыше: организовать подобную добычу в районе Шерловой Горы, на так называемом кварц-турмалиновом отроге, где был найден радиоактивный Урановый минерал торбернит совместно с касситеритом. Рассчитались с артельщиками. Погрузили продукты, хозяйственный и горный инвентарь и противотанковые мины в машину, а затем перегрузили всё это в вагон, который был подцеплен к пассажирскому поезду, мы отправились в район Борзи на Шерловую Гору... Но дело было приостановлено. Вскоре началась северная Чарская эпопея. Это был следующий этап добычи урановой руды. Майор Иванов по-видимому отбыл в Чару. Я тоже был в тех же северных краях, но уже в составе только что обра-

зованной Сосновской экспедиции, специализированной на поиски урановых месторождений. Начинался путь к Большому урану.».

Есть у меня и свидетельство непосредственного участника той шерловогорской операции, геолога **Анны Георгиевны Теремецкой**, рассказ которой в 1995 году записал, отредактировал и опубликовал известный в Забайкалье геохимик и минералог Б. Гонгальский. Вот, в частности, что поведала тогда 83-летняя женщина:

«Я закончила Московский геологоразведочный институт в конце 20-х годов. В 1932–1934 годах работала в Забайкалье на переоценке старых полиметаллических месторождений. В последние годы войны мне пришлось работать на месторождении Шерловая Гора, где были обнаружены урановые слюдки в очень глубоко развитой зоне окисления. Однако кроме минералогического, они никакого интереса не представляли...»

В нашем повествовании прозвучало утверждение, что в первом полугодии 1948 года в СССР числилось пять Ураноносных районов с промышленными рудами, в том числе и Шерловогорский. Кому верить – старому геологу, которая трудилась на Шерловой, или рассекреченным «Материалам о состоянии работ по проблеме использования атомной энергии»?

Благодаря туристам из нижегородского города Сарова, что так интересуются и нашим Кодаром, в моём распоряжении и рассекреченные «Материалы о состоянии работ по проблеме использования атомной энергии за первое полугодие 1948 г.». Читаю в них, в частности: «...СССР в настоящее время располагает пятью Ураноносными районами, имеющими промышленные руды...» Среди адресов и наш: «В Забайкалье Уран встречается на Шерловогорском оловянном руднике, имеющем запасы Урана в 147 т при содержании 0,07%...» Здесь же говорится, что «общие разведанные запасы Урана в месторождениях СССР... на 1.1.1948 года составляли 2344 т, а к концу 1948 года ожидаемые запасы Урана в указанных месторождениях увеличатся до 4500 тонн». Конечно, 147 шерловогорских тонн на этом фоне маловато. Но ведь они были, их учитывали на самом высоком, бериевско-сталинском уровне. К своему удивлению да и стыду, о существовании Урановой Шерловой Горы узнал только из нижегородской переписки. А ведь ПЕРВЫМ ЗАБАЙКАЛЬСКИМ УРАНОМ занимаюсь с 1988 года. И хоть бы кто споперечил: «Да разве Кодар – первый? Была ведь и Урановая Шерловая...» Была то была, в этом сейчас и сомнений нет. Но где её

Уран? Вот вопрос, какого давно нет на Кодаре. Ему и приоритет сегодня.

Уместно добавить и такой факт. Первое Главное геологическое управление при Министерстве геологии СССР, реализуя бериевско-сталинскую директиву о расширении Урановых поисков в стране, расшевелили все архивы, в том числе и читинские. И по состоянию на 3 апреля 1951 годы «органами Министерства внутренних дел выявлены следующие документы, содержащие сведения о месторождениях радиоактивных руд на территории Забайкалья». Перечисляются пять документов с датами, адресами, основными характеристиками открытий, их авторами. Любопытно, что первая заявка датирована ещё 1904 годом. В Сосновской экспедиции о тех архивных находках, конечно же, помнят и сегодня. А в книжке Владимира Зенченко «ПУТЬ К УРАНУ» можно прочитать: «Удивительно другое – на основании каких данных заявители Горлинский Я.Ф. в 1916 году и Лонченков И.Г. в 1921 году указали в своих заявках на районы месторождений, которые почти через сорок лет были найдены Сосновской экспедицией».

Через мои руки прошли многие сотни документов высшего порядка о первом Уране СССР. Есть в них и упоминания о заганском (бурятском) сырье, могущем бы претендовать на «первый забайкальский Уран». Как уже сказано, Шерловая Гора, могущая бы тоже носить титул «первого», в этих документах называется. Но называется лишь как возможный источник сырья, не больше. Что же касается Урана каларского... Здесь есть всё, чтобы именно его считать Первым Забайкальским.

Л. Берия и И. Сталин возвращались к Шерловой Горе ещё раз. 14 февраля 1950 года вышло постановление Совета Министров СССР, подготовленное ими, в котором есть и такие строки: «6. Обязать Второе главное управление при Совете Министров СССР (т. Антропов):

...б) совместно с Министерством металлургической промышленности (т. Кузьминым) разработать и проверить в ползаводском масштабе технологию переработки фосфорных руд месторождения Шерловая гора и представить в Совет Министров СССР предложения об освоении этого месторождения в 1950 г.».

Пролистав не одну тысячу страниц документов «Атомного проекта СССР», я не встретил региона, который бы был представлен в них двумя адресами в одно и тоже время. Выделялось только

Забайкалье. Факт, достойный того, чтобы им гордиться, чтобы помнить о нём.

УГАРГАССА

Эта глава-рассказ об одном из каларских Урановых поисков, из чего в конце концов и сложился «КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ».

Есть на севере нашей области гористая речка Угаргасса. К её долине примыкает квартал № 217 Чарского лесничества. До недавних дней о существовании его знали только специалисты зелёного хозяйства. А потом о 217-м заговорила вся любопытная Чара, подключили к толкам-пересудам Иркутск, Читу. Говорят, в Каларском районе и до БАМа была железная дорога. Шутка ли? Сенсация большущая! И вот завершена экспедиция в таинственный квартал, организованная «Забайкальским рабочим». Так что нашла и чего не нашла эта экспедиция? Что и как с угаргасской тайной? И есть ли она, эта тайна, вообще?

В тот день бывший директор Чарского лесхоза Б.Г. Борисенко штудировал лесоустроительную документацию. В таксационном описании 217-го квартала его привлекла строка, относящаяся к 40-му выделу. Добуквенно она читается так: «УЖД – ПЛОЩАДЬ 1 га – ширина 4,0 – протяжённость 8,2 км – состояние хорошее – разрубка просек». Читаю её и я. Потом он спрашивает меня, что сие значит. Не задумываясь, отвечаю: «Узкоколейная железная дорога шириной четыре метра, длиной восемь километров и двести метров и в хорошем состоянии». Говорит: «Я тоже понимаю всё это так». И абсолютно все, к кому обращался директор, были такого же мнения. Какой же журналист не подключится к разгадке этого открытия? Без малого двадцать лет пролежали эти бумаги в лесхозе, и никто не обращал внимания на три буквы УЖД. Но Борисенко – личность мыслящая, творческая.

В общем, начались поиски. Скажу сразу: все, кто подключался к ним, были активнейшими помощниками и соучастниками. Вплоть до завершающей экспедиции, которая без районного комитета по земельным ресурсам и землеустройству во главе с Н.Н. Буяковым и СМП-577 во главе с В.И. Лыковым была бы просто невозможна.

Перво-наперво звоню по испытаннейшим адресам – старожилам и краеведам. Вот некоторые результаты. Г.П. Сухомесов:

«Я там всё обшарил, нет ничего». П.А. Хаснатинов: «Слышал как-то от охотников. Знаю, что по отсыпке проехал на мотоцикле с рыбалки Вячеслав Миронов». В.А. Добрынин: «Ничего не видел, хотя там жил и работал». С.С. Курупанов: «Каждый квадрат там облазил, но ничего не замечал». И т.д., и т.п. Чаше категорическое «Нет!», нежели что-то обнадеживающее. Но все в один голос утверждают, что УЖД – это узкоколейная железная дорога. Мистика какая-то?! В бумагах с точными координатами она значится, а наяву её, считай, никто не видел.

На титульном листе этого таксационного описания значатся и такие сведения: «Прибайкальское лесоустроительное предприятие, проект Чарского лесхоза, Иркутск, 1979 год». Плюс фамилия старшего инженера-таксатора О.И. Казанцева, давшего описание по кварталам 215–219. Конечно же, надо писать в Иркутск. Чтобы получить максимально полный и точный ответ, привлекаю своего старого иркутского друга, учёного-географа и большого знатока Каларского района А.Т. Напрасникова. В лесоустроительном предприятии моему помощнику объяснили, что буквы УЖД подчёркивают их связь со словосочетанием «узкоколейная железная дорога». Но явно это опечатка, и только... Казанцев, который описывал квадраты 215–219, умер несколько лет назад, копий проекта нет. Таким образом, искать истину следует в Чаре и Чите, в соответствующих предприятиях.

По большому счёту иркутское письмо настраивало лишь на продолжение поисков. Подключаю к ним Читинскую лесоустроительную экспедицию. В письме её начальнику Виктору Васильевичу Фищенко делаю, в частности, упор на следующее: *«Что такое на вашем языке – УЖД? Обыденная расшифровка – узкоколейная железная дорога. Лесники, с которыми говорил, в один голос утверждают: узкоколейная железная дорога. Прибайкальское лесоустроительное предприятие – тоже самое, но сразу же добавляют: “это опечатка”. А между тем она вполне допустима по этому адресу. И у Борского лагеря, и у Ермаковского свинцового рудоуправления могла быть нужда в узкоколейке; они могли её быстро и достаточно секретно построить. А то, что о ней не слышали-не говорили, вполне понятно. Ведь и о лагере вообще стали писать только в 1988 году...»*

Ответ пришёл, когда и ждать его перестал. Но какой ответ! **Виктор Васильевич Фищенко** писал:

«...Исследовав материалы лесоустройства и опросив исполнителей, я выявил следующее. В квартале 217 таксационного

описания ошибка не была допущена. Там действительно имеется узкоколейная железная дорога, явно теперь уже изрядно заросшая. Выявил эту информацию инженер-таксатор Храмов В.С. – ныне покойный. При своей жизни он рассказывал коллегам о том, как он лично видел узкоколейку, опрокинутые вагонетки с прикованными цепями и наручниками, в окрестностях посадочную площадку для самолётов и шахту. Версия у него была такая: зеки добывали в шахте урановые руды, которые в вагонетках руками таскали до самолетов, которые и увозили руду. Понятно, что такая зона была абсолютно обособленной, и о ней никто из местных жителей не мог знать. Я думаю, что это, несомненно, интересное место. Получив информацию через вашу газету, краеведы непременно посетили бы это место и провели бы свои исследования. Лесоустройство в этом регионе в ближайшие десять лет не планируется, а авиация нас не обслуживает, наземные полевые работы проводятся только в доступных для автомобильного транспорта местах. Поэтому исследовать это загадочное место возможности не представляется. Я и мои коллеги очень рады, что можем помочь вам хоть чем-то, зная очень много о лесах Забайкалья. Рады сотрудничать и впредь».

Чувствуете, какое письмо? Это уже не устные суды-пересуды, а ответ официального лица, специалиста, на фирменном официальном бланке. К сожалению, очень лаконичный. Поэтому сразу же в адрес В.В. Фищенко шлю следующее письмо, где просил ответить на такие вопросы: «...Неужто действительно и на ваших картографических материалах нет никаких следов-обозначений этой УЖД?... 3. Есть ли в ваших документах (любых) расшифровка этого УЖД? Где и как?». Ответа нет и по сей день.

А пока о главном. Обшарив 217-й квартал на вездеходе и пешком, уделив немало внимания и соседним кварталам в течение двух суток, экспедиция названной узкоколейки не нашла. Не нашла даже пня подходящего или какой-то земляной выработки. А ведь восемь с лишним километров – это солидно. Её надо было построить, прежде всего из материалов подручных (лес, гравий, скальник). Её эксплуатировали, если, понятно, она была. Её нужно было ликвидировать, если опять-таки она была, при закрытии лагеря и предприятия. Хочешь-не хочешь, а массовых лесорубок и земляных работ в таком производстве не избежать. Но где же следы? Пусть изрядно «заросшие», но следы? Могли зарости карьеры и подъезды, но пни-то ведь не одну сот-

ню лет стоят? Тем более в такой гористой местности. Увы! Чего не нашли – того не нашли.

Такая узкоколейка на земле каларской могла быть построена, могла действовать в течение одного-двух лет. Основная база Борского ИТЛ и Ермаковского рудоуправления в 1949–1951 годах находилась всего в тридцати километрах от квартала, который мы обшаривали осенью 1998 года. Ермаковское рудоуправление, опиравшееся на хорошо поставленную геологоразведку, занималось отнюдь не добычей свинца. Его интересовали только Урановые руды, для нахождения и срочной, интенсивной добычи которых выделялось всё и почти без ограничений. Так уж случилось, что Каларский район был среди первых в этих поисках и весьма обнадёживающим. Добывали руду на Мраморном, в верховьях Сюльбана, на реке Читканда, где-то ещё. Где точно – пока никто не говорит, хотя сроки действия подписок давно истекли. Два горнодобычных участка (Мраморный и Сюльбан) в архивных бумагах называются прямо, без какого-то камуфляжа. Читканда просматривается лишь косвенно, но прямо называется старожилками. Косвенно же можно судить и ещё об одном-двух добычных участках. Но где они находились, каковы их назначения – это ещё вопросы. Может, среди них и тот, откуда шла эта самая УЖД.

Округа, где квартал № 217, – гористая, очень пересечённая водными источниками. Допустим такую ситуацию. Геологи нашли в предгорьях Удокана (а Угаргасса вытекает из них) нужную руду. Пригнать партию заключённых – нет проблем. Добыть руду – тоже всё ясно. Но вывезти её, отгрузить на Большую землю? И делается ставка на посадочную площадку в долинной, менее пересечённой местности, и узкоколейку к ней. Понятно, дорога не могла быть капитальной, её можно было проложить с наименьшими затратами. Но чтобы совсем без следов? И напрашивается вопрос: а там ли мы искали? Может, эта УЖД совсем в другом квартале? Вопрос не риторический, в чём вы сейчас, уверен, убедитесь.

Лесоустроительное таксационное описание, планшеты-карты, что прилагаются к нему, весьма уважают такое понятие, как координаты того или иного регистрируемого и описываемого объ-

екта растительности, ландшафта, хозяйственной деятельности. Для этого и применён масштаб 1:2500. Это позволяет нанести на карту каждый ручеёк и озерко, каждую тропку и дорожку, каждую болотинку и марь, каждую избушку, не говоря уж о реках, дорогах, посёлках, промышленных зонах. Этой УЖД на планшетах нет.

Допустим, что лесоустроители из 70-х годов имели жесткое предписание по поводу того, что фиксировать и описывать, а что нет, что не замечать. Но этот запрет, надо думать, ложился и на таксационное описание. Оно делалось теми же людьми, что делали и планшеты, параллельно. В одном документе железная дорога есть, в другом её нет.

Допустим, лесоустроители проявили неисполнительность и выдали этот ляп – в одном из двух документов вопреки запрету показали УЖД. Но почему нет этого объекта на картах, изготовленных другими ведомствами?

Квартал № 217 – это четырёхугольник со сторонами от 1,9 км до 3,8 км. В нём сорок выделов размерами, вы понимаете, куда меньшими. Спрашиваем себя и чарских лесников: как можно втолкать в такие рамки объект длиной 8,2 км? Вопрос без ответа.

Со своими размерами эта УЖД должна распространяться и на соседние с 217-м кварталы. На какие именно? Об этом лесоустроительные документы умалчивают. Ни в бумагах лесхоза, ни в натуре на местности мы ничего подходящего не нашли.

А точку в этой истории ставить рано. Каларский район – самый большой в Забайкальском крае, с самым пересечённым горнотаёжным рельефом. И спрятать в нём такую железную дорогу да с опытом бывших МВД и ПГУ можно без особых проблем. В ходе уже проведённых поисков мы убедились, что есть в районе немало мест, где не ступает нога охотника или рыболова (там просто нет ни дичи, ни рыбы). И если УЖД нет в 217-м квартале, то это не значит, что её нет вообще. По крайней мере из привлечённых к поискам никто этого не утверждал.

Наша экспедиция легко убедилась, что доверять действующим в Чарском лесхозе лесоустроительным документам можно лишь ограниченно. В ходе натурной проверки мы находили объекты, которых нет на картах. И наоборот, не находили того, что значится в бумагах.

В ответе иркутских лесоустроителей чувствуется явная недосказанность. Найти большее хотелось бы и в лаконичном письме читинцев, но оно, отдадим должное, отвечает на наши основ-

ные вопросы. Кроме, пожалуй, одного: всё же в каком квартале инженер-таксатор В.С.Храмцов видел узкоколейку, посадочную площадку и шахту?

ЗАРЯД ДЛЯ УДОКАНА

Рассказ о первой попытке «вернуть»
добытый Уран на Читинский север

Из старых блокнотов, 16 декабря 1990 года

Только в наши дни, когда многое тайное становится явным, и появилась возможность рассказать о несостоявшемся, незавершённом эксперименте, который готовили в горах Северного Забайкалья, в центре знаменитого своими медными запасами Удокана. Да, он не состоялся. Но осталось глухое эхо о тех событиях.

Впервые о готовившемся событии я услышал осенью 1965 года. Только что вышла проектно-директивная строчка «Приступить к освоению Удоканского месторождения медных руд», и никто не сомневался, что она будет утверждена на очередном XXIII съезде КПСС. В Могоче проводилось собрание партийного актива, был вполне понятный интерес могочинцев, в том числе и меня к Удокану: «Значит, и там начнётся добыча?» Тогдашний первый секретарь обкома КПСС А.И. Смирнов заверил: «Скоро услышите! Хорошо услышите!» Мы, конечно, не могли предположить, что ядерное устройство уже было если и не в Могоче, то недалеко от нее.

Когда под Новый, 1967 год мы с могочинскими шоферами Фёдором Гайсиным и Петром Черняевым остановились на Намингинской развилке этого хребта, ребята кивком головы показали мне гору, где всё и должно было произойти. А на саму секретную штольню № 5 я попал лишь в 1975 году. И там обратил внимание, как заинтересованно изучали главный инженер Удоканской экспедиции В.М. Осипов и главный механик экспедиции Н.С. Житов огромнейшие кладовые кабеля самых разных марок, которым были опутаны вся гора и штольня. Было там немало и других столь редких на Севере богатств. Всё в условиях высокогорья удивительно сохранилось. Ощущение – как будто человек ушёл отсюда вчера или позавчера. О несостоявшемся атомном взрыве не говорилось – запретная тема.

С запретной темой легче всего разбираться, имея на руках архив, как это было в моей практике с Мраморным ущельем. Здесь

же были устные свидетельства десятков старых удоканцев, а вот где документы? Но не зря говорят: кто ищет, тот найдёт. Посчастливилось и мне найти целый ряд очень нужных для этой публикации документов, найти, как это и бывает зачастую, чуть ли не у себя под боком. И как не быть благодарным нашей бюрократии, которая и шагу не сделает без бумаги?!

Итак, 24 августа 1964 года успешно завершился первый этап разведки Удоканского месторождения. А вскоре появилась и партийно-директивная строчка, которую я процитировал выше. Строчка ещё ходила по кремлёвским кабинетам, а министр известного Министерства среднего машиностроения Е.П. Славский уже прилетел на север Забайкалья. Наверное, все полигоны Средмаша начинались с таких визитов? Не знаю, а применительно к Удокану называю этот факт лишь для того, чтобы подчеркнуть серьёзность предстоящего действия. Трижды Герой Социалистического Труда, кавалер десяти высших наград СССР – орденов Ленина, суперсекретный человек страны – таким был легендарный Ефим Павлович, тридцать лет возглавлявший атомную отрасль страны.

Министр нашёл местные условия (авиатрасса Чита–Чара, станция Могоча и автозимник Могоча–Чара) вполне подходящими. И всё закрутилось. На месторождении были к тому времени пройдены в той или иной мере восемь штолен, но была выбрана пятая. Почему именно она, далеко не самая удобная? Может быть, потому, что преследовались цели не только мирные, но и военные? Нет, считает главный геолог ПГО «Читагеология»

Владимир Степанович Чечёткин:

– Главной целью взрыва была, конечно же, вскрыша этой части месторождения. А пятую штольню выбрали потому, что на ней наиболее благоприятные условия, там есть куда положить эту вскрышу.

Однако существует и другое мнение.

– Я хотел бы знать, почему освоение месторождения решили начинать с самой бедной его части? Ведь основные запасы меди, сданные в Государственной комиссии по запасам в 1964 году, приходится на соседние горы со штольнями первой, второй, третьей... На них можно было получить максимальный народнохозяйственный эффект. Другое дело, если на первом месте стояли цели военные, и требовалась лишь гото-

вая штольня в удалённом и малонаселённом районе. Тогда пятая – вполне подходящая, – так рассуждал начальник геологического отдела Удоканской экспедиции **Виталий Васильевич Сункинзян**.

Откровенно говоря, меня не удовлетворил ни тот, ни другой ответы. Выбор штольни оставался загадкой. А отгадка, как водится, нашлась всё по тому же принципу: ищи и найдешь.

Василий Николаевич Клименко. Ветеран из ветеранов Удокана. Человек, который должен был уйти с него в час пик последним. Человек, который пользовался доступом к самым-самым секретным площадкам намечавшегося взрыва.

– Почему пятая? Почему самая бедная? – переспрашивает он. – Документов, как вы понимаете, на этот счёт я не видел. Но много раз интересовался и сам. И получал ответ, как говорится, из первых рук. На пятой штольне ставился всего лишь эксперимент. И устройство, которое обещали привезти, было экспериментальным. Если бы испытание прошло успешно, а в этом, по-моему, никто, с кем я работал рядом, не сомневался, тогда бы вступил в силу план номер два, второй этап. Согласно нему Средмаш сам или с нашей помощью должен был заложить на Удокане ещё девять ядерных устройств, и... Вот тогда бы были вскрыты основные запасы руды.

После услышанного мне стало совсем страшно. Какому богу я должен сегодня возносить хвалу за отведённый от этих мест удоканский чернобыль? Разумеется, бог тут не при чём. Дело в том, что, хотя заряд и собирались заложить в штольне, при взрыве, выбрасывая верхушку горы, атомный джин вырвался бы на поверхность со всеми последствиями. Очевидно, именно это обстоятельство плюс нарастающая динамичность в международных переговорах по ядерным испытаниям и предотвратили удоканский эксперимент.

В большинстве мои собеседники вспоминают, какой радостной вестью стал предстоящий взрыв – ведь начиналось освоение месторождения, о чём всегда мечтает геологоразведчик. И каждый собеседник сразу же добавляет: мы радовались, потому что в те годы мало что знали о последствиях подобных взрывов. Сегодня, понятно, мы бы выступили против такого освоения.

Сегодня бы выступили против... И не только геологоразведчики, Вне сомнения, поднялся бы весь район, а может быть, и всё Забайкалье.

Какие же тёмные мы были всего четверть века назад! Ближайшие свидетели – намингинцы, участники подготовки знали только одно: на десять-пятнадцать лет (это в самом худшем случае, при неудаче с испытанием) месторождение для человека будет закрыто. А потом... Потом только гребни и гребни эту знаменитую удоканскую руду со всеми её элементами. Район мало что знал и молчал. В известнейшей книжке «Разведчики Удокана» Г. Щукина (кстати, непосредственного участника тех событий) можно прочесть лишь следующее: «Много горных работ предстояло выполнить на пятой. Во второй половине года (1965-го. – А.С.) проектные организации и институт Гипроцветмет активно и последовательно начали разработку предварительных проектов вскрышных и добычных работ на Удокане. Они потребовали проходки дополнительных горных выработок на пятой штольне с целью уточнения элементов залегания рудных тел, их вещественного состава, сортности». Вот такими примерно словами и объясняли тогда народу поднятую волну вокруг Удокана, который, как было заявлено на всю страну, уже разведан, а экспедицию, сделавшую это, срочно и в массовом порядке сокращают.

– А я хорошо помню заминку, которая возникла при окончательном подписании документов. Прилетела специальная комиссия, замеряли окружающий фон. Нашли радиоактивность повышенной. И прикинули, что же будет, если на неё наложить новую? Но всё это уже потом, – продолжает вспоминать В.Н. Клименко.

К началу 1964 года основные горные и буровые работы на участках Западный и Наминга, необходимые для подсчёта запасов и отчёта в ГКЗ, были выполнены. Тем и другим занялась камеральная группа во главе с будущим лауреатом Ленинской премии Э.Ф. Гринталём. За три месяца нового года экспедиция сократилась более чем наполовину. Безлюдным стал посёлок Западный. Едва-едва теплилась жизнь в Наминге, где совсем недавно было более тысячи человек. Оставались лишь лучшие проходчики, буровики, взрывники, механизаторы и водители, но гарантированной работы на Удокане им уже никто не обещал. И вдруг...

«Крепильщика В.А. Федотова с 21 сентября 1964 года перевести на среднесдельную оплату труда на период восстановительных работ на штольне № 5...»

«В.М. Тарасову, А.И. Бутину – проходчикам штольни № 5, крепильщикам Н.И. Мельникову, А.С. Марченко с 21 сентября 1964 года установить среднесдельную оплату труда на период реконструкции штольни № 5...»

«П.Д. Павлову – проходчику штольни № 5 в связи с производственной необходимостью выплатить компенсацию за неиспользованный отпуск...»

«И.В. Чечулину – проходчику штольни № 5 в связи с невозможностью представления отпуска выплатить компенсацию...»

«Ф.М. Хайрулина – проходчика штольни № 2 в виду производственной необходимости перевести на штольню № 5 со среднесдельной оплатой труда, но не свыше одного месяца...». И т.д., и т.п.

В трёх километрах от центра взрыва было выстроено изумительное, по свидетельству В.Н.Клименко, здание. Трёхсекционное, наполненное новейшей аппаратурой. В автоматическом режиме она должна была трудиться в час «икс».

Ближайший наблюдательный пункт был построен на реке Ингамакит, в двадцати километрах от штольни, на высокой сопке. Сопку эту с тех пор зовут Солдатской. Второй и основной НП с лабораторией и прочими контрольными службами был построен за «колючкой», в селе Чара. Здесь же были отличнейший магазин, какого район не знал со времён Синельги (базы Борского исправительно-трудового лагеря в 1949–1951 годах, где главным приказчиком было ПГУ). Были построены гараж, контора, жильё, другие здания. Строительство началось весной 1965 года. Я читал документы о массовом наборе рабочих и специалистов в стройцех Удоканской экспедиции, читал и приказы о массовых увольнениях строителей осенью того же года «по сокращению штатов».

«Колючка» со всей начинкой была отстроена за четыре месяца, и таких темпов строительства экспедиция ни до тех пор, ни после не знает. Райцентр был размежёван на глазах, без ропота округи.

– Никаких ограничений ни в средствах, ни в ресурсах. Только успевай сметы составлять да подписывать. Работать было легко, как никогда, – вспоминает тогдашний начальник планового отдела экспедиции Г.П. Данилов. – Единственное, что мал-малость мешало, – это два «СС» на всех документах.

Вернёмся на двадцать пять лет назад в Намингу, когда ещё ни у кого не возникало сомнений, что важнейшее государственное задание будет выполнено точно, в срок.

– Мы делали бетонные перемычки, крепили рельсы, штольню расширяли на 90 сантиметров, спрямляя её, – рассказывает проходчик Ф.М. Хайрулин. – А больше, честно говоря, сидели, в домино дулись под охраной автоматчиков. Подготовились к приёмке заряда быстро, дальнейшее уже от нас не зависело. Точный срок нам, понятно, никто не мог назвать. Да и кто его в Наминге знал? Единственное, в чём нас заверяли твёрдо, – это что райцентр Чара останется на месте, не пострадает.

Ох, уж эти заверения, теперь мы знаем им цену. Всех людей в геологических посёлках предполагалось эвакуировать. Не только из Наминги и Западного, но и тех, что в Ингамаките – это намного дальше, с Чины и Бурпалы – это уже в пределах 25–50 километров, с прииска XI лет Октября и села Чапо-Олого – это по прямой уже 100–150 километров. Короче, вся геологоразведка на Удокане и вокруг него надолго закрывалась. В Чарской долине, примыкающей к Удокану, кроме геологоразведочных участков, были лишь два села – Чапо-Олого и райцентр Чара. Первое попадало под эвакуацию, второе – нет. И рабочие не зря интересовались его судьбой. Ведь Чара по сравнению с эвенкийским Чапо-Олого в два раза ближе к пятой штольне. Остальные условия почти одинаковые. Что же, райцентр был заговорённым от радиации, что ли? Загадка. Скорее всего, эвакуация столь крупного населённого пункта могла вызвать нежелательную огласку. А этого тогда боялись куда больше, чем радиации.

А что же остальное население? Сейчас бы затеяли нечто подобное – такое бы поднялось. А тогда народ, хотя и догадывался о многом, был удивительно спокойным. Мне пришлось услышать: «А семья первого секретаря всё время была на месте, ну и мы не трогались...».

К июлю 1965 года камера для заряда на пятой штольне была готова. Прилетела и сразу же приступила к делу сейсморазведочная партия, шпурь для которой бурили лучшие проходчики – цвет удоканской подземной разведки 60-х годов. Летом 1965 года с большим напряжением работала авиатрасса Чита–Чара. Самолёты кружили над головой весь световой день. Везли оборудование, материалы, продукты, специалистов. В аэропорту всё это перегружалось на автомашины с лучшими водителями. Через реку Чара была наведена временная переправа, дорога до Наминги отремонтирована. Однако природа словно пред-

чувствовала беду, мешала как могла. Своенравная Чара вышла из берегов, снесла переправу, смыла два первых километра дороги, что, цитирую один из документов, «...создало критическое положение с доставкой материалов и в первую очередь для строительства объектов на штольне № 5».

Что же, иногда и стихии, создающей критическую ситуацию, впору радоваться. Однако вода прошла, схлынула. А из центра всё прибывали и прибывали специалисты. Опутывали гору и штольню кабелем, устанавливали и отлаживали в ней оборудование и измерительные приборы. Поздней осенью 1965 года по рельсам с необыкновенно широкой для Удокана колеёй катали целый поезд с макетом ядерного устройства. Бригада удоканских проходчиков во главе с депутатом областного Совета П.Д. Павловым потрудились отлично, макет шёл по всей дистанции без сучка-задоринки. Оборудование и приборы, установленные ребятами одного из «почтовых ящиков», тоже действовали безотказно.

Закончила работу сейсморазведочная партия. Больше не требовалось информации от геологов. Добавилось охраны на пятой штольне и подступах к ней. Теперь ждали морозов, которые покрепче бы сковали реки на зимнике от Могочи к Наминге.

Морозы, как и водится в этих местах, не опоздали. Перед Днём Конституции (раньше, как известно ещё некоторым, он отмечался 5 декабря) водители Могочинского участка Удоканской экспедиции сделали на север первый рейс. В Могочу на платформе прибыли новёхонькие КраЗы со специалистами. Загрузили каждую из машин десятью тоннами песка, и в сопровождении охраны и могочинских водителей направили в сторону Наминги, на обкатку-примерку.

Вспоминает начальник Могочинского участка **Геннадий Григорьевич Горячёв:**

– Обкатка прошла нормально. Наши машины и прибывшие КраЗы готовились к последнему рейсу. Мы понимали, что после взрыва дорога на Удокан из Могочи закроется. Но нас всё же немного успокаивало то, что тысячи предшествовавших рейсов не пропали даром, что будет рудник и на севере области... Уже знали, что заряд пришёл в Могочу.

Да, сначала были назначены, скажем так, дни «икс» – со 2 по 6 января 1966 года. К этому времени заряд должен быть в штольне, метеорологи дают приемлемую «розу ветров», эвакуация завершена. Всё готово, все ждут час «икс».

– Однако дальше берега Олёкмы заряд не ушёл. Пока испытывали на реке лёд, пока настраивались двинуться дальше, пришёл отбой, – говорит В.Н. Клименко.

Есть мнение, что к отбою больше всех причастен А.А. Громыко, тогдашний министр иностранных дел. Наверняка, причастен и Е.П. Славский. В конце концов здравый смысл победил. Жаль, конечно, впустую затраченных миллионов, но нам, как говорится, не привыкать к такому.

Есть у этой драматической истории и свой комический момент, касающийся директивы о начале освоения Удоканского месторождения. В проекте эта директива могла опираться на предстоящий взрыв, которого хватало для рапорта о начале освоения. Но после того, как на взрыве поставили крест, для этого самого освоения ничего, кроме месторождения, не осталось. Ни транспортных подходов, ни соответствующей Удокану землеройной техники, ни финансов. Вот и думаешь, на что же рассчитывали делегаты съезда, в том числе и читинцы, принимая строчку по Удокану?

А что было бы, прогреми тот, пусть даже единственный взрыв? В какой-то мере мы уже ответили на этот вопрос после Чернобыля, семипалатинского полигона, южноуральских заводов. Не так уж сложно определить, что бы получилось у нас. Взрыв должен был прогреметь на высоте 1656 метров над уровнем моря. Практически не оставалось преград атомному облаку.

Взрыв, как вы помните, из подземного сразу же превращался в поверхностный. И кроме воздуха над перемещением его отходов должна была трудиться вода. Породы Удокана отличаются высокой трещиноватостью и разломами. Поэтому все отходы ядерного устройства рано или поздно должны были попасть в ближайшие речки Намингу и Ингамакит, потом в Чару, Олёкму, Лену, вплоть до Ледовитого океана. Далеко бы аукнулось это удоканского взрыва. И долго, очень долго бы звучало. И вряд ли по Чарской долине и Удокану прошёл бы БАМ. И вряд ли бы в Чарской долине жил сегодня хоть один человек. Есть о чём задуматься всем нам, дабы в погоне за сиюминутной выгодой не погубить самих себя.

«ЗАРЯД ДЛЯ УДОКАНА»

30 марта 1991 года

Взрыва народного вокруг несостоявшегося удоканского ядерного эксперимента не получилось. Только одно письмо автору. Только один пришедший сам собой отклик. Ещё один отклик по моей просьбе написали читинские учёные. И всё. А ведь кроме солидной публикации в областной газете «Забайкальский рабочий» была в два раза большая публикация в каларской районной газете «Северная правда» (27 декабря 1990 года). Была перепечатка (без всякого участия автора и под занимательной рубрикой «Только в «Гудке») в центральной газете (тоже 27 декабря 1990 года)

Причин такой пассивности северян, наверное, немало. Не будем их перебирать. Я бы назвал лишь ту, что имеет самое прямое отношение к нашей сегодняшней публикации: вот если бы этот взрыв всё же прогремел, тогда бы шум подняли на всю Вселенную! Хотя что уж тогда его поднимать?!

Дважды я ходил в районный комитет по охране природы, предлагал его руководителю: «Исполняется двадцать пять лет несостоявшемуся взрыву. Самый подходящий повод собрать народ, послушать его, посоветоваться на будущее да и дать оценку сегодняшним природоохранным делам тоже надо. Наша редакция готова оказать любую помощь в этом деле».

Не пошли защитники природы на это. У них, наверное, проблемы поважнее. Стоит ли после этого гадать, почему остальные районные органы сохраняли полное молчание? Нет никаких сигналов и со стороны тех организаций, которые были прямыми участниками подготовки взрыва. Между тем, не исключаю, что в публикации могли оказаться неточные факты или выводы – ведь основных документов у нас нет. Но и оттуда – полное молчание. Почему же уроки мы извлекаем только из совершившегося?

Должен заметить, что мне при подготовке первой публикации пришлось говорить и со специалистами, которые до сих пор не исключают применения ядерной энергии при освоении Удоканского месторождения в будущем. Как говорится, тема не закрыта. Поэтому забывать о несостоявшемся ядерном взрыве на Удокане нельзя. Это будет преступлением по отношению к завтрашнему дню, по отношению к потомкам. Да и к прошлому – тоже. Прочтите внимательно отрывок из письма бывшего удоканского проходчика, ныне читинца **И.В. Чечулина**. Он

прямой участник тех работ на пятой штольне. Пишет Иван Васильевич так:

«...Нам сказали, чтобы работали как положено, тогда нам будут платить среднесдельный. Мы, конечно, согласились. Правда, что отбирали лучших проходчиков...Сколько же раз мы проползали эти 700 метров?! Взад и вперед на коленках, прощупывая каждый раз каждый костыль, а тем более стык. Стыки даже рашилем пилили...Пока было тепло, делали подъездные пути. Вручную кувалдами разбивали камни. Нужно было их 1200 кубометров, чтобы вымостить штольню перед тем, как завезут эту «фигуру». Мы так её называли. И всё потом забетонировать. Но этого мы сделать не успели. Причин, конечно, не знали. Если бы сейчас так работали люди, как мы тогда?! А макет «фигуры» был весом в десять тонн, с буровой дробью внутри. И катали мы его вручную потихонечку, чтобы проверить все зазоры, а также стыки. И не дай бог, как сейчас говорят, чтобы где-то что задело... Когда сделали камеру, пришли к нам солдаты, были и гражданские. Потянули они кабель. На работу мы возили паспорт. Заходя в штольню, отдавали его часовому, а при выходе он нам его возвращал...»

Такое вот любопытное, насыщенное самой необходимой информацией письмо. К сожалению, всего лишь одно.

Но письмо Ивана Васильевича говорит мне и о другом. Наши читатели, наверное, ещё помнят публикации о Мраморном ущелье (так часто называется Борский исправительно-трудовой лагерь на Кодаре 1949-1951 годов). Мне пришлось прочитать немало архивных страниц об организации труда на объектах этого лагеря. Узники Мраморного добывали Урановую руду. Пусть её оказалось намного меньше, чем планировалось, но её, эту руду, всё же взяли, увезли. И не из этой ли руды был сделан заряд, предназначенный для соседнего с Кодаром хребта Удокана? Географы утверждают, что большая часть отходов от взрыва, случись он, как раз бы накрыла останки Борского ИТЛ. Видите, как бывает в жизни.

– Да какие там тайны? Мы всё знали, – сказала одна из удоканских женщин, местный старожил. Я её сразу же спросил о типе и мощности заряда, о плановых последствиях взрыва, спросил и о том, почему же все северяне хранили спокойствие... Ничего мне уважаемая землячка не ответила.

Александр Григорьевич ЩУКИН, краевед, сотрудник Читинского управления КГБ:

– Жил я в то время в Наминге, почти рядом со штольной № 5. И как все подростки, был весьма любопытен. Мой отец в те дни работал заместителем начальника Удоканской экспедиции и руководил подготовительными работами по испытанию нового ядерного устройства. В своих воспоминаниях в 1977 году он писал:

«...Особо помнится Наминга и потому, что постепенно начал складываться коллектив, и что в этом сложном процессе есть доля и моего труда Коллектив формировался слаженный, способный решать очень трудные вопросы работы в северной, оторванной от «большой земли» местности. При этом немало напряжения требовала постоянная нервозность со стороны ЧГУ по поводу ликвидационных работ по Удокану, когда мне на плечи легло это нелёгкое дело. Много труда потребовала и проводимая в 1964–1965 годах реконструкция пятой штольни. Эта работа шла под контролем Министерства среднего машиностроения... Был коллектив, была настоящая работа...»

Не много я тогда знал и понимал, но видел и слышал, что делалось что-то очень важное, что все работы велись чётко и организовано, при строгом контроле и удивительной расторопности в снабжении всем необходимым и не очень необходимым тоже. Наминга стала центром пересечения интересов многих научных и исследовательских институтов, проектных контор и всяких ведомств. Специалисты-ядерщики, среднемашевцы-испытатели, строители, сейсмологи, лавинщики, топографы, метеорологи – все стремились в Намингу. Это, а также то, что в Чаре был выстроен целый городок со всем необходимым для работы и быта (была там гостиница и для министра Славского), говорит о том, что на севере Читинской области планировалось развернуть долговременный ядерный полигон.

Не вдаваясь в подробности первого взрыва (а мне в дальнейшем довелось разговаривать об этом и со средмашевцами, в том числе и с теми, кто работал на пятой штольне), хотел бы взглянуть на некоторые причины и реальные последствия этого испытания, осмелиться дать им свою оценку.

Прежде всего, мы должны уяснить, что осуществилась эта авантюра, мы стали бы свидетелями, а точнее, подопытными невиданных до того экологических, биологических, генетических и других экспериментов. Это, я думаю, сейчас каждому понятно, поскольку мы уже знаем печальные примеры из истории создания ядерного оружия и развития атомной энергетики.

Но, с другой стороны, я уверен в том, что не будь в стра-

не столь эффективно организованного, с высоким научным и инженерным потенциалом ведомства, как бывшее Министерство среднего машиностроения, мы бы не обеспечили ракетно-ядерного равновесия с США. Лидеры политических и военных кругов этой страны в то время могли решиться на атомный удар по СССР. Он ведь неоднократно планировался ими в 40-е и 50-е годы. Тогда США по отношению к СССР вели политику ядерного диктата. Мы же отвечали тем, что наращивали мощность ядерного оружия, совершенствовали средства его доставки.

Хотелось бы, чтобы все мы поняли сложность проблем – научных, экологических, военных и политических, остро обозначившихся в 60-е годы. Поэтому не следует делать однозначные и категоричные оценки того периода. Именно в механизме государства, а не в митинговой шумихе были силы, оказавшиеся способными принять в конце концов разумное решение. Сегодня уже не столь важно, где – в Могоче или на полпути к Наминге – находилось ядерное устройство, кто именно настоял на отмене испытания. Важно, что это были люди ответственные. И как бы хотелось, чтоб и в наши дни нашлись люди такой породы, такие же компетентные в своём деле.

Я не идеализирую МВД, не пытаюсь его защитить. Более того, считаю его виновным в том, что, выполняя заказы военных и директивы политиков, он не обеспечивал надлежащей безопасности многих тысяч людей.

Но было ведь и другое: даже сейчас, спустя 25 лет, любой из старых удоканцев скажет, что Наминга была особенным посёлком. И в смысле работы со всеми её трудностями, и в том, какие там жили люди. На реконструкцию пятой штольни шли не просто напряжённо, а с энтузиазмом, и люди тогда были горды причастностью к важному государственному делу. И не их вина, что дело это, как впоследствии выяснилось, грозило многим, и им самим в том числе, страшной трагедией.

Александр НАПРАСНИКОВ, Александр КИРИЧЕНКО, научные сотрудники Института географии СО АН СССР:

– После чернобыльской трагедии мы стали намного умнее. Она вынуждает и помогает, давайте говорить так, оценить и несостоявшийся удоканский эксперимент. Дать полную научную экспертизу его пока невозможно. У нас, географов, нет самых нужных для этого исходных данных – таких, к примеру, как тип и мощность заряда. Но в нашем распоряжении достаточно

знаний о природно-географических условиях готовившегося взрыва, знаний о чернобыльских ядерных последствиях. Давайте ими и воспользуемся. Чтобы легче было размышлять, предположим самое страшное – взрыв состоялся.

Маловероятно, что сразу оказались бы пострадавшие: убитые, раненые, контуженные или даже сильно облученные. Всей подготовкой эксперимента это исключалось. Не заметили бы особых отклонений и через год, даже через два. Сегодня мы достоверно знаем, что подобные взрывы и аварии опасны прежде всего своими отдалёнными последствиями. Причём, пределов этой отдалённости ещё, пожалуй, никто не назвал.

Пятая штольня на Удокане, как и в целом Удокан, – это идеальнейшее место для проведения эксперимента по изучению проблем распространения ядерных отходов. Ведь взрыв намечался на мировом водоразделе. Его отходы, для переноса которых нужна вода, оказались бы не только в ближайших бассейнах Витима и Олёкмы, но и обоих прилегающих к стране океанов – Тихом и Ледовитом. Оказались бы заражёнными громаднейшие территории.

Взрыв должен был произойти на высоте 1600 метров над уровнем моря, дабы вскрыть рудное тело. Поэтому основная его энергия вышла бы наружу. Для переноса поднявшейся в атмосферу ядовитой пыли не было никаких преград. В первую очередь пострадали бы Чарская долина, верховья Калара. Где осели бы последние отходы – никто не скажет.

Ко всему этому вспомним о вечной мерзлоте, которая весьма хорошо способствует аккумулярованию ядерных отходов и меньше всего – их распаду. Вспомним о скорости горных рек, что позволяет нести самые тяжёлые частицы и даже каменные глыбы. Вспомним и о том, что самоочищающая способность наших рек в десять раз ниже, чем рек в районе того же Чернобыля. Не надо забывать и о способности живого организма и растений тоже аккумуляровать радиоактивную заразу.

Могло случиться так, что Читинский участок БАМа лёг бы на более всего заражённую территорию. На этом участке работало не менее тридцати тысяч человек. В конце концов узнали бы источники массовых болезней. И встал бы вопрос: что делать с БАМом, что делать с Удоканским месторождением, что делать и с двумя крупнейшими месторождениями подземной воды – Намингинским и Ингамакитским, которые давно разведаны и сданы, ждут своего часа?

Вот что могло вполне реально произойти. Понятно, что сегодня нас спросили бы: «Вы же здесь работали, вы-то куда смотрели?». Да, работали, что-то об эксперименте знали. Но нас, знающих Удокан в натуре, а не по кабинетным сведениям, никто не спрашивал – не тот масштаб.

Поэтому теперь, чтобы навсегда обезопасить будущее от такого рода экспериментов, ответственно заявляем: «Удокан – это не то место, где возможно применение атомной энергии. Даже крупный горно-обоганительный комплекс без атомной энергии может оказаться губительным для окружающей среды. Об этом надо всегда помнить». (30 марта 1991 года)

«ЗАРЯД ДЛЯ УДОКАНА»

27 февраля 2007 года

Кто и как готовил ядерный взрыв на Читинском севере? Почему он не состоялся? И возможна ли новая попытка такого освоения крупнейшего медного месторождения? Ответы на эти вопросы дают непосредственные участники «Атомного проекта СССР».

Вопросы эти не новые. Ещё в 1990 году «Забайкальский рабочий» в меру своих возможностей (большим очерком «ТАЙНА ПЯТОЙ ШТОЛЬНИ») отмечал 25-летие несостоявшегося взрыва на Удокане. К подготовке темы были привлечены участники и свидетели тех далёких событий, целый ряд организаций. Опираясь на новоявленную гласность, но всё же довольно сдержанно мои собеседники выдали немало интересных и нужных для публикации фактов. И та «ТАЙНА...» оказалась самым первым открытым рассказом об этой до конца недоведенной операции.

В письме из г. Сарова, что я получил в феврале текущего года от Алексея Демидова, старшего научного сотрудника, есть строки: «...Очень внимательно успел прочитать «Удоканский проект». По-моему, вообще нет упоминания об экспедиции КБ-11 – ВНИИЭФ на Удокан в 1965-1966 гг. с целью вскрыть это месторождение чистыми мирными ядерными взрывами. Наши испытатели до сих пор переживают, что не было получено добро. Всё было подготовлено, оставалось нажать кнопку...».

В 2006 году под эгидой «ФГУП «Российский ядерный центр – ВНИИЭФ» вышла книга «И ВПРАВЕ МЫ СОБОЙ ГОРДИТЬСЯ. История отделения 14. Люди и факты». Её ведущие составители Ф.М. Гудин, Б.М. Бородянский, В.П. Евланов рассказали «о создании, становлении и развитии отделения внешних испытаний ВНИИЭФ».

ВНИИЭФ – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (Российский федеральный ядерный центр). КБ-11 – самое известное в атомном проекте СССР конструкторское бюро. А ещё в этом центре был особый сектор, о котором в книге говорится так: «В последние 44 года при активном участии сотрудников сектора 14 была разработана технология ядерных испытаний под землёй – в штольнях и скважинах. Ни одно из сотен ядерных испытаний не повторялось, не было похожем на предшествующие опыты. От единичных взрывов мы перешли к групповым испытаниям...». На счету сектора 14 уже 29 ядерных испытаний в народнохозяйственных, мирных целях. В этом числе не учтено незавершённое удоканское, которое обосновывалось так: «громадный объём вскрышных работ – более двух миллиардов кубометров, их высокая стоимость и ещё ряд причин».

Направив учёным-саровцам все собранные мною материалы, я получил отдачу, о которой мечтал почти двадцать лет. И конечно же, первое слово дадим руководителю той экспедиции **Феликсу Михайловичу Гудину**:

«...В 1965 году мне с группой товарищей довелось участвовать в подготовке эксперимента по вскрытию месторождений полезных ископаемых с применением энергии ядерного взрыва. Нам поручили провести опытный взрыв, чтобы затем, уточнив проект вскрытия, выполнить серию взрывов. Это был один из вариантов использования энергии взрывов в промышленных целях.

Для взрыва намечалось использовать «чистый» ядерный заряд, разработанный коллективом под руководством Ю.А. Трутнева и В.Н. Мохова. Подобный заряд в январе 1965 г. был использован для создания искусственного озера Чаган в Казахстане. В нашем случае заряд был дополнен термоядерными узлами, что значительно увеличивало его мощность без увеличения остаточной радиоактивности.

В марте в Читу и на место работ – в посёлки Чара и Наминга – для уточнения проекта была направлена группа специалистов: Ворошилов Ю.А., Жуков Ю.Ф. (ВНИИЭФ), Шапоренко Н.Н. (ВНИПИпромтехнология) и Майоров Л.С. (в/ч 52605). В группу входил и я. В Чите мы встречались с начальником Читинского геологического управления Ф.М. Морозовым, руководителем Удоканской геологоразведочной партии В.Е. Шпаковым и начальником Забайкальского управления гидрометеорологии П.П. Лапти-

евым; узнали, с кем придётся работать на местах, и вылетели в Чару.

В Наминге к нашей группе присоединились начальник геологического участка Оборин и руководитель группы геологоразведчиков Гринталь (инициалов не помню). В нашу задачу входило ознакомление с районом будущего взрыва и осмотр штольни для размещения ядерного заряда. На вертолётe мы облетели окрестности, побывали в посёлках Ингамакит, Западный, на озёрах Большое и Малое Леприндо. Приходилось ходить и пешком...

«Колесо», запущенное министром Е.П. Славским, после этого визита раскрутилось на полную скорость. Летом 1965 года с большим напряжением работала авиатрасса Чита–Чара, самолёты кружили над головами ничего конкретного не знающих каларцев весь световой день. Везли оборудование, разные материалы, продукты, специалистов. В аэропорту всё это перегружалось на автомашины с лучшими водителями. Через реку Чара была навешена временная переправа, 55-километровая дорога до Наминги отремонтирована. К июлю отборные проходчики Удоканской экспедиции во главе с депутатом областного Совета П.Д. Павловым, работавшие под дулами автоматчиков, расширили штольню на 90 см, спрямили её и начали гонять туда-сюда макет будущего заряда, устраняя все «сучки-задоринки». В райцентре Чаре вырос, по местным масштабам, целый микрорайон с гостиницей, магазином и прочим, что был опутан «колючкой», а потому и получил такое наименование. Закончила свою программу сейсморазведочная партия. Добавилось охраны на пятой штольне. Хозяевами Наминги да и всей округи становились гости.

«...В декабре 1965 г. на место удоканского взрыва была направлена экспедиция КБ-11 в составе 30 человек, – продолжает свой рассказ **Феликс Михайлович Гудин**. – Начальником экспедиции назначили меня. Заряд, часть грузов, группу обслуживания заряда во главе с Ю.Ф. Жуковым, режимную группу во главе с Н.Ф. Ершовым доставили на станцию Могоча. В Намингу их предполагалось перебросить автомашинами по зимнику

Наша часть экспедиции должна была доставить на место работ измерительное оборудование, аппаратуру автоматики и управления подрывом, смонтировать и настроить аппаратуру, смонтировать кабельные линии, провести приёмку штольни и сооружений, проверить работоспособность аппаратуры. 23 декабря 1965 года мы прилетели в Читу и застряли в ожидании самолёта. Используя непредвиденную задержку, я вместе

с нашим сотрудником Владимиром Васильевичем Кузнецовым съездил в Первомайск (железнодорожная станция Солнцевая) для встречи с руководством комбината № 817, на который было возложено бытовое, медицинское, инженерно-строительное и транспортное обеспечение наших работ. С директором комбината Д.М. Макаровым и его заместителем В.В. Клементом мы решили вопросы взаимодействия. Новый 1966 год мы встречали в Чаре. Специально для экспедиции на окраине посёлка построили несколько домов, в которых мы и поселились до переезда в Намингу.

Перед нашим приездом все жители Наминги были выселены. В посёлке мы застали проектировщиков из ПромНИИпроекта Головина, Шабанова, Сидорова, начальника строительного участка В.Т. Юдина, старшего прораба В.П. Третьякова, снабженца Наседкина (все трое – с комбината № 817), уже знакомых мне Оборина и Гринталя, а также множество брошенных собак.

Штольня для проведения взрыва размещалась в ущелье на расстоянии 5–6 км от посёлка. Мы осмотрели её, шаблоном проверили возможность провоза тележки с зарядом. Проверили крепь, железнодорожный путь, вентиляцию, освещение, смонтировали и отрегулировали систему обогрева концевого бокса (требовалось обеспечить температуру от 15 до 25 градусов). Проложили, смонтировали и проверили измерительные кабели и кабели подрыва. Развернули и проверили аппаратуру радиотелеметрии и радиоуправления. Так действовать вынуждал рельеф местности и ожидаемый радиус выброса грунта. Все подготовительные работы были закончены. Началось долгое, томительное ожидание. Я непрерывно слал в Москву Г.А. Цыркуву (Георгий Александрович Цыркoв с 1965 г. бессменный начальник 5-го Главного управления МСМ СССР. – А.С.) сообщения: «К работе готовы. Жду разрешения на установку заряда». В ответ получал скупое: «Ждите!» Не выдержал, вылетел в Читу, пробился к аппарату ВЧ-связи в УКГБ и переговорил с Цыркувым. Разговор ясности не добавил. Надо сказать, что в это время шла активная подготовка к встрече председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина с руководителем Республики Индия Шастри, возглавлявшим тогда Движение неприсоединившихся государств. В этой сложной обстановке наше правительство не решалось провести ядерный эксперимент вне полигона.

В первой половине февраля пришло долгожданное решение из Москвы. Но вместо команды работать было предложено «аппа-

ратуру демонтировать, экспедицию отправить домой, Гудину задержаться в Наминге до особого распоряжения». Вскоре из Могочи прибыла автоколонна во главе с Н.Ф. Еришовым для эвакуации имущества и людей. Всё, что смонтировали в январе, мы разобрали и погрузили за двое суток. Через сутки после отбытия колонны пришло новое указание «Всё оставить на своих местах». Пришлось доложить о действительном положении дел. Комментариев не последовало. Через четыре дня разрешили выехать домой и мне...».

Рассказ продолжает **Михаил Фёдорович Мокшенков**:

«Радиоканалы были установлены, настроены и опробованы от имитаторов. Хотя отдельные элементы каналов применяли в различных опытах, например, для передачи на командный пункт автоматики сигналов «0», они не были полностью подготовлены для опыта на Удокане. Мы выполнили огромный объём подготовительных работ в сложных климатических и бытовых условиях тундры. При полной неопределённости относительно возможности проведения этого опыта. И вот когда каналы радиотелеметрии были полностью готовы, опыт отменили. Поступило указание всё сворачивать, упаковывать и отправлять назад. Можно понять настроение участников экспедиции, когда их труд оказался ненужным...».

Слово **Станиславу Николаевичу Уханову**:

«Условия опыта на Удокане были очень сложные. Ожидаемая мощность одного из взрывов составляла около 1 мТ, поэтому, чтобы вывести измерения в безопасный район, требовались длинные кабели и ретрансляция по радио. Подготовка к опыту шла весьма интенсивно... Аппаратуру доставили, развернули, подготовились к встрече основной группы сотрудников и продолжению работ, но нам предстоял почти целый месяц полной неопределённости. Такое состояние требовало от каждого выдержки и терпения, чтобы сохранить хотя бы человеческий облик...»

А чем и как занималась в это время могочинская часть экспедиции? Именно ей с помощью Могочинского участка Удоканской экспедиции предстояло доставить заряд на север Читинской области. Я много раз проезжал туда-обратно по этому автозимнику, неплохо знаю его. Это самая сложная, самая протяжённая и самая известная в Забайкалье зимняя трасса. Ни один рейс по ней не обходился без каких-то поломок, а то и аварий, разных ЧП. И вот по этим километрам, основная часть которых – это горные перевалы или наледи и пустолёды, –

они решили провезти ядерный заряд. Заряд, требующий особого обращения. Наверное, люди верили в своё изделие, верили в людей, кого привлекают в своих соучастников. Рассказывает **Борис Михайлович Бородянский**, один из них:

«...Эшелон с изделием и группой сопровождающих (Докучаев Л.Ф., Жуков Ю.Ф., Бородянский Б.М., Тарасов И.П., Крутяков Е.А., Розарёнов Н.И., Цибулин Э.А.) во главе с Ершовым Н.Ф. находился на станции Могоча. Стояли сильные морозы (до – 40 градусов), в вагоне нельзя было жить, и группу перевели в общежитие автобазы, которая обеспечивала доставку грузов по зимнику от Могочи до Наминги и далее (речь о Могочинском участке Удоканской геологоразведочной экспедиции.– А.С.). Ждали разрешения на проведение работ от правительства, которое заседало каждый четверг, и в пятницу узнавали, что работы откладываются. Так как опыт предполагалось провести на выброс породы, а международная обстановка не позволяла, в конце концов решили опыт не проводить. Обидно, что затрачено много сил на доставку оборудования и экспедиции на место проведения работ, и всё безрезультатно...».

А известный в Атомном проекте СССР академик, главный конструктор ядерного оружия Борис Васильевич Литвинов давал такую оценку тому эксперименту:

«...Родился, на мой взгляд, добротный проект вскрытия Удоканского месторождения. Если бы мы осуществили его, провели вскрышные работы до появления БАМа, то строительство этой железной дороги сегодня было бы оправданным. Я убеждён: отказ от вскрышных работ на Удокане с помощью ядерных взрывов – одна из великих упущенных возможностей. Освоение этих районов затормозилось на десятилетия».

В переписке с учёными Российского ядерного центра я поставил всё тот же, ещё из 1990 года вопрос: «Что было бы сегодня в Чарской долине, случись тот первый взрыв, случись вся серия задуманных на Удокане взрывов?». На откровенные и прямые слова получил такое же и в ответ: «Вопрос меня самого очень интересует! Я его ставлю даже шире: а были ли где-либо в СССР или мире проведены подобные вскрышные работы на месторождениях чистыми термоядерными устройствами, и каковы результаты много лет спустя? Оправдались ли задумки ядерщиков? Вопрос очень серьёзен и требует серьёзного рассмотрения и обсуж-

дения со специалистами. Думаю, это будет сделано!.. Ох уж эта радиофобия – серьёзная штука, её нельзя недооценивать на всех уровнях...».

Уместно вспомнить, как обратился к этой проблеме Пётр Лаптев – ветеран гидрометслужбы Забайкалья, которая в рамках Читинского севера, на мой взгляд, только и выиграла от того эксперимента. Вот что этот довольно опытный специалист писал в 1998 году:

«...Рекорд развития гидрометслужбы в Каларском районе был связан с предполагаемым ядерным взрывом на Удокане. При моей личной встрече с министром Среднего машиностроения Е.П. Славским был определён сектор с острым углом, по которому должно было пойти радиоактивное облако после взрыва. Е.П. Славский предлагал достаточные средства, лишь бы эта работа была выполнена в кратчайший срок. И действительно, в сжатые сроки были открыты 20 наблюдательных пунктов (небольшие метеостанции с шаропилотными наблюдениями), установлены 4 автоматических гидрометеостанции, завезены дымовые шашки для изучения потоков в долинах при определённых синоптических ситуациях, построено 20 домов в долинах и взгорьях, открыта снеголавинная станция. Было намечено открыть бюро погоды в Чаре, но успели построить только дом, завезти оборудование и подготовить специалистов. Гидрометслужба должна была сообщить о благоприятной метеобстановке, и только после этого будет включена кнопка ядерного взрыва. Так вот, радость в том, что мы имеем неплохой гидрометеорологический материал по БАМу и Удокану, а печаль в том, что не получили доброго развития ни БАМ, ни Удокан...»

Мне очень по душе такой ответ гидрометеоролога. Но тоже не могу без печали: а где вся эта гидрометеосеть, что пришла на землю каларскую в 60-е годы? Ведь даже самая северная и весьма неплохо оснащённая забайкальская ГМС, какая была на озере Ничатка, ликвидирована. И не ядерщиками, ни современными «демократами» или реформаторами, а самой службой погоды. Вот вам и «неплохой гидрометеорологический материал по БАМу и Удокану», который мало чего стоит без систематизированного и непрерывного накопления.

В последнее время, после рассекречивания многих документов по этой тематике вышли прелюбопытнейшие книги: «БЕЛЫЙ АРХИПЕЛАГ СТАЛИНА» (В. Губарев, 2004 год) и «СОВЕТСКИЙ АТОМНЫЙ ПРОЕКТ» (коллективный сборник, 2006 год). Оба из-

дания читаются как боевики, как лучшая фантастика. Авторы и редакторы того и другого не только рассказывают об истории советской и российской атомной энергетики, но и заглядывают в будущее её. И почти в один голос утверждают: это будущее – использование колоссальной, практически неограниченной энергии в мирных целях, на благо человека. Очевидно, будут найдены и более эффективные способы защиты от последствий этого использования. Поэтому, думаю, никто не осмелится заявить: атомная энергия на Удокан не вернётся. Впрочем, в 90-х годах, когда разрабатывалось очередное технико-экономическое обоснование освоения месторождения, в повестке дня стояла как альтернативный источник энергии и местная атомная электростанция.

Да, так вот, Владимир Губарев в своей книге даёт интервью с начальником Департамента проектирования и испытания ядерных боеприпасов (с 1996 года) **Николаем Павловичем Волошиным**.

Вопрос: «Как вы оцениваете программу мирных ядерных взрывов и согласны ли вы с тем, что её закрыли?»

Ответ: «Там, где связано с работами на выброс – озёра, каналы, плотины и так далее, на мой взгляд, правильно, что закрыли. Мы, конечно, старались делать «чистые заряды», но всё равно «грязь» есть, да и развороченная земля – зрелище малопривлекательное. А если камуфлетные взрывы, то тут ситуация особая. Я считаю, что если есть остекловывание стенок, то есть идёт, по сути, геологическое захоронение, то использовать такие подземные взрывы полезно и нужно. Это гораздо лучше, чем просто закапывать отходы, а потому никакого вреда от таких взрывов нет... Сейчас мы продолжаем вести очень важную работу: проводим тщательный анализ достоинств и недостатков всех ядерных взрывов, которые были осуществлены в Советском Союзе. Думаю, что некоторые эксперименты всё же будут продолжаться, международное сообщество поймёт их целесообразность...»

Из книги «МИРНЫЕ ЯДЕРНЫЕ ВЗРЫВЫ» (Москва, 2001 год, Федеральное управление медико-биологических и экстремальных проблем при Министерстве здравоохранения Российской Федерации, Министерство Российской Федерации по атомной энергии):

Стр. 426

...В данной главе представлены краткие сведения о двух наиболее интересных нереализованных проектах применения подземных ядерных взрывов в промышленных целях...

ПРОЕКТ ПРОВЕДЕНИЯ ПОДЗЕМНЫХ ЯДЕРНЫХ ВЗРЫВОВ ДЛЯ ВСКРЫШНЫХ РАБОТ НА УДОКАНСКОМ МЕСТОРОЖДЕНИИ МЕДИ.

Крупнейшее в Российской Федерации месторождение меди с запасами до 21–22 млн тонн расположено в Каларском районе Читинской области на территории центральной части Удоканского хребта в зоне вечной мерзлоты глубоко под землёй. Это месторождение было самым крупным и в бывшем Советском Союзе...

...Район месторождения характеризуется малой плотностью населения и практически полным бездорожьем. В Каларском районе было всего 17 небольших посёлков с общим числом жителей 3450 человек. Население занималось оленеводством и охотой и в основном вело кочевой образ жизни.

В декабре 1964 года район месторождения посетила рекогносцировочная группа, в состав которой входили представители ряда организаций Минсредмаша СССР, среди них были директор одного из Институтов этого министерства Г.П. Ломинский, главный конструктор ядерных зарядов Б.В. Литвинов, представитель Минсредмаша СССР В.П. Ахалкин, представитель ВНИИПромтехнологии В.С. Потапов. Эта группа прибыла лёгким самолётом из Читы в посёлок Чара, откуда автомашиной была доставлена в посёлок геологов, выполнявших работы по изучению запасов руды. После осмотра месторождения было принято решение доставку ядерного взрывного устройства и всего необходимого оборудования проводить по схеме «железная дорога-автомашины».

применение подземных ядерных взрывов для вскрышных работ на месторождении было обосновано следующими факторами: резко выраженным горным рельефом;

удалённостью объекта от крупных городов и малой населённостью района;

громоздким объёмом вскрышных работ – более 2 млрд куб м: недостатком рабочей силы и дефицитного горнотранспортного оборудования;

высокой стоимостью проведения вскрышных работ обычными методами;

тяжёлыми условиями труда и суровым климатом.

Вскрышные работы предусматривалось осуществить с помощью двух серий ядерных взрывов. Первой серией из 4–5 зарядов предполагалось удалить наиболее высокие части гор, а затем в ходе второй серии подрывом примерно 20 зарядов осуществить выброс основной массы породы из контуров будущих карьеров. В одном из первых проектов осуществления вскрышных работ на месторождении предполагалось использовать ядерные заряды мощностью до 10 Мт. Выбор таких мощностей можно объяснить, вероятно, недостаточностью опыта проведения экскавационных ядерных взрывов. В начале 70-х годов после осуществления на Новоземельском полигоне подземных испытаний образцов ядерного оружия с энерговыделением до 4 Мт и анализа последствий взрыва «Чаган» стало ясно, что очень сложно обеспечить радиационную безопасность при проведении подземных ядерных взрывов большой мощности. В последующем оптимальная мощность подземных ядерных взрывов с выбросом грунта составляла 120–150 кт ТЭ.

В проектном задании на вскрышные работы на Удоканском месторождении, разработанном ГОСНИПИ-14 (ВНИИПромтехнологии), Институтом физики земли АН СССР и Институтом прикладной геофизики ГУГМС во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20.02. 1964 г. № 16-64 и от 23.03.1964 г. № 240-94, а также приказа Министра среднего машиностроения от 09.04.1964 г. № 089, предполагалось использовать ядерные заряды мощностью 1000 кт, взрывы которых должны были иметь следующие расчётные параметры:

Линия наименьшего сопротивления	290 м;
Радиус механического действия взрыва	455 м;
Глубина видимой воронки	170 м;
Объём видимой воронки	51,6 млн куб. м;
Объём породы, выброшенной из воронки	61,4 млн куб. м.

По условиям взрыва нужно было обеспечить максимальную радиационную безопасность населения и персонала при его проведении, а также не допустить значительного радиоактивного загрязнения районного центра Чара.

По прогнозу облако взрыва могло подняться на высоту до 6–7 км, а пылевая базисная волна – на высоту до 2 км. Не ожидалось прорыва в атмосферу значительного количества радиоактивных продуктов взрыва, поскольку горные породы

характеризовались небольшой влажностью и низкой газоносностью.

Прогнозировалось, что уровни радиации на гребне навала грунта через 20 дней после взрыва могут составить 0,5 Р-час, через 5–6 месяцев – 0,1 Р-час, а через год – менее 0,005 Р-час.

Проектом предусматривалось в районе первого экспериментального взрыва пробурить и оборудовать 10 наблюдательных скважин для изучения закономерностей миграции радионуклидов в горизонте подмерзлотных вод. Прогнозирование радиационной обстановки на Удоканском месторождении меди проводилось с использованием данных, полученных при взрыве «Чаган», а также материалов, опубликованных в зарубежной печати..

Таким, в кратком изложении, было содержание одного из самых грандиозных проектов применения ядерно-взрывной технологии в промышленных целях. Однако этот проект не был реализован, поскольку вызывал много вопросов и опасений. В последующем вскрывать Удоканское месторождение ядерными взрывами отказались. Таким образом, решение о начале эксплуатации самого крупного месторождения меди на территории России пока не принято, оно ждёт своего часа....

РАЗДЕЛ ЧЕТВЁРТЫЙ

ОПЕРАЦИЯ «ПАМЯТЬ»

С КОМСОМОЛЬСКИМ ЗАМАХОМ

«Новые хозяева Мраморного ущелья» – так озаглавил я свою корреспонденцию в «Забайкальском рабочем» за 15 июля 1989 года. Сегодня мне стыдно за «новых хозяев», которым я поверил. В той газете напечатано:

«В считанные дни Мраморное стало известным всему Союзу. Очевидно, уже в этом году хребту Кодару придётся пережить массовое нашествие. Вчера он был славен только своими природными красотами, а сегодня к ним добавились и открытые нашей гласностью развалины исправительно-трудового лагеря послевоенных лет. В условиях высокогорья многие постройки удивительно сохранились и любопытному человеку они рассказывают многое.

В 1949 году пришли сюда с топорами и пилами, кирками и лопатами заключённые, спецпереселенцы, вольнонаёмные. Пришли строить, добывать, срок отбывать. Построили, что сумели, добыли. Но как неожиданно появились, так неожиданно и ушли с неотбытыми сроками.

Спустя сорок лет в Мраморном вновь застучали топоры. Вновь пришли строители. Молодые, здоровые, полноправные, без сроков. Все бамовцы, за плечами которых почти готовая железнодорожная магистраль.

– И что вы хотите построить здесь, на берегу Среднего Сакукана? – спрашиваю Александра Ищенко, директора спортивно-туристского центра Штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе.

– По этому берегу проложены основные туристские маршруты в Кодар – к его ледникам, к его вершинам-трёхтысячникам, к его самым знаменитым перевалам. И ко всему этому, как вы уже знаете, добавилась известность лагерных остатков. Наш центр получил заявки на приём туристских групп из Болгарии, ГДР, Чехословакии. Я уж не говорю о заявках внутрисоюзных. Ясно, что этот поток надо как-то регулировать – его надо принять, направить. И контроль нужен, поскольку далеко не все туристы оставляют после себя чистые и неповреждённые тропы...

Молодые строители Читинского участка БАМа, поддержанные Штабом ЦК ВЛКСМ и Каларским райисполкомом, решили организовать у Мраморного ущелья базу. Если всё удастся, здесь можно будет получить любую консультацию по выбранному маршруту, застаться продуктами и снаряжением, день-два передохнуть, если потребуется. Наверное, во главе новых хозяев Мраморного Александр Ищенко оказался неслучайно. Давно пленённый чудесами Кодара, он полон желания показать их всем своим сверстникам.

– Хочу вам напомнить старую, но всё чаще и чаще призываемую в помощь истину: чем лучше природа – тем лучше человек, – говорит Саша. – Этими словами можно открыть и ещё одну истину: чем лучше человек – тем лучше природа. Видите, как всё связано? Каждого из нас сегодня тревожат и социальные, и экологические проблемы. Своими средствами и масштабами мы пробуем решить их и здесь, на Кодаре.

В перспективе молодым бамовцам видится хозрасчётное туристско-альпинистское предприятие. В нём уже нашли свои интересы Штаб ЦК ВЛКСМ на БАМе и Каларский райисполком. Очень хотят ребята, чтобы к этим организациям присоединилось и Северобайкальское отделение Байкало-Амурской железной дороги, которое уже в этом году станет полным хозяином Читинского участка.

– Считаю, Кодаром и его Мраморным ущельем люди занялись вовремя, – говорит Виктор Рыжий, один из ведущих знатоков хребта. – Даже если наша идея не будет доведена до конца сейчас, она не пропадёт. Она висит в воздухе, и пусть другими, но будет реализована.

Да, перед ребятами немало серьёзных преград. Нужно найти, объединить и направить на разумное использование финансы и строительные материалы. В ближайших планах прокладка автодороги и строительство промежуточной базы. В несколько отдалённых планах – линия электропередачи, которая, как считает А. Ищенко, «позволит держать воздух Мраморного в самом чистом виде». А первые организованные туристские выезды ребятам хочется провести уже в этом году».

Самое время сказать, что предшествовало «новым хозяевам». Уже в первой публикации (январь 1989 года) «Комсомольская правда» предложила: «сохранить те лагеря сталинских времён, что остались ещё кое-где по глухим углам. Объявить их памятниками истории. Сделать Мраморное музеем-заповедником». И пошло-поехало, о чём, в частности, вы только что прочитали.

5 марта 1989 года на мой рабочий стол легло письмо **Елены Михайловны Малковой**:

«Дорогие ребята, комсомольцы Читинской области! Я прочла статью «Мраморное ущелье» в «Комсомольской правде». Прошу вас поддержать идею движения Мемориал». Я уроженка Читинской области (село Усугли). В 1949 году была направлена на работу в Мраморное ущелье, где и работала до 1951 года. Снимок в «комсомолке» № 24: вдали домик – это помещение для охраны и медсанчасть. Ниже вышки были два помещения из деревянного бруса на сваях, в одном из них жили мы, гражданские, обслуживающие лагерь узников, а второе помещение – административное здание. В то время я не находила разницы между зеками и вольнонаёмными. Мы в рабочее время общались на равных правах. Это были не уголовники, а молодые люди, которые в Отечественную войну оказались в плену немецкой армии. А также лица, осуждённые по 58 статье, которых лжесвидетели заставляли сознаться в несодержанном. У меня сохранились некоторые документы, подтверждающие строгий режим в Мраморном ущелье...»

В том же 1989 году, осенью редакция этой газеты и спортивно-туристский центр Штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе продвинули идею дальше и объявили «конкурс на архитектурно-планировочное решение туристской базы круглогодичного действия на 50 мест». На Кодар с самой большой остановкой заворачивает супермарфон «Байкал-89», в котором были представители СССР, ФРГ, Англии, Франции, ЧССР, ряда других стран и, понятно, солидная группа журналистов самых разных газет, теле- и радиоконпаний мира.

В октябре 1989 года в бамовском посёлке Новая Чара на свет божий является и уходит в мир предупреждение: «...Все права на организацию поездок иностранных журналистов в Мраморное переданы коммерческому отделу редакции «Комсомольская правда» как инициатору и одному из организаторов создания заповедника. После согласования с ними всех организационных и финансовых вопросов и подписания договора... мы готовы принимать ваши группы в любое удобное для вас время. С уважением и надеждой на плодотворное сотрудничество А. Ищенко, директор спортивно-туристского центра Читинского участка БАМа».

Георгий Александрович Юргенсон, известный забайкальский геолог, что сопровождал группу американцев в ноябре 1989 года, рассказывал потом в областной печати о поистине героическом

преодолении множественных преград на пути к Мраморному, главными из которых на тот день были излишний бюрократизм «новых хозяев» и труднодоступность. А между тем «комсомолка» этот визит корреспондентов и право съёмок обусловила требованием оплаты от 3,5 до 7 тысяч долларов.

В центре Мраморного ущелья появился транспарант «Товарищ! Здесь будет создан историко-экологический заповедник. Просьба всё оставить на своих местах. Штаб ЦК ВЛКСМ на БАМе». А в «Забайкальском рабочем» за моей подписью идёт ещё одна корреспонденция – «Штурм Мраморного», в которой, в частности, было такое:

«...За один погожий день в районе Мраморного ущелья я насчитал восемь туристских групп. Сразу три группы из Железногорска плюс москвичи, иркутяне, ленинградцы. Были туристы и из Чехословакии. По количеству желающих увидеть остатки Борского исправительно-трудового лагеря послевоенного времени, самым прямым образом связанные со становлением атомной промышленности в стране, нынешний год не имеет себе равных. Сработали, скажем так, многочисленные недавние публикации об этом лагере в местной и центральной печати. Ещё, рассказывают туристы, на западе и юге страны растёт перечень районов, неблагоприятных для отдыха. А Кодар, как и весь Читинский север с его БАМом, остатками лагеря весьма доступен.

Но есть темы, о которых туристы не распространяются. Например, местный чарский сервис. Высказать своё недовольство – значит наверняка получить встречное: «Какой же вы турист, если тебе палатки и супа из пачки мало?». Действительно, массовому советскому туристу (а в Чару в основном едет такой) об отелях с ресторанами пока можно только мечтать. Не любят они говорить и о расходах, связанных с возможностью увидеть красоты и реликвии. Расходы эти по нынешним временам копеечные. Кошельки туристов так и остаются нераскрытыми. Это обстоятельство особенно непонятно иностранцам.

В Чаре появились люди, которые заявляют: «Каларский район может хорошо жить только за счёт туризма». Однако этого самого туризма, поставленного на широкую цивилизованную ногу, здесь пока нет. Есть лишь первые шаги. Их сделала бамовская молодёжь.

О спортивно-туристском центре в Новой Чаре, руководит которым Александр Ищенко, мы рассказывали в июле прошлого года. Пора рассказать и о том, как осуществляются планы молодёжи. Далеко ли они продвинулись?

В районе Мраморного валяются бутылки с этикеткой «Молоковка». Пить минералку на берегах чистейших ключей – это ж какую натуру надо иметь? Но речь не об этом. Год назад сюда можно было добраться только пешком, преодолев сорок километров заболоченных марей и горных россыпей. Понятно, бутылки с минералкой в такой ситуации на себе не потащишь. Сейчас к Мраморному можно доехать почти на любой машине, и это первая заслуга спортивно-туристского центра. Дорога ещё не позволяет ехать на высоких скоростях, но стройматериалы, снаряжение, продукты, в том числе и минералку, везти можно.

Началось здесь и строительство, но промежуточной базы, что была обещана год назад, ещё нет. И вряд ли будет в этом сезоне. Впрочем, и строительство, что ведёт центр, не очень законно. До сих пор тянется волянка с обычным лесом, на который у ребят фондов нет. Туризм, понятно, никаких доходов пока не даёт. И капитал приходится сколачивать на стороне. Всё ещё «ни при чём» областные организации, ведающие экскурсиями и туризмом. А районные, создаётся впечатление, ждут своей доли прибылей, с конкретным участием в становлении самой туристской индустрии не торопятся. Дошло до того, что Александр Ищенко сетует: «Хоть бы кто спросил с нас за эти дела...» Мне понятно такое, он рассчитывает, что если спросят, то, может, и помогут.

А в центр одна за другой идут заявки иностранцев. В прошлом году никому не отказывали. Все желающие сумели побывать на Кодаре, в Мраморном. Принимали их как придётся и объясняли: «Дело только начинается, простите нас за такое устройство. А вот приедете через год-два...» Продолжать такой приём – значит, заняться антирекламой. Центр на это не идёт. А почему бы на Мраморном не быть совместному предприятию? Но какая из зарубежных фирм согласится сотрудничать с нами на таком уровне? Ребята из центра не хотят, чтобы у зарубежных партнёров сложилось представление о них, как неделовых людях.

Беспокойно в районе Мраморного сегодня. На территории бывшего лагеря можно встретить людей, которые за тысячи километров приехали только ради него. И людей, у которых лагерь вызвал лишь попутный интерес, а основной находится дальше, в глуби Кодара. Читаю недавно: «...Инструмент, колючая проволока, котелки и прочие предметы, сохранившиеся здесь, уплывают в рюкзаках экскурсантов и туристов в качестве сувениров. В мой рюкзак тоже ложится кусок ржавой проволоки, самодельный кованый гвоздь и кусок мрамора, которого в ущелье хва-

тит, наверное, на всех желающих». По Чаре начала гулять шутка: «Была читинская делегация, которая хотела вертолётом вывезти одну из сторожевых вышек, да погода помешала». А мне кажется, что до вышки просто очередь не дошла. Сегодня есть что полегче и поудобнее. Думается, ещё лет десять подобного штурма, и от лагеря ничего не останется...»

А «Комсомольская правда» продолжает нагнетать ситуацию. В январе 1990 года выходит в свет её самое первое видеоприложение, «гвоздь» которого, самые первые кадры – Мраморное ущелье: «Практически полностью сохранившийся сталинский лагерь в Восточной Сибири. Заключение, отбывавшие здесь срок в конце 40-х – начале 50-х годов, проведут вас по зоне, расскажут о царивших здесь беспорядках». На этом и закончилась активность и «Комсомольской правды», и Штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе, и Штаба ЦК ВЛКСМ на Читинском участке БАМа, и их спортивно-туристского центра. Фотокорреспондент ТАСС **Владимир Саяпин**, побывавший в Мраморном ущелье осенью 1991 года, с горечью восклицал: *«Лагерь, хорошо сохранившийся после ухода отсюда последних заключённых, решено было сделать мемориальной зоной. Но дальше громких заявлений дело не пошло. А между тем лагерь безжалостно грабится – туристы, которых становится на Кодаре всё больше и больше, считают своим долгом прихватить по экспонату. Кто остановит это варварство? Кто возьмётся сохранить лагерь? Откликнитесь!»* Увы!

Четыре последующих года Мраморное ущелье отдыхало от такой нашей активности, от «новых хозяев», но стонало под натиском туристов. Потом ещё один виток оживления. Сначала читинские активисты решили привезти в областной центр «камень из печально известного Мраморного ущелья, что вблизи Чары». Вот как это было: «Снарядили экспедицию из активистов-общественников, студентов Читинского педагогического института с их наставником Юрием Руденко. В само ущелье экспедиция не смогла попасть, хотя в составе экипажа вертолёта были офицеры, не раз совершавшие боевые вылеты по узким ущельям Афганистана. Бериевские подручные выбрали для строительства лагеря труднодоступное место среди высоких гор. И пришлось участникам экспедиции взять камни из другого лагеря, расположенного недалеко от Мраморного ущелья. На одном из валунов, доставленных с дальнего Кодара, высекали надпись: «Жертвам политических репрессий». Камни привезли к мемориальному

месту на улице Амурской, напротив стадиона «Труд», и установили в часовенке...» Так писал «пресс-центр для общественных организаций Читинской области». Давайте простим ему эту игру с «лагерями» и ещё раз скажем: в Каларском районе, на Читинском севере был только один лагерь ГУЛАГа. А так, чтобы и в Мраморном лагерь, и чтобы «недалеко от Мраморного лагерь» – это и для Л. Берии явный перебор. Но почему «активисты-общественники» не уточнили, ради чего разворачивался Борский ИТЛ, и не использовали такую благоприятную ситуацию, чтобы вспомнить Первый Забайкальский Уран и отдать ему должное? Отдать и Урану тому, и, главное, тем, кто его разведывал, добывал? Кстати, «труднодоступное место среди высоких гор» диктовалось не «бериевскими подручными», а наличием запасов Урановой руды, поближе к которым и располагались три лагерных пункта всего одного лагеря – Борского.

Со второй половины 90-х годов в операцию включается центр по сохранению историко-культурного наследия при Администрации области и Новочарский филиал краеведческого музея. Наконец-то остатки Борского исправительно-трудового лагеря (о Ермаковском рудоуправлении и Уране вновь ни слова) попадают в список «выявленных исторических памятников». Это ж сколько потребовалось исписать бумаги и пропустить через Синельгу и Мраморное туристско-экскурсионных групп, чтобы «выявить» его?

Областная газета «Забайкальский рабочий» кричит во весь голос: «на второй план уходит главное – лагерь был развёрнут по заявке атомной промышленности... в горах Кодара была добыта урановая руда, использованная для производства первых атомных бомб Союза... выявленный памятник надо рассматривать прежде всего с этих позиций, и этим он представляет куда более весомую ценность, нежели как остатки исправительного лагеря». Но и этот голос остался неслышанным. Причастные к «выявлению» лица говорили в те дни: «выявить – ещё не всё, надо и доказать, что этот исторический памятник является юридическим объектом». Не знаю, если честно, доказали или всё ещё доказывают.

Самый же последний (по состоянию на март 2002 года) этап в этой операции так и назван – «Программа «Память». Прошумели о ней весной 1998 года. Было объявлено: «Центр по сохранению историко-культурного наследия при комитете культуры Администрации Читинской области, областной и Каларский краеведческие музеи намерены покончить с этой стихией. Разрабо-

тана программа «Память» (руководитель С.В. Теруков). Её главные цели: охрана объектов, прежде всего Мраморного ущелья; расширение экспозиции в Каларском музее; выпуск специального фильма; публикации и выступления в средствах массовой информации». Ещё было объявлено, что программа начала действовать – организаторы и защитили её где надо и получили грант Сороса, и областные учреждения в смысле денег кое-что обещали. И всё. Больше об этой программе не слышно, не видно. Ушла в подполье, что ли? Это я сужу по тому, что 50-летие Борского лагеря и Ермаковского рудоуправления заметил и в меру своих возможностей отметил только «Забайкальский рабочий», выдав читателям разворот «Вотчина ГУЛАГа». В те дни я встретился с единственным из оставшихся в живых в Каларском районе спецпереселенцем – Яковом Ивановичем Венцелем. Спрашиваю его: «Будете отмечать эту дату?». Отвечает: «Конечно! Разве можно забыть такое?! И почему с самыми близкими друзьями не выпить рюмку за тех, кто в труднейших условиях давал стране урановую руду? Почему не выпить за то, чтобы подобного больше не было?!»

ПРИМЕР ПОДАЁТ САРОВ

В конце 2006 года в моём распоряжении оказалась работа Владимира Демидова – ученика 11 класса г. Сарова Нижегородской области. Называется она «ИСТОРИЯ УЧАСТИЯ ГРУППЫ АЛЬПИНИСТОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ Л.Я. ПАХАРЬКОВОЙ В УРАНОВОМ ПРОЕКТЕ СССР». Закончена эта работа годом раньше, посвящена всем – вольным и невольным участникам Атомного проекта СССР, своим трудом спасшим мир на земле...». Мне, уже четвёртый десяток лет работающему в Чарской долине, зажатой горами Кодара и Удокана (то есть в самом центре поисков, разведки и добычи Первого Забайкальского Урана), было очень интересно взглянуть на этот Уран глазами молодых россиян, живущих за тридевять земель от него, от места основных событий. Ещё раз вспомним, что ныне город Саров (Арзамас-16) – это Российский федеральный ядерный центр, это Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики. Именно в этом городе, ещё в посёлке Сарова, в 1946 году было организовано конструкторское бюро № 11 (КБ-11) для создания первой советской атомной бомбы. Таков краткий официальный адрес, где живёт и учится неравнодушная к нашей истории, любопытная молодёжь.

Итак, **Владимир Демидов** пишет в своей работе, в частности:

«...Заслуженный мастер спорта СССР по альпинизму, работник ЦК ВЛКСМ Любовь Яковлевна Пахарькова в начале 1952 года была направлена в наш город на должность помощника начальника политотдела по комсомолу. Горожане старшего поколения помнят эту энергичную женщину. С её именем связана история городской комсомольской организации, создание альпинистской секции, разработка туристских маршрутов по родному краю. Однако мало кто знает, что Любовь Яковлевна попала на наш «Объект» (так часто в «Атомном проекте СССР» назывался город Саров и его производство.– А.С.) после выполнения сверхсекретного задания ПГУ (Первого главного управления при Совете Министров СССР.– А.С.) по поиску и разведке урановой руды... В 1997 году туристы саровского объединения «Дорога ветров» посетили краеведческий музей в Новой Чаре и с удивлением узнали, что Любовь Пахарькова в начале 50-х годов работала в горах Кодара на разведке уранового месторождения. В целях сохранения тайны всех альпинистов после этих работ определили на жительство в закрытые города. Так Пахарькова стала жителем города Арзамас-16.

В июле 2002 года мы приняли участие в экспедиции на Кодар, организованной Центром детско-юношеского туризма и экскурсий г. Сарова под руководством А.В. Барина. Целью экспедиции «Кодар-2002» было посещение уранового рудника в Мраморном ущелье, установка там мемориальной доски о работе Любви Пахарьковой, отбор образцов урановой руды для нашего музея ядерного оружия, а также сбор материалов, достоверно подтверждающих, что именно там работала Л.Я. Пахарькова. Все задачи, кроме последней, были выполнены. К нашему удивлению никаких письменных материалов и документов на стендах Каларского краеведческого музея об Урановом месторождении в Мраморном ущелье на Кодаре не оказалось, лишь фотографии. Сотрудники музея во время нашего посещения не смогли ничего объяснить. Но были найдены «Письмо Л.П. Берии И.В. Сталину об открытии нового месторождения Урана» и Постановление СМ СССР № 172-52сс «Об организации геологоразведочных работ на Ермаковском месторождении свинца» (названные документы есть и в этой книжке.– А.С.). В совокупности с другими материалами они позволяют однозначно установить, где работала группа альпинистов под руководством Л.Я. Пахарьковой. В 2003 году при анализе имеющихся у нас документов была на-

писана работа «Научно-исследовательская экспедиция на Кодар. Тайна Мраморного ущелья» (автор – Юлия Боченкова), которая была представлена на Харитоновские чтения и на Всероссийский конкурс «Отечество». Эта работа получила высокую оценку и вызвала большой интерес у участников и экспертов конференции к судьбе альпинистов, принимавших участие в разведке урана. Поэтому мы решили продолжить эту работу...»

Молодые краеведы Сарова нашли довольно широкую поддержку (кто ищет – тот всегда найдёт!). Оказалось, что в архиве местного городского музея с 1969 года есть биографическая справка «Пахарькова Любовь Яковлевна», подготовленная И.И. Калашниковым (её мужем). Более того, ребята пришли к выводу: «по-видимому, Игорь Иванович был первым, кто написал о секретной экспедиции альпинистов».

Вот эта справка:

«В 1949 году Любви Яковлевне Пахарьковой (к тому времени уже старшему инструктору орготдела ЦК ВЛКСМ и мастеру спорта СССР по альпинизму) было поручено подобрать группу альпинистов для работы с геологами, геофизиками и топографами на одном из предприятий ПГУ, расположенном в труднодоступном горном районе северо-востока Союза. Важность задания, трудные климатические условия, высокогорье, сложный скальный рельеф заставили геологов требовать помощи от квалифицированных альпинистов. Любовь Яковлевна подобрала группу из восьми человек, которые в течение полутора лет успешно проводили эту работу, когда зимой морозы доходили до -56°C .

Руководство предприятия (Ермаковское рудоуправление) поручило Любви Яковлевне обеспечить альпинистскую геологическую группу необходимым спортивным снаряжением и инвентарём. Она выехала в командировку и, используя свой авторитет, спортивные и старые служебные связи, сумела отгрузить в адрес предприятия крайне дефицитное снаряжение. Создав на месте школу производственного альпинизма, подготовила группу из 20 специалистов по правильному владению альптехниккой, что обеспечило выполнение производственного задания.

Всё это и решило задачу. Группа в короткий срок выполнила задание руководства ПГУ. Любовь Яковлевна, единственная женщина в группе, участвовала в обработке геофизиками отвесного сложнейшего скального участка стены, работая по 10–12 часов на скалах, зимой при температуре ниже -50°C . Там же Любовь Яковлевна совершила с топографами несколько пер-

вовосхождений на неизвестные вершины, уходя в дальние походы. Из этих походов иногда по месяцам не возвращалась на свою базу. Работа на этом предприятии заслуженно принесла Любви Яковлевне авторитет руководства. Ей и группе товарищей по ходатайству руководства ПГУ было присвоено звание «Заслуженный мастер спорта СССР». Она была четвёртой женщиной Союза, получившей это звание по альпинизму. Она умело использовала своё отличное спортивное мастерство для решения производственных задач».

В работе **Владимира Демидова** есть и выводы, в том числе и такие:

«...В состав группы альпинистов входило восемь человек: Пахарькова Любовь Яковлевна, Калашников Игорь Иванович, Ходакевич Сергей Ильич, Багров Анатолий Васильевич, Аркин Яков Григорьевич, Пелевин Василий, Лапшенков Иван, Зеленов Владимир...»

Основная работа – сплошной картаж (разметка) всех стен цирка Мраморного ущелья сеткой 2 x 2 метра (или даже 1 x 1) и зондаж всех точек пересечений геофизическими приборами (замеры дозиметрами) с целью обнаружения выхода урановых жил. Срок работы альпинистов: по Калашникову – 1,5 года, т.е. до лета 1951 года; по Аркину – 9 месяцев, т.е. до осени 1950 года. Анализ имеющихся документов показал, что экспедиция длилась с декабря 1949 года до осени 1950 года, поэтому, по-видимому, прав Я.Г. Аркин. После выполнения правительственного задания Я. Аркин и В. Пелевин вернулись в Москву, а четверо членов альпинистской группы (Л. Пахарькова, И. Калашников, А. Багров и С. Ходакевич) были направлены в Арзамас-16. Логично предположить, что В. Зеленов и И. Лапшенков оказались в Челябинске-40 (Озёрск). Изученные документы и материалы, результаты экспедиции «Кодар-2002» послужат основой оформления специальной выставки в музее ядерного оружия в г. Сарове».

В почтовом пакете с работой Владимира Демидова оказалось и письмо его отца **Алексея Александровича Демидова** – отличное дополнение к только что сказанному:

«...Замысел очень простой: вот в музее макеты в натуральную величину – образцы ядерного и термоядерного оружия, а вот образцы первичного материала – урановой руды – «камешки» с минералом уранинитом... Но главное, конечно, Люди – Участники (орфография письма сохранена.– А.С.) альпинистской экспедиции на Кодар 1949–1950 гг., в том числе заслуженные ма-

стера спорта СССР по альпинизму, о которых даже сейчас мало чего известно широкой публике. Материала уже собрано на «целый роман», но ещё больше осталось белых пятен. Главная наша удача – мы вышли на последнего живого участника той Экспедиции 1949-1950 гг. Это Евгения Сергеевна Сидорова – вдова ЗМС по альпинизму, легендарного Анатолия Васильевича Багрова (он один из тех альпинистов, кто сбрасывал немецкие флаги с Эльбруса в феврале 1943 года, а потом ещё и работал в качестве инженера-альпиниста в в/ч 10840 на Кодаре – п/я 81). Евгения Сергеевна была в Экспедиции на Кодаре в качестве техника-картографа в в/ч 10840, п/я 81 (самая молодая из 10 москвичей-участников), ей 14 ноября 2006 года исполнилось 80 лет. Нашей работе она дала высокую оценку, и мы поддерживаем с ней телефонную связь...» И вот ещё одно сообщение из этого всемирно известного города атомищиков:

«27 августа 2009 года на станции детского и юношеского туризма собрались любители активного отдыха, чтобы отчитаться об экспедиции на Кодар, к которой они готовились целый год. Основной целью далёкого путешествия была установка мемориальной плиты в Мраморном ущелье в память альпинистов, работавших на разведке месторождения Урана для первой атомной бомбы. Кстати, покорять эти места саровчане начали в 2002 году – тогда они установили памятную табличку Л. Пахарьковой. После этого началась большая исследовательская работа с целью поиска реальных документов, свидетельствующих о том, что именно на Кодаре работала группа москвичей из десяти человек. Рассекреченные документы Атомного проекта СССР были получены из архива Президента РФ. Как выяснилось, сами альпинисты до конца своих дней были уверены, что работали на Удокане. Наши исследователи вышли на последнего живого участника экспедиции 1949–50 годов – Е. Сидорову, которая по фотографиям опознала ущелье и прислала свои воспоминания. Тогда же она спросила, почему плита была установлена только в память одного человека, ведь там работали и другие заслуженные мастера спорта СССР по альпинизму. Евгения Сергеевна уточнила полный состав участников той легендарной экспедиции, шестеро из которых впоследствии были направлены на работу на наш Объект. А ещё выяснилось, что эта бригада стала по сути родоначальником промышленного альпинизма, когда шестьдесят лет назад впервые покорила Кодар. Поэтому установка 3 августа 2009 года мемо-

риальной плиты с фамилиями участников стала восстановлением исторической справедливости. Теперь на ней все имена: Л. Пахарькова, С. Ходакевич, И. Калашников, А. Багров, Я. Аркин, В. Пелевин, И. Лапшенков, В. Зеленов, А. Андропова, Е. Сидорова...

(Саров, август 2009 года)

Молодёжь Сарова – Российского федерального ядерного центра – своими поисками убедительно доказывает нам, что память о Первом Забайкальском Уране живёт. Подвижничество молодых поддерживает весь город, в чем я постараюсь убедить вас ещё одной блокнотной записью:

«9 ноября 2007 года

ИЗ МРАМОРНОГО – В ЯДЕРНЫЙ ЦЕНТР

Письмо из Российского федерального ядерного центра — Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (г. Саров Нижегородской области): «Сегодня, 30 октября, в нашем музее ядерного оружия состоялось торжественное открытие выставки «К 90-летию Л.Я. Пахарьковой» с экспозицией и результатами исследований наших образцов Урановой руды из промышленной зоны Мраморного. И место нам выделили непосредственно рядом с РДС-1, как и было задумано. Эта выставка со временем перейдет в разряд постоянно действующих под рабочим названием «Восхождение к Урану». Открывал и закрывал мероприятие сам директор музея В.И. Лукьянов. Все прошло вполне успешно, на душевном подъеме. Теперь частицы каларской земли – образцы первой советской процентной Урановой руды – будут всегда представлены рядом с первой советской атомной бомбой. Завершен большой этап нашей работы... Алексей ДЕМИДОВ, сотрудник института».

Это началось в 1997 году. Туристы саровского клуба «Дорога ветров» побывали в Новочарском краеведческом музее и сделали открытие: работник ЦК ВАКСМ, первый комсомольский вожак атомного центра, заслуженный мастер спорта СССР по альпинизму Любовь Пахарькова трудилась и на разведке уранового месторождения в горах Кодара. Эта строка как нельзя лучше вписывалась в биографию хорошо известной землячки, но ее надо было тщательно выверить, подтвердить более убедительными фактами, нежели обнаруженными в провинциальных хранилищах. И вот большая работа завершена. Саровские ребята восстановили все детали альпинистской экспедиции 1949–1950 годов в наши горы, в том числе и конкретный вклад спортсменов

в изучение самого первого российского Уранового месторождения, где была найдена и первая советская руда с процентным содержанием Урана. В 2002 году в горы Кодара приехала небывалая по численности (38 человек) и удивительная по составу группа саровских туристов под руководством Александра Барина и в Мраморном ущелье, где трудилась Любовь Пахарькова, установила мемориальный знак об этом. Попутно с помощью дозиметра были взяты и пробы Урановой руды, такой, что использовалась и при создании первых советских ядерных зарядов. Ребята сумели доказать, что этим пробам самое место рядом с макетом первой советской атомной бомбы РДС-1. И это еще одно яркое, убедительное признание вклада забайкальского Урана в Атомный проект СССР. (9 ноября 2007 года)»

В августе 2009 года администрация Каларского района, оценивая вклад г. Сарова в выпуск второго издания «Ключа Мраморного», направила группе саровчан благодарственные письма. И вот Алексей Александрович Демидов сообщает:

«29 сентября я торжественно вручал Благодарственное письмо В. И. Лукьянову в Музее Ядерного оружия! Он сейчас проводит цикл лекций-экскурсий для старшеклассников Сарова в Музее для профориентации молодежи в связи с 60-летием испытания первой отечественной атомной бомбы! И стенд с рудой из Мраморного у него любимый экспонат! Он положил рядом дозиметр «ПОИСК-2М» и при рассказе о создании урановой базы СССР с удовольствием демонстрирует школьникам активность одного из образцов в 250 мкр/ч при естественном фоне в 10 мкр/ч! Виктор Иванович ведь бывший школьный учитель физики, и для него это как лабораторная работа для ребят! А как горят у ребят глаза при виде настоящей урановой руды!...»

Нам бы, забайкальцам, не отставать от саровских краеведов-патриотов.

Из последних писем, полученных мною по этой теме, хочется выделить ещё одно:

«Москва. «Научно-информационный и просветительский центр «МЕМОРИАЛ»... О Борлаге сведений у нас не много. Вам, конечно, известна статья в «Российской газете» от 21.01.2004 г. «Бомба для Берии», автор Олег Нехаев, с весьма обильными, как положе-

но у журналистов, неточностями, а то и глупостями. Года три назад Мраморное посетила группа школьников из Комсомольска-на-Амуре, сотрудничающая с тамошним «Мемориалом», они передали нам много фотографий и описания. Я слышал рассказы об этом лагере ещё в 1960-х годах, когда начинал работать в экспедициях в Забайкалье... В Могоче мне рассказывали о погибшем от мороза этапе в 700 человек, шедших по зимнику из Могочи в Мраморное...» (16 декабря 2005 года).

Этот документ убеждает нас в том, что и сегодня, когда основные архивы рассекречены, когда в нашем распоряжении столько различных публикаций, для разногласия, даже если это центральный «Мемориал», места остаётся вдоволь. А ещё документ убеждает нас в том, что память о кодаро-удоканских событиях 1949–1951 годов не только живёт, но и крепнет.

Может быть, этот исправительно-трудовой лагерь в Союзе был самым недолговечным. Может быть, он был не самым типичным. Наверняка он был не самым крупным. Нет пока в нашем распоряжении необходимой статистики, чтобы делать более решительные выводы. Решительно можно сказать только об одном факторе (кстати, факторе из тех, вокруг которых немало толков): место дислокации Борского ИТА было продиктовано интересами атомной промышленности страны, а не поисками наиболее суровой и необжитой территории. В свой пиковый год этот лагерь по численности почти в два раза превышал всё остальное население Каларского района, значительно превосходил он его и своими материально-техническими возможностями. Но сказать, что и в этом случае «вот какой мощной была индустрия подавления» – будет, пожалуй, не совсем правильно. И то, и другое диктовалось опять-таки интересами атомной промышленности страны. Этим же была продиктована и довольно быстрая ликвидация лагеря со всей его разбросанной сетью.

Лагерь был ликвидирован быстро, поскольку не оказалось нужды в Ермаковском рудоуправлении. Недвижимое имущество всё оставлено на месте, практически в том виде, как оно было на день отъезда «контингента» и obsługi. Наверное, не было необходимости «заметать следы».

Давно подготовлен проект Кодарского национального природно-исторического парка. Мраморное ущелье, где разы-

грывались главные события из описанных здесь, будет интереснейшей достопримечательностью парка. Будет ли?

Рано или поздно, но в названные и не названные здесь точки вернутся геологи. Впрочем, в середине восьмидесятых они это уже делали. Когда с основной разведкой удоканской меди было закончено, Удоканская экспедиция нашла средства и на поиски Уранового сырьё. Срочно были пробиты зимник, а потом и летник на самый север области – в район озера Ничатка. И ныне живущие в Чаре геологи, супруги Анатолий и Галина Давыденко легко вам докажут, что труды тех лет и Удоканской экспедиции, и их лично не пропали, и что в историю каларского Урана будут вписаны новые и не менее интересные страницы.

Сегодня, когда пишутся именно эти строки, 10 февраля 2007 года, на мониторе компьютера замелькал сигнал: «получено письмо по электронной почте». Вскрываю его. Письмо из Сарова, от Алексея Александровича Демидова, очень активно помогающего в подготовке второго издания «КЛЮЧА МРАМОРНОГО». А в заключении этого письма значится: *«...Я уже понял, что надо сделать в ближайшее время – просмотреть все рассекреченные документы «Атомного проекта СССР» на предмет упоминания Ермаковского рудоуправления. Дело осложняется тем, что документов сотни, а листов тысячи. Упрощает поиск сравнительно короткий временной интервал существования Ермаковского рудоуправления: 1949–1951 годы...».*

К письму А.А.Демидова уместно добавить и то, что ещё много-много документов из тех лет по этой тематике остаются, по вполне понятным причинам, закрытыми.

А годом раньше я получил письмо и от бывшего заключённого Борского ИТЛ, активного помощника при подготовке первого издания, который в книжке проходит под псевдонимом **Василий Иванов**. Читинец пишет, в частности:

«...Наконец-то я получил вашу книгу, прочёл её в одно дыхание, с большим чувством пережитого мною в тех местах, которые вы описываете. Есть, конечно, некоторые замечания, но они несущественные. В общем и целом считаю, что книга удалась, она будет хорошим подспорьем для краеведов, историков да и всех любознательных... Ваша книга всколыхнула мою память о том далёком времени. Я был тогда узником лагеря № 2 «Мраморный ключ». У меня тогда был срок 15 лет по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 04.06.1947 г. – за нарушение условий денежной реформы 1947 года (я тогда был началь-

ником обменного пункта и допустил некоторые злоупотребления своим положением). Я даже посмотрел на фото свой барак, в котором я жил тогда. Прискорбно, но интересно. Надо же слушаться такому?..»

ПАМЯТЬ ВСЁ ЖЕ ЖИВЁТ, ОСТАЁТСЯ С НАМИ.
ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Второе и третье издания этой книги готовились в дни юбилейного календаря Мраморного. Практика давно приучила нас оценивать события минувшие с колокольни повыше – то есть не спешить с выводами, выдержать время. Вот журналистские записи тех дней:

**«18 июня 2008 года
ЗАБАЙКАЛЬСКОМУ УРАНУ – 60 ЛЕТ
ПЕРВОЕ РОССИЙСКОЕ**

Рождалось оно под грифами «Строго секретно», «Сов. секретно (Особая папка)», а потому не отмечались даже его круглые даты. Сегодня этих тайн, по большому счёту, нет. Но это ещё не значит, что мы отдадим должное юбиляру. И всё же... Давайте хотя бы проверим свою память.

ОТКРЫТИЕ ГОДА

Нет сомнения, Лаврентию Берии место в нашей истории обеспечено навсегда. И потому, что это была самая яркая личность во главе «внутренних дел». И потому, что его вклад в становление атомной промышленности СССР и создание первых бомб на урановом сырье трудно переоценить. По сути, он был вторым, после Иосифа Сталина, лицом в стране послевоенных лет. Ему и поручено было оценить ядерную гонку с США. В откровенной, детальной записке на имя вождя он сообщал, в частности, что «Академия наук и Наркомцветмет в течение двух лет не смогли вывести из кустарного состояния работы по добыче и переработке урана и научно-исследовательские работы по изучению и использованию урана». Лидер Атомного проекта СССР (он же и лидер НКВД – Народного комиссариата внутренних дел) предложил на подпись Сталину ряд мер для исправления положения, первыми из которых были такие:

«а) передача научно-исследовательских работ по Урану, добычи и переработки основных Урановых месторождений в ведение НКВД СССР; б) выделение НКВД СССР необходимого обо-

рудования и материалов для развёртывания работ по Урану». Вождь в достаточной мере верил своей «правой руке», а потому за решением дело не стало. Первым пиковым годом в реализации его стал 1948-й, в чём нас убеждают фрагменты из следующего кремлёвского документа – письма Лаврентия Берия «6 января 1949 года. Сов.секретно. Товарищу Сталину: (текст этого письма есть в книге).

В моём распоряжении есть перечень месторождений Урана в СССР 1948 года. Они были только в Ферганской долине (Узбекистан). В той или иной мере были подсчитаны и запасы Урана, попадавшегося в железных рудах Кривого Рога, в углях Киргизии, в сланцах Эстонии, Ленинградской области, Казахстана. В перечне даже есть строка: «В Забайкалье уран встречается на Шерловогорском оловянном руднике». Вот и весь урановый полигон, скажем так, того СССР. Россия в нём представлена весьма скромно, у неё не было ни одного месторождения так нужного стране сырья. В приведённом письме Берия речь идёт о первом российском. И оно открыто у нас, на нашем Кодаре ровно шестьдесят лет назад.

Начиналась увлекательная история забайкальского Урана, который ныне, давайте согласимся, является марочной продукцией Забайкальского края. В том 1948 году его ставили в один ряд с наиболее известными месторождениями Чехословакии и Саксонии. Потом о Мраморном (так чаще всего называется этот геологический объект) даже в самых секретных кабинетах забыли на многие годы. Опираясь на нашу сегодняшнюю практику, то событие можно бы называть открытием года. Но мы уже не раз говорили, каким был тот, 1948-й, в какой ситуации он развивался. В наши дни истина мало-помалу восстанавливается. К примеру, главный геолог довольно известной «Сосновгеологии» Дмитрий Самолич говорит: «Богатые руды первого уранового месторождения Мраморного были использованы для реализации Атомного проекта в 1949–1950 годах». Кстати, следующие строки он посвящает нашему Стрельцовскому рудному району и Приаргунскому горно-химическому комбинату, подчёркивая: «Сегодня это единственное на территории России уранодобывающее и перерабатывающее предприятие». Это к слову о марочной продукции и 60-летнем юбилее.

ОЧЕНЬ НУЖНАЯ ОШИБКА

Итак, в 1948 году центр получил рапорт: «открыто месторождение урана и названо Мраморным». Прочитал я однажды о нём такое: «Едва сообщение ушло наверх, как в Чару посыпались комиссии. Геологов, не успевших ещё толком обследовать рудопроявление, оттеснили генералы. Спешка была жуткая. Очевидцы рассказывают, что в Читу согнали десятки «Ли-2». Их под завязку загружали зеками и перебрасывали в Чару, на секретный объект Синельга...»

Земля каларская со всеми её природными богатствами значится уже в десятках московских, на высшем уровне директив. Но первая рождена именно этим урановым рудопроявлением, и дата её – 15 января 1949 года. Всего через девять дней после бериевского доклада вождю о кодарском открытии на подпись И. Сталину было представлено «Постановление Совета Министров СССР № 172-52сс «Об организации геологоразведочных работ на Ермаковском месторождении свинца». Документ громаднейший (четыре страницы убористым текстом), документ очень конкретный, с поразительными деталями и сроками. Лично я давно неравнодушен к Кодару, любое найденное в той или иной публикации хотя бы упоминание об этих горах – прекраснейшая музыка для души. А тут четырёхстраничное, на высшем директивном уровне постановление?! Славен мой Кодар! Но обратимся к документу, его первым строкам:

«г. Москва, Кремль, 15 января 1949 г.

Сов. секретно (особая папка)

Совет Министров СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать Первое главное управление при Совете Министров СССР (т. Ванникова):

а) организовать в 1949 г. промышленную разведку на Ермаковском месторождении свинца, открытого Министерством геологии, и попутную добычу свинцовой руды;

б) организовать для этой цели в системе Первого главного управления при Совете Министров СССР рудоуправление;

в) присвоить рудоуправлению наименование «Ермаковское рудоуправление»... (полный текст этого документа также есть в данной книге)

Это предприятие в Атомном проекте СССР сыграло довольно заметную роль. Прежде всего потому, что было открыто и действовало в 1949–1951 годах на первом российском Урановом месторождении. Второе – его производственная биография оказалась, наверное, самой короткой в том Проекте. Третье – именно здесь, на Кодаре, была совершена, а потом детальнейшим образом изучена, проанализирована ошибка, без которых, к сожалению, в новых делах не обойдётся, которые даже очень нужны, чтобы успешнее продвигаться вперёд. Думаю, Мраморное послужило Атомному проекту СССР отличным испытательным полигоном, и в этом его главная заслуга. Впрочем, здесь и Уран добывали. Пусть его разведанного оказалось всего 160 тонн, а добытого – лишь около двух тонн, но это получено вовремя, получено на первом российском месторождении, на первом. И этому факту дал достойную оценку Ядерный центр России (г. Саров) – в своём музее, рядом с макетом первой атомной бомбы СССР они открыли экспонат с кодарской урановой рудой. Нам бы, читинцам, сделать нечто подобное хотя бы в юбилейный год забайкальского Урана, нашей марочной продукции?!

После закрытия Ермаковского рудоуправления об Уране каларском надолго забыли. Поиски сместились в другие места, в частности, и на юг Читинской области, где после вырос Краснокаменск с его предприятиями и нынешней славой.

Что было – то было. Хотим мы того или нет, а Уран в земле каларской есть, что ещё раз было доказано в 80-х годах, доказывалось и в наши дни – знаменитая «Сосновгеология» вернулась на Читинский север и разворачивает работы довольно широко-масштабно. Мы гордимся тем, что он, первый разведанный и добытый, был использован в первых советских ядерных устройствах. Без них не было бы взрывов, возвестивших миру, что Советский Союз создал ядерный щит. Но основные Урановые запасы нашего севера всё ещё в недрах. Ещё раз повторим известное утверждение специалистов: **«Что касается урановой минерализации на севере области, где в пределах Сьюльбанской и Чарской перспективных площадей выявлены многочисленные проявления с богатыми рудами, приуроченными, как считалось, к крутопадающим разрывам, то они первоначально получили отрицательную оценку. Однако повторный, более тщательный анализ материалов, проведённый в последнее время, показывает, что наиболее вероятна ведущая роль не крутопадающих, а пологих**

тектоно-магматических структур, что позволяет более оптимистично оценивать ураноносность этого района...».

Забайкальскому Урану только шестьдесят.

(18 июня 2008 года)

«5 августа 2009 ЭКСПЕДИЦИЯ «КОДАР-2009»

В конце июля 2009 года в Мраморном ущелье побывала экспедиция «Кодар-2009» из города Сарова Нижегородской области. Возглавляли её уже известные читателю Александр Баринов и Алексей Демидов, основной состав – сотрудники Российского федерального ядерного центра – научно-исследовательского института экспериментальной физики (РФЯЦ – ВНИИЭФ). Саровчане на Кодар приходят не впервые и почти всегда оставляют заметные следы. В 2002 году в знаменитом ущелье появилась «МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА. Установлена в честь основателя федерации альпинизма г. Сарова, заслуженного мастера спорта СССР Пахарьковой Любови Яковлевны, работавшей в Мраморном ущелье в 1951 г. 2002 г.». Благодаря последующим поискам им удалось существенно обогатиться информацией, и экспедиция «Кодар-2009» оставила в ущелье следы гораздо значительнее:

«ПАМЯТНАЯ ПЛИТА. Установлена на Урановом месторождении «Мраморное». К 60-летию добычи первого российского Урана Ермаковским рудоуправлением (1949–1951). В память о работе на руднике в 1949–1950 гг. лучших альпинистов страны в составе Центральной ревизионной партии (ЦРП) Первого главного управления при Совете Министров СССР (первой бригады промальпа России):

Пахарькова Любовь Яковлевна – начальник ЦРП,
Ходакевич Сергей Ильич – замначальника ЦРП по альпинизму,
Калашников Игорь Иванович – инженер-альпинист,
Багров Анатолий Васильевич – инженер-альпинист,
Аркин Яков Григорьевич – инженер-альпинист,
Пелевин Василий Сергеевич – инженер-альпинист,
Лапшенков Иван Дмитриевич – инженер-альпинист,
Зеленов Владимир – инженер-альпинист,
Андропова Милитина Николаевна – инженер-картограф,
Сидорова Евгения Сергеевна – техник-картограф.

Участники экспедиции «Кодар-2009», г. Саров Нижегородской области, июль–август 2009 г.».

23 июня 2009 года, «Забайкальский рабочий»:
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «КЛЮЧА МРАМОРНОГО»

В Чару поступили первые экземпляры второго издания книги журналиста Анатолия Снегура «КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ».

За первое в 2005 году взялось по своей инициативе читинское книжное издательство «Поиск». 500 экземпляров книжки с подзаголовком «Хроника Первого Забайкальского Урана» разошлись вмиг, а к автору посыпались письма и звонки с просьбой подумать о новом тираже. Но самое решительное слово прозвучало из города Сарова Нижегородской области – из Российского федерального ядерного центра. Учёные, прежде всего старший научный сотрудник Алексей Демидов, предложили не только переиздать книжку, но и дополнить её, опираясь на рассекреченные документы Атомного проекта СССР. Все они были предоставлены автору. Саровцы взяли на себя и финансирование издания, и полиграфические работы, и необходимые консультации. Из небольшой книжки в 108 страниц выросла настоящая книга, в два с половиной раза более ёмкая, богато иллюстрированная цветными и черно-белыми фотографиями. И тираж по нашим временам вполне солидный – 500 экземпляров. Организаторы издания обещают, что Каларский район получит сто экземпляров книги, а весь остальной тираж будет использован на месте. (*«Забайкальский рабочий»*)

Первая презентация книги состоялась в музее ядерного оружия в городе Сарове. **Алексей Демидов** сообщает в электронном письме: *«Спешу сообщить Вам, что презентация КНИГИ прошла в Музее ВНИИЭФ 9 июня на ОГРОМНОМ ДУШЕВНОМ ПОДЪЕМЕ! Участникам – сотрудникам института, ветеранам комсомола, ветеранам альпинизма и спортивного туризма Сарова, молодым туристам-руководителям спортивных групп, представителям местных СМИ, участникам экспедиций и походов на Удокан и Кодар, родственникам Л.Я. Пахарьковой и И.И. Калашникова – было вручено более 70 экземпляров КНИГИ! Открывал и закрывал мероприятие Директор музея ядерного оружия В.И. Лукьянов! Выступали (кроме меня) Баринов А.В. – руководитель экспедиции «Кодар-2002» и организатор юбилейной экспедиции «Кодар-2009», Орлов Н.И. – инструктор альпинизма, лично знавший Л.Я. Пахарькову, ветераны комсомола города и средняя дочь Л.Я. Пахарьковой – Елена Игоревна Купреева! Если*

бы Вы видели, как горели глаза комсомолок Сарова начала 50-х годов! Я просто купался в этих лучах... А настоящая презентация будет в Новой Чаре, и книги для неё будут».

Средства массовой информации г. Сарова освещали это событие так:

«9 июня в Ядерном центре состоялась презентация книги А. Снегура “Ключ Мраморный”. Она посвящена истории открытия и освоения первого Уранового месторождения на Кодаре. Необычна презентация тем, что представлял книгу не её автор, который живёт в далёком забайкальском крае, а наш неутомимый историк-краевед Алексей Демидов, немало сделавший для того, чтобы книга “не нашего”, не саровского автора вышла в типографии ВНИИЭФ. Выйдя, книга сразу стала библиографической редкостью – её тираж всего 500 экземпляров... В этом году отмечается сразу несколько крупных юбилеев, в том числе и 60 лет испытания первой атомной бомбы РДС-1. Случилось, что и экспедиция под руководством Л.Я. Пахарьковой началась 60 лет назад. Так что “Ключ Мраморный” – прекрасный подарок всем, кто интересуется историей Атомного проекта СССР...»

Эта презентация намечена на 29 июля. Предполагается, что в ней будет участвовать и экспедиция «Кодар-2009» из этого города, которая привезёт мемориальную плиту для установки в Мраморном ущелье в честь 60-летия открытия первого российского Уранового месторождения и добычи Первого Забайкальского Урана. Любопытно, что такие памятные даты пока собираются отметить только наши далёкие гости. Никаких подвижек по этому поводу ни в районе, ни в крае не замечено. *(23 июня 2009 года)*

ПОИСК МОЛОДЫХ

25 сентября 2009 года

Каларский центр туризма, действующий при новочарском краеведческом музее, давно известен во всей России и далеко за её пределами. Известность эта базируется на том, что здесь на удивление собрались истинные патриоты земли каларской, и среди них прежде всего инструкторы. Кому из поклонников хребтов Кодара и Удокана неизвестны имена Виктора Рыжего, Сергея Логвиненко, Виталия Орлова?

Возглавить группу подростков, выбравших горно-таёжные тропы, а нередко и маршруты бестропные, быть инструктором... Что для этого требуется прежде всего? – спрашиваю Виталия Орлова. Ответ не враз. Перебираем и то, и другое. Останавливаемся на трёх непереносимых требованиях: знать, отвечать и смотреть в завтра. Безграничным оказывается первое – знать. Группа (по кодарской практике это может быть от одиночки до тридцати и более человек) уходит в автономное, скажем так, плавание на срок от одного дня до трёх и более недель. Люди бросают привычный жизненный уклад и переключаются на совершенно отличный от него. Сразу же возникает масса всяких новых ситуаций, в том числе и незнакомых. Выйти из них с честью, без потерь даже в самых экстремальных условиях (а Кодар с Удоканом ой как богаты на них!) – это нелегко. Но обязательно, коль ты решил приобщиться к племени туристов.

Второе требование в смысле границ поскромнее, зато ещё жёстче – ты берешь ответственность за жизнь тебе доверившихся. Третье ещё скромнее – не забывать, что придёт и завтра, что и через год тебя и твоих спутников потянет на те же и тем более на ещё не открытые тропы, а потому готовься к этому сегодня.

Виталию двадцать семь лет, коренной забайкалец (читинец). Мечтой встретиться с Кодаром загорелся десять лет назад, когда в Чите формировалась чуть ли не первая группа, в обязанности которой, помимо всего прочего, входило и открытие массового читинского туризма на земле каларской. Обстоятельства тогда сложились так, что ему пришлось уехать с семьёй на море. «Как я локти кусал после этого», – вспоминает мой собеседник. На эту землю он попал лишь в 2001 году, но маршрут был удоканский, а Кодару он «только ручкой помахал». Но в те годы уже заметно был занят в областном центре туризма, где, считает, получил неплохую школу. Мечта его – перебраться в Чару – крепла и осуществилась в конце 2003 года («как раз в день рождения, что и стало мне подарком»). И вот он инструктор набирающего известность и опыт каларского центра туризма.

Таких походов-экскурсий, насколько мне известно, в истории каларского туризма не было. Конечно же, его начало было кодарским с перспективой продолжиться и в удоканском исполнении. Первая цель в отчёте выражена так: «спортивный интерес и прохождение пешего маршрута третьей категории сложности». Цель вторая, параллельная – «экспедиционная работа по изучению и исследованию всех борских лагерей». А Борский исправительно-

трудоустрой лагерь вместе с Ермаковским рудоуправлением – это обширнейшая география, включавшая помимо Кодара и Чарскую долину, и хребет Удокан, и автозимник до Могочи, и саму Могочу. Каларские туристы намерены выяснить местонахождение всех лагерных пунктов, всех объектов предприятия, в меру возможного и необходимого изучить их, пока ещё сохранились остатки от 1949–1951 годов. Большущая и ответственная работа, что они возложили на себя, результат которой может вконец преобразовать каларское краеведение. Виталий Орлов и Сергей Логвиненко, как инструкторы, понимают это, как и то, что прежде надо преобразовать местный туризм, придав ему характер «походно-экспедиционный».

Вспомним, с чего начинались известная география Мраморного в 1988 году. Мы, журналисты и местных, и центральных СМИ ничего, кроме этого ущелья, не могли выдать читателю. Ничего! Только Мраморное и Мраморное, даже Синельга как забайкальский центр Уранового натиска ещё была в жёстком секрете. Ни слова даже о Ермаковском рудоуправлении, у которого было такое расширенное и ёмкое производство, которому досталась честь разведывать и отрабатывать самое первое российское месторождение Урана, которое и выдало на-гора самый первый забайкальский Уран. Конечно же, с появлением современной «гласности», с рассекречиванием большинства документов Атомного проекта СССР мы получили возможность развернуть тему Мраморного во всю ширь, на всю глубину. Многочисленные публикации в «Забайкальском рабочем», два издания «Ключа Мраморного» – это немало даже для такой серьёзной темы. Спрашиваю Виктора Орлова об истоках экспедиции 2009 года. Отвечает враз, коротко:

«Ваша книга подтолкнула нас». Но я-то уже знаю, что в книге этой они, молодые и любопытные краеведы, нашли весьма существенные недостатки. И ликвидировать хотя бы один из них... Уже сказано, какой они оформили задачу для себя. Мне же она видится гораздо шире, сложнее: **они решили восстановить географию Ермаковского рудоуправления и Борского ИТА, для чего нужно сначала найти все остатки этих организаций, ревизовать и описать их с соответствующим документальным оформлением. И требуется сделать это пока не поздно, сделать для себя, сделать для тех, кто выйдет на тропы будущего.**

За тринадцать дней они прошли 190 километров. Были пере-

ходы от 4 до 23 километров, были дни, отданные напористому дождю. Сделали 11 детальных исследований объектов с описаниями, схемами, объёмистым фотоприложением. Мне было любопытно узнать, что же Виталий Орлов напишет в заключительной части отчёта, в выводах. И вот читаю:

«Анализируя маршрут, можно прийти к выводу: поставленные цели и задачи были выполнены полностью. Совмещение спортивного похода с научно-исследовательской экспедицией привело к положительным результатам. Большая часть групп - это дети (школьники и студенты), пройдя маршрут, они получили расширенные краеведческие знания и повысили свою спортивную квалификацию по туризму».

Каларский туризм в своём развитии смело набирает темпы, уверенно шагает в будущее, основа которого – богатейшие местные природно-исторические достопримечательности. Правильно, толково распорядиться ими – благороднейшая задача. И она, показывает практика, вполне посильна каларским туристам.

(25 сентября 2009 года)

Итак, благодаря каларским молодым туристам в нашем распоряжении появились довольно ёмкие и содержательные описания лагерных пунктов и производственных участков Ермаковского рудоуправления из 1949–1951 годов. Ещё не всех, ещё остаются такие, о которых имеются лишь косвенные сведения (это тоже убеждает нас в обширнейшей географии первого забайкальского Урана). Их туристический отчёт сейчас доступен всем интересующимся темой. Понятно, есть уже отклики. А первый пришёл от питерца – геолога, кандидата геолого-минералогических наук Сергея Константиновича Вояковского, который много-много лет занимается Читинским севером. И вот, к примеру, какие у него строки: «...Писать надо не «штольня» (они горизонтальные), а «шахта» (они всегда вертикальные). «Сам лагерь по площади небольшой...». Не совсем так. Почему-то авторы не пишут о значительных постройках по левому берегу р. Хадатканда в её приустьевой части. О существовавшей ранее взлётно-посадочной полосе. О пилораме на 9-м км. О самой дороге в 22 км вдоль р. Сьюльбан. А это всё единое хозяйство Сьюльбанского подразделения Ермаковского рудоуправления. Ну, конечно, и кладбище теперь можно отнести в это же хозяйство...»

Давайте познакомимся с основными фрагментами описаний в том виде, каковые они в туротчёте, какими они получились у молодых. Будем помнить при этом, что лучше иметь что-то, чем ничего.

«Нитка» маршрута у них была такой: п. Новая Чара – западный портал туннеля Кодар – р. Сюльбан – р. Хадатканда – перевал Озерный – р. Озерный – р. Верхний Сакукан – р. Таежный – р. Верхний Сакукан – р. Бюрокан – перевал Балтийский – р. Балтийский – р. Средний Сакукан – Мраморное ущелье – р. Средний Сакукан – верховья ручья Угольный – р. Средний Сакукан – Среднесакуканская морена – озеро Таежное (западная окраина Чарских песков) – р. Верхний Сакукан – ж/д мост через реку Чара – п. Новая Чара.

Интересующая нас часть туротчёта выглядит так: «Вторая цель – это экспедиционная работа по изучению и исследованию всех Борских исправительно-трудовых лагерей, находящихся с 1949 по 1951 годы на хребте Кодар: поиск отдельных лагерных пунктов БОРСКОГО ИТА и относящихся к этим лагерям объектов; оценка сохранности отдельных лагерных пунктов, их описание и фотосъемка; сбор экспонатов для Каларского историко-краеведческого музея... Из существовавших десяти отдельных лагерных пунктов Борского ИТА нами были исследованы шесть...»

Описание отдельного лагерного пункта № 10 (фрагменты):

Этот лагерный пункт (по архивным документам) действовал в 1950–1951 годах. Максимальная численность заключенных достигала 552 человека (август 1950 г.). Располагался объект выше устья реки Хадатканда (левый приток реки Сюльбан), по обе стороны реки. На левом и правом берегах высокие насыпи (скорее всего, была тросовая переправа). На левом берегу зона огорожена двумя заборами из колючей проволоки. Здесь находятся геологические разрушенные склады (жерны с пробами). Есть штольня, замороженная льдом (находится возле насыпи на берегу). Нашли огромный сейф, место кочегарки или хлебопекарни, подстанция или радиорубка, много жестяных печей (это говорит о том, что заключенные жили в палатках). Развалины от изб.

На правом берегу первыми по дороге попадают склады с породой высотой около 3-х метров (сохранились крыши и столбы, без стен). Далее вдоль дороги с правой стороны по ходу идет выложенная из бревен дорожка до огромной насыпи. За насыпью тоже находятся старые развалившиеся постройки (в виде складов). По-

сле насыпей с левой стороны дороги располагается вертикальная штольня, залитая водой. Далее по ходу начинаются ограждения из колючей проволоки и полуразрушенная вышка для охраны.

Сам лагерь по площади небольшой, около 1–1,5 гектара. По расположению объектов можно прийти к выводу, что зона располагалась на левом берегу Хадатканды, а работы велись на обоих берегах.

Напротив устья р. Хадатканда, на противоположном берегу р. Сюльбан на скале имеется высеченная надпись: «Гришин В. 20-V 1950 года» и высечен крест.

Ещё одно описание, которое я предлагаю вам почти без сокращения. Оно, думаю, даёт нам довольно убедительное представление о работе, проделанной экспедицией Каларского музея, и о лагерных пунктах, каковыми они были в те далекие годы, какими они остались на сей день.

Описание отдельного лагерного пункта в долине Верхне-го Сакукана:

Этот объект находится на высоте около 2000 метров. Здесь много разрушенных строений и вещей. Самые удивительные из них в устье реки Бюрокан. Здесь железные приспособления сидел для лошадей. Чуть выше большое квадратное здание, размерами примерно 6 x 7 метров из цельных листовенниц, без окон, крыши тоже нет, забито оборудованием. Внутри здания приспособления к печному отоплению, большие котлы, термос на 100 литров. Недалеко в прибрежной скале выбита ниша. По обстановке было понятно, что это ангар для трактора. От устья реки Бюрокан, вверх по реке Сакукан в 300 метрах, находится ещё одно строение из сруба, огороженное забором из колючей проволоки. Выше устья реки Бюрокан, по его руслу в 200 метрах, есть островок. На острове большие бревна в виде сколоченных саней или волокуш. Остров огорожен с двух сторон колючей проволокой. Ниже от Бюрокана по долине реки Верхний Сакукан встречаются старые развалившиеся строения из бревен и землянки. Многие строения окопаны рвом. Попадают разрушенные строения, где жили геологи, инженеры и вольнонаемные. Тут несколько строений. Выглядят они так: из жердей изготовлены остовы, которые были оббиты рубероидом или обтянуты брезентом. Много аптечных пузырьков, консервные и стеклянные банки. Стекло (банки и бутылки) 30–40-х годов изготовления. Это указано на доньшках. Тут же самодельные столы и стулья, скамейки. Ржавые котелки, много консервных банок.

Здесь находятся шесть строений (4 дома, 1 кухня с большой печью и вырытый холодильник 2*2 м и глубиной около 2х м. (крыша из бревен).

Из этого посёлка дорога поднимается вверх и направо. Там тоже видны постройки. Дорога немного не дошла до построек и закончилась. Дальше тропа. На невысоком отрожке большая постройка, вероятно, это была казарма для охраны заключённых. Пирамида для оружия на 17 стволов. Пирамида уже разломана. Под казарму вырыта большая ровная площадка. Рядом сооружение, вероятно, для собак охраны, тут же рядом сложена большая куча камней. Возле казармы два больших рулона неиспользованной колючей проволоки, обмотаны брезентом. По гребню на север ещё одно место под палатку.

Рядом, в западном направлении, сооружения для заключённых, они находятся в овраге и хорошо просматриваются с холма охраны. Овраг огорожен с четырех сторон забором из колючей проволоки 10 нитей (100*50 метров). В восточном углу располагается вольер для собак. С трёх сторон вдоль колючей проволоки натянута обычная металлическая проволока с кольцами, по ним бегали собаки. По периметру на столбах были фонари для ночного освещения, но они уже свалились на землю. Вход в заграждение с севера через неширокие ворота. Рядом с воротами тоже находится небольшое строение. Внутри зоны по периметру за 2 метра до колючей проволоки стоят таблички, где надписи уже стёрты, но там были какие-то предупреждения заключённым. На территории три строения в виде барачков, по площади небольшие, все строения удалены от южного забора. Все постройки так же сделаны в виде скелетов, которые обтягивались брезентом. От выхода из зоны, вверх по оврагу небольшая плотина длиной 5–7 м для сбора воды, наверно, для нужд заключённых или что бы зону не сильно затапливало. В июне за плотинкой небольшой пруд образуется, а сейчас, в августе он сухой. Прямо от колючей проволоки видны на северо-западе шурфы, расположенные в шахматном порядке. Небольшие ямы хорошо просматриваются светлыми пятнами среди тёмных осыпей. От колючки тропа на запад, она огибает отрог с юга. Отрог довольно крутой, тропа идёт по осыпям, набирая высоту и огибая гору. Длина тропы не менее 700 м, она подводит к штольням. На каждом повороте есть по одному строению, всего их два. Возле штолен тоже стояла палатка. Тут много инструмента: лопаты, кирки. На кирках клеймо 1949 и 1950 гг. Есть

ломы, буровые штанги. Заметили две штольни, входы в них укреплены брёвнами, но заметны раскопы в масштабах 5–15 м глубины, где выбирали породу. Камни светлые, почти белые или желтоватые.

Штольни завалились или взорваны, вернее всего, что завалились от времени. На входе нижней штольни лежат шпалы и найдены небольшие костыли для крепления рельсов. В верхней штольне шпал не видно, там листы, согнуты в виде волокуш. Вверх по отрогу тоже шурфы, деревянные вехи. Лагерь находится выше зоны леса на высоте около 2000 метров.

Описание отдельных лагерных пунктов «Гора» и «Мраморный ключ»

Отдельный лагерный пункт № 2 («Мраморный ключ») находится в верховьях реки Средний Сакукан, в 50 км от с. Чара, на северном склоне Среднесакуканского хребта в Центральном Кодаре. Из ущелья вытекает ручей Мраморный, – это правый приток реки Средний Сакукан, он длиной около пяти километров.

Почти на всю длину ущелье без леса, кроме устья ручья Мраморного. Его окружают высокие скальные стены (до 200 метров), на дне – каменные осыпи. Объект находится на высоте более 2000 метров.

Почти весь год в Мраморном ущелье лежит снег. Ущелье напоминает каменный мешок, высокие скальные стены закрывают поселок и рудник на многие часы от солнечного света. Особенно это заметно зимой, когда солнце находится низко над горизонтом.

Добраться до лагерного пункта можно по тропе, идущей по старой дороге на правом берегу реки Ср. Сакукан, тропа идет от бывшей ГМС, где удобнее всего сделать брод через реку. Выше зоны леса по склону просматривается ЛЭП без проводов. Первая постройка находится на небольшой возвышенности с левой стороны, далее идут развалины. Первые крупные постройки это сохранившиеся брусовые бараки, в которых жило начальство, охрана и т.д.; всего 4 барака. За бараками вдоль левого склона множество разрушенных небольших построек, некоторые из них в неплохом состоянии.

Выше по ущелью, с правой стороны, стоит крест, рядом с крестом на скальнике установлены две памятные доски (тексты-надписи их в полном виде даны в главе «ОПЕРАЦИЯ «ПАМЯТЬ».– А.С.). От памятных досок далее идут столбы. С левой стороны ущелья начинается сама зона, огороженная двойным забором из

колючей проволоки, на углу которой стоит вышка охраны. За вышкой еще одно небольшое строение карцерного типа, на территории зоны находились землянки и строения, но из-за камнепадов и лавин почти ничего не осталось. Выше от вышек находится еще один барак охраны.

Далее тропинка ведет на моренный вал из каменной осыпи. Там находился ОЛП № 1 (Гора), где велись горные работы. Штольни, заваленные и наполовину замерзшие, валяются вагонетки и дорожки для них, различные горные приспособления, молотки, кирки и т.д.

Описание отдельного лагерного пункта «Сосновый бор» (Синельга).

Объект находится на левом берегу реки Верхний Сакукан, на западной окраине Чарских песков. Площадь всего лагеря около 5 га.

Поселок раскинулся не на один километр. Но основная его часть находилась в 2–3-х км от оз. Таежного. Ориентиром служит пункт государственной геодезической сети (тригипункт). От тригипункта первый поворот выводит к р. Синельга. Здесь на небольшом песчаном холме, заросшем сосновым лесом, находятся старые землянки, располагающиеся вдоль склона, насчитали около 10 штук размером 3 x 3 метра. Все землянки сгоревшие, остались лишь одни столбы. Рядом с землянками очень много хозяйственной утвари: железные печки, консервные банки, тазики и посуда.

По периметру встречается сохранившийся забор из колючей проволоки, состоящий из двух ограждений. Через центр лагеря, местами тоже встречается колючая проволока от упавших заборов.

От тригипункта в сторону гор, около 100–150 метров от Чарских песков вниз, идет огражденная просека, предположительно это взлетная полоса. Ширина просеки 20 метров, с левой стороны по ходу вниз идет ограждение из колючей проволоки, с правой стороны земляной вал высотой около 1 метра.

По правую сторону от взлетной полосы находятся постройки, огороженные колючей проволокой, также много консервных старых банок от маленького размера до 3-литровых, тазики, жестяные печки и трубы к ним и разная хозяйственная утварь. Все строения сгоревшие и сгнившие, можно только определить их место нахождения и размеры по оставшимся развалинам и периметру.

Больше построек на этих участках в районе триагункта наша группа не нашла.

По данным очевидцев и архивным сведениям поселок Синельга был главной конторой всех работ, куда по автозимнику из Могочи поступали первые заключенные, продовольствие и т.д. Здесь был клуб, ресторан, аэродром, пилорама, даже были финские домики. По площади Синельга была больше, чем соседнее село Чара.

В таком духе, таком стиле сделаны и остальные описания ко-дарских лагерных объектов Ермаковского рудоуправления и Борского исправительно-трудового лагеря. Бесхитростные, с неизменными ошибками, что вполне вероятно в таких делах, но очень и очень информативные. Сужу по себе: мне очень не хватало таких исследований при подготовке «КЛЮЧА МРАМОРНОГО». И вполне понятен довольно широкий интерес, что уже проявлен к этой работе Новочарского музея. Доступ к её итогам открытый. Любопытно, что первыми среди тех, кто уже получил их в своё распоряжение, оказались нижегородские туристы-краеведы (г. Саров).

Работа новочарских молодых краеведов ещё раз убеждает нас, что операция «ПАМЯТЬ», начатая двадцать лет назад комсомольцами, продолжается, что ей не может быть конца. Хочется верить, что и третье издание «КЛЮЧА МРАМОРНОГО» вместе с двумя предыдущими (а они весьма заметно отличаются друг от друга) послужит этой же благородной цели.

Чара – БАМ, 2010

ЧТО, ГДЕ, КОГДА?

1945 20 августа

Организация Специального комитета при Совете Народных Комиссаров СССР (потом при Совете Министров СССР)

Организация Первого главного управления при Совете Народных Комиссаров СССР (потом при Совете Министров СССР)

1946 9 апреля

Первые шаги Российского федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (КБ-11, ныне РФЯЦ – ВНИИЭФ)

1947

Организация специализированной Сосновской экспедиции, открывшей первое российское месторождение урана – Ермаковское (Мраморное) на Читинском севере

1948–1952

Короткая, но яркая и поучительная урановая эпопея на Читинском севере (Кодаро-Удоканский горный район)

1948

Начало специализированных (на уран) геологоразведочных работ в Кодаро-Удоканском горном районе

Организация Лесной экспедиции Первого главного геологоразведочного управления Мингео СССР

22 февраля Постановление Совета Министров СССР о геологоразведочных работах на уран

Лето Открытие уранового Мраморного (Ермаковского) месторождения в горах Кодара

Октябрь Рудная проба с Мраморного месторождения доставлена в приёмную Л. Берия

Ноябрь Принято решение начать попутную добычу урановой руды в ключе Мраморном, не дожидаясь конечных результатов изучения этого месторождения

1949 6 января

Письмо Л. Берии И. Сталину «Об открытии нового месторождения Урана» (Мраморное в Читинской области)

14 января Проект Постановления Совета Министров СССР «О мероприятиях по обеспечению разведки и подготовки к эксплуатации вновь открытого (в Читинской области) месторождения свинца (Урана)»

15 января Первая директива Совета Министров СССР по забайкальскому урану – «Об организации геологоразведочных работ на Ермаковском месторождении свинца»

24 января Подписан приказ об организации Борского исправительно-трудового лагеря ГУЛАГа МВД СССР (Борлага) с припиской к Ермаковскому рудоуправлению (Читинскому северу)

1-е полугодие На Кодаре добыта, переработана и отправлена на Большую землю первая урановая руда

7 августа Открытие уранового месторождения в верхнем течении Сюльбана (партия Д. Шилина Мангышлакской экспедиции)

29 августа Взрыв первой советской атомной бомбы

29 октября Постановление Совета Министров СССР «О развитии атомной промышленности в 1950–1954 годах»; согласно ему Ермаковское рудоуправление должно добыть 330 тонн урана с приростом запасов его до 1100 тонн

27 декабря Организация Второго главного управления при Совете Министров СССР

1950

Широкий разворот поисковых работ на уран в горах Удокана

Открытие Читкандинского «теллурического оруденения»

4 февраля Специальный комитет при Совете Министров СССР обсуждает проект Постановления Совета Министров СССР «Об обеспечении работ Ермаковского свинцового рудоуправления» и представляет его на подпись И. Сталину

Специальный комитет при Совете Министров СССР командует на объекты Ермаковского рудоуправления специальную комиссию для проверки выполненных работ по разведке и добыче свинца и приросту запасов

14 февраля Совет Министров СССР утверждает план прироста запасов свинца по Ермаковскому рудоуправлению в объеме 220 тонн

16 февраля Специальное совещание Правительственной комиссии в Чаре

25 августа Специальный комитет при Совете Министров СССР утверждает план по добыче урана Ермаковскому рудоуправлению в объеме 3 тонны

1 сентября Организация Северной группы партий Лесной экспедиции

1951

Начало поисков на уран в верховьях Икабьи (партия № 321 Лесной экспедиции)

13 марта Совет Министров СССР утверждает план по «попутной добыче свинца в руде» Ермаковскому рудоуправлению в 1951 году в объеме 2 тонны

19 июля Рудопроявление урана обнаружено в верховьях Большой Икабьи (партия И.Ф. Гладких)

17 сентября Совет Министров СССР принял постановление о формировании Ермаковского рудоуправления с 1 октября 1951 года

3 октября Распоряжение МВД СССР о закрытии Борского лагеря

1959

Первый возврат «Сосновгеологии» к недрам Читинского севера (поиск урана)

1962

В Кодаро-Удоканском горном районе поисками урана занята Чарская партия № 133

1964

2-е полугодие Средмаш делает первую попытку вернуть уран на Читинской север (подготовка ядерного взрыва на пятой штольне Удоканского медного месторождения)

1988

2 марта Первая открытая публикация о Мраморном («Ущелье смерти») в «Комсомольце Забайкалья» (г. Чита)

1989

29 января В дискуссию о Мраморном ущелье подключается и центральная печать («Комсомольская правда»)

2004

24 января Первая публикация, поданная как сенсация о Борском ИТЛ, в «Российской газете» – «БОМБА ДЛЯ БЕРИИ» под рубрикой «Только в РФ»

2005

Первое издание книги «КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ» (Издательство «Поиск», г. Чита)

2007

Весна Иркутские геологоразведчики урана возвращаются на Читинский север («Сосновгеология»)

30 октября В музее ядерного оружия (г. Саров, Российский федеральный ядерный центр) открыта экспозиция с образцами кодарской урановой руды

2007–2009

Поисками урана в Чинейском массиве занят ВСЕГЕИ

2009

Второе издание книги «КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ» (г. Саров, РФЯЦ – ВНИИЭФ)

Первая специальная экспедиция Каларского историко-краеведческого музея по объектам Первого Забайкальского урана

ЛИТЕРАТУРА

1. АТОМНЫЙ ПРОЕКТ СССР. Документы и материалы, под общей редакцией Л. Рябева, книги первая и пятая (1945-1954 годы). Москва-Саров. 1999–2005.
2. ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ и ГОРНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ЗАБАЙКАЛЬЯ, ответственный редактор Г. Юргенсон. Новосибирск. 1999.
3. СОВЕТСКИЙ АТОМНЫЙ ПРОЕКТ. Издание Российского федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики. Саров, 2006.
4. И ВПРАВЕ МЫ СОБОЙ ГОРДИТЬСЯ. История отделения 14. Люди и факты. Коллективный сборник, г. Саров. 2006 год.
5. Владимир Губарев. БЕЛЫЙ АРХИПЕЛАГ СТАЛИНА. Москва, 2004.
6. Владимир Жарков. ЗАПИСКИ ИСПЫТАТЕЛЯ. Саров, 1997.
7. Владимир Зенченко. «МИФЫ И ФАКТЫ ОБ УРАНЕ». Краснокаменск-Иркутск, 2002.
8. ПУТЬ К УРАНУ. Воспоминания участников создания сырьевой базы Урана в Восточной Сибири (на правах рукописи). Иркутск, 1991.
9. Евгений Вагин. ПОЛИГОНЫ, ПОЛИГОНЫ.... Саров, 1999.
10. Евгений Козловский. БАМ ГЛАЗАМИ ГЕОЛОГА. Москва, 1986.
11. Григорий Шукин. РАЗВЕДЧИКИ УДОКАНА. Иркутск, 1981.
12. Александр Ивашенцов, Арнольд Розенцвит. СЕВЕРНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ – ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ БАМа. Москва, 1977.
13. Жак Росси. СПРАВОЧНИК ПО ГУЛАГУ. в двух частях. Москва, 1991.
14. Валерий Задорожный. ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ (на примере одного из районов зоны БАМа), в Сибирском географическом сборнике. Новосибирск, 1977.
15. АЛЬПИНИЗМ. Энциклопедический словарь под общей редакцией П. Захарова. Москва, 2006.
16. Борис Хоментовский и др. ПЕРСПЕКТИВЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ДОБЫЧИ УРАНА В ЗАБАЙКАЛЬЕ, в журнале «Разведка и охрана недр». Январь, 2000.
17. Михаил Заплатин. ЧАРА. Москва, 1964.
18. Юрий Штюмер. КОДАР. ЧАРА. УДОКАН. Москва, 1969.
19. Анатолий Снегур. КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ (первое и второе издания, 2005 и 2009 годы).

Ермаковское рудоуправление и Борский ИТЛ: ПЕРВЫЕ ГАЗЕТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

- 29.01.89 **КП В. Сунгоркин** «МРАМОРНОЕ УЩЕЛЬЕ»
- 10.02.89 **ЗР А. Фадеев** «ПРАВДА О МРАМОРНОМ УЩЕЛЬЕ»
- 02.03.88 **КЗ Р. Кажоров** «УЩЕЛЬЕ СМЕРТИ»
- 25.04.89 **КП В. Сунгоркин** «МРАМОРНАЯ ПЫЛЬ»
- 16.06.89 **ЗР А. Снегур** «ПРОШЛОЕ НЕ ОТПУСКАЕТ» (сокращ. вар.)
- 27.06.89 **СП А. Снегур** «ПРОШЛОЕ НЕ ОТПУСКАЕТ» (полный вар.)
- 01.07.89 **СП А. Снегур** «ПРОШЛОЕ НЕ ОТПУСКАЕТ» (окончание)
- 15.07.89 **ЗР А. Снегур** «НОВЫЕ ХОЗЯЕВА МРАМОРНОГО»
- 27.07.89 **СП А. Снегур** «ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ»
- 25.10.89 **КЗ О. Китова** «СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ»
- 28.10.89 **КП В. Горчаков** «ДОРОГА В МРАМОРНОЕ»
- 01.11.89 **КЗ О. Китова** «СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ» (окончание)
- 23.11.89 **МР А. Снегур** «ПОДДАННЫЙ СИНЕЛЬГИ»
- 25.11.89 **МР А. Снегур** «ПОДДАННЫЙ СИНЕЛЬГИ» (окончание)
- 19.01.90 **ЗР Г. Юргенсон** «ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЕЗДКИ»
- 04.09.90 **ЗР А. Снегур** «ШТУРМ МРАМОРНОГО»
- 24.09.91 **НГ В. Саяпин** «ЛАГЕРЬ В МРАМОРНОМ УЩЕЛЬЕ»
- 21.08.93 **СП В. Теремецкая** «ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК 81»
- 24.08.95 **ЗР Б. Гонгальский** «МАРШРУТЫ В ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ»
- 25.04.96 **СП А. Снегур** «ВТОРАЯ МРАМОРНАЯ ВОЛНА»
- 28.09.96 **ЗР А. Снегур** «СТАНЕТ ЛИ ЛАГЕРЬ ПАМЯТНИКОМ?»
- 18.03.98 **ЗР А. Снегур** «ПРОГРАММА «ПАМЯТЬ»
- 04.07.98 **ЗР А. Снегур** «УРАНОВЫЕ ТРОПЫ»
- 06.10.98 **ЗР А. Снегур** «ТАЙНА УГАРГАССЫ»
- 10.10.98 **ЗР А. Снегур** «МРАМОРНОМУ ПЯТЬДЕСЯТ»
- 19.12.98 **ЗР А. Снегур** «ТАЙНА УГАРГАССЫ» (окончание)
- 12.06.99 **ЗР А. Снегур** «ВОТЧИНА ГУЛАГа»
- 13.05.00 **ЗР А. Снегур** «ТАЙНА КОДАРСКОГО АТОМА»
- 19.05.01 **ЗР А. Снегур** «СКАЗ ОБ УРАНЕ КАЛАРСКОМ»

Примечание:

КЗ – «Комсомолец Забайкалья»
 КП – «Комсомольская правда»
 ЗР – «Забайкальский рабочий»

СП – «Северная правда»
 МР – «Могочинский рабочий»
 НГ – «Народная газета»

ОБ АВТОРЕ

С 1966 года, по велению Могочинского райкома КПСС (Читинская область), автор, Анатолий Емельянович Снегур, занимается журналистикой. Был корреспондентом и редактором газеты «Могочинский рабочий», с 1975 года по партийной путёвке на БАМе. Работал редактором газеты «Северная правда» (с. Чара, Каларский район Читинской области). С 1980 года – собственный корреспондент читинской областной газеты «Забайкальский рабочий» по БАМу.

За участие в строительстве Байкало-Амурской магистрали и освоение Читинского севера удостоен ряда государственных наград. Заслуженный работник культуры Читинской области, заслуженный работник культуры Российской Федерации. В творческом конкурсе 2003 года стал лучшим собственным корреспондентом России, удостоен «Золотого гонга» – высшей награды среди пишущих журналистов. В 2007 году награждён медалью «За заслуги перед Читинской областью», в 2008 году ему присвоено звание «Почётный гражданин Каларского района».

А.Е. Снегур – автор ряда книг, посвящённых БАМу и освоению Севера, в том числе таких, как «География Каларского района», «Ключ Мраморный. Хроника первого забайкальского урана» (два издания – 2005 и 2009 годы), «Золотое звено», «Кодар: на изломе судьбы», «Золотая стыковка» и других.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ	3
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ	
КАК РОЖДАЛИСЬ ЭТИ СТРОКИ?	4
РАЙОН ОСОБОГО ЗНАЧЕНИЯ	18
ОТКРЫТИЕ ТЕМЫ	24
ПРИОРИТЕТ «КОМСОМОЛЬЦА ЗАБАЙКАЛЬЯ»	24
ПОЗИЦИЯ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»	25
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ	
АЛБИТ! БЫСТРЕЕ И БОЛЬШЕ!	28
КТО ЕСТЬ КТО?	28
ИСХОДНЫЕ РУБЕЖИ	29
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ПОИСК	31
КОДАРСКОЕ НАЧАЛО	33
ПИСЬМО А.П. БЕРИЯ И.В. СТАЛИНУ	34
ПЕРВОЕ СОВМИНОВСКОЕ	36
КАДРЫ РЕШАЛИ ВСЁ	39
МОСКВА БЫЛА РЯДОМ	47
АДРЕСА: ЧАРА, КОДАР, МРАМОРНОЕ, СЮЛЬБАН, УДОКАН И Т.Д.	48
ЧЕЛЯБИНС К-40	53
ВОТЧИНА ГУЛАГА	56
УРАНОВЫЕ ТРОПЫ: ПОЧЕМУ ЧИТИНСКИЙ СЕВЕР?	65
ЛЕСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ	71
СУДЬБА ЕЛИЗАВЕТЫ ИВАНОВНЫ	76
ЗНАМЕНИТАЯ «СОСНОВГЕОЛОГИЯ» ОНИ ШЛИ ПЕРВЫМИ	78
ВОЗВРАЩЕНИЕ	85
К 60-ЛЕТИЮ СОСНОВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПЕРВЫЙ ПОИСК	86
МАРШРУТЫ ВСЕГЕЙ	90
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ	90
СЕКРЕТ ДОВЕРИЛИ ОПЫТНЕЙШИМ	92
СЕКРЕТЫ ЧИНЫ	93
СЮЛЬБАН	95
ЧИТКАНДА	100
ИКАБЬЯ, ГОД 1952-Й	106
ТЯЖЁЛЫЙ МЕТАЛЛ	110
СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ	111
ИЗ ДНЕВНИКОВ ВЕТЕРАНА ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ГЕОЛОГОРАЗВЕДКИ	
ВЛАДИМИРА ПАВЛЫКА: МЕЧТА ПО ИМЕНИ НИЧАТКА	112
ПЕРВЫЙ АВТОЗИМНИК	114
ПЕРЕВАЛ	118
РАДИ ЧЕГО?	118
КОМУ ДОВЕРЯЮТ?	120
ШТУРМ	123
ХОЛБОЛОК	133
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ	
«СВИНЦОВОЕ» РУДОУПРАВЛЕНИЕ	138
ПО ОСОБОМУ ПРИЗЫВУ	138
ОЛП № 10	140
ПОДДАННЫЙ СИНЕЛЬГИ	144
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ	151
В РИТМЕ СТАЛИНСКИХ ПЯТИЛЕТОК	157
ТЕМПЫ	161
ЭэКа-КУЛЬТУРА	164
РЕЖИМ: КАКИМ ОН БЫЛ?	166
СИНЕЛЬГА, ВИТИМ, ПЕСКИ	169
РАЗНОГОЛОСЬЕ	177
МРАМОРНОЕ ДЛЯ ГЕОРГИЯ ЖЖЁНОВА	186

ОТСТУПЛЕНИЕ	
Хроника 1950 года	188
Хроника 1951 года	190
МЕСТО ГОРЫ ШЕРЛОВОЙ	200
УГАРГАССА	204
ЗАРЯД ДЛЯ УДОКАНА	209
РАЗДЕЛ ЧЕТВЁРТЫЙ	
ОПЕРАЦИЯ «ПАМЯТЬ»	233
С КОМСОМОЛЬСКИМ ЗАМАХОМ	233
ПРИМЕР ПОДАЁТ САРОВ	240
ОТКРЫТИЕ ГОДА	249
ОЧЕНЬ НУЖНАЯ ОШИБКА	251
«5 АВГУСТА 2009 ЭКСПЕДИЦИЯ «КОДАР-2009»	253
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «КЛЮЧА МРАМОРНОГО»	254
ПОИСК МОЛОДЫХ	255
ЧТО, ГДЕ, КОГДА?	265
ЛИТЕРАТУРА	268
ПЕРВЫЕ ГАЗЕТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ	269
ОБ АВТОРЕ	270

Анатолий Снегур

КЛЮЧ МРАМОРНЫЙ

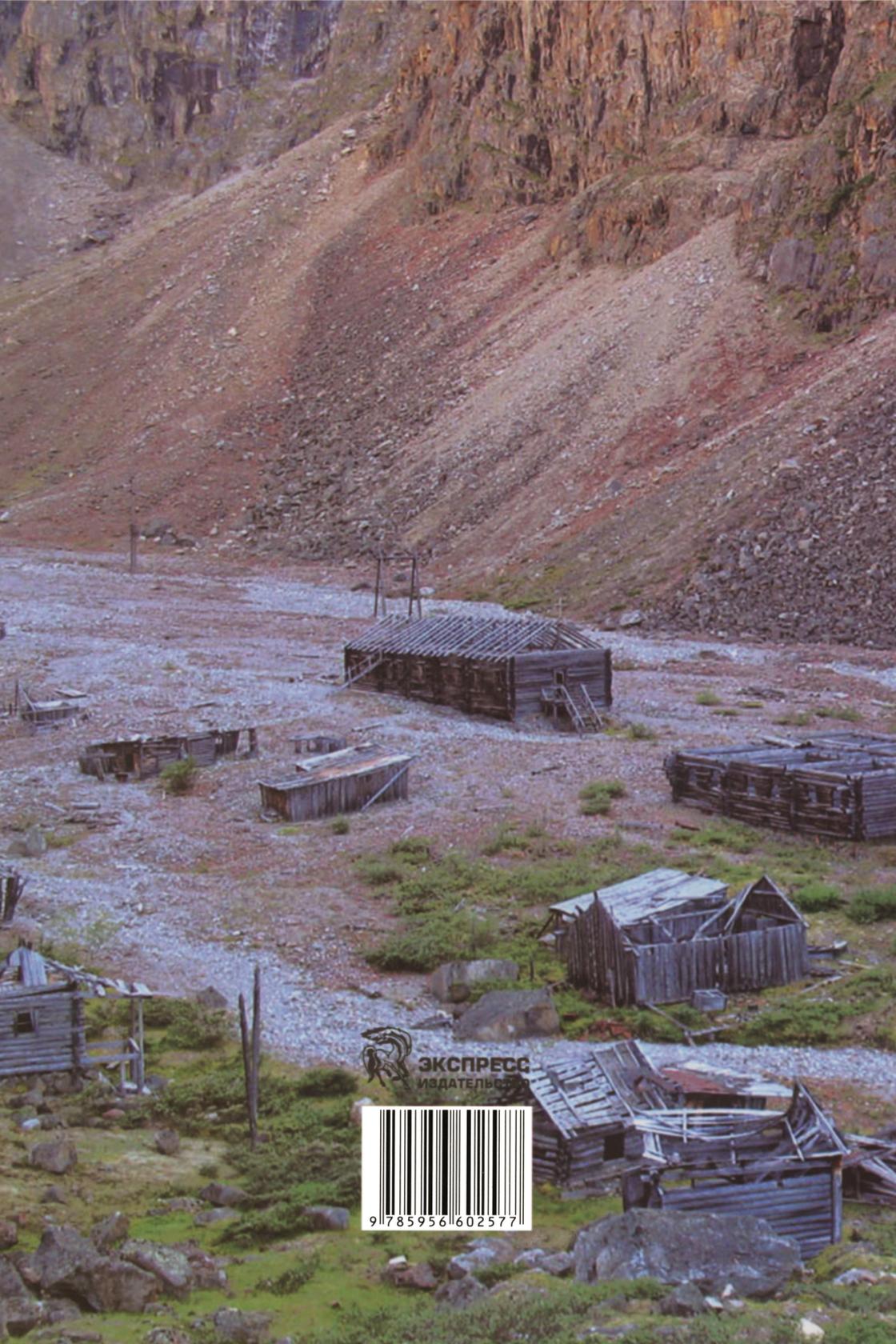
(Хроника Первого Забайкальского Урана)

*Третье издание, дополненное и переработанное
в соответствии с пожеланиями
и предложениями читателей*

Компьютерная верстка *Н. Юнжакова*
Корректор *Н. Орлова*

Формат 70x100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Bookman Old Style.
Подписано в печать 20.09. 2010.
Тираж 500 экз. Заказ № 415.

Отпечатано в ООО «Экспресс-издательство»,
672000, г. Чита, ул. Полины Осипенко, 25.
Тел.: (302-2) 26-02-47, 26-07-58, 32-25-67, факс: 26-02-65,
www.chitabook.ru
www.baikalbook.ru

ЭКСПРЕСС
ИЗДАТЕЛЬСТВО

9 785956 602577